

**Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологии и дизайна
Кафедра истории и теории искусств
Государственный музей городской скульптуры
Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи
Санкт-Петербургское военно-историческое общество
Дом молодёжи «Форт» Выборгского района Санкт-Петербурга**

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО КОСТЮМА: ОТ ДРЕВНЕГО МИРА ДО НАШИХ ДНЕЙ

**Материалы
Международной военно-исторической конференции**

19 ноября 2015 г.

Санкт-Петербург

2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Научное издание

*Печатается по решению Оргкомитета конференции
в соответствии с условиями созыва
«Международной военно-исторической конференции
“История военного костюма: от древнего мира до наших дней”»*

История военного костюма: от древнего мира до наших дней.
Материалы Международной военно-исторической конференции
/ Под ред. А. В. Арановича, Д. Ю. Алексева. Санкт-Петербург,
19 ноября 2015 г. Сб. научных статей. — СПб.: СПбГУПТД,
2016. — 414 с.

ISBN 978-5-7937-1371-9

Конференция «История военного костюма: от древнего мира до наших дней» посвящена различным аспектам истории военного костюма. Участники конференции из России, Ближнего и дальнего зарубежья рассматривают в своих докладах проблемы, связанные с разными типами защитного вооружения и униформы, а также вопросы влияния военного костюма на различные сферы жизни государства и общества.

На обложке:
*Юбилейный знак лейб-гвардии
Кексгольмского Императора Австрийского полка.
Из собрания ВИМАИВиВС*

ISBN 978-5-7937-1371-9

© СПбГУПТД, 2016
© Коллектив авторов, 2016

УДК 94 (47).01
ББК 63.3 (2) 523

В. А. Горнчаровский

ЭКИПИРОВКА И ВООРУЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ГЛАДИАТОРСКИХ БОЕВ НА БОСПОРЕ¹

Во времена Римской империи гладиаторские игры устраивались везде, куда распространялись ее власть или влияние и куда ступала нога римского солдата. Довелось познакомиться с этими кровавыми развлечениями и жителям Пантикапея, столицы Боспорского царства. Это небольшое государство на берегах Боспора Киммерийского, как именовался в древности Керченский пролив, насчитывало к тому времени уже почти пятивековую историю. После смерти великого противника Рима, Митридата VI Евпатора (113–63 гг. до н. э.), ему пришлось постепенно склониться перед римским могуществом. Укрепление контактов Боспора с Римом при царе Аспурге (10–38 гг. н. э.), который был послушным исполнителем воли императоров, привело к появлению в титулатуре боспорских правителей такого элемента, как *φιλόκαταρ* («друг цезаря»). По-видимому, это сопровождалось дарованием ему и его потомству звания и привилегий римского гражданина. Римско-боспорские отношения строились теперь на основе договора о дружбе (*amicitia*), который при вступлении на престол нового царя подразумевал подтверждение его полномочий. Последней попыткой избавиться от этой зависимости стала Боспорская война (45–49 гг. н. э.), которую непокорный Митридат VIII, наследник великого имени, вел против Рима и своего младшего брата Котиса, выступившего в роли претендента на трон.

Видимо, долгое пребывание на Боспоре в этот период воинского контингента под командованием Юлия Аквилы и подчеркнутое романофильство нового царя способствовали введению в столице нового вида зрелищ. Сцены, связанные с ними, изображены на стенах большого пантикапейского склепа, раскопанного в 1841 г. директором

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15–31–10151а (ц) «Российские археологи XIX — начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора».

керченского музея древностей Антоном Ашиком. Он находился на северном склоне горы Митридат под насыпью в форме уплощенного кургана высотой около 3 м и представлял собой двухкамерную гробницу с торжественной фресковой росписью. По ряду деталей своего декора это погребальное сооружение датируется третьей четвертью I в. н. э.² По-видимому, оно было местом царского захоронения, вполне возможно, упомянутого Котиса I (45–68 гг. н. э.). Во всяком случае, сюжеты для фресок соответствуют высокому социальному статусу погребенного: пышная похоронная процессия, сцена загробной трапезы, победоносное конное сражение и данные в память об умершем гладиаторские игры³.

Едва ли в Пантикапее существовал специальный амфитеатр для проведения гладиаторских боев. Очевидно, как и во многих провинциальных греческих городах на территории империи⁴, представления устраивались в местном, слегка переоборудованном театре.

Какой же рисуется картина их проведения на основании изучения фресок склепа 1841 г.? Судя по последовательности сюжетов, всё начиналось с истребления диких зверей пешими и конными венаторами («охотниками») с преобладанием последних. Предпочтение, отданное «охоте» с коня, видимо, объясняется её соответствием реалиям жизни людей того времени, тесно связанной со степными районами Восточного Крыма и Прикубанья. Это зрелище явно находило больший отклик среди населения столицы царства, в то время как в Риме травля зверей конными венаторами проводилась редко и выглядела достаточно экзотично⁵.

В росписях первой камеры склепа мы видим четырех всадников эллинского облика, которые одеты в длинный, до колен, хитон с короткими рукавами, перетянутый поясом; на ногах крепиды — типично греческая обувь из перекрещивающихся ремешков на толстой подошве, обычно подбитой гвоздями. В таком своего рода сценическом костюме можно видеть стремление выделить заранее заявленных

² Горончаровский В. А. «Охотники» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. и гладиаторские игры на Боспоре // Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2013. С. 72–84.

³ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб. 1913. С. 346–375. Табл. LVXXXIX–XCI.

⁴ Рим: эхо имперской славы. М., 1997. С. 102; Grant M. Gladiators. New York, 1995. P. 88.

⁵ Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005. С. 27.

участников игр в сравнении с массой зрителей. Если судить по фрескам склепов и рельефам надгробных стел первых веков нашей эры, обычными для боспорцев элементами одежды и обуви были плотно облегающие ноги штаны и короткие полусапожки.

В нижнем ярусе правой боковой стены представлены три всадника (рис. 1, 2). Это вооруженные копьями юноши, каждый из которых поражает какого-либо зверя. Двое крайних, сражающиеся со львицей⁶ и волком⁷, держат копьа двумя руками и обращены к центру композиции, где находится фигура «охотника», воткнувшего правой рукой копьа в спину убегающего самца лани (средний рост в холке до 105 см, вес до 110 кг)⁸. Длина копий, если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны, должна была составлять около 2,5 м. Интересно отметить, что копьа именно такой длины с прочным древком в более поздние времена рекомендовалось для конной охоты на крупного зверя⁹.

Четвертый подобный персонаж изображен в нижнем ярусе задней стены первой камеры, справа от арочного прохода. Он двумя руками вонзает копьа в горло мчащейся ему навстречу самки лани (рис. 3)¹⁰. По другую сторону прохода — скачущий всадник, одетый иным образом: на нем развевающийся плащ и плотно облегающие ноги штаны, заправленные в короткие полусапожки. Он бросил поводья у основания шеи лошади, так как его руки заняты мощным луком «гуннского» типа¹¹, стрелой из которого он готов сразить поднявшегося на задние

⁶ Ранее автор вслед за М. И. Ростовцевым считал этого зверя медведем, но его поза, пропорции и длина хвоста свидетельствуют в пользу того, что это именно львица (средняя длина тела до 150 см, хвоста до 70 см).

⁷ В данном случае атрибуцию М. И. Ростовцева (кабан) также нельзя принять с учетом пропорций тела животного и того, как оно нападает. Обращает на себя внимание позиция всадника, несколько склонившегося вниз и в сторону, чтобы нанести решающий удар. При росте волка в холке до 90 см это вполне оправданно.

⁸ Определяющим признаком служит характерная лопатообразная форма рогов.

⁹ Блэкмор Г. Охотничье оружие от средних веков до двадцатого столетия. М., 2006. С. 136.

¹⁰ М. И. Ростовцев почему-то, несмотря на наличие копыт, считал это животное пантерой: Ростовцев М. И. Ук. соч. С. 354.

¹¹ Такой сложносоставной лук с костяными накладками, появление которого на Боспоре, несомненно, следует связывать с сарматами, позволял поражать цель со значительного расстояния: Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2009. С. 190–192; Каминский В. Н. О конструкции лука и стрел северокавказских

лапы хищника¹². Судя по удлинённым пропорциям тела, маленькой заостренной голове, гибкому хвосту с небольшим расширением на конце и пятнам на шкуре, это гепард. Он показан наносящим удары передними лапами, что, судя по наблюдениям охотников, является обычной реакцией рассвирепевшего раненого зверя¹³.

Единственный пеший венатор в виде вооруженного трезубцем полуобнаженного человека, противостоящего леопарду, изображен на входной стене второй камеры склепа (рис. 4). Почти аналогичные изображения пеших «охотников» присутствуют на ажурных рельефах двух деревянных боспорских саркофагов конца I — начала II в. н. э, где против льва выступает в одном случае одетый в длинный хитон персонаж с трезубцем (рис. 5.1), в другом — полуобнаженный человек с копьем (рис. 5.2)¹⁴. Оружие венатора на фреске 1841 г. имеет необычную V-образную форму металлической части с тремя остриями. Аналогичный предмет охотничьего вооружения, но с двумя остриями, мы видим на мозаике IV в. н. э. из виллы в Пьяцца-Армерина на Сицилии¹⁵.

Хотя нет ни одного изображения, где трезубцы присутствовали бы в руках профессиональных римских венаторов, возможно, они действительно использовались на Боспоре против крупного зверя. Об этом говорит одна весьма существенная деталь: и на фреске 1841 г., и на саркофаге 1900 г. на некотором расстоянии от расходящихся заостренных концов трезубца имеется выгнутая наружу перекладина. В изображенном на римских мозаиках оружии типа рогатины¹⁶ она должна была удерживать раненого зверя на определенной дистанции, иначе он, наваливаясь, мог бы достать венатора лапой. Древко трезубца на рисунке, воспроизводящем эту часть росписи склепа 1841 г., приходится на его угол и, возможно, показано в слегка укороченном виде. Скорее всего, судя по рельефу саркофага 1883 г., трезубец, как и представленное там копьё, мог иметь заостренный вток для упора в землю (рис. 6).

С проводившимися на Боспоре гладиаторскими играми связаны и расположенные по соседству изображения трех поединков пеших

аланов // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 49; *Rausing G. The Bow. Some notes on its Origin and Development.* Lund, 1967. P. 69.

¹² *Ростовцев М. И.* Ук. соч. Табл. LXXXIX, 2.

¹³ *Кашкаров Д. Н.* Дикие животные Туркестана. Ташкент, 1931. С. 202.

¹⁴ *Ростовцев М. И.* Ук. соч. С. 266 и сл.; 15. Табл. 39, 2; 42, 1.

¹⁵ *Сидорова Н. А.* Новые открытия в области античного искусства. М., 1965. С. 201.

¹⁶ *Сидорова Н. А., Чубова А. П.* Искусство Римской Африки. М., 1979. С. 206. Илл. 107.

бойцов¹⁷. В частности, на входной стене второй камеры склепа представлена пара противостоящих друг другу гладиаторов, практически одинаково одетых и вооруженных (рис. 7). Из одежды на них только набедренная повязка-сублигакул синего цвета¹⁸, представлявшая собой кусок ткани в виде равнобедренного треугольника, два конца которого завязывали спереди узлом, а потом через него перебрасывали оставшийся конец, пропущенный между ног. Надевавшийся поверх повязки пояс в данном случае отсутствует. Возможно, эта деталь просто была опущена боспорским живописцем. Обувь обоих бойцов художник, копировавший фрески для А. Б. Ашика, изобразил как сандалии с ремешками, обвивающими голени. Они не характерны для Боспора, но в том, что это не фантазия копииста, убеждает сцена с гладиаторами на мозаике конца II в. н. э. из Злитена (Ливия)¹⁹.

Головы боспорских героев арены защищены достаточно условно изображенными высокими коническими шлемами, при этом тот, что справа, дополнен небольшим трехчастным навершием. Последняя деталь, быть может, являлась своего рода этнической эмблемой, поскольку такое же навершие можно видеть на шлемах противников боспорцев в сцене конного боя из того же склепа (рис. 8)²⁰.

Реальные прототипы таких элементов защитного вооружения, распространенные в сарматской среде, имели характерную для этой области античного мира каркасную основу, на которой крепились вертикальные металлические полосы. В частности, шлемы, относящиеся к типу конических, представлены несколькими хорошо сохранившимися экземплярами II — начала III в. н. э. из дружинных сарматских погребений у хутора Городского близ восточных границ Боспора (рис. 9)²¹. Основу первого варианта таких шлемов составляют перекрещенные внахлест и склепанные железные пластины, второго — четыре сужающихся кверху железные полосы шириной в основании около 7 см (каждая скреплена двумя заклепками с горизонтальной полосой высотой 17 см). В последнем случае их увенчивает слегка заостренное вытянутое навершие, а с боковых сторон у края наклепаны

¹⁷ *Ростовцев М. И.* Ук. соч. С. 356–358.

¹⁸ Данные о цвете этой детали росписи склепа приводятся на основании раскрашенного от руки рисунка А. М. Стефанского: *Ростовцев М. И.* Ук. соч. С. 349.

¹⁹ *Носов.* Гладиаторы. С. 80.

²⁰ *Ростовцев М. И.* Ук. соч. Табл. LXXXVIII, 2.

²¹ *Сазонов А. А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 248 сл. Рис. 9, 5; 11, 4; 15, 1.

специальные пластины-обоймы для крепления нащечников или подбородочных ремней (рис. 10).

У гладиатора слева от входа в правой руке кинжал, в другой — небольшой, слегка выгнутый щит прямоугольной формы с ромбическим умбоном в центре и полосой обивки по краю. У соперника кинжал и щит размещены в зеркальном порядке, что можно объяснить только стремлением древнего живописца добиться абсолютной симметрии в изображении двух человеческих фигур относительно входа²².

Имеющийся в данном случае комплект легкого вооружения без дополнительных средств защиты не соответствует полностью ни одному из известных типов гладиаторской экипировки. Некоторую близость, имея в виду укороченный прямоугольный щит и кинжал, можно усмотреть только с вооружением «фракийцев». Для гладиаторов этого типа характерны кривой кинжал (сика), шлем с загнутым вперед гребнем, наруч (маника), небольшой прямоугольный щит и высокие поножи. Это наблюдение подтверждается сделанными, за исключением ряда деталей, по одному и тому же трафарету сценами еще двух поединков (рис. 11, 12), находившимися на верхнем ярусе продольных стен второй камеры. В данном случае их участники изображены в шлемах с назатыльником и загнутым вперед гребнем (рис. 13). Единственное отличие в отношении — отсутствие обуви у одного из участников поединка в сцене, непосредственно примыкавшей к входной стене. Возможно, он же, ставший победителем, изображен в центре левой боковой стены склепа готовящимся снова выйти на арену, где в интерколумнии справа от него находится вторая сцена боя двух «фракийцев». Правда, оружие у него уже другое — трезубец со втоком в виде заостренного наконечника. Он отличается от устоявшегося к этому времени римского типа легковооруженного ретиария, с одной стороны — наличием «фракийского» шлема, с другой — отсутствием маники и наплечника (галера) на левой руке, сети, короткого кинжала и обмоток (фасций) на ногах. В левом интерколумнии готовят к схватке еще одного персонажа в коническом шлеме и сублигакуле. Отдельно в углу изображен щит с ажурным орнаментом на внешней поверхности. Не исключено, что это победитель в сражении, запечатленном на входной стене камеры, который также ждет своей очереди.

Что же является общей чертой всех рассмотренных типов боспорских гладиаторов? Безусловно, их почти полная незащищенность. По-

²² Ростовцев М. И. Ук. соч. С. 356.

нятно, что в условиях ближнего боя без забрала на шлеме, маники на руке и других деталей традиционной гладиаторской экипировки поединок становился слишком кровавым и скоротечным. Скорее всего, мы видим здесь так называемых грегариев, набравшихся из обреченных на смерть военнопленных и преступников, жизнь которых абсолютно не ценилась²³. Именно о них Сенека (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) писал: «Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну... Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти»²⁴.

Такая ситуация вполне понятна при отсутствии на Боспоре собственной гладиаторской школы, а приглашение профессионалов издалека было слишком дорогим удовольствием. Впрочем, вряд ли возможно исключить присутствие на пантикапейской арене небольшого числа местных любителей, готовых продемонстрировать свое воинское мастерство за деньги. Подобную ситуацию описал в своей новелле «Токсарид, или Дружба» известный греческий писатель II в. н. э. Лукиан Самосатский. В ней рассказывается о двух друзьях родом из Скифии — Токсариде и Сисинне, оказавшихся по воле случая в городе Амастрии на южном берегу Черного моря. Там они узнали о готовившемся представлении с участием нанятых за плату гладиаторов. Когда наступил назначенный день, они отправились в местный театр, где «глашатай, выведя весьма рослого юношу, объявил, чтобы всякий желающий сразиться с ним один на один выходил на середину, — за это он получит десять тысяч драхм — плату за бой. При этих словах Сисинн вскочил и, сбежав на арену, изъявил желание сразиться и потребовал оружие»²⁵. Представляется, что такой сценарий был обычным для многих периферийных греческих центров.

В этой связи обращает на себя внимание изображение двух устремляющихся навстречу друг другу конных воинов на самой дальней, торцовой, стене второй камеры склепа. Наличие по крайней мере у одного из них дополнительного защитного вооружения, а также обычных для этого времени штанов и полусапожек, вполне возможно, подчеркивает их статус свободных людей²⁶. Слева скачет облаченный

²³ Носов. Гладиаторы. С. 147, 175.

²⁴ Sen. Ep. mor. ad Luc. VII. 3–4.

²⁵ Luc. Tox. 59–60.

²⁶ Таким же образом можно предположить свободный статус ранее упоминавшегося персонажа с задней стены первой камеры склепа — всадника с луком «гуннского» типа, выступающего против гепарда.

в короткий панцирь без рукавов всадник в уже знакомом нам шлеме с гребнем и назатыльником и с копьем в правой руке. Справа, видимо, выходец из кочевой среды — он без доспеха, с головным убором, напоминающим кожаный башлык, и луком «гуннского» типа (рис. 14). Здесь следует отметить характерное для многих традиционных пар римских гладиаторов стремление уравнивать шансы противников. Один из них, подвергаясь опасности со стороны стрелка из дальнобойного лука, имеет панцирь, другой, если бы не смог использовать свое преимущество, в случае ближнего боя был фактически обречен на поражение.

В целом, имевшая определенную специфику практика организации гладиаторских игр в Боспорском царстве не получила здесь широкого распространения. Даже подражающие италийским глиняные светильники местного производства с изображением гладиатора-«фракийца»²⁷, как и упомянутые резные украшения деревянных саркофагов со сценами «венацио», совершенно выходят из моды уже в начале II в. н. э.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-31-10162а(ц)

Список литературы

- Блэкмор, Говард. Охотничье оружие от средних веков до двадцатого столетия. М.: Центрполиграф, 2006. 432 с.
- Вальдгауэр, Оскар Фердинандович. Античные глиняные светильники. СПб.: Тип. Голике и Вильборг, 1914. VIII + 68 с.
- Виноградов, Юрий Алексеевич, Горончаровский, Владимир Анатольевич. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. — середина III в. н.э.). СПб.: Изд-во Филологического фак-та СПбГУ, 2009. 350 с.
- Горончаровский, Владимир Анатольевич. «Охотники» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. и гладиаторские игры на Боспоре // Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 72–84.
- Каминский, Владимир Николаевич. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 48–51.
- Кашкаров, Даниил Николаевич. Дикие животные Туркестана. Ташкент: УзГИЗ, 1931. 448 с.
- Носов, Константин Сергеевич. Гладиаторы. СПб.: Атлант, 2005. 200 с.
- Рим: эхо имперской славы. М.: Терра, 1997. 168 с.

²⁷ Вальдгауэр О. Ф. Античные глиняные светильники. СПб., 1914. С. 12, 37.

- Ростовцев, Михаил Иванович. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1913–1914. XVIII + 537 с.
- Сазонов, Александр Алексеевич. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгея, 1992. С. 244–274.
- Сидорова, Наталья Алексеевна. Новые открытия в области античного искусства. М.: Искусство, 1965. 208 с.
- Сидорова, Наталья Алексеевна, Чубова, Анна Петровна. Искусство Римской Африки. М.: Искусство, 1979. 223 с.
- Grant, Michael. Gladiators. New York: Barnes and Noble Inc., 1995. 128 p.
- Rausing, Gad. The Bow. Some notes on its Origin and Development. Lund: CWK Gleerups Forlag, 1967. 189 p.

References

- Blackmore, Howard, *Okhotnich'ye oruzhie ot srednikh vekov do dvadtsatogo stoletiya [Hunting weapons from the Middle Ages to the Twentieth Century]*, Moscow 2006.
- Goroncharovskiy, Vladimir Anatolievich, "Okhotniki" v rospisi pantikapeiskogo sklepa 1841 g. i gladiatorskie igry na Bospore ["Hunters" in the paintings of the tomb discovered in Panticapeum in 1841 and the gladiatorial games in the Bosporus in the 1st century AD], in Fiditya: Pamiati Juria Viktorovicha Andreeva [Fiditya: For memory of Yuriy Viktorovich Andreev], St. Petersburg 2013. P. 72–84.
- Grant, Michael. *Gladiators*, New York 1995.
- Kaminskiy, Vladimir Nikolaevich, *O konstruktsii luka i strel severokavkazskikh alanov [About construction of bow and arrows of North Caucasian Alans]*, in: *Kratkie soobzhenia Instituta arheologii* [Short news of the Institute of Archaeology], 1982, issue 170, 48–51.
- Kashkarov, Daniil Nikolaevich, *Dikie zhivotnye Turkestana [Wild animals of Turkestan]*, Tashkent 1931.
- Nosov, Konstantin Sergeevich, *Gladiatory [Gladiators]*, St. Petersburg 2005.
- Rim: ekho imperskoy slavy [Rome: echo of imperial glory], Moscow 1997.
- Rostovtsev, Mihail Ivanovich, *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na juge Rossii [Classical decorative painting on the South of Russia]*, St. Petersburg, 1913–1914.
- Sazonov, Aleksandr Alekseevich, *Mogil'nik pervykh vekov nashei ery bliz khutora Gorodskogo [Cemetery of the first centuries AD near farm Gorodskoy]*, in: *Voprosy arheologii Aдыгеи* [Questions of archaeology of Adygea], Maikop 1992, 244–274.
- Sidorova, Natalia Alekseevna, *Novye otkrytiya v oblasti antichnogo iskusstva [New discoveries in the sphere of Classical Art]*, Moscow 1965.
- Sidorova, Natalia Alekseevna, Chubova, Anna Petrovna, *Iskusstvo Rimskoy Afriki [Art of Roman Africa]*, Moscow 1979.
- Rausing, Gad, *The Bow. Some notes on its Origin and Development*, Lund 1967.
- Valdgauer, Oscar Ferdinandovich, *Antichnye glinyanye svetil'niki [Classical clay lamps]*, St. Petersburg 1914.
- Vinogradov, Yuriy Alekseevich, Goroncharovskiy, Vladimir Anatolievich, *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmerijskogo (VI v. do n.e. — sredina III v. n.e.) [Military History and Warfare of the Cimmerian Bosporus (the 6th century BC — the mid of 3rd century AD)]*, St. Petersburg 2009.

В. Ю. Соболев

НАБОРНЫЕ ПОЯСА В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ XI–XII ВВ.

Традиция украшения кожаных ремней металлическими накладками распространена на огромных пространствах Евразии, существуя от Китая до Испании на протяжении уже нескольких тысяч лет. По всей видимости, она берет свое начало в кочевнической среде Южной Сибири и Монголии и, распространяясь на запад и попадая в среду оседлых народов, в большей или меньшей степени усваивается материальной культурой почти всех европейских народов.

Исторические, технологические, общекультурные изменения, протекавшие на той или иной территории или в той или иной культурно-исторической общности, вели к смене используемого материала, размеров, техники изготовления, иконографии ременных украшений, но не затрагивали саму традицию украшения кожаных поясных и упряжных ремней¹ металлическими бляшками-накладками.

Объектом изучения находки деталей ременной гарнитуры, происходящие с древнерусской и сопредельных территорий, стали уже в начале XX в.² Проводились исследования, посвящавшиеся поясным и упряжным накладкам из отдельных погребений³, могильников⁴

¹ Многие исследователи отмечали трудность разделения бляшек на поясные и сбруйные.

² Arne T. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.

³ См., например, Успенская А. В. Погребение купца на древнем Селигерском пути // Средневековая Русь. М., 1976; Еришевский Б. Д., Конецкий В. Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 61–64; Фоянков Д. И. Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // КСИА. Вып. 187. М., 1986. С. 62–65; Зайцева И. Е. Наборный пояс из могильника Минино II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999.

⁴ См., например, Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М., 1963. С. 64–70; Зайцева И. Е. Пояса могильника Минино // РА. №4. 2005; Зайцева И. Е. Поясные наборы из могильника Шекшово в Суздальском Ополе // КСИА.

или поселенческих памятников, отдельных территорий⁵, вариантам их реконструкции⁶.

В 2000 г. В. В. Мурашевой были изданы результаты многолетнего комплексного источниковедческого исследования древнерусских поясных и уздечных украшений, охватившего широкий круг проблем от технологии их изготовления до роли драгоценных воинских украшений в знаковой системе Средневековой Руси⁷. Исследовательница выделила пять «школ», отличавшихся хронологией и центрами производства ременных украшений Восточной Европы, основная масса проанализированного материала относится к концу IX — началу XI вв. Ременная гарнитура XI–XIII вв. оказалась значительно более редкой, что связывается с общим изменением облика материальной культуры и христианизацией населения⁸.

В тоже время важно отметить, что Новгородская земля по динамике распространения ременных и упряжных накладок разительно отличается от других древнерусских территорий. X век — время наибольшего распространения поясных и сбруйных накладок как в южнорусских землях, так и в Северо-Восточной Руси — представлен на Северо-Западе лишь редкими единичными находками. Мода на ношение украшенных металлическими бляшками наборных поясов распространяется вместе с распространением обряда ингумации, то есть вместе с христианизацией населения Новгородской земли.

Прежде, чем перейти к рассмотрению археологических материалов, кажется целесообразным дать краткую характеристику иным имеющимся в распоряжении исследователей источникам.

Вып. 236. М., 2014. С. 161–165; Данич А. В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. Вып. 1 (3). Казань, 2013.

⁵ См., например, Кенько П. М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.). Свод археологических источников. Минск, 2012.

⁶ Например, Соболев В. Ю., Торопов С. Е. Находка древнерусского наборного пояса в Ильменском Поозерье // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. II. С. 350–360; Терещенко О. В. Набірний пояс з 42-го кургану Шестовицького некрополя: варіант реконструкції // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). Київ — Чернігів, 2012. С. 298–306.

⁷ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

⁸ Мурашева В. В. Указ. соч. С. 92–94.

Сохранившиеся памятники древнерусского изобразительного искусства — фреска, икона, книжная миниатюра — немногочисленны и специфичны. Пожалуй, наиболее информативное изображение пояса в составе костюма можно видеть на одной из миниатюр Изборника 1073 г., где изображены сам князь Святослав и его семья⁹. Считается весьма вероятным, что рисовавший миниатюру придал князю и его родне портретное сходство и, по всей видимости, точно передал детали костюма русской знати последней четверти XI столетия. Сам князь изображен в застегнутом на правом плече плаще, скрывающем другие детали его одежды, но пояса отчетливо прорисованы у двоих из его сыновей — Глеба и младшего Ярослава. Пояса изображены в виде золотых лент и, что особенно важно, с вертикальными ремешками, на концах которых, как кажется, видны небольшие уширения, возможно, — ременные наконечники, известные по археологическим материалам популярные детали средневековой поясной гарнитуры.

Также стоит отметить, что пояс княгини на изображении виден как цельная лента, концы которой не показаны. Возможно, здесь мы видим разницу в способе ношения мужского и женского поясов: если мужские пояса, декорированные металлическими накладками, снабжались дополнительными ремешками, и могли иметь по несколько свисающих концов, то концы женского пояса не видны, возможно, убраны. Стоит также обратить внимание не только на редкость изображения деталей женской одежды, но и на практически полное отсутствие находок поясов и их деталей в женских захоронениях. Археологически на территории Новгородской земли, да и Древней Руси в целом, практически не известно женских ингумаций с украшенными металлическими накладками поясами, крайне редко в женских погребениях встречаются отдельные накладки, но практически всегда они представляют собой либо экземпляры, переделанные в подвески, либо ломаные изделия.

Наборные пояса, украшенные металлическими накладками — довольно редкая археологическая находка. Всего в пределах Новгородской земли и на пограничных территориях их известно более сотни (при общем числе исследованных погребений около 10 тысяч), отдельные бляшки происходят из культурных напластований

⁹ Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание. М., 1983.

самого Новгорода, Рюрикова Городища, погостских центров, изредка встречаются на поселениях более низкого статуса.

Изучение в первую очередь погребальных памятников средневековой Новгородской земли позволяет выделить набор металлических деталей, характерных для мужских¹⁰ поясов XI–XII вв., дает возможность с высокой достоверностью реконструировать их конструкцию и схему расположения декоративных элементов — накладок и наконечников. Исследователями отмечалось, что отдельные типы бляшек и сходные наборы поясных накладок были распространены на значительной территории и не являлись этноопределяющими маркерами. По мнению В. Б. Ковалевской, ареалы распространения различных типов ременных украшений свидетельствуют о принадлежности к единой хронологической группе или к одному ремесленному центру¹¹.

В пределах древнерусских земель встречаются две основных конструкции поясов, различающихся как числом кожаных ремней так и металлических деталей.

В Новгородской земле удалось выявить характерный тип наборного пояса с достаточно устойчивым числом металлических деталей, оформленных в едином художественном стиле¹². В пределах собственно Новгородской земли, в пограничных районах и в зоне новгородского влияния выявлено более 30 погребальных комплексов второй половины XI — начала XII вв.¹³ с отдельными металлическими поясными накладками или «полными» комплектами ременных украшений, что позволяет надежно реконструировать конструкцию мужских наборных поясов.

¹⁰ По всей вероятности, пояса являлись обязательной деталью костюма всего древнерусского населения, повседневно и мужчины, и женщины ходили подпоясанными. Археологически лишь в мужских захоронениях XI–XIII вв. зафиксированы остатки кожаных ремней или их детали. Вероятно, именно кожаные пояса являлись атрибутом мужского костюма, женские же изготавливались из других, не сохранившихся до нашего времени, органических материалов.

¹¹ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М., 1979. С. 5.

¹² Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // Археологические вести. № 7 / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2000. С. 222–228.

¹³ Вопросы хронологии выделенной группы погребений были рассмотрены в статье 2000 г. (Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса. С. 225–226). Сделанные за прошедшее с момента ее выхода археологические находки не дали возможности для корректировки полученных ранее дат.

Для северной части древнерусской территории в целом характерны пояса, состоявшие из трех ремней¹⁴ — длинного и двух более коротких¹⁵ (рис. 1). Длинная часть помещалась на талии за спиной, а короткие находились спереди: одна из них оканчивалась пряжкой, а другая — металлическим наконечником пояса. Ширина кожаной ленты, судя по ширине приемных рамок поясных пряжек, не превышала 1,5–2,5 см, что подтверждается находками сохранившихся фрагментов поясов¹⁶.

Отдельные части ремня соединялись между собой через поясные кольца. К поясу могли вертикально крепиться дополнительные ремешки, не имевшие функционального назначения и служившие его дополнительным украшением, также к поясу часто подвешивались небольшие предметы повседневного обихода (небольшие ножи в ножнах, костяные гребни, мешочки с кресалом и кремнем, оселки и т. п.). В тоже время стоит отметить, что восходящие к центральноевропейской традиции кожаные, украшенные накладками сумки-ташки, изредка встречающиеся в погребениях X столетия, не известны в захоронениях XI в.

Самым распространенным в Новгородской земле типом поясных пряжек являются так называемые лировидные пряжки двух видов: одночастные и двухчастные с выделенным приемником иглы на рамке (рис. 2: 1–4). Реже встречаются щитковые пряжки с орнаментированными щитками различных форм (рис. 2: 5–7) и пряжки иных типов. Все пряжки, найденные в погребальных комплексах Новгородской земли XI–XII вв., изготовлены из меди или сплавов на ее основе, как и подавляющее большинство других найденных при раскопках деталей поясной гарнитуры. Стоит отметить, что большинство пряжек имели железные иглы, крайне плохо сохранившиеся, зачастую лишь в виде бесформенных окислов или следов ржавчины.

¹⁴ Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса; Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиции // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2005. С. 132–144.

¹⁵ Вероятно, могли существовать и более простые варианты поясов, изготовленных из цельной кожаной ленты необходимой длины. Однако, археологически такая конструкция ни разу не была зафиксирована.

¹⁶ В качестве примера можно привести пояс, найденный при исследовании Н. В. Тухтиной кургана у дер. Никольское (Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в XI–XII вв. // Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966. С. 120–136), экспонирующийся в Череповецком музее археологии (ЧКМ колл. № 3919).

Поясные кольца могли быть как простыми, гладкими, круглыми в сечении (рис. 2: 8–10), так и более нарядными, украшенными литым орнаментом (рис. 2: 11, 12).

Чаще всего в захоронениях встречаются пояса, металлические детали которых составляли лишь пряжка или пряжка и пара поясных колец. В случае, если пояс был украшен металлическими накладками, то их число обычно не превышало 25 экземпляров. Кроме бляшек, набор также включал в себя орнаментированные или гладкие поясные кольца, практически обязательно небольшие овальные кольца (скобки, рис. 2: 10, 13), изготовленные из проволоки треугольного сечения, и несколько — от одного до четырех — ремennых наконечников.

Небольшое общее число накладок, находимых в различных закрытых археологических комплексах, и найденные фрагменты поясов с сохранившимися кожаными деталями позволяют реконструировать общую схему украшения пояса. Металлическими накладками украшались лишь два из трех ремней, составлявших пояс — те, что располагались спереди, находившийся же за спиной ремень оставался без металлических накладок. В отличие от наборных поясов, открытых в захоронениях Киева, Шестовиц или Гнёздова и связываемых с «дружинными» древностями, на кожаную основу поясов, найденных в Новгородской земле, бляшки набивались не вплотную друг к другу, а через определенные промежутки, примерно равные ширине одной-трех накладок. Металлические накладки также помещались и на дополнительные вертикальные декоративные ремешки, возможно, на большем расстоянии одна от другой; концы дополнительных ремешков украшались наконечниками, как и основной ремень.

В состав пояса «новгородского» типа входят бляшки пятиугольной формы с центральной зоной, выделенной бордюром из ложной зерни. В центральной орнаментальной зоне сердцевидной формы помещалось изображение растительного побега или нераспустившегося цветка (рис. 2: 15, 16), вероятно, восходящее к орнаментальным мотивам центральноазиатских поясных накладок. Пятиугольные накладки делятся на два варианта, по выражению К. А. Михайлова¹⁷, «широкий» (рис. 2: 15) и «узкий» (рис. 2: 16). Стоит отметить, что все бляшки «узкого» варианта, виденные мною в музейных собраниях, имеют менее четкую проработку орнамента по сравнению с «широкими» накладками и в целом производят впечатление вторичных отливок.

¹⁷ Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса. С. 133.

Второй наиболее распространенный тип поясных бляшек — «геральдические», также пятиугольные, с параллельными сторонами. По краю они также украшены бордюром из ложной зерни, в центре — растительный орнамент, напоминающий антропоморфную маску (рис. 2: 14)¹⁸.

Миндалевидные с бордюром из перлов по краю и пятилепестковой композицией в центре (рис. 2: 10) — третий тип накладок в наборе.

Еще два типа накладок, «усатые»¹⁹, или сердцевидные, с орнаментом, напоминающим трезубец (рис. 2: 18), и полуовальные с орнаментом в виде пальметы²⁰ (рис. 2: 17), также имеют поясик из мелкой ложной зерни по краю и различаются центральной композицией. Они так же, как пятиугольные, восходят к изображениям цветка лотоса, характерным для южносибирских ременных украшений.

Последний тип — круглые бляшки диаметром около 1,5 см с бортиком по краю и выпуклой центральной частью, украшенные растительным орнаментом в виде трех переходящих один в другой волотообразных побегов, идущих от центра к краю, и трех небольших завитков от краев к центру между ними (рис. 2: 19).

И бляшки, и ременные наконечники изготавливались в технике литья по восковой модели. Крепление накладок к ремню осуществлялось при помощи штифта, находившегося в центре бляшки. После монтажа на основу на штифт надевалась небольшая подквадратная или ромбическая шайба, изготовленная из тонкого бронзового листа, конец штифта иногда дополнительно расклепывался (рис. 2: 19). Аналогичная техника применялась для крепления части поясных наконечников (рис. 2: 22, 23). Среди находок изредка встречаются отремонтированные изделия с отломанными шпеньками и пробитыми отверстиями (рис. 2: 20).

Щитковые пряжки имели несколько иной способ фиксации: при их изготовлении с внутренней стороны также делалось несколько (обычно три) штифтов, концы которых были заострены. При сборке пояса штифты пробивали кожу ремня и загибались в разные стороны на его обратной стороне. Таким же способом крепилась к основе часть наконечников ремней (рис. 2: 24).

¹⁸ Любопытно отметить, что ременные накладки этого типа стали прототипом изготавливавшихся на острове Готланд поясных украшений, орнамент которых утратил растительные мотивы, но сохранил антропоморфные черты.

¹⁹ Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса. С. 223.

²⁰ Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса. С. 133.

Продетые в поясные кольца и согнутые ремни фиксировались овальными скобками (рис. 2: 13), дополнительно они нередко скреплялись бляшкой, штифт которой проходил сквозь согнутый ремень (рис. 2: 10), вместо бляшки мог использоваться поясной наконечник²¹.

Наконечники ремней, в отличие от накладок, не дают возможности выявить характерные формы изделий, устойчиво встречающихся с другими элементами гарнитуры. Как уже отмечалось²², четырехугольные со скругленным нижним краем (рис. 2: 25), «рыбовидные» и украшенные растительными побегими с верхним краем в виде «ласточки хвоста» и заостренным нижним (рис. 2: 20) могут показаться более распространенными, однако в целом складывается впечатление, что при подготовке и сборке пояса наконечникам уделялось минимальное внимание, использовались не конкретные типы, а изделия, имевшиеся в наличии у мастера в момент работы.

Выявление устойчивого набора деталей ременной гарнитуры и группы захоронений, в которых украшенные этими накладками пояса были найдены, на фоне почти полного отсутствия других синхронных ременных украшений ставит перед исследователями вопрос о роли и значении декорированного металлическими деталями пояса «новгородского» типа.

Изучение элементов костюма различных эпох и культурно-исторических общностей показало, что наборный пояс играл важнейшую роль в знаковой системе в Византии, Арабского халифата, Персии, выступал аналогом современного «погона» или «паспорта» у тюркских народов²³. В целом материалы древнерусского времени, в первую очередь древности «дружинного» круга, демонстрируют отсутствие четкой связи поясных принадлежностей и социального статуса²⁴.

И все же устойчивая встречаемость накладок определенных типов, хронологическая близость и компактность группы захоронений с наборными поясами, география находок, тяготеющих к окраинам и границам Новгородской земли, дают возможность, на мой взгляд, высказать предположения о статусе и роли именно этой группы погребенных.

²¹ Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовы). СПб., 2004. Табл. СIII, 4.

²² Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса. С. 222–223.

²³ Подробнее см.: Laszlo G. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des Avars // *Archaeologia Hungarica, séries nova*, t. XXXIV, Budapest, 1955. P. 176; Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М., 1979. С. 144.

²⁴ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 80–84.

Представляется вероятным, что мужчины, похороненные с поясами «новгородского» типа, являлись представителями новгородской администрации. Можно предположить, что находки поясных наборов «новгородского» типа материально иллюстрируют процесс формирования Новгородской земли, упорядочение связей Новгорода с внутренними районами и пограничными регионами. Достаточно унифицированные пояса могли служить знаками социального положения их владельцев, исполнявших административные и/или судебные функции, собиравших налоги, осуществлявших связь тех или иных территорий с Новгородом.

Пояса «новгородского» типа просуществовали в культуре очень недолго — около 50–60 лет. С их исчезновением, как кажется, прекращается ношение украшенных металлическими бляшками ремней, во всяком случае, археологический материал не позволяет выделить сколько-нибудь многочисленную группу устойчиво встречающихся ременных накладок.

Не ранее середины — второй четверти XII столетия в Новгородской земле появляются целые пояса²⁵ и отдельные их элементы — пряжки со щитками, кольца-разделители с обоймами, аналогичными щиткам пряжек, и ременные наконечники, изготовленные в стиле Урнес и изображающие стилизованные головы и морды фантастических существ (рис. 3: 1–3). Привозные изделия выделяются качеством проработки изображения и изготовления в целом, обоймы на разделительных кольцах объемные прорезные; возможно, часть находок представляют собой местные восточноевропейские подражания импортным образцам. Большая часть этих находок сделана в курганах Ижорского плато, отдельные детали происходят из Приладожья, Поозерья, западных районов Новгородчины.

Ю. М. Лесман, проанализировавший распространение находок деталей ременной гарнитуры в стиле Урнас, доказал готландское происхождение этих поясов²⁶, ставших предметом торговли не только внутри Балтийского региона (помимо древнерусского Северо-Запада и собственно Готланда, большое число находок сделано в Юго-Западной Финляндии и в Прибалтике, один целый пояс и отдельные детали происходят из Карелии), но и далеко за его пределами (Белоруссия, Киев).

²⁵ Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. Табл. XLIV.

²⁶ Лесман Ю. М. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М., 2004. С. 233–236.

Также во второй половине — конце XII столетия в Новгородской земле фиксируется появление импортных, также скандинавских по своему происхождению поясных пряжек. Они выделяются очень характерными вытянутыми «носами» в центральной части рамок (рис. 3: 4–6), вписанными в общий стиль пряжек, украшенных геометрическим орнаментом с включением растительных мотивов, иногда «нос», как кажется, выделен и несет собственное зооморфное изображение (рис. 3: 4).

В целом, данная группа импортов довольно немногочисленна, ареал распространения находок этих поясных деталей уже и охватывает преимущественно Ижорское плато²⁷. Как и пояса с изготовленными в стиле Урнес деталями, они наглядно демонстрируют торговые связи населения Новгородской земли, возможно, прямые, минуя Новгород, контакты жителей западных, ближайших к морю, районов со странами Балтийского региона.

Подводя итоги, можно отметить, что во второй половине XI — начале XII в. в Новгородской земле сформировался и распространился устойчивый набор поясных украшений, возможно, служивший для визуализации статуса их владельцев. Пояса «новгородского» типа, восходящие к кочевническим образцам, и их детали были популярны лишь на протяжении небольшого хронологического промежутка и исчезли из материальной культуры новгородцев, не получив дальнейшего развития.

Во второй половине — конце XII столетия в Балтийском регионе и далеко за его пределами достаточно массово появляются пояса, производившиеся на острове Готланд и оказавшиеся популярным предметом торговли. Возможно, на территории Восточной Европы изготавливались подражания накладкам в стиле Урнес. Однако, как и пояса «новгородского» типа, готландские пояса не прижились в культуре новгородцев после прекращения поступления «оригинальных» изделий.

Список литературы

Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России. № 18. СПб., 1895.

Данич А. В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. Вып. 1 (3). Казань, 2013.

²⁷ Возможно, данное впечатление субъективно и сформировалось без учета дисбаланса между числом погребальных сооружений, раскопанных на Ижорском плато, и исследованных в других регионах.

Ершевский Б. Д., Конецкий В. Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 61–64.

Зайцева И. Е. Наборный пояс из могильника Минино II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999.

Зайцева И. Е. Пояса могильника Минино // РА. № 4. 2005.

Зайцева И. Е. Поясные наборы из могильника Шекшова в Суздальском Ополе // КСИА. Вып. 236. М., 2014. С. 161–165.

Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание. М., 1983.

Кенько П. М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.). Свод археологических источников. Минск, 2012. 172 с.

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М., 1979. С. 5.

Лесман Ю. М. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М., 2004. С. 233–236.

Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А. П. Смирнов. М., 1963.

Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиции // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2005. С. 132–144.

Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // Археологические вести. № 7. СПб, 2000. С. 222–228.

Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. 136 с.

Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. 260 с.

Соболев В. Ю., Торопов С. Е. Находка древнерусского наборного пояса в Ильменском Поозерье // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. II. С. 350–360.

Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Материалы по археологии России. № 20. СПб., 1896.

Тереценко О. В. Набірний пояс з 42-го кургану Шестовицького некрополя: варіант реконструкції // матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка. (Чернігів — Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). Київ — Чернігів, 2012.

Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в XI–XII вв. // Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966. С. 120–136.

Успенская А. В. Погребение купца на древнем Селигерском пути // Средневековая Русь. М., 1976.

Фоняков Д. И. Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // КСИА. Вып. 187. М., 1986. С. 62–65.

Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб., 2004. 408 с.

Arne T. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.

Laszlo G. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des Avars. Archaeologia Hungarica, séries nova, t. XXXIV, Budapest, 1955.

References

Arne T., *La Suède et l'Orient*, Uppsala 1914.

Brandenburg N. E., *Kurgany Juzhnogo Priladozh'ja*, in: *Materialy po arheologii Rossii*, № 18, St. Petersburg 1895.

Danich A. V., *Pojasnye nakladki Piterskogo (Stepanovo Plotbishhe) mogil'nika*, in: *Povolzhskaja arheologija*, issue 1 (3), Kazan 2013.

Ershevskij B. D., Koneckij V. Y., *Ob odnom iz tranzitnyh punktov na drevnem trgovom puti*, in: *Novoe v arheologii Severo-Zapada SSSR*. Leningrad 1985, 61–64.

Fonjakov D. I., *Ob odnoj nahodke iz drevnerusskogo mogil'nika v Toropce [About one Finding from Ancient Russian Tomb in Toropets]*, in: *Kratkije Soobshchenija Instituta Arkheologii [Short Proceedings of the Institute of Archeology]*, issue 187, Moscow 1986, 62–65.

Izbornik Svjatoslava [Izborhik os Sviatoslav] 1073 g. Faksimil'noe izdanie, Moscow 1983.

Ken'ko P. M., *Pojasnaja garnitura s territorii Belarusi (I–XIII vv.)*. *Svod arheologicheskikh istochnikov*, Minsk 2012.

Khvoshhinskaja N. V., *Finny na zapade Novgorodskoj zemli (po materialam mogil'nika Zalahtov'e)*, St. Petersburg 2004.

Kovalevskaja V. B., *Pojasnye nabory Evrazii IV–IX vv. Prjazhki*, Moscow 1979.

Laszlo G., *Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des Avars* in: *Archaeologia Hungarica, séries nova, t. XXXIV, Budapest 1955*.

Lesman Y. M., *Drevnerusskie nahodki pojasnoj garnitury gotlandskogo tipa v stile Urnas*, in: *XV konferencija po izucheniju istorii, jekonomiki, jazyka i literatury Skandinavskih stran i Finljandii*. Tезисы докладов. Ч. I. Moscow 2004, 233–236.

Mal'm V. A., *Pojasnye i sbrujnye ukrashenija*, in: *Jaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mihajlovskogo i Petrovskogo mogil'nikov*, Ed. A. P. Smirnov, Moscow 1963.

Mihajlov K. A., *Drevnerusskie nabornye pojasa XI–XII vv.: severnaja i juzhnaja tradicii*, in: *Rus' v IX–XIV vekah. Vzaimodejstvie Severa i Juga*, Ed. N. A. Makarov, A. V. Chernecov, Moscow 2005, 132–144.

Mihajlov K. A., Soboлев V. Y., *Novgorodskie nabornye pojasa XI–XII vv.*, in: *Arheologicheskie vesti*. № 7. St. Petersburg 2000, 222–228.

Murasheva V. V., *Drevnerusskie remennye nabornye ukrashenija (X–XIII vv.)*, Moscow 2000.

Rjabinin E. A., *Vodskaja zemlja Velikogo Novgoroda*, St. Petersburg 2001.

Soboлев V. Y., Tоропов S. E., *Nahodka drevnerusskogo nabornogo pojasa v Il'menskom Poozer'e*, in: *Kraeugol'nyj kamen'. Arheologija, istorija, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nyh stran*. М., 2010. Т. II. S. 350–360.

Spitsyn A. A., *Kurgany S.-Peterburgskoj gubernii v raskopkah L. K. Ivanovskogo*, in: *Materialy po arheologii Rossii*, № 20, St. Petersburg 1896.

Tereshhenko O. V., *Nabirnij pojas z 42-go kurganu Shestovic'kogo nekropolja: variant rekonstrukcii // material na ta duhovna kul'tura Pivdennoi Rusi. Materiali mizhnarodnogo pol'ovogo arheologichnogo seminaru, prisvjachenogo 100-littju vid dnja narodzhennja V. J. Dovzhenka (Chernigiv — Shestovicja, 16–19 lipnja 2009 r.)*, Kiev, Chernigov 2012.

- Tuhtina N. V., *Ob jetnicheskom sostave naselenija bassejna reki Sheksny v XI–XII vv.*, in: Trudy GIM. Vyp. 40, Moscow 1966, 120–136.
- Uspenskaja A. V., *Pogrebenie kupca na drevnem Seligerskom puti*, in: Srednevekovaja Rus', Moscow 1976.
- Zajceva I. E., *Nabornyj pojas iz mogil'nika Minino II na Kubenskom ozere*, in: Novgorod i Novgorodskaja zemlja. Istorija i arheologija, issue 13, Novgorod 1999.
- Zajceva I. E., *Pojasa mogil'nika Minino*, in: Rossijskaja Arkheologija, 2005, 4.
- Zajceva I. E., *Pojasnye nabory iz mogil'nika Shekshovo v Suzdal'skom Opol'e*, in: Kratkije Soobshchenija Instituta Arkheologii [Short Proceedings of the Institute of Archeology], issue 236, Moscow 2014, 161–165.

УДК 94 (47).027
ББК 63.2 (2) 41

Н. А. Плавинский

ДРЕВНЕРУССКИЙ КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ В СВЕТЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: К ОЦЕНКЕ СТЕПЕНИ ИНФОРМАТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Современное оружиеведение — это междисциплинарное направление научных исследований, основной задачей которого является изучение основных направлений развития военно-технической мысли прошлого. Чем более отдаленная эпоха находится в фокусе исследовательского внимания, тем меньше данных для её изучения имеется в распоряжении ученых и, соответственно, тем разнообразнее и шире становится круг тех источников, которые авторы пытаются привлечь с целью максимально полной реконструкции прошлого. Сказанное в полной мере относится и к древнерусскому оружиеведению — изучению истории военной техники X–XIII вв. населения Древней Руси и сопредельных регионов.

Источниковедческая база исследований по истории древнерусского вооружения базируется, в первую очередь, на археологических источниках. Это объясняется целым рядом причин, к числу которых относится массовость данной категории источников, наличие точной (или, по крайней мере, относительно точной) локализации мест находок тех или иных предметов вооружения и возможность их относительно узкой датировки и т. д. Перечисленные характеристики археологических находок позволяют исследователям осуществлять их каталогизацию, картографирование, систематизацию путём создания типологий и классификаций, а также использовать многие другие методы их исследования. Образцом подобного исследования стала

серия монографий А. Н. Кирпичникова¹, посвященных отдельным категориям древнерусского оружия, которая стала фундаментальной основой для всех дальнейших работ по истории восточноевропейского вооружения конца I — первых веков II тыс. н. э. При этом следует отметить, что труды А. Н. Кирпичникова являются образцом комплексного источниковедческого исследования, однако основное внимание в них сфокусировано на анализе данных археологии.

Преимущественное внимание к изучению археологических источников остается отличительной чертой древнерусского оружиеведения и в наши дни. Вместе с тем, значительная роль иконографических памятников в процессе исследования вооружения XI–XIII вв. ни у кого не вызывает сомнений. В чём же причина достаточно «холодного» отношения большинства оружейников к этой категории источников?

Основная проблема использования иконографических памятников в оружейных исследованиях видится в сложности отбора конкретных изображений для анализа. В данном случае имеется в виду дискуссионность возможности использования таких категорий иконографических источников, как иконы, фрески, книжные миниатюры, культовая мелкая пластика в качестве источников, отображающих собственно древнерусские военно-технические реалии. Совершенно очевидно, что все перечисленные категории изобразительных памятников в той или иной степени испытывали влияние традиций византийского искусства. Главный вопрос в данном случае заключается в том, насколько сильным было это влияние и, соответственно, возможно ли выделить при рассмотрении того или иного памятника реально существовавшие элементы вооружения. Обычно каждый исследователь истории древнерусского оружия решает этот вопрос для себя сам, опираясь при этом, в первую очередь, на существующие искусствоведческие разработки. Вместе с тем, оценки искусствоведов в отношении определения степени влияния византийских художественных традиций на формирование того или иного памятника древнерусского искусства могут различаться кардинально. Соответственно, и взгляды оружейников на информативность одного

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М. — Л., 1966; *Он же*. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М. — Л., 1966; *Он же*. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л., 1971; *Он же*. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л., 1973.

и того же памятника могут быть диаметрально противоположными. В результате единые подходы к использованию иконографических источников в древнерусском оружиеведении на сегодняшний день отсутствуют, а сами эти источники используются спорадически и, преимущественно, бессистемно.

Возникает резонный вопрос — есть ли выход из сложившейся ситуации? На мой взгляд, выход есть, и заключается он, в первую очередь, в систематизации существующих категорий иконографических источников и определении степени их оригинальности и независимости от византийских художественных традиций, а, соответственно, и потенциальной информативности каждой из этих категорий источников для оружейных исследований.

Ограниченный объём публикации не позволяет детально остановиться на критериях выделения каждой из приводимых ниже категорий источников и их детальной искусствоведческой характеристике. Поэтому ограничимся перечислением выделенных категорий и последующим кратким рассмотрением информативности каждой из них для оружейных исследований:

- книжные миниатюры;
- монументальная живопись и иконопись;
- памятники культовой мелкой пластики;
- сфрагистические памятники;
- памятники прикладного искусства;
- граффити.

На данный момент *книжные миниатюры* можно считать одной из наиболее активно используемых и хорошо изученных с оружейной точки зрения категорией источников. Анализ изображений на миниатюрах неоднократно осуществлялся специалистами, в том числе и оружейниками. После выхода в свет в 1944 г. работы А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» широко распространенным является мнение о том, что миниатюры являются «единственными надежными источниками для изучения целых областей материальной культуры»². Вместе с тем, книжные миниатюры собственно древнерусского времени — XI–XIII вв. — крайне немногочисленны, а изображения предметов вооружения на этих миниатюрах фактически отсутствуют. Учитывая этот факт, исследователи на протяжении длительного времени предпринимали и предпри-

² Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 3.

нимают попытки использовать более поздние миниатюры в качестве источников для характеристики древнерусского оружия.

Основным памятником, неизменно привлекающим пристальное внимание ученых, является Радзивилловская летопись, содержащая 617 миниатюр, на которых представлены многочисленные батальные сцены и изображения вооруженных людей. Вместе с тем, анализ изображенных на миниатюрах Радзивилловской летописи предметов вооружения и воинского снаряжения не дает оснований относить данный памятник к кругу источников по истории древнерусского оружия³. Вопрос о том, воспроизводят ли миниатюры в списке конца XV в. более ранние изображения, созданные под сильным византийским влиянием или по византийским (или) южнославянским образцам, предположительно XIII в., остаётся открытым. Однако, очевидно, что в окончательном виде миниатюры не отображают реального вооружения и доспехов древнерусского времени. Все сколько-нибудь детально прорисованные образцы вооружения на миниатюрах передают реалии XV в., вероятно, его второй половины, характерные для зоны активных контактов между западноевропейской и восточноевропейской военно-техническими традициями. Такой зоной было, в первую очередь, великое княжество Литовское, особенно его «русские» земли, и отчасти территория Новгородского и Псковского государств⁴.

К числу более ранних иллюминированных книг относится Сибирицкая Псалтырь, созданная в 1270 г. в Новгороде, и тверской список Хроники Георгия Амартола первой трети XIV в. Благодаря детальной проработке отдельных предметов вооружения и их деталей оба эти памятника пользуются широкой популярностью у исследователей древнерусского оружия⁵. Однако миниатюры обоих этих памятников содержат многочисленные приметы сходства с византийскими памятниками⁶. Это, в свою очередь, ставит под сомнение

возможность их использования в исследованиях по истории древнерусского оружия, по крайней мере, до времени их детального оружейно-эвиденциального анализа.

Среди всех книжных миниатюр особой реалистичностью в изображении деталей предметов вооружения отличается изображение святого Федора Стратилата (рис. 1:1), являющееся фронтисписом Федоровского Евангелия первой трети XIV в.⁷ Отдельные реалистичные детали (в первую очередь, изображения щитов) можно найти на миниатюрах второй половины XIV в. «Сказания о Борисе и Глебе» из Сильвестровского сборника⁸.

Таким образом, следует констатировать значительную сложность использования книжных миниатюр в качестве источника по истории древнерусского вооружения. Сильное влияние византийских иконографических традиций и общая схематичность не позволяют в большинстве случаев выделить среди существующих изображений те или иные военно-технические реалии, синхронные времени создания миниатюр. Вместе с тем, сказанное не исключает возможности выделения отдельных реалистичных изображений предметов вооружения и воинского снаряжения в ходе дальнейшего анализа существующего корпуса миниатюр.

Еще более проблематичной представляется возможность выделения военно-технических реалий в процессе изучения произведений **монументальной живописи** (фресковых росписей) и **иконописи**. Изображения святых воинов на стенах древнерусских храмов XI–XIII вв. и на иконах этого времени выполнены в соответствии с византийскими иконографическими канонами. Несмотря на то, что фигуры святых воинов могут быть проработаны достаточно детально, а отдельные элементы вооружения выглядят вполне реалистично, выделение в этих изображениях тех или иных предметов древнерусского вооружения, синхронных созданию самих памятников, крайне затруднительно и проблематично. Неоднократно предпринимавшиеся попытки «дословного прочтения» фресок на стенах древнерусских

³ Плавинский Н. А. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания. М.-СПб., 2014. С. 388–401. Там же историография вопроса.

⁴ Плавинский Н. А. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник... С. 396.

⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств... Табл. XVIII–XXII; *Он же*. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. Табл. VII, XIII–XIV; Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого Средневековья // Воин. № 18. 2005. С. 21–22, 24.

⁶ Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С. История древнерусской живописи. М., 2007. С. 252–253, 270.

⁷ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. 10; Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С. История древнерусской живописи... Рис. 257; Жуков К. А. Комбинированный ламеллярно-чешуйчатый доспех на Руси (по изобразительным источникам XIV–XVI вв.) // *Para bellum*. № 2 (18). 2003. С. 88–90; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств... Рис. 20.

⁸ Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV в.). М., 1985. Л. 117, 123, 125 об. и далее.

храмов в оружейведческих исследованиях на данный момент не принесли реальных результатов. Иногда подобные попытки приводили авторов к попросту курьёзным заключениям (в качестве примера можно привести мысль П. А. Васина о существовании на Руси в XIII–XV вв. шлемов с гребнями)⁹.

Вместе с тем констатация проблематичности использования фресок и икон в качестве источников по истории древнерусского вооружения не должна вести к их автоматическому исключению из круга источников по истории древнерусского вооружения. Отдельные элементы изображенных на фресках и иконах предметов вооружения (рукояти мечей, щиты, детали снаряжения) могут соответствовать синхронным времени их создания военно-техническим реалиям. В качестве примеров можно привести новгородские фрески церкви Успения на Волотовом поле¹⁰ и икону первой половины XIV в. «Чудо Георгия о змие» с житием¹¹. Однако уверенное выделение подобных памятников может быть осуществлено только в результате совместной работы специалистов в области иконографии и оружейведов.

Соображения, высказанные об информативности в оружейведческих исследованиях фресок и икон, касаются и такой относительно многочисленной категории источников, как элементы архитектурного декора с изображениями святых воинов на фасадах древнерусских храмов¹². Вместе с тем, учитывая определенную близость данных изображений к памятникам декоративно-прикладного искусства, некоторые из них представляют очевидный интерес, так как, по-видимому, могут вполне реалистично отображать отдельные элементы вооружения. В качестве примеров могут быть приведены рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (рис. 1:2–3)¹³.

⁹ Васин П. А. Средневековые русские шлемы с гребнями XIII–XV вв. // Материалы международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем». Санкт-Петербург, 29–31 марта 2005. М., 2006. С. 157–159.

¹⁰ Вздорнов Г. И. Волотово. Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М., 1989.

¹¹ Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV веков. М., 1976. Кат. № 10.

¹² Вагнер Г. К. Декоративное искусство в архитектуре Руси X — XIII веков. М., 1964. Табл. 24; Вагнер Г. К., Воробьева Е. В. Архитектурный декор Руси X — XIII вв. // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. М., 1997. С. 186–202.

¹³ Арциховский А. В. Оружие // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура. М. — Л., 1948. Рис. 262–263; Вагнер Г. К. Декоративное искусство в архитектуре Руси... Табл. 25.

Памятники культовой мелкой пластики (в первую очередь, каменные иконки) с изображениями святых воинов также следует рассматривать в контексте византийских иконографических традиций. Соответственно, всё сказанное относительно двух предыдущих категорий источников, в полной мере касается и изображений святых воинов на памятниках культовой мелкой практики. Вместе с тем, уже в XIII в. известен целый ряд памятников культовой мелкой пластики, которые обладают вполне индивидуальными самобытными чертами¹⁴ и, соответственно, могут достаточно уверенно использоваться в качестве источников по истории древнерусского вооружения.

Сфрагистические памятники являются одной из самых многочисленных и одновременно одной из наиболее исследованных категорий иконографических источников по истории вооружения древнерусского времени. Изучение сфрагистических памятников облегчается наличием фундаментального корпуса древнерусских печатей, созданного и постоянно пополняемого В. Л. Яниным и П. Г. Гайдуковым¹⁵. Оружейведческий анализ опубликованных ими изображений на печатях был осуществлен М. И. Петровым¹⁶. Взвешенное и критическое отношение М. И. Петрова к интерпретации схематичных изображений на печатях избавляет нас от необходимости в рамках данной ограниченной по объемам работы останавливаться на источниковедческих проблемах анализа данной категории источников. Можно полностью согласиться с мнением исследователя о том, что «изображения на печатях отражали определенные материальные реалии. Однако отражение происходило в рамках сфрагистического канона, т. е. не непосредственно»¹⁷. Вместе с тем, проведенный М. И. Петровым анализ отдельных категорий защитного вооружения, изображенных на печатях XIII–XV вв., свидетельствует, что, несмотря на свой схематизм, данная категория источников может использоваться в оружейведческих исследованиях. Наиболее перспективным объектом

¹⁴ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–60. М., 1983. Рис. 1–2, табл. 16:2–4.

¹⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X — XIII вв. М., 1970; Он же. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.

¹⁶ Петров М. И. Военное дело в древнерусской сфрагистике // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 644–654.

¹⁷ Петров М. И. Военное дело в древнерусской сфрагистике... С. 653.

для изучения представляются изображения щитов (в первую очередь на новгородских печатях XIII–XV вв.).¹⁸

В категорию *памятников прикладного искусства* в данной работе объединены разнообразные предметы, несущие на себе изображения батальных сцен, вооруженных людей или отдельных предметов вооружения. Очевидно, что данная категория источников не имеет четких границ, что позволяет относить к ней самые разные как по характеру, так и по уровню художественного исполнения изображения. Это, в свою очередь, заставляет рассматривать ее как «рабочий» инструмент в процессе оружейно-археологического анализа иконографических источников древнерусского времени. Главной особенностью данной категории источников является преимущественно светский характер изображений, что, в свою очередь, предопределяет их относительную свободу от канонов византийского искусства. Соответственно, батальные сцены, изображения воинов и отдельных предметов вооружения на памятниках прикладного искусства содержат значительно больше военно-технических реалий, синхронных времени их создания, чем книжные миниатюры либо фигуры святых воинов на иконах, настольных иконках и печатях.

В качестве ярких примеров подобных детальных отражений военно-технических реалий своего времени можно привести (рис. 3) фигуру кентавра на костяной пластине футляра или кошелька XII в. из раскопок во Пскове¹⁹, воинские сцены на деревянных резных чашах из Чернигова (XII — первая половина XIII в.)²⁰, Ростиславля Смоленской области (первая половина XIII в.)²¹, Неревского и Троицкого раскопов в Новгороде (первая половина XIII в.)²².

¹⁸ Петров М. И. Военное дело в древнерусской сфрагистике... С. 651–654; Плавинский Н. А. Из истории восточноевропейских щитов XII–XIV вв. (о времени возникновения и путях развития повезы) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 50 научного семинара. Псков, 2004. С. 379–386.

¹⁹ Лабутина И. К., Кондратьева О. А. Пластины с изображением кентавра и фантастического животного из раскопок во Пскове // Советская археология. №4. 1975. С. 223–234.

²⁰ Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. Київ, 2011. С. 149.

²¹ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX — XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 182, рис. 28:1.

²² Сорокин А. Н., Тянина Е. А. Древнерусские деревянные сосуды с изображениями воинов // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 13. 1999. С. 131–142; Они же. Из истории древнерусской воинской культуры // Świat Słowian wczesnego średniowiecza. Szczecin — Wrocław, 2006. С. 465–470.

Наконец, еще одной категорией иконографических источников по истории древнерусского вооружения являются *граффити*. Данная категория отличается особым своеобразием, так как граффити в большинстве случаев отличаются примитивизмом и схематичностью исполнения, так как их авторы не имели никаких художественных навыков. Вместе с тем, изображения, нанесенные непрофессиональными «художниками» на самых разнообразных «попавших под руку поверхностей», были максимально свободны от каких-либо иконографических канонов своего времени. Последняя особенность делает граффити одной из ценнейших категорий древнерусских иконографических источников, отражающих наиболее характерные и типичные предметы вооружения своего времени. В первую очередь, это касается изображений светских воинов, которые составляют абсолютное большинство древнерусских воинских граффити (рис. 4). При этом, следует иметь в виду, что из-за чрезмерной схематичности большинство изображений отражает не столько конкретные типологически определяемые формы наступательного и защитного вооружения, сколько идеализированные в сознании современников образы «настоящих» воинов²³.

Таким образом, рассмотрение основных категорий древнерусских иконографических источников позволяет высказать несколько соображений, которые на данном этапе исследований носят самый предварительный характер. Очевидно, что иконографические источники представляют значительную ценность для исследований по истории древнерусского оружия, однако их использование требует максимальной осторожности и строгого источниковедческого анализа каждого конкретного памятника, как искусствоведческого, так и оружейно-археологического. При этом наиболее перспективными для использования в исследованиях по истории древнерусского оружия являются те иконографические памятники, которые испытывали минимальное влияние канонов византийского искусства. К их числу относятся такие категории источников, как памятники прикладного искусства и граффити.

²³ Плавинский Н. А. Древнерусские граффити как источник по истории вооружения: к постановке вопроса: Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 58-го заседания. М. — Псков, 2013. С. 389–399.

Список литературы

- Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX — XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980, 261 с.
- Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, 102 с.
- Арциховский А. В. Оружие // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура. М. — Л., 1948. С. 417–438.
- Вагнер Г. К. Декоративное искусство в архитектуре Руси X — XIII веков. М., 1964, 62 с.
- Вагнер Г. К., Воробьева Е. В. Архитектурный декор Руси X — XIII вв. // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. М., 1997. С. 186–202.
- Васин П. А. Средневековые русские шлемы с гребнями XIII–XV вв. // Материалы международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем». Санкт-Петербург, 29–31 марта 2005. М., 2006. С. 157–159.
- Вахтанов С. Н. Рисунки-граффити Золотых ворот во Владимире // Археология Владимирско-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 3. М. — СПб., 2011. С. 181–186.
- Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. 552 с.
- Вздорнов Г. И. Волотово. Фрески церкви Успения на Волтовом поле близ Новгорода. М., 1989. 343 с.
- Высоцкая Н. Ф. Дзкаратыўна-прыкладнае мастацтва Беларусі XII — XVIII стагоддзяў. Мінск, 1984. 232 с.
- Жуков К. А. Комбинированный ламеллярно-чешуйчатый доспех на Руси (по изобразительным источникам XIV–XVI вв.) // Para bellum. №2 (18). 2003. С. 81–98.
- Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого Средневековья // Воин. №18. 2005. С. 18–27.
- Калечыц І. Людзі і пачвары, кошкі і птушкі: рысункі-графіцы ў Полацкай Спаса-Праабражэнскай царкве // Беларускі гістарычны часопіс. №5. Мінск, 2013. С. 25–31.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М. — Л., 1966. 181 с.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М. — Л., 1966. 216 с.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л., 1971. 156 с.
- Кирпичников А. Н. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л., 1973. 140 с.
- Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. 136 с.
- Лабутина И. К., Кондратьева О. А. Пластины с изображением кентавра и фантастического животного из раскопок во Пскове // Советская археология. №4. 1975. С. 223–234.
- Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. Київ, 2011. 316 с.
- Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–60. М., 1983. 230 с.

- Петров М. И. Военное дело в древнерусской сфрагистике // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 644–654.
- Плавинский Н. А. Из истории восточноевропейских щитов XII–XIV вв. (о времени возникновения и путях развития повезы) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 50 научного семинара. Псков, 2004. С. 379–386.
- Плавинский Н. А. Древнерусские граффити как источник по истории вооружения: к постановке вопроса: Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 58-го заседания. М. — Псков, 2013. С. 389–399.
- Плавинский Н. А. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания. М. — СПб., 2014. С. 388–401.
- Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С. История древнерусской живописи. М., 2007. 752 с.
- Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV веков. М., 1976. 391 с.
- Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV в.). М., 1985.
- Сорокин А. Н., Тянина Е. А. Древнерусские деревянные сосуды с изображениями воинов // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 131–142.
- Сорокин А. Н., Тянина Е. А. Из истории древнерусской воинской культуры // Świat Słowian wczesnego średniowiecza. Szczecin — Wrocław, 2006. С. 465–477.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X — XIII вв. М., 1970. 326 с.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970. 366 с.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. 496 с.

References

- L. V. Alekseev, *Smolenskaia zemlia v IX — XIII vv. Ocherki istorii Smolenshchiny i Vostochnoi Belorussii* [Smolensk Land in the 9–13th Centuries. Studies of the History of Smolensk Land and Eastern Belarus], Moscow 1980.
- A. V. Artsihovski, *Drevnerusskie miniatiuru kak istoricheskii istichnik* [Old Russian Miniatures as Historical Source], Moscow 1944.
- A. V. Artsihovski, *Oruzhie* [Weapons], in: History of Kulture of Old Rus'. Premongolian period. T. I. Material Culture, Moscow — Leningrad 1948, 417–438.
- Kaletchyts I., *Liudzi i pachvary, koski i ptushki: rysunki-graficy u Polatskai Spasa-Prabrazhenskai tsarkve* [People and Monsters, Cats and Birds: Pictures-Graffiti in Polatsk Transfiguration Church], in: Belarusian Historical Magazine. №5. 2013, 25–31.
- A. N. Kirpichnikov, *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 1. Mечи i sabli IX–XIII vv.* [Old Russian Weapons. Issue 1. Swords and Sabers of the 9–13th Centuries], in: Collection of Archaeological Sources. Issue E1–36. Moscow — Leningrad 1966.

- A. N. Kirpichnikov, *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 2. Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kistseni IX–XIII vv. [Old Russian Weapons. Issue 2. Spears, Javelins, Battle-Axes, Maces, Knobsticks of the 9–13th Centuries]*, in: Collection of Archaeological Sources. Issue E1–36, Moscow — Leningrad 1966.
- A. N. Kirpichnikov, *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 3. Dosp'eh, kompleks boevykh sredstv IX–XIII vv. [Old Russian Weapons. Issue 3. Armour, a Set of Combat Means of the 9–13th Centuries]*, in: Collection of Archaeological Sources. Issue E1–36, Leningrad 1971.
- A. N. Kirpichnikov, *Snariazhenie vsanika i verhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. [Equipment of Rider and Mounted Horse in the 9–13th Centuries Rus']*, in: Collection of Archaeological Sources. Issue E1–36, Leningrad 1973.
- A. N. Kirpichnikov, *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv. [Warfare in Rus' in the 13–15th Centuries]*, Leningrad 1976.
- I. K. Labutsina, O. A. Kondrats'eva, *Plactina s izobrazheniem kentavra I fantasticheskogo zhyvotnogo iz raskopok vo Pskove [The Plates with the Image of a Centaur and a Fantastic Animal from the Excavations in Pskov]*, in: Soviet Archaeology, 1975, 4, 223–234.
- O. Motsia, A. Kazakov, *Davniorus'kyi Chernigiv [Old Russian Chernigiv]*, Kiev 2011.
- T. V. Nikolaeva, *Drevnerusskaia melkaia plastika iz kamnia XI–XV vv. [Old Russian Small Plastic of Stone of 11–15th Centuries]*, in: Collection of Archaeological Sources, issue E1–60, Moscow 1983.
- M. I. Petrov, *Voennoe delo v drevnerusskoi sfragistike [Warfare in Old Russian Sphragistics]*, in: Great Novgorod and Medieval Rus'. Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of Academician V. L. Yanin, Moscow, 2009, 644–654.
- M. A. Plavinski, *Iz istorii vostochnoevropskikh shchitov XII–XIV vv. (o vremeni vozniknovenia i pustiah razvitiia povethy [From the History of the 12–14th Centuries Eastern European Shields: on the Time and Ways of the Pavise Origine]*, in: Archeology and History of Pskov and Pskov Land: Materials of the 50th Seminar, Pskov 2004, 379–386.
- M. A. Plavinski, *Drevnerusskie graffiti kak istochnik po istorii vooruzhenia: k postavke voprosa [The Old-Russian Graffiti as a Source for Weapons History: Preliminary Statements]*, in: Archeology and History of Pskov and Pskov Land. Seminar of Academician V. V. Sedov: Materials of 58th Meeting, Moscow — Pskov, 2013, 389–399.
- M. A. Plavinski, *Miniatiury Radzivillovskoi letopisi kak istochnik po istorii drevnerusskogo oruzhia: k postanovke voprosa [Radzivil Chronicle Miniatures as a Source of Ancient Weapons History: an Introduction]*, in: Archeology and History of Pskov and Pskov Land. Seminar of Academician V. V. Sedov: Materials of 59th Meeting, Moscow — St. Petersburg, 2014, 388–401.
- V. D. Sarab'ianov, E. S. Smirnova, *Istoria drevnerusskoi zhyvopisi [History of Old Russian Painting]*, Moscow 2007.
- E. S. Smirnova, *Zhyvopis' Velikogo Novgoroda. Seredina XIII — nachalo XV vekov [Painting of Great Novgorod. Middle of the 13th — Beginning of the 15th Centuries]*, Moscow 1976.
- Skazanie o Borise i Glebe. Faksimil'noe vosproisvedenie zhytiinykh povestei iz Sil'vestrovskogo sbornika (2-ia polovins XIV v.) [The Tale of Boris and Gleb. A Facsimile Reproduction of Hagiographic Stories from Sil'vestr Collection (the Second Half of the 14th Century)]*, Moscow 1985.
- A. N. Sorokin, E. A. Tianina, *Drevnerusskie dereviannye sosudy s izobrazheniami voinov [Old Russian Wooden Pots with the Images of Warriors]*, in: Novgorod and Novgorod Land: History and Archeology, Vol. 13, Novgorod 1999, 131–142.
- A. N. Sorokin, E. A. Tianina, *Iz istorii drevnerusskoi voinskoi kul'tury [From the History of Old Russian Military Culture]*, in: Świat Słowian wczesnego średniowiecza. Szczecin — Wrocław 2006, 465–477.
- G. K. Vagner, *Dekorativnoe iskusstvo v arhitekture Rusi IX — XIII vekov [Decorative art in the Architecture of the 9–13th Centuries Rus]*, Moscow 1964.
- G. K. Vagner, E. V. Vorobjova, *Arhitekturnyi dekor Rusi IX — XIII vv. [Architectural Decoration of Rus' in the 9–13th Centuries]*, in: Old Rus'. Life and Culture. Archaeology of the USSR, Moscow, 1997, 186–202.
- P. A. Vasin, *Srednevekovye russkie shlemy s grebniami XIII–XV vv. [Medieval Russian Helmets with Crests in the 13–15th Centuries]*, in: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference «Warfare of Russia and its Neighbors in the Past, Present and Future», St. Petersburg, 29–31 March, 2005, Moscow 2006, 157–159.
- S. N. Vahtanov, *Risunki-graffiti Zolotykh vorot vo Vladimire [Pictures-Graffiti on the Golden Gate in Vladimir]*, in: Archeology of Vladimir-Suzdal' Land: Materials of Scientific Seminar, Issue 3, Moscow — St. Petersburg 2011, 181–186.
- N. F. Vysotskaia, *Dekaratyuna-pryklanoie mastatstva Belarusi XII — XVIII stogoddziau [Arts and Crafts of Belarus in the 12–18th Centuries]*, Minsk 1984.
- G. I. Vzdornov, *Iskusstvo knigi v Drevniei Rusi. Rukopisnaia kniga Severo-Vostochnoi Rusi XII — nachala XV vekov [Art of Book in Old Rus'. Manuscript Book of North-Western Rus' in the 12 — Beginning of the 15th Centuries]*, Moscow 1980.
- G. I. Vzdornov, *Volotovo. Freski tserkvi Uspenia na Volotovom mole bliz Novgoroda [Volotovo. Frescoes of the Church of the Assumption on Volotovo Field near Novgorod]*, Moscow 1989.
- V. L. Yanin, *Aktovye pečhati Drevniei Rusi X–XV vv. T. I. Pečhati X — XIII vv. [Act Seals of the 10–15th Centuries Rus'. Vol. I. Seals of the 10–13th Centuries]*, Moscow 1970.
- V. L. Yanin, *Aktovye pečhati Drevniei Rusi X–XV vv. T. I. Novgorodskie pečhati XIII–XV vv. [Act Seals of the 10–15th Centuries Rus'. Vol. II. Novgorod Seals of the 13–15th Centuries]*, Moscow 1970.
- V. L. Yanin, P. G. Gaydukov, *Aktovye pečhati Drevniei Rusi X–XV vv. T. III. Pečhati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg. [Act Seals of the 10–15th Centuries Rus'. Vol. III. Seals Registered in 1970–1996]*, Moscow 1998.
- K. A. Zhukov, *Kombinirovannyyi lamelliarno-cheshuichatyi dosp'eh na Rusi (po izobrazitsel'nym istochnikam XIV–XVI vv.) [Combined Lamellar-Scaly Armour in Rus' (after Pictural Sources of the 14–16th Centuries)]*, in: Para bellum, 2003, 2 (18), 81–98.
- K. A. Zhukov, *Russkie sferokonicheskie shlemy razvitogo Srednievekov'a [Russian Spheroconical Helmets of High Middle Ages]*, in: Warrior, 2005, 18, 18–27.

К. В. Шмелев

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЛЬЧУЖНОГО ПОЛОТНА В СРЕДНЕВЕКОВОМ «ГРАЖДАНСКОМ КОСТЮМЕ». К ВОПРОСУ О НАХОДКЕ ИЗ БОРНИЦКОГО МОГИЛЬНИКА

Фрагменты кольчужного полотна и отдельные кольца в погребальных памятниках раннего средневековья и древнерусского времени — нечастая, но, тем не менее, встречающаяся находка. Для территории Древней Руси и сопредельных областей наиболее ранние примеры подобных находок сделаны, вероятно, в составе Гнёздовского комплекса¹ в Смоленской области, где, помимо находок трех полноразмерных кольчатых доспехов, встречено еще четыре отдельных фрагмента кольчужного плетения. Также подобные находки прослежены на территории современной Украины, в ряде погребений Киева² и Чернигова, у с. Волынцева, под Сумами³, отдельные находки на территории Белоруссии и Прибалтики.

Ряд исследователей, занимавшихся изучением восточно-финского населения Поволжья (в первую очередь мордвы)⁴, выделяли находки фрагментов кольчужного полотна в качестве нечастой, но достаточно характерной особенности погребального обряда данного региона. По-

добные находки прослежены Пановском могильнике⁵ Пензенской области, в Тамбовской области — в Крюково-Кужновском могильнике⁶. Наиболее ранние находки подобных изделий (относящихся к периоду середины первого тысячелетия н. э.) были сделаны на территории современной Мордовии — в Селикса-Трофимовском⁷ и Армиевском I грунтовым могильниках⁸.

На территории Северо-Запада фрагменты кольчужного полотна встречены при раскопках кургана у деревни Княжое Село в Любытинском районе Новгородской области⁹ и, возможно, в одном из курганов у деревни Заозерье в Приладожье¹⁰. Большинство из подобных погребений, относящихся к периоду раннего средневековья — совершено по обряду трупосожжения (за исключением ряда ингумаций в мордовских памятниках). Надо отметить, что часть подобных погребений, безусловно, относится к разряду воинских мужских погребальных комплексов, но по какой-то причине содержащих не целые доспехи, а их фрагменты. В этом ряду находятся также погребальное сооружение в составе Киевского некрополя, содержащее, помимо фрагмента кольчужного полотна, наконечники стрел и нож¹¹, ряд погребений из Гнёздовского могильника, содержащих отдельные кольца и фрагменты кольчужного плетения наравне с предметами вооружения, сюда же можно отнести обнаруженное в Гнёздово погребение, содержавшее миниатюрный набор слесарных инструментов и запас кольчужных колец, с высокой долей вероятности интерпретированное как захоронение мастера-оружейника¹². Помимо гнёздовской находки, таким же образом интерпретируется еще несколько погребальных комплексов — из Шестовиц и Тимирева¹³, однако в данном случае были прослежены только инструменты оружейника.

¹ Каинов С. Ю. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнёздовском могильнике // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Архангельск, 2008. С. 202.

² Голубева Л. А. Киевский некрополь // МИА. № 11. 1949. С. 155.

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л., 1971. С. 9–10.

⁴ См. напр.: Иванов П. П. Материалы по истории мордвы 8–11 вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск, 1952; Вихляев В. И., Петербургский В. М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 158.

⁵ Материальная культура Средне-Цнинской мордвы 8–11 вв. По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 гг. Саранск, 1969. С. 31.

⁶ Иванов П. П. Материалы по истории мордвы... С. 25, 35.

⁷ Полесских М. Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3443.

⁸ Полесских М. Р. Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа // СА. 1968. № 1. С. 202–203.

⁹ Медведев А. Ф. К истории кольчуги в Древней Руси // КСИА. № 49. М., 1949. С. 29.

¹⁰ Устное сообщение научного сотрудника Государственного Эрмитажа Я. В. Френкеля.

¹¹ Голубева Л. А. Киевский некрополь... С. 155.

¹² Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 230.

¹³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 9.

Как уже было сказано, большинство ранних погребений, содержащих подобный элемент, совершенно по обряду трупосожжения, но, тем не менее, значительная часть погребений уверенно интерпретируется как женские. Более поздние погребения, содержащие труположения, также в большинстве своем оказываются именно женскими.

Факт нахождения в женских погребениях предметов, однозначно связанных с элементами воинской культуры, изначально вызывал у исследователей ряд вопросов. По мнению А. Н. Кирпичникова, данные предметы интерпретировались как некий «погребальный дар» или супружеское приношение¹⁴. С подобной трактовкой соглашался также и С. Ю. Каинов, сделавший подобные же выводы на основании изучения материалов гнёздовского могильника¹⁵. Важно отметить, что находки фрагментов кольчуг и отдельных колец характерны не только для древнерусской территории, но и в целом для территории Северной Европы.

Всего, по сведениям А. Н. Кирпичникова¹⁶, известно 19 ранне-средневековых находок фрагментов кольчужного полотна и приблизительно 85, относящихся к периоду XI–XIII вв. (в это число включены как находки из погребальных, так и из поселенческих памятников).

Находки подобных же фрагментов кольчужного полотна и отдельных колец встречаются и в погребениях, относящихся к периоду развитого средневековья, хотя общая масса находок подобного плана заметно меньше¹⁷. Необходимо также отметить, что изделия из кольчужных колец значительно отличаются от часто встречающихся в costume этого времени цепочек из железной или бронзовой проволоки. Кроме того, для этого времени, вероятно, можно говорить о появлении изделий невоенного назначения, но выполненных с использованием кольчужных колец: сумок со вставками из кольчужного полотна и поясных цепей. К сожалению, данные категории находок в настоящее время недостаточно изучены исследователями, а большая часть находок сделана в ходе грабительских раскопок, что затрудняет их локализацию и датировку.

В этом ряду особое внимание привлекает находка пояса-цепи, собранного из железных колец, аналогичных кольчужным, бронзовых колец, железных и бронзовых обоймиц из Тонтиньяки в северо-вос-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Каинов С. Ю. К вопросу о количественной оценке... С. 202.

¹⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 9–10.

¹⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 12.

точном Приладожье (раскопки Т. Швиндта, 1888 г.)¹⁸. Пояс, вероятно, относился к женской (позднейшей) части погребального комплекса. А. И. Сакса датировал эту могилу концом XII–XIII в. на основе находок овально-выпуклых фибул типа «D» при женском и овального кресала при мужском погребениях. Он отметил также, что круглая подвеска имеет аналогии в памятниках поздней эпохи викингов¹⁹. Ю. М. Лесман разделил комплексы и датировал женское погребение 1224–1281 гг., мужское — 1116–1197 гг.²⁰

В ходе исследований последних лет была сделана еще одна находка, относящаяся к данному кругу древностей. В 2008 г. во время раскопок средневекового могильника у деревни Большие Борницы на Ижорском плато было исследовано погребение, содержащее изделие, выполненное в технике кольчужного плетения²¹. Погребение женщины 40–50 лет (рис. 1)²² было совершено в поле кургана, для чего была частично разобрана первоначальная известняковая обкладка насыпи. Костяк погребенной лежал на спине, со сложенными на груди руками, головой на северо-восток. При костяке прослежен ряд украшений — многочастные пронизки и бисер темно-зеленого непрозрачного стекла (34 шт.), два серебряных ромбоштитковых височных кольца, бронзовый перстень на кисти правой руки, браслеты — пластинчатый на левой и ложновитой на правой руке, подковообразная фибула в районе левой ключицы. Справа от черепа находился железный серп, под левой рукой, выше костей таза — железный нож с деревянной рукояткой, бронзовыми оковками наконечника ножен и устья, органическими остатками ножен (кожа и береста) и системой подвески к поясу, выполненной в технике кольчужного плетения. Курган Е (по классификации автора раскопок) содержал три погребения: № 1 — детское (девочка, возраст 1,5–2,5 года), совершенное в поле кургана; № 2, описываемое в данной статье, также совершенное в поле кургана;

¹⁸ Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta // SMYA. XIII. Helsinki, 1893. S. 66–67.

¹⁹ Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э.: происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010. С. 148.

²⁰ Лесман Ю. М. Хронология карельских могильников: взгляд из Новгорода // Stratum plus. № 5. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2012. Приложение 2. С. 155.

²¹ Шмелев К. В. Отчет о спасательных археологических исследованиях могильника Большие Борницы I в 2008 г. СПб., 2009.

²² Определение кандидата исторических наук, научного сотрудника Отдела антропологии МАЭ РАН И. Г. Широкова.

№ 3 — основное первоначальное захоронение в центре погребальной площадки (прослежены перемешанные остатки мужского и женского костяков), разрушенное грабительской ямой. В целом весь погребальный комплекс кургана Е может быть датирован в пределах середины XII–XIII вв., конкретно же данное погребение — последними десятилетиями XII — началом XIII в.²³

Необходимо отметить, что как сам нож (рис. 2), так и конструкция ножен выглядят абсолютно стандартно, ножны с оковками подобной конструкции многократно встречены на погребальных памятниках как Ижорского плато, так и всего Северо-Запада, и это не единственная находка подобных ножен на территории Борницкого могильника. В то же время система подвески ножен к поясу выглядит достаточно необычно, хотя и, безусловно, напоминает распространенные способы подвески при помощи металлических элементов (цепочек), распространенных в древнерусское время.

Конструктивно подвеска состоит из ряда элементов: оковки устья ножен (состоит из бронзовой полосы шириной около 1,5 см и длиной около 5 см, перегнутой пополам и скрепленной в нижней части двумя заклепками, в верхней части — отверстие для большого кольца), большого железного кольца (d — 1,5 см, сечение проволоки 5 мм) и набора железных кольчужных колец. Кольца диаметром 0,8–10 мм, сечение проволоки — 3,5 мм, часть колец сварная, часть заклепана «на шип». Всего в наборе порядка 65–70 колец (с учетом утраченных до реставрации). Первые пять колец надеты на большое кольцо, далее плотно собирается по стандартной для кольчужного плетения технике — каждое кольцо переплетено с четырьмя соседними. Получающаяся трапециевидная полоса, состояла, вероятно, из 8–10 вертикальных рядов колец и 10–12 горизонтальных (рис. 3). Оформление верхней части подвеса не вполне ясно, в любом случае, оно должно было скрепляться с поясом, выполненным из органических материалов. Полных аналогов данной находки автору не известно, хотя данная конструкция, безусловно, схожа с распространенными в древнерусское время подвесками ножен из металлических (чаще бронзовых) цепочек.

Завершая данную работу, рискну предположить, что и в других случаях обнаружения фрагментов кольчужного полотна в заведомо

женских погребениях мы, вероятно, сталкиваемся не с элементами доспеха, положенными с некими целями в могилу, а с элементами костюма или костюмной фурнитуры, выполненными в технике кольчужного плетения.

Список литературы

- Вихляев В. И., Петербургский В. М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
- Голубева Л. А. Киевский некрополь // МИА. № 11. 1949.
- Иванов П. П. Материалы по истории мордвы 8–11 вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск, 1952.
- Кайнов С. Ю. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнездовском могильнике // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Архангельск, 2008.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л., 1971.
- Лесман Ю. М. Хронология карельских могильников: взгляд из Новгорода // Stratum plus. № 5. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2012.
- Материальная культура Средне-Цнинской мордвы 8–11 вв. По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 гг. Саранск. 1969.
- Медведев А. Ф. К истории кольчуги в Древней Руси // КСИА. № 49. М., 1949.
- Полесских М. Р. Боевое оружие и снаряжение из могильников Армиепского типа // СА. 1968. № 1.
- Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
- Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э.: Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.
- Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta // SMYA XIII. Helsinki, 1893.

References

- L. A. Golubeva, *Kievsky nekropol [Kiev necropolis]*, in: MIA [Materials and researches on archeology], 1949, 11.
- P. P. Ivanov, *Materialy po istorii mordvi 8–11 vv. Krukovo-Kuznovsky mogilnik. Dnevnik arheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova [Materials on the history of Mordovians in 8–11 centuries. Kryukovskaya-Kuzhnovskiy burial. Diary of archaeological excavations of P. P. Ivanov]*, Morshansk 1952.
- S. Y. Kainov, *K voprosy o kolichestvennoy otsenke pogrebeniy s predmetamy vooruzheniya v Gnezdovskom mogilnike [On the issue of the quantification of the burials with weapons in Gnezdovo burial]*, in: XVI Conference for the Study of the Scandinavian countries and Finland, Arkhangelsk 2008.
- A. N. Kirpichnikov, *Drevnerusskoe oruzie [Ancient Russian weaponry. Vol. III. Armor, a set of combat assets IX–XIII centuries]*, Leningrad 1971.

²³ Определение кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Ю. М. Лесмана.

- Y. M. Lesman, *Khronologiya Karelskikh mogilnikov: vzglad iz Novgoroda [Karelian burial chronology: view from Novgorod]*, in: *Stratum plus*, 2012, 5.
- Materialnaya kul'tyra Sredne-Tsninskoj Mordvy 8–II vekov. Po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 god [The material culture of the Mid-Tsna Mordovians in 8–11 centuries. According to the materials of excavations of P. P. Ivanov in 1927–1928]*. Saransk 1969.
- A. F. Medvedev, *K istorii kolchugi v Drevney Rusi [On the history of chain mail in ancient Russia]*, in: *KSIA [Brief reports of the Institute of Archaeology]*, 1949, 49.
- M. P. Poleskih, *Boevoe oruzhie i snariazenie iz mogilnikov Armiepskogo tipa [Military weapons and equipment of the Armiepskogo type burials]*, in: *SA [Soviet archeology]*, 1968, 1.
- B. A. Rybakov, *Remesla Drevney Rusi [Craft of the ancient Russia]*, Moscow 1948.
- A. I. Saksa, *Drevnaya Karelia v kontse I — nachale 2 tysyacheletiya AD. Proishozhdenie, istoria i kultura naselenia letopisnoj Karelskoy zemly [Ancient Karelia at the end of I — beginning of II millennium AD: Birth, history and culture of the population of the Karelian land]*, St. Petersburg 2010.
- Schwindt T. *Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. [Karelia during the Iron Age]*, in: *SMYA [Finnish Society for Ancient Momuments]*, 1893, XIII.
- V. I. Vichlaev, V. M. Peterburgsky, *Mordva [Mordovians]*, in: *Finno-Ugry Povol'zhya i Priural'ya v srednie veka [Finno-Ugric peoples of Volga and Urals in the Middle Ages]*, Izhevsk 1999.

УДК 94 (47).027=623.445.2 (47) »13–14»
ББК 63.2 (2) 41

А. Г. Панкратов

ШЛЕМ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ XIV — НАЧАЛА XV в.

Изучение боевых наголовий, использовавшихся на территории древнерусских княжеств, имеет обширную историографию. Шлем привлекал внимание исследователей с самого зарождения оружейедения в России. Дореволюционные исследователи русского оружия, такие, как А. В. Висковатов, Э. Ленц, П. фон Винклер, Н. Е. Бранденбург, разделяли русское вооружение исключительно на «норманнский» и «монголо-татарский периоды». Ученые, разделявшие ориенталистический взгляд на производство Древней Руси, считали, что мастерство древнерусских ремесленников «значительно улучшилось от влияния татарского»¹. В целом настрой дореволюционных оружейедов относительно всего «древнерусского» был довольно скептическим.

В послевоенную эпоху в СССР возник стабильный интерес к теме древнерусского ремесла, связанный с накоплением археологического материала и его научной систематизацией. Академиком А. Н. Рыбаковым в классической монографии «Ремесло Древней Руси» были представлены доказательства существования в древнерусских княжествах мощной производственной базы. Б. А. Колчин развил взгляды А. Н. Рыбакова, дополнив источниковую базу древнерусского ремесла, в частности металлообработки, при помощи технологических методов, появившихся в науке того времени.

Первоначально ученые советского периода уделяли недостаточное внимание защитному вооружению среди прочего набора военных средств древнерусского воина. Однако боевое наголовье — шлем, со временем занял в этой области исследований, пожалуй, главенствующее место. Вопросы, связанные с изменением облика шлема в эпоху ордынского ига на протяжении XIV в. до середины XV в., вызывают

¹ *Хмыров М. Д.* Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России. СПб., 1875. С. 83.

безусловный интерес. От того, как выглядела эта важнейшая часть защитного вооружения, где, кем и какими способами производилась, зависит восприятие русского комплекса вооружения в целом. Однако то, как изменилось вооружение в XIV в. по сравнению с домонгольским временем, удалось исследовать только в последние десятилетия.

В настоящее время невозможно отрицать развитой характер древнерусского ремесла. Древнерусские мастера располагали всеми необходимыми инструментами и навыками для производства оружия, в том числе защитного снаряжения. Найдены железопроизводящие мастерские с полным циклом², открыт способ производства стали («оцела», «харалуга»³, «уклада»⁴) на территориях древнерусских княжеств. Археологами найдено значительное количество разнообразного кузнечного инструмента. Среди находок инструментов присутствуют наковальни, как простые, так и сложные, в том числе снабженные отверстиями для прикрепления малых фигурных наковален, или шпераков, для тонких операций⁵, различные категории молотков-ручников, напильники (в древнерусской терминологии — «пилы по железу»), при этом весьма совершенные⁶, клещи, «бородки» для формирования отверстий⁷, клиновые деревянные или металлические зажимы для удержания заготовок⁸.

Производство оружия в Древней Руси стояло на достаточно высоком уровне. В 1269 г. в Новгородской первой летописи упомянуты мастерские по изготовлению доспехов — «бронницы на Мсте»⁹. Древ-

нерусское оружейное дело знало узкоспециализированных мастеров для изготовления доспехов — «бронников»¹⁰.

Б. А. Колчин предполагал, что древние мастера изготавливали шлем методом штамповки с последующей выколоткой¹¹. Метод штамповки подразумевает наличие болванки закругленной формы (специального пуансона), по которой, вероятно, бил молотобоец, высаживая сразу значительное количество металла в матрицу. Также Б. А. Колчин разделял мнение о возможном механическом выдавливании заготовок при помощи рычага¹².

Однако предпочтительной и более доступной в отсутствие железного пуансона кажется версия использования просто молотка-ручника со сглаженными краями для выколотки.

В настоящее время, исходя из практических экспериментов, известно два основных способа изготовления шлема ручным способом. Для изготовления шлема простейшим способом в первую очередь необходим материал в виде листов железа или стали, матрица, которая может быть деревянной, и молоток. Способ работы с металлом подобным образом в зарубежной историографии называется «doming»¹³. В отечественных работах к такому способу применяют термин чеканка металла или «выколотка». Молоток для подобных операций желателен должен иметь вытянутый боек слегка закругленной формы. В 1514 г. в Англии упомянуты специальные наковальни для шлемов и для кирас¹⁴. В более ранние времена такую специализацию у инструмента мы не наблюдаем и в Западной Европе. В 1344 г. в описях упоминаются просто наковальни¹⁵.

Еще одним способом изготовления доспехов является способ обрательной выколотки, или *rasing*¹⁶. В данном случае значительное скругление на бойке молотка необязательно, но обязательно наличие шперака-

² Кулешов Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. 2010. № 3. С. 79; Миролюбов М. А. Кузнечные изделия древнего Иязслава из собрания Государственного Эрмитажа // У истоков русской культуры XII–XVII века. Сборник статей. СПб, 1995. С. 33, 34.

³ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 49–54.

⁴ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. № 12. М.-Л., 1949. С. 192–205.

⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: Издательство АН СССР, 1948. С. 596.

⁶ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 66–70.

⁷ Там же. С. 65–66.

⁸ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. № 12. М.-Л., 1949. С. 205–206.

⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: Издательство АН СССР, 1948. С. 597. Сноска 11.

¹⁰ Там же. С. 597. Сноска 10.

¹¹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 150.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Brian R. Prise. Techniques of Medieval Armour Reproduction: The 14th Century. London, 2008. P. 78.

¹⁴ Charles John Ffoulkes. The armourer and his craft from the XIth to the XVIth century. Forgotten books, 2013. Originally published: London, 1912. P. 39.

¹⁵ Там же. P. 36.

¹⁶ Brian R. Prise. Techniques of Medieval Armour Reproduction: The 14th Century. London, 2008. P. 78, 79.

«кулака», или рога наковальни, вокруг которого металлическая заготовка выдвигается. Для такого вида работ характерна удлиненная конфигурация ударной части молотка. При этом необходимо отметить, что нетяжелые универсальные молотки-ручники составляют самую многочисленную категорию древнерусских находок. Сохранились европейские молотки для подобных работ в мастерских Гринвича¹⁷, которые вполне соотносимы с древнерусскими находками (рис. 1).

Не такой невозможной операцией для древнерусского производства являлась механическаяковка листов железа. Вполне вероятно, что, подобно своим европейским соседям, русские мастера использовали силу падающей воды. Во всяком случае, в древнерусских письменных источниках XIII в. можно встретить множественные упоминания о мельницах¹⁸. Памятники XVI в. свидетельствуют об их широком распространении¹⁹. Использование материала, в первую очередь необходимого для изготовления доспехов — листового железа — отмечено для XV в. уже в бытовом обиходе. Например, в 1465 г. Псковская летопись сообщает: «Покрыша церковь святые Софии железом»²⁰.

Таким образом, древнерусские мастера обладали всеми возможностями для самостоятельного производства шлемов.

Одним из первых среди советских ученых попытался обобщить имеющиеся данные по виду боевых наголовий, употребляемых на Руси, А. В. Арциховский в очерке «Русское оружие X–XIII веков». На основе археологического материала автор отметил ряд характерных деталей: «Древнерусский шлем уже в X веке был плавно изогнут и вытянут кверху, заканчиваясь стержнем. Эта форма в Западной Европе отсутствует совершенно, а в Передней Азии неизменно господствует. Таковы еще ассирийские шлемы; в средние века этот облик сохранили шлемы арабские, персидские и турецкие. <...> На Руси такой шлем господствовал с X до XVII века и в московское время назывался шишаком»²¹.

М. Г. Рабинович в очерке «Из истории русского оружия XI–XV вв.», посвященном вооружению новгородского войска, как основные средства защиты новгородского воина выделил «щит, броню и шелом»²².

¹⁷ Там же. Р. 77.

¹⁸ Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 63.

¹⁹ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. С. 204.

²⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. С. 596.

²¹ Арциховский А. В. Русское оружие X–XIII вв. М.: МГУ, 1946. С. 7.

²² Рабинович М. Г. Из истории русского оружия X–XV вв. // ТИЭ. Новая серия. 1947. Т. I. С. 68.

По его мнению, «оружие новгородских воинов либо производилось в самой Новгородской земле, на что мы имеем ряд прямых указаний, либо привозилось с Востока, связи с которым прослеживаются с глубокой древности»²³. К сожалению, автор не оставил конкретных ссылок, подкрепляющих свое мнение. Подтверждение этого тезиса можно найти в работах А. Н. Рыбакова, находящего связи ремесла уже ранней эпохи русской государственности (VIII в.) с «сильнейшей средневековой культурой арабо-иранского Востока»²⁴.

Касаясь такого вида защитного вооружения, как шлем, Рабинович отмечал, что «наиболее распространенной формой шлема был собственно шелом, или шишак — высокий, плавно вытянутый кверху шлем с высоким навершием», при этом «шишак был господствующей, но вряд ли единственной формой шлема, употребительной в Новгородской земле»²⁵. Автор считал, что европейское оружие попадало на территории древнерусских княжеств исключительно в виде контрабанды²⁶, что, очевидно, исключало широкое использование европейских боевых наголовий. Его мнение находит подтверждение в современных работах в области торговых отношений Великого Новгорода²⁷.

Степень заинтересованности в обладании европейским защитным вооружением в среде восточноевропейских воинов в начале XV в. можно оценить по сообщениям современников. Так например, средневековый хронист Ян Длугош, описывая нетерпение объединенного польско-русского-литовского войска накануне Грюнвальдского сражения, среди которого, как известно, было свыше сорока западнорусских хоругвей, вооруженных весьма скромно²⁸, замечает: «Хотя оставалось еще четыре дня пути до вражеских земель, однако многие из королевского войска, нарушая воинские правила, вопреки приказам короля и князей, самовольно отправлялись тайком во вражеские земли; они разоряли их грабежами, убийствами и поджогами и приносили ночью в лагерь отнятые у врагов прекрасные доспехи; днем же не осмеливались этого делать из опасения наказаний»²⁹. Такое желание заполу-

²³ Там же. С. 67.

²⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. С. 519.

²⁵ Рабинович М. Г. Из истории русского оружия X–XV вв. С. 75.

²⁶ Там же. С. 67.

²⁷ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 311, 315.

²⁸ Длугош Я. Грюнвальдская битва. СПб., 2007. С. 90.

²⁹ Там же. С. 71.

чить европейское вооружение в виде трофеев совершенно понятно. Торговля оружием с русскими землями была жестко ограничена санкциями, налагаемыми европейскими торговыми корпорациями и представителями светской и духовной власти.

Очевидно, несколько иная ситуация наблюдалась в эпоху раннего средневековья — во всяком случае, «Слово о полку Игореве» содержит упоминания о «шеломах латинских» у волынских князей, наличие которых обусловлено широкими общеевропейскими связями домонгольской Руси.

В кратком определителе «Русское оружие», вышедшем в 1953 г. стараниями коллектива авторов, боевым наголовьям был отведен большой раздел. Обзор вооружения, представленный в работе, базировался на рассмотрении поздних наголовий, в основном относившихся к XVI–XVII вв. В этой работе выделены конструктивные особенности шлема, употребляемого в позднесредневековом русском войске. В частности, было замечено, «что первоначально шлемы склепывались из нескольких частей, но уже в XII веке русские мастера начинают выковывать шлемы из цельного куска железа, позднее из стали»³⁰.

На основании последних исследований защитного вооружения XII в. представляется чрезмерно ранней датировкой для большинства цельнокованых наголовий, использующихся в древнерусском войске. Вообще, термин «цельнокованный» слабо отражает конструктивные особенности боевого наголовья, изготавливаемого из одного куска металла на Руси в позднем средневековье. Наиболее верным будет являться термин «одношовный» — большинство наголовий из одного куска изготавливались методом свертки в конусообразную фигуру с предварительной и последующей доработкой упоминаемыми нами методами для придания желаемой формы. Можно проследить «исторический путь», которым это мнение о цельной конструкции шлема попало в вышеуказанную работу. Впервые оно было высказано академиком А. Н. Рыбаковым в его монографии «Ремесло Древней Руси» относительно конструкции шлема из с. Лыково (известный шлем «Ярослава Всеволодовича») ³¹. А. Н. Рыбаков обладал максимальными возможностями при осмотре этого боевого наголовья. Но совершенно очевидно, что поверхностный осмотр фрагментов купола шлема ни-

³⁰ Денисова А. Л., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 53.

³¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. С. 234.

чего не может сказать о его истинной конструкции. Скорее всего, этот шлем был склепан «впотаю», из трех частей, т. е. был конструктивно схож с прочими наголовьями с клювовидными наносниками и полумасками³². Тем не менее, он вполне может оказаться высокотехнологичным для своей эпохи изделием, произведенным для круга княжеско-боярской аристократии, опередившим общий уровень. Для установления истинной конструкции этого известного древнерусского памятника необходимо рентгенологическое исследование.

Прочие данные, которые предоставлял определитель «Русское оружие», касались очевидных боевых качеств конического наголовья. Была рассмотрена и терминология, применяемая на Руси к шлему в средневековье.

Важнейшей вехой в историографии русского шлема является фундаментальный труд А. Н. Кирпичникова «Древнерусское оружие IX–XIII вв.». В третьем издании «Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.» были рассмотрены 37 археологических находок шлемов и их частей, найденных на древнерусской территории, на основании которых ученый выделил пять основных типов боевых наголовий³³ (рис. 2). И хотя пятый тип на сегодняшнее время представляется ошибочным построением (если рассматривать шлем, представленный в схеме), общая ясность и удобство обеспечила схеме Кирпичникова мировую известность.

В вышедшей вслед за трехтомником монографии того же автора «Военное дело на Руси в XIII–XV вв.» рассматривалось защитное вооружение позднего средневековья. Находки, относящиеся к XIV–XV вв., в ней не анализировались. Основное внимание было уделено образцам позднесредневекового шлема XVI в.³⁴

Поэтому в современной науке существует необходимость рассмотрения шлемов «переходного времени» (XIV в. и первая половина XV в.), систематизации накопленного материала и создания классификации боевых наголовий позднесредневековой Древней Руси, причем основанной не только на внешних морфологических признаках. На мой взгляд, основаниями для построения такой классификацион-

³² Жуков К. А. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2006. С. 151.

³³ Кирпичников А. Н. Археология СССР. Свод археол. источников в 3-х т. Л., 1971. Вып. 3. Е1–36. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. С. 23. Рис. 8.

³⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1973. С. 29–30.

ной схемы, помимо внешних признаков, должны стать боевые качества шлемов и способы их изготовления.

Эти аспекты уже затрагивались в работах, посвященных позднему русскому защитному вооружению. Наиболее полно проблематикой вопросов, связанных с позднесредневековым вооружением Древней Руси, занимался в прошлом десятилетии К. А. Жуков, подготовивший диссертационную работу «Защитное вооружение русского воина Северо-Западного региона XIII–XV вв.» (научный руководитель — А. Н. Кирпичников). Появление этой работы предварялось докладами в секторе «Проблемы военной археологии» при отделе славяно-финской археологии РАН и рядом статей, посвященных защитному вооружению указанного периода. Однако диссертация так и не была защищена. Некоторые публикации, предварявшие ее появление, напрямую относились к проблематике вопроса боевых наголовий, использующихся в русском войске в XIV–XV вв. Так, статья «К истории шатровидных шлемов на Руси» ввела в научный оборот ряд неизвестных до этого боевых наголовий, имеющих специфическую конструкцию, найденных в ходе грабительских разрытий³⁵. Статья «Русские сфероконические шлемы развитого средневековья» посвящена обзору практически всех известных на то время наголовий этой формы³⁶.

На настоящее время работы А. Н. Кирпичникова и его последователей несколько утратили свое значение. Доминирующим в отечественной историографии стало изучение военного дела кочевников, что обусловлено удобством исследования целых погребальных комплексов. Сам термин «древнерусское оружие» стал вызывать неприятие у некоторых исследователей. Большинство древнерусских шлемов объявлены исключительно «восточными», «кочевническими», «монгольскими».

В 1990 г. была издана небольшая статья М. В. Горелика и В. В. Дорофеева «Погребение золотоордынского воина из Таборовки»³⁷, датированное 1250 г. Хотя эта статья выходит за хронологические рамки обозначенной темы, но освещает генезис интересующих нас боевых наголовий определенного вида. Среди прочего вооружения, найден-

³⁵ Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв., Тула, 2005. С. 216–233.

³⁶ Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. // Воин. № 18. 2009. С. 19–27.

³⁷ Горелик М. В., Дорофеев В. В. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка. // Проблемы военной истории народов востока. Л. 1990. С. 119–132.

ного в захоронении, авторами рассматривается «позлащенный шлем ордынской либо русской — по монгольскому образцу, работы»³⁸. Само название работы говорит уже само за себя. Захороненный действительно мог являться представителем воинского контингента Золотой Орды — в такой же мере, как и половцем, как и представителем смешанной дружинной русско-половецкой аристократии. Именно в этой работе впервые высказывается предположение на основе изобразительных источников: миниатюрах рукописи «Шах-наме» Фирдоуси из собрания Деммота, датированного 30-ми годами XIV в., говорящие в пользу «монгольской» теории происхождения золоченых шлемов с характерными клювовидными наносниками и полумасками, и высказана версия о «русско-монгольском гибриде»³⁹. Однако, в настоящее время эти изображения не кажутся исчерпывающими доказательствами, будучи слабо читаемы. Обращение к ним не раз подвергалось критике⁴⁰.

Таким образом, в статье Горелика и Дорофеева было положено начало спорному предположению о монгольском влиянии на подобные типы защитного вооружения. Авторы предложили набор признаков, характерных исключительно для монгольских шлемов XIII–XIV вв. В качестве основного они выделили отогнутый назад стержень на вершинах и крепление для якобы исключительно монгольского украшения — двойного свободно свисающего флажка-вымпела⁴¹. Это широко известные «яловцы», или «яловчики» древнерусских изобразительных и письменных источников. Однако двойной свисающий сзади флажок на шлеме в восточной военной традиции употреблялся уже в II в. н. э.⁴², еще до появления монголов на исторической арене. Золоченые шлемы известны по упоминаниям в древнерусской литературе и летописным источникам домонгольского времени. В частности,

³⁸ Там же. С. 122.

³⁹ Там же. С. 123.

⁴⁰ Жуков К. А. Клювовидные шлемы с полумасками на Руси. Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. Материалы международной научно-практической конференции. Москва: Министерство обороны Российской Федерации, 2006. С. 151–156.

Панкратов А. Г. Наносники и полумаски некоторых боевых наголовий Древней Руси // КЛИО. № (101) 5. май. 2015. С. 121, 122.

⁴¹ Горелик М. В., Дорофеев В. В. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов востока. Л., 1990. С. 23.

⁴² Робинсон Р. Доспехи народов Востока. М., 2006. С. 29. Рис. 8.

показательное упоминание о «золоченых шеломах» содержит «Слово о полку Игореве».

Если захороненный воин являлся действительно представителем военного контингента Золотой Орды, то кольчуга, найденная в захоронении в середине XIII в., скорее является признаком насыщения к указанному времени золотоордынского комплекса вооружения кольчатым доспехом. Сами ордынцы к этому времени использовали кожаные ламинарные и ламеллярные доспехи, представляющие чжурчжэньский комплекс вооружения⁴³. Согласно отчету ПIANO Карпини, тяжеловооруженные монгольские воины располагали специфическими железными и медными шлемами с тем, «что прикрывает горло, — из кожи» — бармицами, имеющими ламинарную конструкцию; «латы» монголов описаны как ламинарные и ламеллярные системы защиты корпуса и конечностей, нигде не упоминаются кольчуги и кольчужные бармицы⁴⁴, в то время как куполовидный или сфероконический шлем с кольчужной бармицей, дополненный кольчугой, находит широчайшие аналогии в памятниках, имеющих отношение к древнерусскому военному снаряжению в околорусских кочевнических древностях.

Среди таких комплексных памятников можно отметить как наиболее информативные: захоронение из Таганчи воина неизвестной этнической принадлежности, имеющего с собой атрибуты христианского культа: медальон с изображением святого воина, чашу для причастия и христианскую символику на шлеме⁴⁵; захоронение знатного половца рядом с р. Чингул, использующего традиционное боевое прикрытие головы, характерное для русско-половецкого комплекса вооружения — золоченый шлем с клювовидным наносником и щит, окрашенный в традиционный для Руси красный цвет, многократно упоминаемый в древнерусской литературе; и, наконец, известный комплекс из с. Лыково, содержащий кольчугу и шлем.

Возвращаясь к захоронению из под с. Таборовка, можно отметить, что традицию помещения щита в могилу монгольского воина некото-

⁴³ Кулешов Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. 2010. №3. С. 159–162.

⁴⁴ Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрика М., 1957. С. 50.

⁴⁵ Панкратов А. Г. Наносники и полумаски некоторых боевых наголовий Древней Руси // Клио. 2015. №5. С. 126.

рые исследователи считают для монголов нехарактерной⁴⁶. Кочевник, захороненный возле с. Таборовка, использовал скорее традиционное вооружение и наголовье русско-половецкого комплекса.

Однако тенденция к разработке темы монгольского вооружения среди древнерусских памятников продолжалась. В 2001 г. вышла статья А. Е. Негина под патронажем М. В. Горелика, посвященная находке куполовидного шлема из Городца на Волге⁴⁷. По ряду признаков — наверхию для прикрепления кожаных ленточек, «восточному» орнаменту на тулье шлема — исследователь объявил данное наголовье образцом монгольского вооружения, сделанного на заказ в Хулагуидском Иране⁴⁸. Построения Негина были подвергнуты критике К. А. Жуковым, который доказывал древнерусское происхождение шлема⁴⁹. В статье упомянута версия М. В. Горелика, объясняющая обстоятельства находки шлема — разрушенный кенотаф монгольского воина⁵⁰. Однако кенотаф являлся символическим захоронением в случае, если тело погибшего находилось вне пределов досягаемости. Обычно он сооружался с прочими предметами обихода и тушей коня или его чучелом. Никаких подобных предметов при отрытии шлема из Городца не найдено, кроме остатков кольчуги, которая, по-видимому, была элементом шлема — бармицей. Подобный воинский клад известен в отечественной историографии: это находка шлема с клювовидным наносником и кольчугой, сделанная в 1834 г. при раскрытии земляного вала на Крещатике подполковником бароном Финтингофом (хранится в настоящее время в Киевском историческом музее⁵¹). Подобные воинские клады в отсутствие тела погребенного напоминают поспешное сокрытие защитного вооружения с целью остаться неузнанным.

В 2002 г. вышло научно-популярное издание М. В. Горелика «Армии монголо-татар», снабженное прорисовками отдельных элементов

⁴⁶ Схатум Р. Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2005. С. 227.

⁴⁷ Негин А. Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород, 2013.

⁴⁸ Там же. С. 13.

⁴⁹ Жуков К. А. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси. Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2006. С. 151–156.

⁵⁰ Негин А. Е. Шлем из Городца. Н. Новгород, 2013. С. 19.

⁵¹ Кирпичников А. Н. Археология СССР. Свод археол. источников в 3-х т. Л., 1971. Вып. 3. Е1–36. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. С. 30.

восточного оборонительного и наступательного вооружения и цветными рисунками-реконструкциями облика монгольских и половецких воинов. В рамках этого издания была выдвинута гипотеза о восточном происхождении боевых наголовий, ранее считавшихся исключительно русскими. Автор высказывается о принадлежности монголам практически всех боевых наголовий, относящихся к виду куполовидных, с клювовидными полумасками и наносниками⁵².

А. Е. Негин в статье «Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории Западного Дешт-и-Кыпчака» доказывал, что подавляющее большинство сфероконических шлемов, найденных в кочевнических захоронениях, относятся к золотоордынскому периоду и принадлежат золотоордынскому вооружению. Не отрицая возможности использования сфероконического шлема в русском войске, автор продолжил линию М. В. Горелика, состоящую в конструировании комплекса монгольского защитного вооружения при помощи пересмотра происхождения памятников, до этого считавшихся древнерусскими⁵³. В таком же ключе сделана и монография А. Е. Негина «Шлем из Городца». Значительно расширяя предшествовавшее исследование о городецком шлеме, автор рассматривает наголовья с клювовидными полумасками и наносниками. Основная тенденция работы — подтверждение идей о заимствовании древнерусскими княжествами оружейного комплекса, привнесенного монголами. В частности, в работе поднят вопрос о конструктивных «предшественниках» куполовидных наголовий, получивших наименование в работах А. Н. Кирпичникова «шлема IV типа». Следуя взглядам Негина, неясна «отправная точка» генезиса куполовидного наголовья, по его предположению привнесенная на Русь монголами из Хулагуидского Ирана⁵⁴.

В 2008 г. вышла работа У. Ю. Кочкарова «Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв.»⁵⁵. В разделе, посвященном историографии, затронут вопрос о привлечении курганных комплексов соседних кочевых народов для исследования военного дела Древней

⁵² Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV в. Военское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002. С. 26.

⁵³ Негин А. Е. Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории западного Дешт-и-Кыпчака // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 3. С. 62–70.

⁵⁴ Негин А. Е. Шлем из Городца. Н. Новгород, 2013. С. 66.

⁵⁵ Кочкаров У. Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (Оружие ближнего боя). М., 2008. 175с.

Руси. Уровень металлообработки соседних с Русью кочевых народов автор оценивает весьма высоко, «судя <...> по выкованным железным маскам»⁵⁶. Метод привлечения околорусских курганных древностей к реконструкции вооружения древнерусского воина Кочкаров подверг критике. В частности, критикуется А. Н. Кирпичников за фрагментарное изъятие данных по захоронениям кочевников, соответствующих древнерусской теме предметов, «допуская, что, возможно, ими пользовались кочевники, но ковались эти вещи на Руси»⁵⁷. По мнению автора, «тезис этот не доказан и, очевидно, необходимо будет археологам не раз возвратиться к решению правильности этого вывода путем изучения структуры металла тех конкретных предметов, поскольку, согласно А. Н. Кирпичникову, они сделаны руками русских, а не степных кузнецов»⁵⁸.

Тезис о невозможности привлечения к реконструкции вооружения древнерусского воина элементов восточной комплекса вооружения является, на наш взгляд, чрезмерно строгим. Степень взаимного военного сотрудничества Древней Руси с представителями различных кочевых народов изначально была велика. К моменту монгольского нашествия «свои поганые» использовались русскими князьями как во время усобиц, так и в борьбе с другими кочевниками, по сути, являясь вооруженными силами Древнерусского государства. Исключить совершенно предположение о возможности изготовления русскими ремесленниками некоторых элементов вооружения, относящихся к восточной комплексу вооружений, во время ремонта, или переоснащения оружия, или например, совершенно исключить приемы конно-сабельного боя у древнерусской дружины, не представляется возможным. Южнорусский комплекс вооружения вообще изначально складывался в условиях борьбы с кочевниками. Таким образом, в связи с вопросом о возможности или невозможности привлечения вооружения из околорусских кочевнических захоронений, затронутыми в предисловии к работе Кочкарова, стоит выработать направление и верные методы в решении проблематики поставленного вопроса. Уже сейчас можно выделить логичный тезис об обращении к конструкциям наголовий, найденных в кочевнических захоронениях, геометрически аналогичным изображениям на миниатюрах древнерусских летописей. Целью такого подхода является рассмотрение всех возможных видов шлема, использовавшегося в древнерусском войске.

⁵⁶ Кочкаров У. Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (Оружие ближнего боя). М., 2008. С. 14.

⁵⁷ Там же. С. 14.

⁵⁸ Там же. С. 14.

Неоднократно затрагивают тематику древнерусского вооружения современные исследователи в работах, посвященных военному делу кочевников. Так, в статье Т. М. Потемкиной и Ю. А. Кулешова «Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты»⁵⁹, вышедшей в 2010 г., был высказан ряд положений. К примеру, одно из них, имеющее вид пространного заявления по поводу происхождения некоторых видов боевых наголовий, относительно которых, авторы «не совсем согласны», что они являются скорее изделиями древнерусских мастеров. Правда, помимо прочего, авторы уточняют, что «как бы то ни было, это не степное производство»⁶⁰. Так же «благодарными» для производства Древней Руси является мнения А. Н. Кирпичникова⁶¹ и С. А. Плетневой⁶² относительно древнерусского происхождения защитного вооружения у кочевников в Поросье. «В Поросье погребения с доспехами домонгольского времени могут быть следствием постоянного притока высококачественного оружия из древнерусских мастерских». Действительно, авторы напоминают, что «С. А. Плетнева не исключала, что какие-то оружейники постоянно проживали на территории Поросья и изготавливали доспехи (и другие виды оружия) на заказ для кочевников»⁶³. Группу известных наголовий: Таганча, Бурты, Ботиево, авторы, как и А. Е. Негин, считают известной «пока исключительно в золотоордынских погребениях»⁶⁴. Наиболее важными в этой работе я считаю взгляды авторов о общем генезисе шлема, который они справедливо отмечают для «золотоордынского периода», а также, в частности, локализацию ряда наголовий (Пролетарский, Кривуша-4, Маяк-II) для Приазовья и Северо-Западного Предкавказья с датировками от 3-й четверти XIII до середины XIV в.⁶⁵

⁵⁹ Потемкина Т. М., Кулешов Ю. А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Золотоордынское время. Донецк, 2010. С. 271–294.

⁶⁰ Там же. С. 273.

⁶¹ Кирпичников А. Н. Археология СССР. Свод археол. источников в 3-х т. Л., 1971. Вып. 3. Е1–36. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. С. 23. Ссылка 9.

⁶² Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие // Воронеж, 2003. С. 147.

⁶³ Потемкина Т. М., Кулешов Ю. А. Указ. соч. С. 280.

⁶⁴ Там же. С. 274.

⁶⁵ Там же. С. 273.

В одной из последних работ М. В. Горелика «Шлемы золотоордынских воинов из частных собраний»⁶⁶ можно уже видеть опубликованные ранее К. А. Жуковым восточноевропейские наголовья из под Торжка, Городца и Преголы в составе золотоордынского вооружения. Наголовья, имеющие многочисленные подтверждения в виде изобразительных источников о бытовании в Польше, Германии и Чехии⁶⁷, были приписаны золотоордынскому комплексу вооружений.

С установлением монгольского владычества производительные силы покоренных земель оказались в зависимости от Монгольской империи. Некоторые древнерусские территории потерпели катастрофический ущерб от последствий нашествия — огромное количество людей погибло или было угнано на золотоордынские территории, где русские мастера продолжали трудиться, снабжая своей продукцией завоевателей⁶⁸. Но многие территории сохраняли свои производственные силы, их и продукция по-прежнему являлась «русской». Монгольская верхушка к началу походов на Русь обладала передовым среднеазиатским вооружением, сложившимся вследствие планомерного создания оружейной базы из ремесленников покоренных государств. Первоначально монголы усвоили комплекс вооружения, характерный для половецкой знати — единственное, что объединяло русский и монгольский комплексы вооружения накануне нашествия. Затем монголы вовлекли в орбиту своего влияния вооружение Руси. С установлением ордынского ига процесс усвоения монголами комплекса вооружения, характерного для русских, должен был усилиться. Вероятно, этим и обусловлены находки огромного количества восточноевропейских боевых наголовий на территории Прикубанья в золотоордынских погребениях⁶⁹, которые целесообразно рассмотреть в контексте русского вооружения.

⁶⁶ Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья. Собр. соч. в 15-ти т. Донецк, 2010. Т. 8. Золотоордынское время. Сб. научных работ / Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. С. 253–270.

⁶⁷ Wojciech Wasiak, Katarzyna Badowska, Piotr Luczak. Identyfikacja średniowiecznych przedmiotów ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia helmu typu pekilhube z kościoła w Strzelnikach koło Brzegu // Broń i wojna w dziejach człowieka. Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2009. S.117–131.

⁶⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 525–534.

⁶⁹ Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья. Собр. соч. в 15-ти т. Донецк, 2010. Т. 8. Золотоордынское время. Сб. научных работ / Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. С. 262, 263, рис. 5. С. 256–268.

Проследим, насколько изменялись типы шлема, использовавшиеся в русском войске с XIV по XV в.

Домонгольский комплекс вооружения складывался при благоприятных условиях развития производства. Именно такие условия позволяли распоряжаться князьям войсковыми соединениями, состоящими из «тысячу бронник дружины белозерские»⁷⁰. В том числе благодаря этим условиям был обеспечен дальнейший прогресс конструкций боевых наголовий, использовавшихся в Древней Руси. Естественно, этот процесс происходил, вероятно, не без череды усовершенствований и заимствований элементов одних типов наголовий другими.

Одним из свидетельств тенденций в домонгольском комплексе вооружения можно считать находку в 1978 г. на территории Дубошина раскопа в Великом Новгороде двух фрагментов шлема. Находка датируется второй четвертью XII в., а сам шлем, предположительно, был изготовлен в X в.⁷¹ Набор характерных признаков позволил соотнести найденные пластины из черного металла с сегментно-клепаным сфероконическим наголовьем — основным типом II по А. Н. Кирпичникову⁷². Автор публикации, С. Ю. Каинов, обратил внимание на то, что повреждения пластин — не результат пребывания в земле или неосторожного извлечения находки. Перед тем, как попасть в землю во второй четверти XII в., шлем был разломан на части, а с поверхности накладных декоративных деталей было содрано серебряное покрытие⁷³. Таким образом, речь идет даже не об утилизации деталей старого шлема — он не был разрушен, скажем, на пластины для панциря, а просто выброшен. Такие обстоятельства могут свидетельствовать о достаточном количестве обработанного железа, существовавшего на территории Великого Новгорода и, вероятно, отсутствии необходимости в ремонте и дальнейшем использовании поврежденного или устаревшего боевого наголовья.

Однако археологические находки наголовий, собирающихся из четырех частей, свидетельствуют, что в дальнейшем от них полностью не отказались. Четырехчастный шлем из Райковецкого городища, от-

⁷⁰ Полное собрание русских летописей. Том седьмой. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 38.

⁷¹ Каинов С. Ю. Новгород и Новгородская земля. История и археология // Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. Вып. №27. В. Новгород, 2013. С. 180.

⁷² Там же. С. 184.

⁷³ Там же. С. 183.

носящийся к середине XIII в., известен как пример конструкции, тяготеющей к раннесредневековым образцам, просуществовавшей более двух веков с упрощениями в декоре и дополнением в виде наносья. Однако, к началу XIV в. такая конструкция, снабженная архаичными декоративными элементами, по-видимому, вышла из употребления⁷⁴. В обиходе к этому времени уже использовались сфероконические высокие наголовья клепано-сегментного типа, состоящие из трех, а позже из двух частей, представляющие собой тип Пб. Четырехчастная конструкция у высоких наголовий Пб в XIV в. проявляется спорадически (шлем из с. Праздничное, рис. 3. 5)⁷⁵.

Отдельными представителями типа Па, видимо, можно считать различные варианты невысокого шлема, изменение конструкции которого можно проследить в переходе от четырехчастной к трехчастной, двухчастной, а затем к одношовной. Среди находок простые четырехчастные шлемы являются самым массовым типом. Примером одного из самых ранних образцов считается наголовье из тайника в Десятинной церкви в Киеве⁷⁶, абрис которого открывает подтип Па в типологической схеме А. Н. Кирпичникова.

Для рассмотрения изменений, произошедших с куполом шлема на протяжении XIII — начала XV в., целесообразно рассмотреть цепочку памятников: низкий четырехчастный шлем из Убинского могильника (рис. 3.1)⁷⁷ — трехчастный шлем из захоронения возле села Таборовка (рис. 3.2) — одношовный шлем из собрания ВИМАИВиВС (рис. 3.4). В эту группу входят и наголовья, склепывающиеся из двух частей по горизонтали, примером которых может являться случайная находка из Краснодарского края (рис. 3.3)⁷⁸.

Различные варианты склепанного невысокого четырехчастного шлема, продолжавшие существовать и в XV в., считаются в современной историографии скорее всего представителями специфической

⁷⁴ Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // Воин. 2009. № 18. С. 20, 21.

⁷⁵ Там же. С. 24.

⁷⁶ Кирпичников А. Н. Археология СССР. Свод археол. источников в 3-х т. Л., 1971. Вып.3. Е1–36. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. С. 16.

⁷⁷ Схатум Р. Б. Шлемы из Убинского могильника // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005. С. 342. Рис. 2.

⁷⁸ Панкратов А. Г. Шлем из коллекции военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи: к вопросу о конструктивных особенностях и технологии изготовления // Дизайн. Материалы. Технология. 2014. №2. С. 15. Рис. 11.

школы Закубанья⁷⁹. Они не имеют элементов раннесредневекового шлема типа II в виде фигурных краев пластин и дополнительных бронзовых покрытий, покрытых ртутной позолотой, и представляют, скорее всего, отдельную региональную категорию. Некоторые исследователи связывают последний тип шлема с «шеломами черкасскими» пространной редакции «Задонщины».

Тип Пб в дальнейшем продолжал развиваться на протяжении XIV и в начале XV в.: это высокие шлемы с гладким куполом. Некоторые высокие шлемы получили грани на тулье и подвершии, что выделяет их из подтипа Пб.

Ярким примером умения древнерусских мастеров домонгольского времени является образец шлема из летописного Дорогобужа, датированного серединой XIII в. Обстоятельства находки шлема, позволяют выдвинуть версию, что перед нами достоверно древнерусский памятник⁸⁰.

Конструкция купола этого шлема улучшена по сравнению с четырехчастными — трехчастная, выше по сравнению с группой Па и снабжена клювовидной полумаской или наносником (рис. 3.6)⁸¹. Особенности этого наголовья — грани и некоторая вогнутость линии корпуса и подвершия позволили К. А. Жукову присоединить этот памятник к открытой им новой категории древнерусских наголовий — т.н. «шатровидных»⁸². Однако сам автор последней публикации по шлему из Дорогобужа определил его как «сферокопический»⁸³, очевидно, на основании плавного перехода из венца в тулью.

В настоящее время найдены еще два боевых наголовья (шлем №2 и №3, рис. 4.5 и 4.6) в Мстиславле (Белоруссия), имеющие конструктивные особенности (геометрия корпуса и грани), соотносимые с конструкцией шлема из Дорогобужа. Конструкция находок из Мстиславля более совершенна по сравнению с Дорогобужским шлемом — она выполнена из одной части металла и является, очевидно, более поздней. Эти случайные находки, сделанные на дне р. Вихры вне археологического контекста, вызвали некоторые колебания и сложности

⁷⁹ Дуреченский О. В., Барышев А. В., Бирюков В. П. Шелом черкасский. М., Тула, 2012. С. 17.

⁸⁰ Прищепа Б. А. Шлем из Дорогобужа на Горыни // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 3. М., 2014. С. 191, 192.

⁸¹ Там же. С. 192–193.

⁸² Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 218.

⁸³ Прищепа Б. А. Указ. соч. С. 192.

автора публикации Ю. Бохана, связанные с датировкой⁸⁴. Автор стремился увязать дату потери с каким-либо значительным военным событием, отраженным в хрониках, хотя утрата этих «шеломов» могла произойти в результате небольшой стычки. В результате проведенных аналогий с серией позднесредневековых «шеломов» из склада в Ипатьевском переулке данные наголовья были датированы началом XVI в., что, на мой взгляд, является завышением времени бытования подобных средств защиты.

Шлемы из Мстиславля имеют ряд конструктивных отличий от группы наголовий из склада в Ипатьевском переулке, аналогию с которыми Ю. Бохан проводит. Эти отличия состоят в конфигурации верхнего элемента наверхшия, представляющего собою небольшой цилиндр, или «удлиненное утолщение, очерченное четырьмя ободками, отделяющими его от граненой части колокола» у шлема №2 и подобного элемента с тройным ободком у шлема №3⁸⁵. Подобные «утолщения» есть также у наголовий из Городца (рис. 4.10)⁸⁶ и Прикубанья (рис. 4.11)⁸⁷ с небольшим отличием — наверхшия шлема из Городца покрыто ромбовидной насечкой. Наверхшия шлема из Прикубанья сильно корродировано и немного выше, но имеет такой же характерный общий вид. Шлем из Городца в настоящее время уверенно датируется серединой XIV в.⁸⁸ Наверхшия наголовий из склада в Ипатьевском переулке другие — выше, в несколько раз более развитые, состоящие из высоких стержней, другие кажутся выполненными целиком с тульей. Разделение купола присутствует лишь на одном из них, являясь просто ребрами, не образующими грани. Эти ребра пересекают границу тулья-венца и идут по всему венцу практически до края шлема.

Наоборот, шлем №2 из Мстиславля имеет явные грани, образованные десятью прокованными плоскостями, а шлем №3 — двенадцать граней, только немного заходящие на венца шлема. Наголовья из Мстиславля имеют слегка отогнутые края венца, образующие небольшие поля. Подобный отгиб венца — под большим углом — име-

⁸⁴ Бохан Ю. Н. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 127, 128.

⁸⁵ Там же. С. 125, 126.

⁸⁶ Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 225, 233. Рис. 7–2.

⁸⁷ Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. С. 263. Рис. 5.1.

⁸⁸ Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 225.

ется у шлема, хранящегося в Оружейной палате Московского Кремля, с приклепанными к нему дополнительными широкими полями, также датирующимися XIV в. (рис. 7)⁸⁹. Весьма близкими аналогами наголовьям из р. Вихры являются находки наголовий из Преголы (рис. 4.4) и Мельно (рис. 4.7), датируемые временем Грюнвальдской битвы (1410 г.) польскими исследователями М. Глосеком и А. Новаковским⁹⁰. Шлем из Преголы имеет, скорее всего, также десять граней, не выходящих на венец. В настоящее время шлем утерян, сохранилось только несколько его фотографий. Оба шлема польские исследователи соотносят с русским вооружением.

В настоящее время известно еще одно подобное наголовье с гранями и небольшим прямоугольным вырезом для лица, найденное в Прикубанье и хранящееся в частной коллекции, датирующееся XIV в.⁹¹. Этот шлем был выставлен на аукционе «Hermann historica» по каталогу: lot 202, аукцион 42, раздел «Schutzwaffen» (рис. 4.3). Таким образом, можно сместить основное время изготовления мстиславльских находок концу XIV — началу XV в. Время их использования (конец XIV — начало XV вв.) более вероятно, что находит подтверждение и в работах других исследователей⁹².

Наголовья из Дорогобужа, Мстиславля, Преголы и Мельно демонстрируют динамику развития однотипной группы на протяжении двух веков. Эта группа, очевидно, является переходной ступенью к типу позднесредневековых наголовий, представленных находками из Ипатьевского переуллка, шлему царевича Ивана Ивановича⁹³ и шлему самого Ивана IV⁹⁴. Наголовье из Преголы было помещено К. А. Жуковым в раздел сфероконических⁹⁵, несмотря на схожие черты с наголовьем из Дорогобужа. Увлеченность К. А. Жукова новыми яркими терминами, соответствующими находкам боевых наголовий, не ока-

⁸⁹ Стерлигова И. А. «Шапка с деисусом» как памятник культуры Древней Руси // Музеи московского Кремля: материалы и исследования. Выпуск 22. М., 2014. С. 114.

⁹⁰ M. Glosek, A. Nowakowski. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. S. 58–60.

⁹¹ Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. С. 262, 263. Рис. 5.4.

⁹² Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. // Воин. 2009. № 18. С. 24–26;

Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. С. 263. Рис. 55.

⁹³ Комаров И. А. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 44, 45.

⁹⁴ Киртчиников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1973. С. 30. Рис. 8.1, 8.2.

⁹⁵ Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. С. 24.

зали плодотворного влияния на распределение памятников по типам и группам. В частности, вводя термин «шатровидный шлем» (очевидно, по аналогии с установленным средневековым походным шатром), автор искусственно объединяет под этим понятием разные типы наголовий, выделяя две основные группы: «цилиндроконические» и «цилиндроворонковидные», под которыми автор понимает «цилиндрический венец и воронковидную тулью, имеющую форму конуса с обратным изгибом образующих»⁹⁶. К подтипу «цилиндроворонковидных без дополнительных защитных приспособлений»⁹⁷ в концепции Жукова относятся шлем из Торуня (рис. 4.12), Городца на Волге (рис. 4.10), Мельно (рис. 4.7).

Затруднения автора с определениями понятны — с введением точных геометрических определений относительно таких полиморфных форм, какими являются изготовленные вручную средневековые изделия, появляется множество несоответствий. Необходимость введения термина «цилиндроконический шлем» в современной науке, безусловно, назрела вследствие имеющихся находок шлема в составеклада вооружения, найденного возле г. Торжка (рис. 4.9) и шлема из Белой Калитвы (рис. 4.8)⁹⁸. Геометрия этих наголовий хорошо иллюстрирует заявленное определение «цилиндроконический». Тем более, что термин «цилиндроконический шлем» уже используется в историографии применительно к наголовьям, такой геометрии не имеющих. Так, например, в статье Э. Е. Кравченко сфероконический шлем с железным забралом-маской, найденный в захоронении воина возле с. Куйбышево (рис. 3.8), наименован цилиндрическим⁹⁹, хотя является при рассмотрении в фас комбинацией усеченного конуса — тульи шлема, его основания и конического купола шлема — «подвершья», имеющего в верхней части немного вогнутый абрис. При взгляде в профиль основание шлема имеет более сглаженные, округлые линии, представляя собой полусферу, верх шлема остаётся усечено-коническим, являясь, таким образом, классическим сфероконическим шлемом, имеющим очертания, подобные шлему из местечка Таганча (рис. 3.7) и относящемуся, очевидно, к типу Пб.

⁹⁶ Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 224.

⁹⁷ Там же. С. 224.

⁹⁸ Там же. С. 218–221.

⁹⁹ Кравченко Э. Е. Погребение знатного воина на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. С. 123–131. Рис. 2.

Открытым вопросом остается необходимость объединения наголовий из Белой Калитвы и Торжка в цилиндроконический тип, причисляемый к русскому вооружению, т. к. первый шлем является, вероятно, заимствованным и переделанным, скорее всего, европейскими изделием, подобные которому не были широко распространены на территории Древней Руси. Золоченый шлем из Торжка своеобразной геометрии, являющийся уникальным «сплавом» восточных и европейских традиций, представляет из себя скорее пример сфероконического шлема с максимально спрямленными венцом и тульей. Эти особенности обусловлены способом его изготовления. Накладное навершие шлема из Торжка дополняет стиль сфероконических наголовий, имеющих обычно подобное навершие.

Широко известные наголовья из Ковалей и Липовца наименованы К. А. Жуковым «цилиндроконическими»¹⁰⁰. Однако они могут называться таковыми лишь с большей долей условности. Безусловно, эти наголовья обладают рядом ярко выраженных признаков, объединяющих их с прочими «шатровидными» наголовьями, среди которых основными, на мой взгляд, являются навершия, изготовленные зацело с корпусом, крупным вырезом для лица и в основном с «одношовной» конструкцией корпуса. Являясь продуктом дальнейшего развития сфероконического шлема с высокими, проработанными стенками тульи для дополнительной защиты, они, однако, обладают закруглением корпуса при переходе венца в тулью и имеют скорее сфероконическую, нежели цилиндроконическую геометрию. Корректным было бы присвоить им громоздкое название «цилиндросфероконические», если последовательно опираться на геометрические термины.

Элементы в виде граненого подвершия и тульи, «каплевидные» «ложки» и навершия, изготовленные «зацело» с корпусом, организуют такие изделия в отдельную группу, имеющую в типологии А. Н. Кирпичникова название «тип III». Такое наименование, вероятно, следует принять, отбросив попытки геометрических определений. Сам А. Н. Кирпичников затруднился дать этим наголовьям «геометрическое» определение. Необходимо заметить, что в свете последних исследований прежняя датировка этих наголовий пересматривается,

¹⁰⁰ Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 217, 229. Рис. 1–1, 1–2.

смещаясь в сторону более позднего периода, что позволяет причислить их к вооружению, используемому в начале XIV в.¹⁰¹

Среди позднего защитного вооружения, используемого в Древней Руси XIV в., известна категория наголовий, имеющих своеобразную конструкцию, не имеющую аналогов в раннем средневековье. Это наголовья с ярко выраженным ребром, оформленным в месте перехода венца в тулью. Наиболее известным из них является шлем с полями, хранящийся в Оружейной палате Московского Кремля, т. н. «шапка с деисусом» (рис. 7). Этот образец вооружения неоднократно упоминался в дореволюционных работах, публиковался в советское время в каталоге по искусству Византии¹⁰², а также в более поздних российских изданиях,¹⁰³ где наголовье преподносилось как византийская работа. В современной российской историографии шлем остается объектом пристального изучения¹⁰⁴. Доказана принадлежность «шапки с деисусом» к образцам сложного русского инсигниционного убора, что, однако, не исключало возможность его боевого применения.

Общим элементом, таким, как горизонтальное ребро, помимо «шапки с деисусом» обладает боевое наголовье из Мельно. Эти наголовья имеют и ряд других общих признаков: отсутствие накладного навершия (навершие выковано зацело с корпусом шлема), верхний элемент навершия вмонтирован в корпус шлема. «Шапка с деисусом» и шлем из Мельно, вероятно, имеют одношовную конструкцию. Сильно сжатый верх шлема из Мельно, образующий высокий шпиль, выполнен, вероятно, из одного куска металла. Он имеет сильно прокованное, практически спрямленное основание-венеч. Вырез для лица отсутствует. Присоединить к этой группе наголовий возможно также шлем из Торюня, также имеющий горизонтальное ребро. К. А. Жуков выдвинул версию о его русском происхождении¹⁰⁵. Конструктивную

¹⁰¹ Кулешов Ю. А. Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации // Acta Militaria Mediaevalia. Krakow, Sanok, 2009. S. 165–173.

¹⁰² Бланк А. В. Византийское искусство. Репродукция 241.

¹⁰³ Комаров И. А. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 40, 41, 298, 299.

¹⁰⁴ Стерлигова И. А. «Шапка с деисусом» как памятник культуры Древней Руси // Музеи московского Кремля: материалы и исследования. Выпуск 22. М., 2014. С. 114; Кулешов А. Ю. Место «шапки греческой с деисусом» из собрания Оружейной палаты в ряду позднесредневековых боевых наголовий Восточной Европы // Музеи московского Кремля: материалы и исследования. Выпуск 22. М., 2014. С. 135–152.

¹⁰⁵ Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 225, 226.

аналогию образцу из Торуня, вероятно, выкованному из одного куска, составляет шлем из Городца, также имеющий горизонтальное ребро, сильно изогнутое вкованное подвешивание-тулью и высокий железный венеч с вырезом для лица.

Аналогичен городецкому шлему, найденный в Прикубанье. Правда, опубликовавший его М. В. Горелик не оставил никаких версий относительно соединения его деталей¹⁰⁶. Все эти шлемы обладают схожей деталью в конструкции — ребром, прямым венцом и вкованной внутрь тульей, и прочно образует единую группу, не вызывая противоречий для включения в один подтип, кроме шлема из Мельно. Но в данном случае следует признать горизонтальное ребро дополнительным элементом в шлеме, не влияющим на присоединение к подтипу.

Необходимо заметить, что многие «сфероконические» шлемы слабо отличимы от некоторых «цилиндрикоконических». К примеру, геометрия подвешивания шлема из местечка Таганча имеет слабый обратный изгиб подвешивания, как и многие другие сфероконические шлемы типа 2б, а также достаточно спрямленный прокованный венец. С трудом заметный обратный изгиб подвешивания, к примеру, имеет шлем из собрания ВИМАИВиВС, который соотносится Жуковым с «цилиндрикоконическими с редуцированным наносником»¹⁰⁷. Закругление корпуса шлема из собрания ВИМАИВиВС при переходе из тульи в венец соотносит его со «сфероконическим» типом. Однако наверху, образующее целое с корпусом шлема, и одношовная конструкция все же позволяет отнести шлем из собрания ВИМАИВиВС также и к одному из подтипов типа 3.

Такие изгибы являются следствием изготовления наголовий, не являясь каким-либо специальным элементом, сильно повышающим боевые качества шлема. Образован более технологическим моментом, связанным с изготовлением венца шлема и последующим формированием ребра изгиб тульи «шапки с деисусом». Однако в некоторых наголовьях этот изгиб бывает сильно выражен, сжимаясь под шпиль. Этот конструктивный момент, позволяющий увеличить высоту боевого наголовья, не увеличивает его вес. Такая геометрия тульи и подвешивания придает нужную траекторию соскальзывающим с шлема рубящим ударам оружия, уводя их дальше в сторону от плечевого пояса воина. Сильный изгиб внутри тульи выделяет эти боевые наголовья

¹⁰⁶ Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. С. 262, 263. Рис. 5.1.

¹⁰⁷ Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 222, 231. Рис. 4–1.

среди прочих «цилиндрикоконических», позволяя отнести их к отдельному подтипу. Группу таких наголовий мы уже обозначали — это наголовья из Преголы, Мстиславля и Мельно с высокой тульей и подвешиванием.

Особенность в виде горизонтальной грани при переходе от тульи к венцу, очевидно, берегла владельцев шлема от тяжелых ударов, сопровождающихся контузиями («вбише шолом до лба»), и ослабляющих силу вертикальных и диагональных ударов на манер небольшого кругового козырька. На известных миниатюрах жития Бориса и Глеба Сильвестровского списка, относящегося к XIV в. (рис. 5.1, 5.2), русские воины изображены в сфероконических наголовьях, тогда как более поздние миниатюры Голицинского и Остермановского тома Лицевого свода (XVI в.) демонстрируют тульи шлема, вкованные внутрь (рис. 5.3, 5.4).

Таким образом, среди «цилиндрикоконических» наголовий можно выделить несколько сходных групп в типе III, по возможности разделив их на три подгруппы. Основной в типе III будет группа, состоящая из классических наголовий из Ковалей (рис. 4.1) и Липовца (рис. 4.2), характеризующаяся длинным проработанным венцом с вырезом для лица, в первую очередь подвешиванием, выкованным зацело с высоким вставным стержнем и гранями. Дальнейшее развитие типа III шло, очевидно, по пути увеличения количества граней, а также постепенного «спрямления» венца — исчезновения выреза для лица, что иллюстрирует шлем из Прикубанья (рис. 4.3). Этот шлем несет загадочные умбоновидные выступы, похожие на аналогичные детали шлема из Липовца.

Таким образом, подгруппа IIIa будет состоять из наголовий с высоким венцом (подобно основной группе), иногда с вырезом для лица (Прикубанье, возможно Прегола, наголовья из Мстиславля и Мельно), также изготовленным зацело с корпусом наверху и вкованной под наверху высокой тульей. Наголовье из Дорогобужа в эту подгруппу вводить необязательно — оно будет включено в тип II как образец, иллюстрирующий переход от типа II к типу III. Отдельную группу «цилиндрикоконических» боевых наголовий с накладными наверху могут составить шлем из Белой Калитвы и шлем из Торжка (IIIб). Группу IIIв образуют Городец, Прикубанье, Торунь с низким подвешиванием-тульей, прямым венцом и вырезом для лица.

Куполовидные шлемы с полумасками широко использовались в XIV столетии. Архетип такого куполовидного наголовья очевиден. Многие раннесредневековые четырехчастные восточноевропей-

ские шлемы, связываемые современными исследованиями именно с русской продукцией¹⁰⁸, имеют не сфероконическую, а куполовидную геометрию, стремящуюся к геометрии более позднего типа IV по классификации А. Н. Кирпичникова, а иногда и полностью с ним сходную. Среди таких наголовий можно отметить находки в Сьредском повете (Польша) и возле г. Печ (Венгрия)¹⁰⁹. Очевидно, на каком-то этапе конструкция четырехчастного куполовидного шлема эволюционировала в более технологичную трехчастную и приобрела новые варианты золоченой отделки и защиту лица в виде полумаски. С некоторыми допущениями можно обозначить и переходной вариант подобного шлема¹¹⁰.

Куполовидные шлемы неоднократно подвергались пристальному вниманию отечественных исследователей. А. Н. Кирпичников считал, что появление этих наголовий связано с феодальными междоусобицами. Такие шлемы, по его мнению, «своеобразны и национальны»¹¹¹. Датировка находок, оказавшихся в свое время в поле зрения А. Н. Кирпичникова, имеет нижним пределом середину XII в.¹¹², о верхней дате существования куполовидных боевых наголовий в военном обиходе, насколько известно, он не высказывался. Занимался исследованием куполовидных наголовий Ю. Ю. Петров¹¹³. К. А. Жуков вслед за А. Н. Кирпичниковым отстаивал их древнерусское происхождение. На их монгольское происхождение в своих работах неоднократно указывал М. В. Горелик, а за ним и А. Е. Негин, который полагал, что некоторые образцы куполовидных шлемов могли просуществовать и до XV в.¹¹⁴, а их генезис, по его мнению, восходит к позднесредневековым мисюрам¹¹⁵.

¹⁰⁸ Кирпичников А. Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб., 2009. С. 19–29.

¹⁰⁹ Там же. С. 40–44. Рис. 18.2, 18.6, 34.1, 2.

¹¹⁰ Коровкин Д. С. Снаряжение всадника из погребения около города Энгельса в Саратовском Заволжье // Военная археология. Сборник материалов проблемного совета «Военная археология» при Государственном историческом музее. Выпуск 2. С. 179–188.

¹¹¹ Кирпичников А. Н. Археология СССР / А. Н. Кирпичников: свод археол. источников в 3-х т. Л., 1971. Вып. 3. Е1–36. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. С. 31.

¹¹² Там же. С. 30.

¹¹³ Петров Ю. Ю. Древнерусские шлемы с полумасками // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Том 2. ИИМК РАН, 1997. С. 139–143.

¹¹⁴ Негин А. Е. Шлем из Городца. Н. Новгород, 2013. С. 67.

¹¹⁵ Негин А. Е. Шлем из Городца. Саров, 2001. С. 25.

В последней крупной работе, посвященной куполовидным наголовьям с полумасками, подтверждалась версия о древнерусских княжествах как о территории, где был обнаружен наиболее ранний образец полумаски¹¹⁶. В свете этой находки авторы отрицают версию о привнесении полумасок на территорию древнерусских княжеств вместе с монгольским нашествием. Вместе с тем приводятся доказательства возможного бытования известных наголовий из с. Никольского¹¹⁷ (рис. 6.2) и Городца (рис. 6.1)¹¹⁸ в нач. XIV в. Куполовидный шлем с клювовидным наносником из половецкого погребения у реки Чингул (рис. 6.5) имеет наиболее обоснованную датировку началом XIV в. по деталям европейского «поясного набора, тип которых хорошо известен и относится ко времени конца XIII — начала XIV в.»¹¹⁹ Из устных сообщений известно о цельнокованной конструкции купола этого наголовья. Однако достаточно изображения на фотографии, чтобы понять — геометрия этого шлема отличается от геометрии классических склепанных конструкций прочих образцов типа IV.

Помимо классической формы купола, собирающейся из трех частей, в позднем средневековье не отказались от четырехчастной куполовидной конструкции. Известен шлем из погребения у с. Пролетарское, наиболее приближающийся по геометрии к классическому типу IV (рис. 6.3). Защита лица в виде клювовидного наносника или полумаски у наголовья из с. Пролетарское отсутствует — глубина наголовья обеспечена небольшими вырезами для глаз. Еще один подобный, но более поврежденный шлем, известный мне по фотографиям аукциона «Hermann historica», в настоящее время находится в частном собрании¹²⁰.

Целая группа высоких заостренных куполовидных наголовий, вероятно, использовавшихся без защиты лица, соотносимых с типом IV, найдена в Прикубанье и датируются концом XIV в. Все они имеют цельнокованую конструкцию¹²¹. Эти наголовья не имеют приспособо-

¹¹⁶ Каинов С. Ю., Кулешов Ю. А. Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // Stratum plus. 2014. № 6. С. 89–90.

¹¹⁷ Там же. С. 87.

¹¹⁸ Там же. С. 91.

¹¹⁹ Жуков К. А. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2006. С. 156.

¹²⁰ Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. С. 262–265. Рис. 5.4.

¹²¹ Там же. С. 262–265. Рис. 7.2, 3.

блений для защиты лица и в чем-то аналогичны европейским нагольям — бацинетам (рис. 6.6, рис. 6.7). Учитывая отсутствие выреза для лица, они, очевидно, имели весьма высокую посадку на голове, может быть, носились несколько заломленными назад. При наличии умеренных взглядов на возможности производства Древней Руси XIV в. (возможное отсутствие традиций производства подобных конструкций), можно выдвинуть версию о производстве таких наголовий в итальянских факториях Причерноморья. Они могли изготавливаться по желанию каких-то местных заказчиков, предпочитающих куполовидную форму шлема.

Куполовидная форма шлема просуществовала у русских наголовий вплоть до самого последнего времени использования защитного вооружения, хотя была не так популярна, как сфероконическая. Образец шлема куполовидной формы из оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря был зарисован в альбоме К. М. Бороздина (в настоящее время это наголовье, видимо, утеряно). Судя по качественному рисунку, наголовье было выполнено из одного куска металла методом наружнойковки — на венце видны следы сложенного металла. На макушке помещено традиционное для всех наголовий типа IV навершие-стерженек, удерживающее кольцо с надписью выгравированной надписью: «Делано в городе Старице лета 7060 <1552 г. — А. П.> апреля 1 день»¹²². Для более раннего времени, таких свидетельств, к сожалению, не сохранилось.

Существуют наголовья, чья классификация вызывает затруднения. Это «сфероконический» шлем из Луцка¹²³ с декоративной обкладкой по венцу, сильно выкованный, с глубокими «ложками» оригинальной формы. Венец этого шлема образует перевёрнутую усечённо-коническую форму (рис. 3.9). Шлем точно такой же геометрии с накладным навершием зарисован в альбоме К. М. Бороздина (рис. 3.10). Возможно, эта зарисовка соотносится с подобным шлемом без навершия неизвестного происхождения, хранящимся в Государственном историческом музее в Москве¹²⁴ (рис. 3.11).

Геометрически подобные шлемы можно описать как усеченный конус, поставленный на малое основание, и обычную «сферокониче-

¹²² Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVII веках. Рис. 9.

¹²³ Терский С. В. Луческ X–XV вв. Львов, 2006. С. 182. Рис. 155:1.

¹²⁴ Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья С. 24, 25, рис. 15. С. 26.

скую» часть. Эта форма также является результатом усовершенствования боевых качеств шлема, аналогичных горизонтальному ребру в цилиндроконическом шлеме. Однако, первоначальным способом производства наголовий подобного вида всё равно было изготовление полусферического основания в раскрое конической заготовки, что позволяет причислить подобные шлемы к сфероконическим, выделив им отдельный подтип.

Шлем из собрания ВИМАИВиВС сочетает в себе признаки типов II и III. Однако его все же следует присоединить к типу II, соотнося с категорией низких «сфероконических» шлемов. Термин «низкий сфероконический шлем» уже появлялся в современных российских работах¹²⁵.

«Шеломы», помимо древнерусских земель имели широкую известность в Восточной Европе и были распространены на территории княжества Литовского¹²⁶, Польского Королевства (scholm), землях Тевтонского ордена (slomhuben)¹²⁷. Большое количество терминов — «storczhelme», «spiczgehelme», применимых к высоким нагольям с «спицевидным», в виде выделяющегося стержня навершием, демонстрирует инвентарь орденов арсеналов¹²⁸. Встречаются многочисленные изображения подобных видов шлема в восточноевропейских изобразительных источниках¹²⁹, где, будучи снабженными удлиненными назатыльниками и дополненные забралами, входят уже в типичное «рыцарское» вооружение.

Таким образом, стоит отметить, что типологическая схема, в свое время предложенная А. Н. Кирпичниковым, в связи с пересмотром датировки некоторых известных боевых наголовий и новыми находками, будучи расширена и дополнена подтипами, остается вполне актуальной и для классификации шлемов XIV–XV вв. При желании можно поддержать тип V, выделив цилиндроконические шлемы с полями в отдельный тип, исключив неверно отнесенный сюда шлем из с. Пешки как шлем с козырьком, являющийся, вероятно, монгольским изделием. «Шапка с деисусом» вполне достойна возглавить отдельный тип. Это сохранило бы направление, заданное

¹²⁵ Девуреченский О. В. Шелом черкасский. М., Тула, 2012. С. 15.

¹²⁶ Бохан Ю. М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Минск, 2008. С. 89–90.

¹²⁷ Там же. С. 91.

¹²⁸ Там же. С. 91.

¹²⁹ Wojciech Wasiak. Op cit. S.128. Rys. 9, 11, 12. S.129. Rys. 14. S. 130. Rys. 23.

А. Н. Кирпичниковым при составлении его типологии. Однако поля являются отдельным конструктивным элементом и, не имея возможность быть присоединенными к любому типу шлема, сделали бы классификацию более гибкой.

В процессе обзора мы не заострили внимание на проблематике первого типа в классификации. Однако ее существование очевидно. Тип I был отведен Кирпичниковым гнездовскому шлему¹³⁰ — боевому наголовью общеевропейского типа. Однако в свое время это не помешало открыть им тип I. В развитом средневековье употребление «шеломов латинских», вероятно, продолжалось. Возможно, для сохранения порядка классификации первым типом стоит рассмотреть общеевропейские боевые наголовья в составе вооружения русского воина, изображения и находки¹³¹ которых присутствуют на территории древнерусских княжеств и в околорусских древностях кочевников¹³². Эта тема весьма интересна и перспективна для дальнейшего изучения.

Таким образом, основными типами шлема в эпоху ордынского ига и освобождения от него по-прежнему являются условно «сфероконическая» форма (тип II), переходящая к двухчастной, и ее дальнейшая модификация (тип III) и все, что возможно к нему присоединить, в силу характерных конструктивных особенностей первых наголовий (Ковали и Липовец), в свое время открывших этот тип — в первую очередь, по признаку одношовной конструкции, отсутствия накладного навершия (навершие, смонтированное в корпусе шлема, из которого выкована несущая часть навершия), прямоугольного выреза для лица и дополнительных элементов в виде «ложек» или «граней». Продолжала развиваться куполовидная форма, очевидно, уже менее популярная, чем в домонгольское время и время нашествия. Помимо появления прогрессивных одношовных и цельнокованных конструкций, продолжают использоваться четырехчастные боевые наголовья. Сфероконическая форма также стремится к одношовной конструкции, демонстрируя исчезновение накладного навершия.

¹³⁰ Кирпичников А. Н. Археология СССР. Л., 1971. Вып. 3. Е1–36. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. С. 24.

¹³¹ Плавинскі М. А. Узбраенне беларускіх земляў X — XIII стагоддзяў. Мінск, 2013. С. 76, 78, 80, 82.

¹³² Швецов М. Л. Курганы у с. Самойлово. Курганы Донбасса // Археологический альманах № 14. Донецк, 2004. С. 247. Рис. 8.1.

Наблюдается активная динамика у дополнительных защитных элементов, таких, как полумаски, наносники, личины-забрала, поля, на уши, средства обзора в наголовьях — вырезы для глаз и лица, козырьки и виды кольчужных вуалей. Ограниченные форматом статьи, мы не рассмотрели конструктивные особенности этих элементов, применяемых в XIV–XV вв. Жесткие стационарные наносники максимально полно мы постарались рассмотреть в предыдущей публикации¹³³.

Список литературы

- Аристов, Николай Яковлевич. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. 309 с.
- Арицховский, Артемий Владимирович. Русское оружие X–XIII вв. М.: МГУ, 1946. 17 с.
- Бланк, Алиса Владимировна. Византийское искусство в собраниях Советского Союза: Альбом репродукций. Л.; М., 1966. 390 с.
- Бохан, Юрий Николаевич. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Мінск: Беларуская навука, 2008. 449 с.
- Бохан, Юрий Николаевич. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Москва: Квадрига. Вып. 1. 2008. С. 124–129.
- Горелик, Михаил Владимирович. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.
- Горелик, М. В., Дорофеев, В. В. Погребение золотоордынского времени у села Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока. Вып. 2. М 1990. С. 119–132.
- Горелик, Михаил Владимирович. Степи Европы в эпоху средневековья // Собр. соч. в 15-ти т. Донецк: ДонНУ, 2010. Т. 8. Золотоордынское время. Сб. научных работ / Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. С. 253–270.
- Двуреченский О. В., Барышев А. В, Бирюков В. П. Шелом черкасский / М., Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. 55 с.
- Денисова, Мария Михайловна, Портнов Михаил Элизарович, Денисов Евгений Николаевич. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. 168 с.
- Другош, Ян. Грюнвальдская битва. СПб.: Наука. 2007. 231 с.
- Жуков, Клим Александрович. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. Материалы международной научно-практической конференции. Москва: Министерство обороны Российской Федерации, 2006. С. 151–156.
- Жуков, Клим Александрович. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // Воин. 2009. № 18. С. 18–27.
- Жуков, Клим Александрович. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 216–235.
- ¹³³ Панкратов А. Г. Наносники и полумаски некоторых боевых наголовий Древней Руси // Клио. 2015 № 5. С. 121, 122.

- Каинов, Сергей Юрьевич. Новгород и Новгородская земля. История и археология // Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 179–189.
- Каинов Сергей Юрьевич, Кулешов Юрий Алексеевич. Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // *Stratum plus*. 2014. №6. С. 83–98.
- Кирпичников, Анатолий Николаевич. Археология СССР // Свод археол. источников в 3-х т. Вып. 3. Е1–36. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. Л.: Наука, 1971. 89 с.
- Кирпичников, Анатолий Николаевич. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб.: Вести, 2009. 68 с.
- Кирпичников, Анатолий Николаевич. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1973. 105 с.
- Кирпичников Анатолий Николаевич, Хлопин Игорь Николаевич. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVII веках // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). №77. С. 143–247.
- Колчин, Борис Александрович. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. №12. М.-Л., 1949. С. 192–208.
- Колчин, Борис Александрович. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 258 с.
- Комаров, И. А. Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания российских императоров. СПб.: Атлант, 2002. 408 с.
- Коровкин, Дмитрий Сергеевич. Снаряжение всадника из погребения около города Энгельса в Саратовском Заволжье // Военная археология. Сборник материалов проблемного совета «Военная археология» при Государственном историческом музее. Выпуск 2. С. 179–188.
- Кочкаров, Умар Юсуфович. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус, 2008. 175 с.
- Кравченко Э. Е. Погребение знатного воина на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. С. 123–131.
- Кулешов, Юрий Алексеевич. Место «Шапки греческой с деисусом» из собрания Оружейной палаты в ряду позднесредневековых боевых наголовий Восточной Европы // Музеи московского Кремля: материалы и исследования. Выпуск 22. М., 2014. С. 135–152.
- Кулешов, Юрий Алексеевич. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. 2010. №3. С. 159–162.
- Кулешов, Юрий Алексеевич. Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации // *Acta Militaria Mediaevalia*. Krakow, Sanok, 2009. S. 165–173.
- Милюков М. А. Кузнечные изделия древнего Изяславля из собрания Государственного Эрмитажа // У истоков русской культуры XII–XVII века. Сборник статей. СПб., 1995. С. 33–40.
- Негин, Андрей Евгеньевич. Шлем из Городца. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2013. 95 с.
- Негин, Андрей Евгеньевич. Шлем из Городца: тайны, факты, гипотезы. Саров: Альфа, 2001. 29 с.
- Негин, Андрей Евгеньевич. Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории западного Дешт-и-Кыпчака // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. №3. С. 62–70.
- Панкратов, Александр Германович. Наносники и полумаски некоторых боевых наголовий Древней Руси // Клио. №5. 2015. С. 120–129.
- Панкратов, Александр Германович. Шлем из коллекции военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи: к вопросу о конструктивных особенностях и технологии изготовления // Дизайн. Материалы. Технология. 2014. №2. С. 10–16.
- Петров, Ю. Ю. Древнерусские шлемы с полумасками // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Том 2. ИИМК РАН, 1997. С. 139–143.
- Плавинский, Николай Александрович. Узброенне беларускіх земляў X—XIII стагоддзяў. Мінск: Галіяфы, 2013. 106 с.
- Плетнева, Светлана Александровна. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие // Институт археологии АН РФ. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 248 с.
- Полное собрание русских летописей. Том седьмой. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. 345 с.
- Потемкина Тамила Михайловна, Кулешов Юрий Алексеевич. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2010. С. 271–294.
- Прищепа, Богдан Анатольевич. Шлем из Дорогобужа на Горыни // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 3. М.: Квадрига, 2014. С. 191–196.
- Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. Редакция, вступительная статья и примечания Шатиной Н. П. // М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
- Рабинович, Михаил Григорьевич. Из истории русского оружия X–XV вв. // ТИЭ. Новая серия. 1947. Т. I. 97 с.
- Робинсон, Рассел. Доспехи народов Востока. М.: Центрполиграф, 2006. 280 с.
- Рыбаков, Борис Александрович. Ремесло древней Руси. М.: Издательство АН СССР, 1948. 793 с.
- Стерлигова И. А. «Шапка с деисусом» как памятник культуры Древней Руси // Музеи московского Кремля: материалы и исследования. Выпуск 22. М., 2014. С. 112–134.
- Схатум, Руслан Баричевич. Шлемы из Убинского могильника // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005. С. 334–342.
- Схатум, Руслан Баричевич. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2005. С. 223–234.
- Терский, Святослав Володимирович. Луческ X–XV вв., Львов: Политехника, 2006. 525 с.
- Хмыров, Михаил Дмитриевич. Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России. СПб., 1875. 357 с.
- Хорошкевич, Анна Леонидовна. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. 365 с.

Швецов М. Л. Курганы у с. Самойлово. Курганы Донбасса (бассейн Грузского Еланчика, Северо-Восточное Приазовье) // Археологический альманах. № 14. Донецк, 2004. С. 233–259.

Brian R. Prise. Techniques of Medieval Armour Reproduction: The 14th Century. London, 2008. 508 p.

Charles John Ffoulkes. The Armourer and his Craft from the XIth to the XVIth Century. Forgotten books 2013. Originally published London, 1912. 200 p.

Marian Glosek, Andrzej Nowakowski. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. S. 58–60.

Wojciech Wasiak, Katarzyna Badowska, Piotr Luczak. Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia helmu typu pekilhuba z kościoła w Strzelnikach koło Brzegu // Broń i wojna w dziejach człowieka. Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2009. S.117–131.

References

Aristov Nikolay Yakovlevich, *Promyishlennost Drevney Rusi [Manufacturing of Ancient Russia]*, Saint Petersburg 1866.

Artsihovskiy Artemiy Vladimirovich, *Russkoe oruzhie X–XIII vv. [Russian Weaponry in X–XIII century]*, Moscow 1946.

Blank Alisa Vladimirovna, *Vizantiyskoe iskusstvo v sobraniyah Sovetskogo Soyuz: Albom reproduktсий [Byzantine art in the collections of the USSR]*, Leningrad Moscow 1966.

Bohan Yuriy Nikolaevich, *Vayskovaya sprava u Vyalikim knyastve Litouskim u drugoy palove XIV — kantsyi XVI st. [Military of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 14th — late 16th century]*, Minsk 2008.

Bohan Yuriy Nikolaevich, *Shelomyi “russskogo” tipa iz Mstislavlya [Russian helmets from Mstislavl’]*, in: Voennaya arheologiya: sbornik materialov seminaru pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee, vyip. 1, Moscow 2008, 124–129.

Dvurechenskiy O. V., Baryishev A. V., Biryukov V. P., *Shelom cherkasskiy [Cirkassian helmet]*, in: Gosudarstvenniy voenno-istoricheskiy i prirodniy muzey-zapovednik “Kulikovo pole”, Moscow and Tula 2012.

Denisova Mariya Mihaylovna, Portnov Mihail Eliazarovich, Denisov Evgeniy Nikolaevich, *Russkoe oruzhie. Kratkij opredelitel russkogo boevogo oruzhiya XI–XIX vekov. [Russian weapons. Concise guide to Russian martial weapon XI–XIX centuries]*, Moscow 1953.

Dlugosh Yan, *Gryunvaldskaya bitva [The battle of Grunwald]*, St. Petersburg 2007.

Charles John Ffoulkes, *The armourer and his craft from the XIth to the XVIth century*, Forgotten books 2013, Originally published: London 1912.

Marian Glosek, Andrzej Nowakowski, *Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego [Medieval Helmet from Regional Museum in Torun. To the Study of the Baltic Defensive Armour]*, in: Kwartalnik Historii Kultury Materialnej, S. 58–60.

Gorelik Mihail Vladimirovich, *Armii mongolo-tatar X–XIV v. Voinskoe iskusstvo, oruzhie, snaryazhenie [Mongol and Tatar Armies in the 10th–14th Centuries]*, Moscow 2002.

Gorelik Mihail Vladimirovich, Dorofeev, V. V., *Pogrebenie zolotoordynskogo vremeni u sela Taborovka [Burial of Golden Horde time at the village of Taborivka]*, in: Problemy voennoy istorii narodov Vostoka, vyip. 2, Moscow 1990, 119–132.

Gorelik Mihail Vladimirovich, *Shlemyi Zolotoordynskikh voinov Severnogo Kavkaza iz chastnykh sobraniy [Helmets of The Golden Horde warriors from private collections]*, in: Stepi Evropy v epohu srednevekovya, tom 8, Zolotoordynskoe vremya [The European steppes in the middle ages. Vol. 8. The Golden Horde times], Donetsk 2010, 253–270.

Hmyrov Mihail Dmitrievich, *Metallyi, metallicheskie izdeliya i mineraly v Drevney Rossii [Metals, metal products and minerals in Ancient Russia]*, St. Petersburg 1875.

Horoshkevich Anna Leonidovna, *Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoy i Zapadnoy Evropoy v XIV–XV vekah [The trade of Novgorod with the Baltic States and Western Europe in XIV–XV centuries]*, Moscow 1963.

Kainov Sergey Yurevich, *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. [Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology]*, in: Materialy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya M. H. Aleshkovskogo. Vyip 27. V. Novgorod 2013, 179–189.

Kainov Sergey Yurevich, Kuleshov Yuriy Alekseevich, *Boevyye polumaski Vostochnoy Evropy v svete poslednih nahodok i novykh issledovaniy [Battle half-masks of Eastern Europe in the light of recent findings and new studies]*, in: Stratum plus, 2014, 6, 83–98.

Kirpichnikov, Anatoliy Nikolaevich, Dospheh, kompleks boevykh sredstv 10–13 vv. [Armor, a Set of War Outfit of 9th–13th cc.], in: Arheologiya SSSR [Soviet Archaeology], Svod arheol. istochnikov v 3 t., vyip. 3, E1–36. Drevnerusskoe oruzhie [Early Russian Weapons], Leningrad 1971.

Kirpichnikov, Anatoliy Nikolaevich, *Rannesrednevekovyye zolocheniye shlemyi. Novyye nahodki i nablyudeniya [Early medieval gildet helmets. New findings and researchis]*, St. Petersburg 2009.

Kirpichnikov, Anatoliy Nikolaevich, *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv. [Military Science in Russia in XIII–XV cc]*, Leningrad 1973.

Kirpichnikov Anatoliy Nikolaevich, Hlopin Igor Nikolaevich, *Krepost Kirillo-Belozerskogo monastyrya i ee vooruzhenie v XVI–XVII vekah. [The fortress of Kirillo-Belozersky monastery and its weapons in XVI–XVII centuries]*, in: Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (MIA), 77, 143–247.

Kolchin Boris Aleksandrovich, *Obrabotka zheleza v Moskovskom gosudarstve v XVI v. [The processing of iron in Moscow in the XVI century.]*, in: Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR; Materialy i issledovaniya po arheologii Moskvyi, T. II, № 12, Moscow and Leningrad 1949, 192–208.

Kolchin Boris Aleksandrovich, *Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevney Rusi (Domongolskiy period) [Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus’ (Pre-Mongol Period)]*, Moscow 1953.

Komarov I. A., *Gosudareva Oruzheynaya palata. Sto predmetov iz sobraniya rossiyskikh imperatorov [Armoury Chamber of the Russian Tsars. One hundred items from the collection of the Russian Emperors]*, St. Petersburg 2002.

Korovkin Dmitriy Sergeevich, *Snaryazhenie vsadnika iz pogrebeniya okolo goroda Engelsa v Saratovskom Zavolzh’e [Equestrian equipment from the burial near the town of Engels in Saratov Zavolzhye]*, in: Voennaya arheologiya, Sbornik materialov Problemnogo Soveta “Voennaya arheologiya” pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee, Vyipusk 2, 179–188.

- Kochkarov Umar Yusufovich, *Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkazya VIII–XIV vv. (Oruzhie blizhnego boya) [The weapons warriors of the North-Western Caucasus VIII–XIV centuries (the melee Weapon)]* Moscow 2008.
- Kravchenko E. E., *Pogrebenie znatnogo voina na reke Kalke [The burial of a noble warrior of the Kalka river]*, in: *Stepi Evropy v epohu srednevekoviya*, Tom 3, Polovetsko-zolotoordynskoe vremya, Donetsk 2003, 123–131.
- Kuleshov Yuriy Alekseevich, *Mesto “Shapki Grecheskoy s Deisusom” iz sobraniya Oruzhey noy palaty v ryadu pozdnesrednevekovyih boevyih nagoloviy Vostochnoy Evropy [Place of the ‘Greek Hat with Deesis’ from the collection of the Armoury chamber in the series of late medieval martial helmets of Eastern Europe]*, in: *Muzei moskovskogo Kremlya: materialy i issledovaniya*, vypusk 22, Moscow 2014, 135–152.
- Kuleshov Yuriy Alekseevich, *Proizvodstvo i import oruzhiya kak puti formirovaniya zolotoordynskogo kompleksa vooruzheniya [The production and import of weapons as the way of the formation of the Golden Horde weapons]*, in: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*, sbornik statey, 2010, 3, 159–162
- Kuleshov Yuriy Alekseevich, *Novaya nahodka boevoy maski na territorii Rossiyskoy Federatsii [New wrinkle fighting masks on the territory of the Russian Federation]*, in: *Acta Militaria Mediaevalia*, Krakow and Sanok 2009, 165–173.
- Mirolyubov M. A., *Kuznechnyye izdeliya drevnego Iz' yaslyavl'ya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Forging products of ancient Iz' yaslyavl' from the collection of the State Hermitage]*, in: *U istokov russkoy kultury XII–XVII veka*, sbornik statey, St. Petersburg 1995, 33–40.
- Negin Andrey Evgenevich, *Shlem iz Gorodtsa [A Helmet from Gorodets]*, N. Novgorod 2013.
- Negin Andrey Evgenevich, *Shlem iz Gorodtsa: tayny, fakty, gipotezy [A Helmet from Gorodets: Secrets, Facts, Hypotheses]*, Sarov 2001.
- Negin Andrey Evgenevich, *Ob odnom tipe shlemov iz kochevnicheskikh pogrebeniy s territorii zapadnogo Desht-i-Kyipchaka [About the same type of helmets from nomadic burials from the territory of Western Desht-and-Kipchak]*, in: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2012, 3, 62–70.
- Pankratov Aleksandr Germanovich, *Nanosniki i polumaski nekotorykh boevykh nagoloviy Drevney Rusi [Nasal protection plates and half masks of some combat helmets in Ancient Russia]*, in: *Klio*, 2015, 5, 120–129.
- Pankratov Aleksandr Germanovich, *Shlem iz kolleksii voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi: k voprosu o konstruktivnykh osobennostyakh i tehnologii izgotovleniya [Helmet from the collection of the military historical Museum of artillery, engineer and signal corps: about design features and manufacturing techniques]*, in: *Dizayn. Materialy. Tehnologiya*, 2014, 2, 10–16.
- Petrov Y. Y., *Drevnerusskie shlemy s polumaskami*, in: *Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkryitiya. Versii. [Antiquities. Concepts. Discoveries. Versions]*, tom 2, IIMK RAN 1997, 139–143.
- Plavinskiy Nikolay Aleksandrovich, *Uzbraenne belaruskikh zemlyau X–XIII stagoddzyau [The armament of the Belarusian lands in X–XIII centuries]*, Minsk 2013.
- Pletneva Svetlana Aleksandrovna, *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epohu srednevekoviya (IV–XIII veka): Ucheb. Posobie [The nomads of southern Russian steppes in the middle ages (IV–XIII centuries). Tutorial]*, Voronezh 2003.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom sedmoy. Letopis po voskresenskomu spisku [Full collection of Russian Chronicles, vol. 7]*, St. Petersburg 1856.
- Potemkina Tamila Mihaylovna, Kuleshov Yuriy Alekseevich, *Pogrebeniya vostochnoevropeyskikh srednevekovykh nomadov s zaschitnyim vooruzheniem: etnokulturnyy i sotsialnyy aspektiy*, in: *Stepi Evropy v epohu srednevekoviya*, tom 8: *Zolotoordynskoe vremya [The European steppes in the middle ages. Vol. 8. The Golden Horde times]*, Donetsk 2010, 271–294.
- Prischepa Bogdan Anatolevich, *Shlem iz Dorogobuzha na Goryini [Helmet from Dorogobuzh on Horyn]*, in: *Voennaya arheologiya: sbornik materialov seminara pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*, vyp. 3, Moscow 2014, 191–196.
- Brian R. Prise, *Techniques Of Medieval Armour Reproduction: The 14th Century*, London 2008.
- Puteshestvie v vostochnyie strany Plano Karpini i Rubruka. [Journey of Plano Carpini and Rubruk to the East countries]*, Moscow 1957.
- Rabinovich Mihail Grigorevich, *Iz istorii russkogo oruzhiya X–XV vv. [From the history of Russian weapons X–XV centuries]*, TIE, Novaya ser., 1947, t. I.
- Robinson Rassel, *Dospehi narodov Vostoka [The armor of the peoples of the East]*, Moscow 2006.
- Ryibakov Boris Aleksandrovich, *Remeslo drevney Rusi [The Craft Of Ancient Russia]*, Moscow 1948.
- Shatum Ruslan Barichevich, *Shlemy iz Ubinskogo mogilnika [Helmets from Ubinskiy repository]*, in: *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani*, vyp. 5, Krasnodar 2005, 334–342.
- Shatum Ruslan Barichevich, *Schit v komplekse vooruzheniya osedlykh plemen Severo-Zapadnogo Kavkaza v zolotoordynskiy period [The shield in the armament of the sedentary tribes of the North-Western Caucasus in the Golden Horde period]*, in: *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani*, vyp. 3, Krasnodar 2005, 223–234.
- Shvetsov M. L., *Kurganyi u s. Samoilovo. Kurganyi Donbassa (baseyn Gruzskogo Elanchika, Severo-Vostochnoe Priazove) [Barrows s. Samoilova. Mounds Of Donbass (Gruzskoe the Elancik basin, northeastern Azov region)]*, in: *Arheologicheskiy almanah*, № 14, Donetsk 2004, 233–259.
- Sterligova I. A., *«Shapka s Deisusom» kak pamyatnik kultury Drevney Rusi. [“Cap with Deesis” as a monument of culture of Ancient Russia]*, in: *Muzei moskovskogo Kremlya: materialy i issledovaniya*, vypusk 22, Moscow 2014, 112–134.
- Terskiy Svyatoslav Vladimirovich, *Luchesk X–XV vv. [Luchesk in X–XV centuries]*, Lviv 2006.
- Wojciech Wasiaak, Katarzyna Badowska, Piotr Luczak, *Identyfikacja sredniowiecznych przedstawien ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykladzie wyobrazenia helmu typu pekilhube z kosciola w Strzelnikach kolo Brzegu*. In: *Broń i wojna w dziejach człowieka*, Instytut Archeologii Uniwersytetu Lodzkiego, Łódź 2009, 117–131.
- Zhukov Klim Aleksandrovich, *Kupolovidnyie shlemy s polumaskami na Rusi*, in: *Voennoe delo Rossii i ee sosedy v proshlom, nastoyaschem i buduschem. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. [Warfare of Russia and its Neighbors in the Past, Present and Future]*, Moscow 2006, 151–156.
- Zhukov Klim Aleksandrovich, *Russkie sferokonicheskie shlemy razvitogo srednevekoviya [Russian spheroconical helmets of the developed middle ages]*, in: *Voin*, 2009, 18, 18–27.
- Zhukov Klim Aleksandrovich, *K istorii shatrovidnykh shlemov na Rusi XIII–XV vv. [To the history of tent hats in Rus' XIII–XV centuries]*, in: *Kulikovo Pole i Yugo-Vostochnaya Rus v XII–XIV vv.*, Tula 2005, 216–235.

Тадеуш Грабарчик

ШЛЕМЫ НАЕМНИКОВ В ПОЛЬСКОМ ВОЙСКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.

Основным источником информации о вооружении наемных войск в Польском королевстве являются реестры, которые дают представление об отрядах, принимавшихся на службу. В собрании Главного архива древних актов в Варшаве сохранились списки наемников 1471, 1474, 1477, 1496–1498 и 1500 гг.¹ В общей сложности в них было зарегистрировано около 2000 всадников и 7100 пехотинцев².

В таких списках отмечались все солдаты, входящие в состав роты, а также оружие, которым они располагали. В реестры кавалерии, кроме того, включались описания лошадей. Манера описания вооружения воинов была различной. В некоторых списках, в основном тех, что были составлены в 1490-е гг., вооружение солдата описывалось только в общих чертах. Это «доспех копейный», то есть полный пластинчатый доспех, удобный для тяжеловооруженных всадников — копейщиков, или «доспех стрелковый» — облегченное защитное вооружение арбалетчиков или так называемых полукопейщиков (*semihastarii*). Информативность таких реестров для исследований по индивидуальному вооружению наемников невелика.

С этой точки зрения намного ценнее реестры 1470-х гг. Хотя и там используется упомянутый выше термин «доспех копейный», но в отношении всадников, экипированных не полностью, в реестрах отмечались отдельные элементы вооружения³. Эти конные воины

¹ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Rachunki Królewskie, tom 16 (далее RK 16); Archiwum Skarbu Koronnego, Oddział 85 (далее ASK 85), t. 1–4, Oddział 86 (далее ASK 86), t. 1–4.

² Полный перечень данных, содержащихся в реестрах см.: *Grabarczyk T.*, *Piechota zaciężna Królestwa Polskiego w XV wieku*. Łódź, 2000. S. 67–112; *Idem*. *Jazda zaciężna Królestwa Polskiego w XV wieku*. Łódź, 2015. S. 57–59.

³ В качестве примера такой записи может послужить выписка из реестра роты Иакова Белого 1474 г.: «*Equus sywy rowny sagitharius, habens lorica, colerio, galea nigra, balista*». O 85, t. 1, k. 1.

в дальнейшем будут именоваться средневооруженными, в отличие от тяжеловооруженных копейщиков и легковооруженных всадников, экипированных на татарский или гусарский манер, которые также появляются в реестрах наемной кавалерии в конце XV в.

В реестрах, содержащих сведения об экипировке, были зарегистрированы 1505 всадников и 2800 пехотинцев. На основе данных о вооружении этих наемников можно сделать вывод, что наиболее часто используемым в них элементом защиты были шлемы. В реестрах в отношении шлемов используются следующие наименования: капалин, салат, пшилбица, пикельхуб, галеа.

Капалины

Капалин был легким шлемом, напоминающим своей формой шляпу (рис. 1). Со временем шлемы этого типа подверглись эволюции, заключавшейся, прежде всего, в расширении полей и обеспечении их прорезью для глаз. В письменных источниках данный шлем выступает под различными названиями: *slappa* или *ferreus pilleus*, *pilleus ferreus* или *clobuczek*, *galea* или *clobuczek* и *isenhut*, *ysenhutt*, *eisenhut*⁴. В то же время в реестрах, описывающих снаряжение наемной кавалерии, используется только один термин — «капалин».

Капалины завоевали популярность в Европе с конца XII в. В следующем столетии они зафиксированы на территории Силезии, а начиная с 1320-х гг. упоминаются на землях Польского королевства. Наиболее ранняя иконография капалинов восходит к XV в. В коллекциях польских музеев находится всего пять таких шлемов, относительно которых есть уверенность, или, по крайней мере, большая вероятность того, что мы имеем дело со средневековыми экземплярами⁵.

⁴ *Nowakowski A., Szymczak J.* *Rodzaje uzbrojenia ochronnego w Polsce w okresie monarchii stanowej w świetle źródeł pisanych* // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. 1985. R. 33. S. 31–32; *Nowakowski A.* *Uzbrojenie ochronne* // *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450* (далее *Uzbrojenie 1350–1450*) / Ed. A. Nadolski. Łódź, 1990. S. 44.

⁵ *Grabarczyk T., Ławrynowicz O.* *Kapaliny w późnośredniowiecznej Polsce* // *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран*. Т. 1. СПб, М.: Ломоносов, 2010. С. 230–240; *Blair C.* *European Armour circa 1066 to circa 1700*. London, 1958. P. 28; *Goliński M.* *Służba rycerska a potencjał militarny księstw śląskich w późnym średniowieczu*. Cz. 2: *Księstwo Wrocławskie na tle innych ziem dziedzicznych Korony Czeskiej* // *Sobótka*. 1998. T. 53. Nr 3–4. S. 537.

Шлемы этого типа стоили в Польше XIV–XV вв. от 30 до 100 грошей⁶. В литературе обращалось внимание на то, что с третьего десятилетия XV в. наблюдается увеличение стоимости капалинов, что объясняется изменениями в конструкции. Не исключено, что около середины XV в. такие более совершенные капалины именовали «клубучками», о чем свидетельствуют высокие цены на них. В 1428 г. «клубучком» назван шлем ценой в две гривны, а в 1445 г. — в одну гривну, что делает их одними из самых дорогих капалинов.

О том, что отличало клубучки от капалинов, может свидетельствовать запись в реестре наемной роты ротмистра Владыки 1471 г. В этом подразделении один из всадников, которые сопровождали пехотинцев, имел на себе клубучок, в то время как остальные солдаты, пехота, были экипированы хуже — всего лишь капалинами. Это позволяет полагать, что писарь, описывавший снаряжение подчиненных Владыки, отличал клубучок от обычного капалина⁷.

С другой стороны, следует отметить, что цены на клубучки в XIV в. не отличались от цен других видов капалинов⁸. Таким образом, не исключено, что это различие появилось только около середины XV в., тогда как раньше эти названия использовались как синонимы. Данный вопрос требует, однако, дополнительного анализа, возможного только в случае расширения источниковой базы.

Капалины, использовавшиеся как простыми воинами, так и рыцарями, находились на вооружении наемных всадников⁹. В списках завербованных в кавалерию в 1471 г. зафиксировано 578 шлемов, из которых 75 — это капалины. Возможно, что в реестре того же года по конному отряду ротмистра Кшиштофа Котвича капалины скрыва-

ются под обобщающим термином «galea». Если это так, то в отряде было 15 капалинов и 42 салада¹⁰.

Всего в 1471 г. капалины составили менее 16% всех шлемов, причем в отдельных ротах их доля была разной. Самое большое количество капалинов зафиксировано в роте Ратоляда, где они составляли около 29%. Следующие списки наемников относятся к 1474 г. Здесь упоминается только один отряд кавалерии под командованием Якуба Белого. В реестре этой роты было отмечено 37 шлемов, в том числе 8 капалинов, что дает 21%¹¹. В свою очередь, в списках 1477 г. мы находим 50 капалинов, что составляет около 30% упомянутых там шлемов¹². В составленном в 1498 г. реестре конной наемной роты ротмистра Александра Севера из 59 зарегистрированных там шлемов был только один капалин¹³. В составленной в том же году переписи отряда Рожновского среди 18 шлемов не было ни одного капалина¹⁴. На основании реестров кавалерии, можно сделать вывод, что в последние три десятилетия XV в. популярность капалинов пошла на убыль. Однако недостаточная источниковая база для 1490-х гг. может означать, что относящиеся к этому периоду данные не полностью отражают фактическое состояние дел.

В реестрах пехоты 1471 г. зафиксировано 43 капалина, что дает почти 14% всех учтенных шлемов. В свою очередь, в списках пехотинцев 1477 г. упомянуты 15 капалинов, которые составляют 28% шлемов. К напрашивающемуся выводу о выросшей популярности капалинов следует подходить с осторожностью. Данные 1477 г. недостаточно представительны — в частности, в реестрах зафиксировано всего 54 шлема. В связи с этим конечные результаты являются менее надежными, чем для 1471 г.

Заканчивая раздел, посвященный капалинам, стоит напомнить, что они иногда имели кольчужный капюшон, так называемый «хунчок» (hunczkop, hunskop, hundiskappe), надевавшийся под шлем. Такой капюшон зафиксирован впервые в конце XIV в., когда он в среднем стоил 24 гроша¹⁵, то есть это было довольно дорогое дополнение. В реестрах наемных войск 1498 г. только в конной роте Александра

⁶ 48 грошей = 1 гривна.

⁷ Grabarczyk T. Piechota... S. 161–162.

⁸ Szymczak J. Produkcja i koszty uzbrojenia rycerskiego w Polsce w XIII–XV wieku, Łódź, 1989. S. 126–133.

⁹ Szymczak J. Zasoby uzbrojenia 1350–1450 // Uzbrojenie 1350–1450. S. 385–386; Zajczkowski S. M., Służba wojskowa chłopów w Polsce do połowy XV wieku. Łódź, 1958. S. 116; *Idem*. O wojskowych powinnościach sołtysów w Polsce w okresie monarchii stanowej // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1973. T. 19. Cz. 1. S. 36–38; *Idem*. Obowiązki wojskowe wójtów w państwie polskim w okresie monarchii stanowej // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1979. T. XXI. S. 26–27; Szczygielski W. Powinności wojskowe miast i mieszczaństwa w Polsce od XIII do połowy XV wieku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości 1960. S. 5. S. 440; Nowakowski A. Uzbrojenie ochronne // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1450–1500 (далее Uzbrojenie 1450–1500) / Ed. A. Nowakowski. Toruń, 2003. S. 76.

¹⁰ RK 16, k. 22–26v.

¹¹ ASK 85, t. 1, 1–4.

¹² ASK 85, t. 1, k. 9v–25.

¹³ ASK 85, t. 3, k. 8v.

¹⁴ ASK 85, t. 3, k. 50–54v.

¹⁵ Szymczak J. Produkcja... S. 127–128.

Севера зафиксировано семь всадников с «хунчкопом». Заслуживает внимания, что он присутствует там наряду со всеми тремя типами использовавшихся шлемов: салатом, капалином и пикельхаубе¹⁶. В списках пехоты хунчкопы не упоминаются.

Салаты

Салаты — это шлемы со сферическим куполом и не слишком широкими, круто спускающимися полями, переходящими в задней части в удлиненный назатыльник (рис. 2). Некоторые варианты этого шлема закрывали верхнюю часть лица, в связи с чем были оснащены прорезью для глаз. Изготавливали также экземпляры, снабженные подвижным забралом, позволявшим открывать лицо. Простейшие салаты оставляли его незащищенным¹⁷.

Оружиеведы не утвердились до конца во мнении относительно происхождения данного шлема. Его появление чаще всего связывают с линией развития капалина, который в XV в. получил широкое и более опущенное поле с прорезью для глаз¹⁸. Поэтому салаты могли быть следующим этапом эволюции капалинов.

Считается, что салат происходит из Италии, где представлен в иконописи уже около 1370 г., в то время как в письменных источниках зафиксирован в 1407 г.¹⁹ Отсюда шлемы этого типа распространились по всей Европе, попав, в частности, в Польшу, где старейшее сохранившееся упоминание о них датируется второй декадой XV в.²⁰ Термины, которыми в польских источниках обозначаются салаты

¹⁶ ASK 85, t. 3, 8v.

¹⁷ Nowakowski A. *Uzbrojenie ochronne*. S. 78–79.

¹⁸ Nowakowski A. *Uzbrojenie ochronne*. S. 76. В литературе также обращается внимание на возможность происхождения салата от басинета, см. среди прочего: Michalak A., Kwaśniewicz W., Wawrzyniak P. *Salada typu niemieckiego ze zbiorów lubuskiego muzeum wojkowego w Drzonowie koło Zielonej Góry* // *Acta Militaria Medievalia*. 2008. T. 4. S. 199.

¹⁹ Салатом оснащен один из вооруженных людей на датированном временем ок. 1370 г. алтаре кафедрального собора в тосканском городе Пистойя: Blair C. *Europaen Armour...* S. 85; *Oakeshot E. European Weapons and Armour. From the Renaissance to the Industrial Revolution*. Suffolk, 2000. S. 109. Fig. 34; Michalak A., Kwaśniewicz W., Wawrzyniak P. *Op. cit.* S. 199.

²⁰ В литературе можно встретить информацию о том, что его первое упоминание датируется 1416 г. (Nowakowski A. *Uzbrojenie indywidualne* // *Polska technika wojskowa do 1500 r.* / Ed. A. Nadolski. Warszawa, 1994, S. 232) или 1419 г. *Szymczak J. Produkcja...* S. 131; Nowakowski A., Szymczak J. *Op. cit.* S. 36; *Swaryczewski A. Platnerze krakowscy*. Warszawa — Kraków, 1987. Warszawa, 1987. S. 70.

(lapka, lerpka), взяты, несомненно, из немецкого языка, в котором этот тип шлема известен как «лерке». Хотя средневековые салаты не редкость в музейных коллекциях, в польских собраниях находится всего пять шлемов этого типа²¹. Несколько богаче в отношении польских земель иконография XV в., в которой мы находим несколько изображений салатов. Стоит отметить, что они являются частью вооружения как рыцарей, так и простых воинов²².

О ценах на салаты в Польском королевстве известно по двум сохранившимся упоминаниям, согласно которым стоимость такого шлема составляла 1–2 гривны²³. В свою очередь, наемники за потерянный шлем этого типа получили 1 флорин²⁴. Эту сумму можно считать немного заниженной по отношению к рыночной стоимости, но следует помнить, что, как видно хотя бы из выплат наемникам, компенсация за лошадей и оружие всегда была ниже, чем, скажем, цена нового вооружения.

Салаты присутствуют в реестрах конных рот 1471, 1474, 1477 и 1498 г., где их было 615 экземпляров, что составило 74% всех зарегистрированных тогда шлемов. Гораздо меньше информации о шлемах дали списки наемников 1490-х гг. XV в. Упоминание о них содержит реестр конной роты Якуба Рожновского 1498 г., в котором 16 из 18 шлемов — это салаты²⁵. В списке отряда ротмистра Севера того же года было зафиксировано 7 салатов и 52 шлема других типов²⁶. Среди пехотинцев было отмечены 271 салат в 1471 г. и 25 — в 1477 г., что дает 80% всех шлемов. Эти цифры однозначно свидетельствуют о том, что это был самый распространенный тип шлема среди наемников. Важно, что в списках 1471 г., которые содержат наибольшее количество информации о вооружении, салаты доминируют еще больше, ибо их почти 86%²⁷.

²¹ Michalak A., Kwaśniewicz W., Wawrzyniak P., *Op. cit.* S. 199–226, особенно S. 215, прим. 36.

²² А. Новаковский в двух томах «Вооружения в средневековой Польше» приводит в общей сложности 12 примеров изображений салатов в иконографии: Nowakowski A. *Uzbrojenie ochronne* // *Uzbrojenie ochronne 1350–1450*. S. 46; *Idem. Uzbrojenie ochronne* // *Uzbrojenie 1450–1500*. S. 78–79.

²³ Szymczak J. *Produkcja...* Łódź, 1989. S. 131.

²⁴ Grabarczyk T. *Jazda...* S. 74.

²⁵ ASK 85, t. 3, k. 50–54v; Górski K. *Historia jazdy polskiej*. Kraków, 1894. S. 274–277.

²⁶ ASK 85, t. 3, k. 5–10v; Grabarczyk T. *Uzbrojenie w konnej rocie Aleksandra Sewera z 1498 r.* // *Archeologia Historica*. T. 34. 2009. S. 445–453.

²⁷ Grabarczyk T. *Piechota...* S. 161.

Кроме реестров рот, упоминания о саладах появляются в списках вооружения, утраченного солдатами во время военных кампаний. В таком списке, датированном начальным периодом Тринадцатилетней польско-тевтонской войны (1454–1466), зафиксированы как потерянные 29 саладов. Еще пять штук встретились среди отремонтированного вооружения²⁸. Стоит отметить, что это единственный тип шлема, упомянутый в списке. Информация об утраченных всадниками «лепках» также содержится в списках потерь 1472 и 1497 гг.²⁹

На большую популярность саладов в конце XV в. указывают списки имущества, утраченного всадниками из королевского придворного отряда («*curienses*»). Правда, упоминания о них там довольно краткие: отмечены 16 шлемов, утраченных в 1497 г., и восемь — в 1498 г. Обращает внимание тот факт, что салат был единственным типом шлема в этих списках, что можно рассматривать как подтверждение его популярности³⁰.

Пшилбицы

Пшилбица считается лучшим шлемом из тех, что производились в период средневековья. Характерными чертами его конструкции являются колоколовидный купол и подвижное забрало, обеспечивавшее хорошую защиту головы, а также относительно высокий комфорт использования (рис. 3). Этот шлем был создан в Италии в XIV в. и, несколько усовершенствованный, приобрел популярность в других странах. В частности, в том же столетии он использовался в Польском королевстве и в Силезии³¹.

Известны лишь три экземпляра, происходящие из археологических раскопок на территории Польши, и все они датируются XIV в. Немного лучше выглядит ситуация, если речь идет об иконографических источниках, которые не очень многочисленны и представляют несколько разновидностей шлемов данного типа. Однако, хотя эти изображения датируются второй половиной XV в., форма шлемов

там — безусловный анахронизм³². Здесь стоит отметить, что на рыцарских надгробиях идентифицированы 8 пшилбиц и 7 саладов³³. Таким образом, этот вид источников позволяет предположить, что среди воинской элиты подобные шлемы не были большой редкостью, хотя в целом редкость их изображений не позволяет делать слишком далекие идущие выводы.

В письменных источниках информация о пшилбицах на территории Польши появляется на удивление редко³⁴. Сходным образом в реестрах наемных войск XV в. есть только два упоминания о шлемах этого типа³⁵. Оба они находились на вооружении солдат из роты Якуба Рожновского в 1498 г.³⁶ Однако допустимо предположить, что на самом деле всадники использовали пшилбицы чаще, чем об этом можно судить на основании списков наемников. С большой долей вероятности можно предположить, что этот тип шлема был элементом снаряжения, по крайней мере, части тяжеловооруженных копейщиков. Чаще всего их защитное вооружение обозначается термином «копейный доспех», который подразумевал полную защиту туловища вместе с шлемом. По крайней мере, часть этих копейщиков могла использовать пшилбицу. Не исключено также, что в реестрах для нее мог применяться термин «*galea*»³⁷. Если в списках наемной пехоты XV в. нет никаких упоминаний о пшилбицах, то в XVI в. этот тип шлема изредка появляется на вооружении пехотинцев³⁸.

³² Nowakowski A. *Uzbrojenie...* [1350–1450]. S. 49–53; *Idem*. *Uzbrojenie 1450–1500*. S. 80–81.

³³ Nowakowski P. A. *Arsenały domowe rycerstwa polskiego w średniowieczu*. Toruń, 2006. S. 119. Tab. 4. Не стоит обращать внимание на изображения, которые не позволяют однозначно определить тип шлема. В соответствующей таблице они обозначены знаком «?».

³⁴ Szymczak J. *Produkcja...* S. 132–133.

³⁵ К. Гурский (*Górski K.* *Historia piechoty polskiej*. Kraków, 1893. S. 205–208) опубликовал реестр пешей роты Гануша Шольца, в котором содержится информация о пшилбицах, которые входили в состав снаряжения ротмистра и четырех его подчиненных. Между тем, в рукописном тексте, там, где К. Гурский выявил слова «пшилбица», на самом деле стоит «сулица», см.: ASK 85, t. 2, k. 109 и далее. В результате даже в новейших работах можно встретить утверждение об использовании пшилбиц пешими наемниками, см.: Nowakowski A. *Uzbrojenie ochronne...* S. 80.

³⁶ «*Valach gnyady pod strzelczem, plech przedny zadny, przelbycza, koń strzelczy plachy przelbycza kusza*» (ASK 85, t. 3, k. 50, 53v; *Górski K.* *Historia jazdy...* S. 274).

³⁷ См. ниже.

³⁸ Boldyrew A. *Piechota zaciężna w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku*. Warszawa, 2011. S. 256–257.

²⁸ Archiwum Państwowe w Gdańsku, 300, D 75, k. 1–7.

²⁹ ASK 86, t. 1, k. 48v и далее; ASK 85, t. 2, k. 142.

³⁰ ASK 85, t. 2, k. 113v, 133–133v, 142; ASK 85, t. 3, k. 19, 54.

³¹ Nowakowski A. *Uzbrojenie indywidualne...* S. 227–231; Grabarczyk T., Lawrynowicz O. *Zbraně a zbroj v miniaturách pražského zlomku latinského překladu Kroniki tzv. Dalimila // Castelologia Bohemica*. T. 10. 2006. S. 260, 263; Heš R. *Uzbrojenie rycerskie na Śląsku w XIV wieku*. Wrocław 2007. S. 28–32; Szymczak J. *Produkcja...* S. 132.

Наверное, основная причина, по которой пшилбица на землях Польского королевства не стала широко используемым шлемом, была ее цена. Из сохранившихся упоминаний следует, что стоимость такого шлема находилась в пределах 3–4 гривен. Однако эта информация относится к 1393–1428 гг. Со временем, как можно догадаться, цены на шлемы упали, но из-за своей сложной конструкции они по-прежнему оставались дороже, чем капалины и салалы. Для наемников, особенно менее обеспеченных, причина, по которой не использовали пшилбицы, была относительно низкая сумма компенсации за утерю шлема. Известно, что в 1519 г. за потерянный в ходе военных действий шлем этого типа солдат получал 1 флорин, что компенсировало ущерб в меньшей степени, чем если бы он потерял дешевый капалин или салал. В научной литературе небольшое количество упоминаний о пшилбицах в Польше объясняется тем, что здесь быстро появились и распространились салалы, которые иногда носились вместе с забралом, создавая защиту не хуже, чем более дорогие пшилбицы³⁹.

Пекильхубе

В реестре роты Александра Севера 1498 г. зафиксировано 59 шлемов, из которых 51 — это так называемые пекильхубе (*pekilhube*), имеющие остроконечную форму. Информация об этих шлемах представляет особый интерес, поскольку она очень редко попадает в различного рода источники. Известные до сих пор краткие упоминания о пекильхубе разнесены во времени. Наиболее раннее сообщение восходит к 1364 г., когда в документах крестоносцев было отмечено, что такие шлемы имеются в оружейной комнате замка в Старогарде. В последний раз в арсеналах крестоносцев «пекильхубе» упоминаются в Пасленке в 1451 г.⁴⁰ В 1385 г. они учтены в арсенале силезского города Явор⁴¹. Тогда же, в конце XIV в., пекильхубе появляются в чешских источниках⁴².

Для территории средневековой Польши до сих пор было известно только одно упоминание о пекильхубе. В 1372 г. такой шлем нахо-

дился в Казимеже близ Кракова⁴³. А. Сварычевский связывает этот тип шлемов с русскими землями⁴⁴. В свою очередь, М. Голинский предполагает, что пекильхубе мог быть своего рода головным убором остроконечной формы⁴⁵. Однако лучше всего обоснован и прочно укоренился в историографии тезис А. Новаковского, который связывает название «*pekilhube*» с типом шлема, один экземпляр которого находится в собрании Торуньского музея (рис. 4, 5). Шлем этот имеет цилиндрический купол с заостренным завершением⁴⁶. Одновременно ученый выдвигает гипотезу о балтийском происхождении данного шлема. К сожалению, артефакт из Торуня сохранился до наших дней в некомплектном состоянии, в частности, без забрала⁴⁷. Этот тип шлема с открытым забралом представлен также на фресках первой половины XV в. в силезских костелах св. Антония в Стшельниках и в Кшижовичах⁴⁸.

Однако, изображенные там шлемы и экземпляр из Торуня не обязательно соответствуют шлемам из реестра роты Севера. Следует обратить внимание на тот факт, что торуньский шлем имеет вокруг купола крепление для бармицы кольчужного плетения. Между тем, известно, что бойцы этой роты носили пекильхубе без бармицы. Следует также помнить, что как силезские иконографические памятники, так и торуньский артефакт, более чем на 50 лет старше, чем реестр роты Севера. Поэтому следует выяснить, не были ли пекильхубе из этого реестра средством защиты другого типа, чем это показано выше. Шлемом, который с точки зрения своего внешнего вида может быть назван

⁴³ *Księgi radzieckie kazimierskie 1369–1381 i 1385–1402*. Krakow, 1932. S. 39.

⁴⁴ *Swaryczewski A. Płatnerze...* S. 73.

⁴⁵ *Goliński M. Uzbrojenie mieszczańskie...* S. 15–16.

⁴⁶ *Nowakowski A. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV w. i na początku XV w.*, Łódź, 1980. S. 73–74.

⁴⁷ Её видел еще немецкий исследователь Б. Энгель в начале XX в., когда изучал этот памятник архитектуры и опубликовал посвященную ему статью, разместив в ней его фотографию: *Engel B. Eine eigenartige Beckenhaube // Zeitschrift für Historische Waffenkunde*. 1915–1917. T. 7. S. 108–109.

⁴⁸ *Wasiak W. Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia hełmu typu pekilhube z Kościoła w Strzelnikach koło Brzegu // Broń i wojna w dziejach człowieka / Ed. Badowskiej K., Wasiaka W., Łuczaka P.* Łódź, 2009. S. 117–131; *Głosek M., Wasiak W. Nowe spojrzenie na problem przyłbicy typu pekilhube z Torunia // Cum arma per aeva. Uzbrojenie indywidualne na przestrzeni dziejów*. Toruń, 2011. S. 126–154. В обеих этих работах использована более ранняя литература по пекильхубе.

пекильхубе, является капалин, завершающийся острием. Он известен, в частности, в Чехии, Пруссии, Скандинавии и на Руси.

Образцом такого шлема может быть экземпляр, найденный в Ольштынке (Варминско-Мазурское воеводство, рис. 6). Сферический купол этого шлема имеет в нижней части четко очерченные поля. Сверху его венчает характерное острие высотой 70 мм⁴⁹. По форме он напоминает прусский пикельхаубе новейшего времени. Шлемы, похожие на тот, что был найден в Ольштынке, можно видеть на головах всадников в сцене битвы под Легницей на триптихе из Велёвси⁵⁰.

Также стоит обратить внимание на салат под названием «французский» из Оружейного собрания в Вене. Датированный временем около 1470 г. шлем имеет забрало с прорезью для глаз, а в верхней части его купола находится небольшое, но четко выраженное острие (рис. 7). В пекильхубе из реестра роты Севера следует скорее видеть именно такие увенчанные острием капалины или салады, чем ставшие для конца XV в. архаичными шлемы, представленные экземпляром из коллекции Торуньского музея. Для большей уверенности в том, какой шлем в конце XV в. называли «пекильхубе», представляется необходимым сопоставление всех данных, полученных при изучении письменных источников, иконографии и европейских музейных коллекций.

Галеа

Еще один термин, который присутствует в реестрах в отношении шлемов, «галеа» (*galea*). Он встречается нечасто, в реестрах зафиксировано всего 45 всадников и 14 пехотинцев, на вооружении которых находились «галеа». Это слово является обобщающим понятием, указывающим на защиту головы, и его нельзя сопоставлять с определенным типом шлема⁵¹. Писари, составлявшие реестры, использовали такой термин неоднозначно, что означает, что под ним скрываются различные типы шлемов.

Среди документов 1471 г. термин «галеа» встречается только в одном списке. Это реестр отряда Кшиштофа Котвича, в котором наряду с 44 саладами зафиксировано 15 шлемов, обозначенных как «галеа»⁵².

⁴⁹ Wap A. Kapalin z XIV/XV wieku // *Zeszyty Naukowe Ośrodka Badań Historii Wojskowej Muzeum Wojska w Białymstoku*. 1994. Nr. 8. S. 125–126.

⁵⁰ Żygulski Z. *jun.* Sławne bitwy w sztuce. Warszawa, 1996. S. 53. Ill. 71.

⁵¹ Nowakowski A., Szymczak J. *Rodzaje...* S. 32.

⁵² RK 16, k. 22-26v. Cp. K. Górski. *Historia jazdy...* S. 279–285, где этот реестр ошибочно датирован 1498 г.

В данном случае это могут быть капалины, часто встречавшиеся в снаряжении солдат. Напротив, в списке вооружения роты Якуба Белого термин «галеа» присутствует рядом с семью капалинами и одним салатом. Слово «галеа» используется здесь 29 раз, что означает, что это был самый популярный шлем в данном подразделении. Именно сравнительно большое количество упоминаний заставляет в этом случае отказаться от сопоставления слова «галеа» с пшилбицей. Такой тип шлема крайне редко появляется в составе вооружения наемных всадников и в этом отношении реестр роты Белого можно считать уникальным. Более разумным кажется, что «галеа» тут означает салат, о чем говорит большое количество упоминаний, а, как известно, именно данный тип шлема представлен в других списках определенно чаще всего. Этому не должно противоречить появление в инвентаре роты Белого термина «лепка», которым обозначали салат⁵³.

Следует отметить, что писарь составил свой реестр на латыни и описал практически все предметы вооружения наемников, используя латинскую терминологию. Исключением является последняя позиция в этом списке, где записано: «*Equus wrony plesnywy sagitarius habens logicam obouczek lepka nigra*». Нет сомнений в том, что использованный здесь термин «*obouczek*» соответствует слову «*colnerium*» («назатыльник») в основной части и других местах этого реестра. Аналогичным образом можно считать, что «лепка» является эквивалентом «галеа», упомянутого в списке вооружения солдат Якуба Белого. Следовательно, в описании шлемов писарь не совсем последовательно пользовался латинской терминологией. Из-за термина «лепка» может сложиться ошибочное впечатление, что в роте наряду с саладами и капалинами использовался третий тип шлема.

Последний из реестров, в котором фигурирует «галеа», это список отряда ротмистра Вацовского 1477 г. В нем служили три всадника с саладами, один с капалином и один, в состав вооружения которого входил «*alba galea*»⁵⁴. В этом случае также речь может идти о разновидности капалины или салада. Однако, учитывая, что это единственное упоминание, нельзя исключать того, что речь идет о шлеме с забралом. Информацию о солдатах, среди снаряжения которых оказались «галеа», дополняют упоминания о них в реестрах пехоты. Все они обнаружены в списках 1477 г. и являлись частью защитного вооружения

⁵³ ASK 85, t.1, k. 1–4.

⁵⁴ ASK 85, t. 1, k. 24.

солдат с павезами, то есть с большими щитами, которыми заслоняли стрелков с арбалетами. Наемников со шлемами, именуемыми «галеа», мы встречаем в пяти отрядах под началом ротмистров Скурковского (семь пехотинцев), Плавецкого (два), Данбровы (два), Чажемды (два), Длугоша (один). В реестрах этих рот «галеа» присутствуют наряду с капалинами и саладами.

Помимо реестров, термин «галеа» встречается в списках вооружения, утерянного во время походов в Чехию и в Венгрию в 1471 г. Там зафиксированы потери 17 таких шлемов⁵⁵. В данном случае под термином «галеа» скрываются, скорее всего, салады. Нужно, однако, иметь в виду возможность того, что и на этот раз термин «галеа» использован в общем смысле в значении «шлем». Для составлявших списки потерянной экипировки значимым было то, что утрачена защита головы — неважно, какого типа — и за не нужно выплатить компенсацию, размеры которой были одинаковыми, независимо от того, какого типа шлема солдат лишился.

Как видно, «галеа» в источниках выступает в различном смысле, и не всегда можно однозначно определить, какой тип шлема скрывается под этим названием.

Итоговые выводы

Как уже говорилось, в составе снаряжения средневооруженных всадников шлемы представлены чаще всего. Несмотря на это, из реестров однозначно следует, что большей частью шлемов они не имели. Из списков, составленных в 1471 г., следует, что из 1028 всадников шлемы были только у 576 человек, то есть 44% солдат в этой группе несли службу, не имея защиты для головы. Если анализировать данные по отдельным ротам, то в этом отношении между ними наблюдаются большие различия. В отряде ротмистра Козла до 70% средневооруженных в реестре не имели шлема, в роте Ратольда — 65%, Зелинского — 51%. Лучше всего шлемами были обеспечены всадники из отряда Авраама и Лашча: без защиты головы там служили 14% средневооруженных. Неплохо в этом плане выглядела рота Сметанки — 17% всадников без шлемов. С другой стороны, были отряды, в которых не имели шлемов примерно 2/3 воинов. Ни одна рота из набранных в 1471 г. не могла похвастаться тем, что все в ней имеют шлемы.

⁵⁵ ASK 86, t. 1, k. 48v и далее.

Показатели последующих лет, кажется, свидетельствуют о том, что процент всадников без шлемов постепенно уменьшается. Так, в реестре роты Якуба Белого с 1474 г. из 43 средневооруженных всадников без шлема было всего 6 (14%). В свою очередь, из 153 всадников, внесенных в списки 1477 г., служили без защиты головы 14 человек (9%). В 1498 г. в отряде ротмистра Александра Севера из 67 средневооруженных всадников 9 солдат (12%) отмечены в реестре без защиты головы. Во внесенной в том же году в реестр роте Рожновского из 20 солдат без шлемов служили два (10%)⁵⁶.

К сожалению, число солдат, попавших в реестры после 1471 г., значительно меньше. Следовательно, и к результатам, полученным для 1474, 1477 и 1498 г., следует подходить более осторожно, поскольку они могут не до конца отражать фактическое состояние дел относительно наемников в шлемах. С другой стороны, наличие всего 9–14% средневооруженных всадников без шлемов, зарегистрированных в эти годы, указывает на то, что улучшение их оснащения в сравнении с 1471 г. кажется весьма правдоподобным.

Безусловно, хуже всадников снабжались шлемами пехотинцы. Как следует из реестров 1470-х гг., их носили менее 10% солдат⁵⁷. Стоит также заметить, что шлемы находились на вооружении наемников, служивших в качестве павезников, то есть солдат с большими щитами, которые составляли первый ряд в построении отряда. Пехотинцы, занимавшие позиции за их спинами, вообще не носили шлемов.

Чтобы дополнить представление о шлемах, использовавшихся наемными войсками, необходимо упомянуть о том, что их поверхность могла быть обработана по-разному. Для защиты головы применялись полированные (цисты) и окрашенные (*albus, mundus, niger, cirwony, rubeus, stachowany*) шлемы. Для последних наиболее распространенным был черный цвет.

Суммируя данные о шлемах польских наемных войск, можно сделать вывод, что во второй половине XV в. преобладали салады, о которых имеется 75% упоминаний, при менее 15% капалинов. Около 5% — это информация о шлемах, в отношении которых используется неоднозначный термин «галеа», а более 5% — это появляющиеся

⁵⁶ В отряде Рожновского упоминаются только всадники, имущество которых описывается посредством перечисления его отдельных элементов, при этом не уделяется внимания тем, чье снаряжение описывается как «стрелковый доспех» (ASK 85, t. 3, k. 5–10, 50–54v).

⁵⁷ *Grabarczyk T. Piechota...* S. 160–165.

только в одном реестре до сих пор не идентифицированные шлемы, известные как «пекильхубе». Такая же ситуация с пшилбицами. Однако можно предположить, что такие шлемы чаще использовались тяжеловооруженными копейщиками. Похожая картина наблюдается и в пехотных ротах, где салады составляли 80%, капалины — 16%, шлемов «галеа» было 4%⁵⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что соотношение между отдельными типами шлемов как в коннице, так и в пехоте складывалось очень похоже. Наконец, стоит отметить, что в наемной армии Польского королевства во второй половине XV в. служили солдаты родом не только из Польши, но и Силезии, Чехии, Венгрии. Вооружение наемников на польской службе, таким образом, можно считать достаточно репрезентативным для всей Центральной Европы.

Список литературы

- Blair, Claude. European Armour circa 1066 to circa 1700. London, 1958. 248 p.
- Boldyrew, Aleksander. Piechota zaciężna w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku, Warszawa, 2011. 419 s.
- Denkstein, Vladimír. Pavezy českého typu // Sborník Národního Muzea v Praze. Historie XIX. 1965. Č. 3. S. 1–202.
- Engel, Bernhard. Eine eigenartige Beckenhaube // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. 1915–1917. T. 7. S. 108–109.
- Głosek, Marian, Wasiak, Wojciech. Nowe spojrzenie na problem przyłbicy typu pekilhube z Torunia, // Cum arma per aeva. Uzbrojenie indywidualne na przestrzeni dziejów / Ed. Paweł Kacypery i Piotr Pudło. Toruń, 2011. S. 126–154.
- Goliński, Mateusz. Służba rycerska a potencjał militarny księstw śląskich w późnym średniowieczu. Cz. 2: Księstwo wrocławskie na tle innych ziem dziedzicznych Korony Czeskiej // Sobótka. 1998. T. 53. Nr. 3–4. S. 519–545.
- Goliński, Mateusz. Uzbrojenie mieszczańskie na Śląsku od połowy XIV do końca XV w. // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1990. T. XXXIII. S. 3–64.
- Górski, Konstanty. Historia jazdy polskiej. Kraków, 1894. 274 s.
- Górski, Konstanty. Historia piechoty polskiej. Kraków, 1893. 271 s.
- Grabarczyk, Tadeusz. Jazda zaciężna Królestwa Polskiego w XV wieku. Łódź, 2015. 306 s.
- Grabarczyk, Tadeusz, Ławrynowicz, Olgierd. Kapaliny w późnośredniowiecznej Polsce // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Под ред. Е. Н. Носова и С. В. Белецкого. Т. 1. СПб.-М.: Ломоносовъ, 2010. С. 230–240.
- Grabarczyk, Tadeusz, Ławrynowicz, Olgierd. Zbraně a zbroj v miniaturách pařížského zlomku latinského překladu Kroniky tzv. Dalimila // Castelologia Bohemica. T. 10. 2006. S. 257–280.
- Grabarczyk, Tadeusz. Piechota zaciężna Królestwa Polskiego w XV wieku. Łódź, 2000. 313 s.

⁵⁸ Ibidem. S. 163.

- Grabarczyk, Tadeusz. Uzbrojenie w konnej rocie Aleksandra Sewera z 1498 r. // Archeologia Historica. T. 34. 2009. S. 445–453.
- Heś, Robert. Uzbrojenie rycerskie na Śląsku w XIV wieku. Wrocław, 2007. 160 s.
- Księgi radzieckie kazimierskie 1369–1381 i 1385–1402. Kraków, 1932. 672 + 7 s.
- Michalak, Arkadiusz, Kwaśniewicz, Włodzimierz, Wawrzyniak, Piotr. Salada typu niemieckiego ze zbiorów lubuskiego muzeum wojskowego w Drzonowie koło Zielonej Góry // Acta Militaria Medievalia. T. 4. 2008. S. 199–221.
- Nowakowski, Andrzej. Arms and Armour in the Medieval Teutonic Order's State in Prussia. Łódź, 1994. 161 s.
- Nowakowski, Andrzej, Szymczak, Jan. Rodzaje uzbrojenia ochronnego w Polsce w okresie monarchii stanowej w świetle źródeł pisanych // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. 33. 1985. S. 29–48.
- Nowakowski, Andrzej. Uzbrojenie indywidualne // Polska technika wojskowa do 1500 r. Red. Andrzej Nadolski. Warszawa, 1994. S. 198–249.
- Nowakowski, Andrzej. Uzbrojenie ochronne // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1450–1500 / Ed. Andrzej Nowakowski. Toruń, 2003. S. 73–105.
- Nowakowski, Andrzej. Uzbrojenie ochronne // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450 / Ed. Andrzej Nadolski. Łódź 1990, S. 31–110.
- Nowakowski, Andrzej. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV w. i na początku XV w. Łódź, 1980. 159 s.
- Nowakowski, Piotr. Arsenaly domowe rycerstwa polskiego w średniowieczu. Toruń, 2006. 425 s.
- Oakeshot, Ewart. European Weapons and Armour. From the Renaissance to the Industrial Revolution. Suffolk, 2000. 288 p.
- Swaryczewski, Andrzej. Płatnerze krakowscy. Warszawa — Kraków, 1987. 217 s.
- Szczygielski, Wojciech. Powinności wojskowe miast i mieszczaństwa w Polsce od XIII do połowy XV wieku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 5. 1960. S. 425–457.
- Szymczak, Jan. Produkcja i koszty uzbrojenia rycerskiego w Polsce w XIII–XV wieku. Łódź, 1989. 338 s.
- Szymczak, Jan. Zasoby uzbrojenia 1350–1450 // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450 / Red. Andrzej Nadolski. Łódź, 1990. S. 383–411.
- Wap, Anatol. Kapalin z XIV/XV wieku // Zeszyty Naukowe Ośrodka Badań Historii Wojskowej Muzeum Wojska w Białymstoku. 1994. Nr. 8. S. 125–126.
- Wasiak, Wojciech. Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia hełmu typu pekilhube z Kościoła w Strzelnikach koło Brzegu // Broń i wojna w dziejach człowieka / Ed. Katarzyna Badowska, Wojciech Wasiak i Piotr Łuczak. Łódź, 2009. S. 117–131.
- Zajączkowski, Stanisław Marian. O wojskowych powinnościach sołtysów w Polsce w okresie monarchii stanowej // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 19. 1973. Cz. 1. S. 23–59.
- Zajączkowski, Stanisław Marian. Obowiązki wojskowe wójtów w państwie polskim w okresie monarchii stanowej // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 21. 1978. S. 3–44.
- Zajączkowski, Stanisław Marian. Służba wojskowa chłopów w Polsce do połowy XV wieku. Łódź, 1958. 151 s.
- Żygułski, Zdzisław jun. Sławne bitwy w sztuce. Warszawa, 1996. 223 s.

References

- Blair, Claude, *European Armour circa 1066 to circa 1700*, London 1958.
- Boldyrew, Aleksander, *Piechota zaciężna w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku [Mercenary Infantry in Poland in the first half of the sixteenth century]*, Warszawa 2011.
- Denkstein, Vladimír, *Pavezy českého typu [Bohemian type pavises]*, in: Sbornik Národního Muzea v Praze, Historie, vol. 19, 1965, no. 3, 1–202.
- Engel, Bernhard, *Eine eigenartige Beckenhaube [Some peculiar Bascinet]*, in: Zeitschrift für Historische Waffenkunde, t. 7, 1915–1917, 108–109.
- Głosek, Marian, Wasiak, Wojciech, *Nowe spojrzenie na problem przyłbicy typu pekilhube z Torunia [A new look on the problem of the visor-type pekilhube from Torun]*, in: Cum arma per aeva. Uzbrojenie indywidualne na przestrzeni dziejów [Cum arma per Aeva. Individual Armour throughout history], ed. Paweł Kacypera, Piotra Pudło, Toruń 2011, 126–154.
- Goliński, Mateusz, *Služba rycerska a potencjał militarny księstw śląskich w późnym średniowieczu, cz. 2: Księstwo wrocławskie na tle innych ziem dziedzicznych Korony Czeskiej [Knightly service and military potential of the Silesian principalities in the late Middle Ages, part 2: Duchy of Wrocław against other lands of the Czech Crown]*, in: Sobótka 1998, t. 53, nr 3–4, 519–545.
- Goliński, Mateusz, *Uzbrojenie mieszczkańskie na Śląsku od połowy XIV do końca XV w. [Arms and armours of Silesian townsmen from the mid-fourteenth to the late fifteenth century]*, in: Studia i Materiały do Historii Wojskowości, 1990, t. XXXIII, 3–64.
- Górski, Konstanty, *Historia jazdy polskiej [History of Polish cavalry]*, Kraków 1894.
- Górski, Konstanty, *Historia piechoty polskiej [History of Polish infantry]*, Kraków 1893.
- Grabarczyk, Tadeusz, *Jazda zaciężna Królestwa Polskiego w XV wieku [Mercenary cavalry in Polish Kingdom in the XV century]*, Łódź 2015.
- Grabarczyk, Tadeusz, Ławrynowicz, Olgierd, *Kapaliny w późnośredniowiecznej Polsce [Kettle hats in late medieval Poland]*, in: Kraeugolnyj kamen'. Arheologija, Istorija, Iskustvo, Kul'tura Rossii i sopedel'nyh stran: 80-letiju so dnia rozhdenija Anatolija Nikolajevicha Kirpichnikova posviashchajetsja [Corner-stone: archeology, history, arts and culture of Russia and its neighbours: dedicated to Anatolij Nikolaevich Kirpichnikov's 80th birthday anniversary], t. 1, ed. E. N. Nosov, S. B. Beleckij, Moscow 2010, 230–240.
- Grabarczyk, Tadeusz, *Zbraně a zbroj v miniaturách pařížského zlomku latinského překladu Kroniky tzv. Dalimila [Arms and Armour in Miniature of Paris fragment of the Latin translation of the Chronicle by so called Dalimil]*, in: Castelologia Bohemica, t. 10, 2006, 257–280.
- Grabarczyk, Tadeusz, *Piechota zaciężna Królestwa Polskiego w XV wieku [Mercenary infantry of Polish Kingdom in the XV century]*, Łódź 2000.
- Grabarczyk, Tadeusz, *Uzbrojenie w konnej rocie Aleksandra Sewera z 1498 r. [Arms and armour in the horse unit of captain Alexander Sever in year 1498]*, in: Archeologia Historica, t. 34, 2009, 445–453.
- Heš, Robert, *Uzbrojenie rycerskie na Śląsku w XIV wieku [Arms of knights in Silesia in the XIV century]*, Wrocław 2007.
- Księgi radzieckie kazimierskie 1369–1381 i 1385–1402 [Kazimierz town's council book]*, Krakow 1932.
- Michalak, Arkadiusz, Kwaśniewicz, Włodzimierz, Wawrzyniak, Piotr, *Salada typu niemieckiego ze zbiorów lubuskiego muzeum wojskowego w Drzonowie koło Zielonej Góry [German type sallet from the collections of the Lubusz Military Museum in Drzonowie near the Zielona Góra]*, in: Acta Militaria Medievalia, t. 4, 2008, 199–221.
- Nowakowski, Andrzej, *Arms and Armour in the Medieval Teutonic Order's State in Prussia*, Łódź 1994.
- Nowakowski, Andrzej, Szymczak, Jan, *Rodzaje uzbrojenia ochronnego w Polsce w okresie monarchii stanowej w świetle źródeł pisanych [The types of armor in Poland during the monarchy in the light of written sources]*, in: Kwartalnik Historii Kultury Materialnej, r. 33, 1985, 29–48.
- Nowakowski, Andrzej, *Uzbrojenie indywidualne [Individual Armament]*, in: Polska technika wojskowa do 1500 r. [Polish military technology to 1500], ed. Andrzej Nadolski, Warszawa 1994, 198–249.
- Nowakowski, Andrzej, *Uzbrojenie ochronne [Defensive Armour]*, in: Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1450–1500 [Medieval Weaponry in Poland 1450–1500], ed. Andrzej Nowakowski, Toruń 2003, 73–105.
- Nowakowski, Andrzej, *Uzbrojenie ochronne [Defensive Armour]*, in: Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450 [Medieval weaponry in Poland 1350–1450], ed. A. Nadolski, Łódź 1990, 31–110.
- Nowakowski, Andrzej, *Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV w. i na początku XV w. [Arms and Armour of Teutonic army in Prussia in the XIV century and early XV century]*, Łódź 1980.
- Nowakowski, Piotr, *Arsenały domowe rycerstwa polskiego w średniowieczu [Private arsenals of Polish knights in the Middle Ages]*, Toruń 2006.
- Oakeshot, Ewart, *Europeaan Weapons and Armour. From the Renaissance to the Industrial Revolution*, Suffolk 2000.
- Swaryzewski, Andrzej, *Platnerze krakowscy [Cracov Armourers]*, Warszawa — Kraków 1987.
- Szczygielski, Wojciech, *Powinności wojskowe miast i mieszczństwa w Polsce od XIII do połowy XV wieku [Military Duties of towns and the burgers in Poland since the XIII to the half of XV century]*, in: Studia i Materiały do Historii Wojskowości, t. 5, 1960, 425–457.
- Szymczak, Jan, *Produkcja i koszty uzbrojenia rycerskiego w Polsce w XIII–XV wieku [Production and costs of knights armour in Poland XIII–XV century]*, Łódź 1989.
- Szymczak, Jan, *Zasoby uzbrojenia 1350–1450 [Resources of weapons 1350–1450]*, in: Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450 [Arms and armour in medieval Poland 1350–1450], ed. A. Nadolski, Łódź 1990, 383–411.
- Wap, Anatol, *Kapalin z XIV/XV wieku [Kettle hat from the 14th/15th century]*, in: Zeszyty Naukowe Ośrodka Badań Historii Wojskowej Muzeum Wojska w Białymstoku, 1994, nr 8, 125–126.
- Wasiak, Wojciech, *Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia hełmu typu pekilhube z Kościoła w Strzelnikach koło Brzegu [Identification of medieval iconographic representations of real copies of weapons, exemplified the type of helmet ideas pekilhube of the Church in Strzelniki koło Brzegu]*, in: Broń i wojna w dziejach człowieka [Weapons and war in human history], ed. K. Badowska, W. Wasiak, P. Łuczak, Łódź 2009, 117–131.

Zajączkowski, Stanisław Marian, *O wojskowych powinnościach sołtysów w Polsce w okresie monarchii stanowej* [The military duties of mayors in Poland during the monarchy], in: *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*, t. 19, 1973, cz. 1, 23–59.

Zajączkowski, Stanisław Marian, *Obowiązki wojskowe wójtów w państwie polskim w okresie monarchii stanowej* [Military obligations of mayors in the Polish Kingdom during the monarchy], in: *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*, t. 21, 1978, 3–44.

Zajączkowski, Stanisław Marian, *Służba wojskowa chłopów w Polsce do połowy XV wieku* [Military service of Peasants in Poland until the mid-15th century], Łódź 1958.

Żygulski, Zdzisław jun., *Sławne bitwy w sztuce* [The Famous Battles in art], Warszawa 1996.

УДК 94 (430).03

ББК 63.3 (4Герм) 5

С. В. Ефимов

ДОСПЕХИ НЕМЕЦКИХ МАСТЕРОВ XVI В. В СОБРАНИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Доспехи были частью мира вещей эпохи Средневековья и Ренессанса. Они свидетельствовали о положении человека в обществе, о его заслугах, состоянии и личной власти. Доспехи королей и полководцев богато украшались чеканкой или гравировкой по металлу с травлением и покрывались золотом, а иногда, но очень редко, эмалью. Существовали доспехи для турниров и боевые доспехи, доспехи для парадов и пышных процессий. Были и такие дорогостоящие доспехи, которые причислялись к произведениям искусства, они украшали правителей и аристократию. Эти доспехи делали в специальных мастерских, предназначенных для нужд королевских дворов. Расходы на их украшение зачастую превышали затраты на их изготовление.

В XVI в. европейские мастера доспешного дела (нем. *plattner*) достигли вершины своего мастерства. Именно в это время были созданы самые известные и богато украшенные латы. Следует отметить, что доспехи работы известных мастеров стоили весьма крупных денежных сумм, а подчас и целых состояний. Сохранилось большое количество счетов и расценок за доспехи знаменитых бронников XVI в. В качестве примера приведем лишь одну запись из расходной книги испанского двора за 1550 г.: «Кольману, аугсбургскому броннику — 2000 дукатов в счет 3000 за сделанный доспех». Тут же, рядом, запись: «Тициану Вечелли, художнику, вознаграждение 200 дукатов». Таким образом работа мастера-доспешника ценилась во много раз выше, чем великого художника эпохи Возрождения¹.

¹ Etat de depenses de la maison de don Philippe d'Autriche (1549–1551) // *Gazette des Beaux-Arts*. 1869. Vol. 1. P. 86–87. Дукат в Испании XVI в. — золотая монета весом примерно 3,5 г, т. е. 3000 дукатов в перерасчете на вес — это 10,5 кг золота высокой пробы.

В то же время существовали мастерские, которые поставляли военное снаряжение, оружие и доспехи для целых армий, особенно во время многочисленных войн эпохи. Различия в изготовлении доспехов для знати и для солдат были небольшими, но все же сочетать оба процесса (штучную работу и массовое производство) под одной крышей было тяжело.

Тем не менее, подобные мастерские находились недалеко друг от друга, как правило в черте одного и того же города, и были разбросаны по многим торгово-экономическим центрам Европы — от Англии до Польши и от Фландрии до Италии. Обычно они располагались там, где условия для производства были наиболее благоприятными. Этими условиями являлись: запасы древесины для угля, водные ресурсы для приведения в движение молотов и полировальных колес и, разумеется, близкое расположение от поставщиков железа и стали. Также очень важны были торговые артерии — водные и сухопутные пути для перевозки сырья и уже готовой продукции. И, безусловно, нельзя было обойтись без заказчиков, и заказчиков, желательных, постоянных. Немалый доход приносили заказы двора и рыцарство. Однако и государственные заказы на массовое производство оружия для войск имели большое значение для экономического развития мастерских.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) представлена уникальная коллекция доспехов, занимающая по своему качеству и количеству третье место среди отечественных музеев, наряду с Арсеналом Государственного Эрмитажа и Оружейной палатой Московского Кремля.

Наряду со строевым рыцарскими и пехотными доспехами, а также их отдельными частями в собрании представлены латы, изготовленные знаменитыми немецкими мастерами XVI в. Холодная красота линий и сияние полированного металла, украшенного чеканкой и позолотой, производит неизгладимое впечатление даже спустя почти пять веков. Этим мастерам и их шедеврам и посвящена настоящая статья (рис. 1).

Хельмшмидты

Крупнейшими центрами по производству защитного вооружения были южногерманские города Аугсбург и Нюрнберг. Среди аугсбургских оружейников особое место занимает семейство Кольманов (*Colman*), получивших прозвище Хельмшмидтов (*Helmschmidt*; по-немецки буквально «шлемные кузнецы», «шлемники»), ставшее с течением времени фамилией семейства, деятельность которого мож-

но проследить до 1440-х гг.² Семейное дело основал Георг Кольман (ум. 1495/1496). Ему наследовал сын — Лоренц Кольман (1450/1451–1516), он работал на императора Фридриха III, а затем был назначен (с 1491 г.) придворным доспешником Максимилиана I. Считается, что именно он в 1480 г. изобрел «гарнитур» — набор взаимозаменяемых элементов, которые в разных комбинациях образовывали доспехи с различными функциями: для войны или турнира, для конной схватки или пешего боя. В 1490 г. Лоренц участвовал в разработке знаменитого элегантного стиля, получившего позднее у специалистов-оружиеведов название «максимилиановского»³.

Его сын Коломан Кольман (1470/1471–1532, годы работы: 1476–1532) наряду с остальными членами семьи принял имя Хельмшмидт (рис. 2). Этот факт создает некоторые трудности при изучении документов, особенно в случае с Коломаном, чье имя — *Coloman* — иногда пишется с «С», а иногда с «К». Первое упоминание о Коломане в документальных источниках встречается в 1507 г. После 1512 г. он поступил на службу к Максимилиану I Габсбургу. В 1516 г. Максимилиан заказал ему «серебряные доспехи» (посеребренная сталь), однако в 1519 г. эти доспехи, судя по всему, еще не были закончены, возможно, по причине задержки оплаты заказа. Как известно, император Священной Римской империи постоянно нуждался в денежных средствах, за что получил у современников прозвище «Максимилиан без гроша». Это хроническое безденежье часто становилось причиной несвоевременной выдачи заказов не только у оружейников, но и у иных ремесленников. Коломан нанял известных граверов — отца и сына Бургмайров, чтобы те украсили доспехи. В 1519 г. император умер, так и не успев получить заказанные доспехи.

Следует отметить, что с Коломаном тесно сотрудничал известный гравер Йорг (Георг) Сорг, женатый на его дочери — Катерине. Он выполнял гравировки позолотой на доспехах.

Несмотря на то что внук Максимилиана — император Карл V — неоднократно приглашал Коломана для работы в Испанию, многочисленные заказы, которыми засыпали его на родине, мешали оружейнику покинуть Аугсбург. В 1525 г. Коломан, по всей видимости, процветал, поскольку купил «дом на Каролин-штрассе» у вдовы Томаса Бургмай-

² *Reitzenstein A. F. von. Kolman // Neue Deutsche Biographie. Bd. 8. Berlin: Duncker & Humblot, 1969. S. 505.*

³ *Idem. Helmschmied Lorenz // Neue Deutsche Biographie. Bd. 8. S. 506.*

ра. География его клиентуры простиралась до Италии. В 1511 г. он написал письмо маркизе Франческе Мантуанской, в котором поделился своими мыслями по созданию конских доспехов, которые закрывали бы голову, корпус и ноги лошади. На картине в Цойгхаусе в Вене изображен всадник верхом на лошади, облаченной в доспехи такого рода. Часть этих доспехов хранится в брюссельском музее Порте де Хал. Изделия, несущие на себе клеймо Коломана Кольмана или приписываемые ему на основании документальных свидетельств, можно увидеть в музеях Вены, Мадрида, Дрездена и в собрании Уоллеса⁴.

Дезидериус Хельмшмидт (1513–1578) был сыном Коломана Кольмана. В 1532 г. он унаследовал мастерские в Аугсбурге, которые его отец делил с семьей Бургмайр. Сначала Дезидериус работал вместе с оружейником Лутценбергером, который женился на мачехе Дезидериуса в 1545 г. Спустя четыре года он стал членом Большого городского совета, спустя год — Малого совета, а в 1556 г. — придворным оружейником Карла V. Впоследствии он служил на этом же посту у императора Максимилиана II⁵. Судя по всему, Дезидериус использовал то же клеймо, что и его отец, отсюда некоторая путаница между этими двумя ремесленниками. Заметим, что эта путаница порой приводит к забавным недоразумениям. Так, например, готический доспех из собрания Государственного Эрмитажа с клеймами Хельмшмидтов и Аугсбурга справедливо приписывается Лоренцу Кольману. Однако даты жизни его указываются — 1470–1580 гг., т. е. мастер жил 110 лет. Таким образом, Лоренцу были приписаны годы жизни его сына и внука⁶.

Дезидериус был, пожалуй, единственным оружейником, в честь которого была выбита прижизненная портретная медаль. В собрании Государственного Эрмитажа сохранился один ее экземпляр. На серебряной медали диаметром 39 мм погрудное изображение самого мастера с бородой и в берете. На левой щеке бородавка. По кругу идет надпись на латыни «Дезидериус Хельмшмидт в возрасте 42 лет. 26 сентября». Под обрезаем груди дата — 1555 год. На оборотной стороне внутри лаврового венка находится щит с изображенным на нем петухом

в шлеме типа «салад». В правой поднятой лапе петух держит шестопер. Это крайне редкое реалистичное изображение средневекового оружейника (рис. 3 и 4)⁷.

Доспехи его работы находятся в Мадриде — это великолепный парадный доспех, изготовленный для Филиппа II, который подписан и датирован 1550 г. Доспех богато украшен чеканкой, в дополнение к нему имеется круглый щит с гравировкой, который также датирован — 15 апреля 1552 г. Именно на этом щите Хельмшмидт отразил свое соперничество с семьей знаменитых итальянских оружейников Негроли.

В собрании ВИМАИВиВС хранится шлем-бургиньот телохранителей императора Священной Римской империи Карла V Габсбурга (рис. 5). Стальной шлем увенчан тремя волнистыми гребнями, центральный из них выше боковых. В тыльной части шлема имеются повреждения и сквозные отверстия. На козырьке клеймо мастера Коломана Хельмшмидта (турнирный шлем со звездой над ним). Второе клеймо — «шишка пинии» — цеховое клеймо города Аугсбурга (рис. 6).

Такие шлемы изготавливали для телохранителей императора в Аугсбурге около 1530 г. мастер Коломан Кольман и его сын Дезидериус. Известно, что Коломан получил заказ на изготовление серии шлемов для телохранителей императора. Несколько образцов сохранилось в музеях Испании, Австрии и Германии. Все они отличаются изяществом линий и высококачественной технологией изготовления.

Следует отметить, что трехгребневые шлемы пользовались в это время популярностью. В Баварском национальном музее в Мюнхене сохранились два трехгребневых бургиньота. Оба они относятся к 1540–м гг. Один из них входил в комплект защитного вооружения ландскнехта и сверху обтянут тканью. Второй не имеет козырька, гребни на нем небольшой высоты и все одинакового размера. В собрании Стиберта во Флоренции также имеется шлем с тремя гребнями, богато украшенный гравировкой и изготовленный в Северной Италии в 1450–1550 гг.⁸

Антон Пеффенгаузер

Еще один аугсбургский доспешник Антон Пеффенгаузер (*Anton Peffenhauser*, 1525–1603) был одним из лучших мастеров эпохи позднего Ренессанса. Место рождения его неизвестно, но современники считали его баварцем. Учителем Пеффенгаузера был знаменитый

⁴ *Bheim W.* Meister der Waffenschmiedekunst vom XIV. bis ins XVIII. Jahrhundert. Berlin, 1897. S. 38; *Reitzenstein A. von.* 1) Die Augsburger Plattnersippe der Helmschmid // München Jahrbuch der bildenden Kunst, 3. Bd. 2. 1951. P. 179–194; 2) Die beiden Jrg Sorg // Waffen- und Kostmunde. 1966. S. 81–86.

⁵ *Reitzenstein A. F. von.* Helmschmied Desiderius // Neue Deutsche Biographie. Bd. 8. S. 505.

⁶ Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2010. С. 206.

⁷ *Щукина Е. С.* Немецкие медали XVI века. Каталог коллекции. СПб., 2011. С. 182–183.

⁸ *Laking G. F.* A Record of European Armour and Arms. London, 1921. Vol. IV. P. 167–169.

доспешник Дезидериус Хельмшмидт. Получив аугсбургское гражданство в 1545 г., Пеффенгаузер проработал в этом городе до самой смерти в 1603 г. Примечательно, что налоговые платежи мастера в городскую казну за этот период увеличились более чем в пять раз. По сравнению с другими его современниками, до нас дошло больше всего сделанных им доспехов⁹.

Антон Пеффенгаузер трудился в городе Аугсбурге — старинном немецком центре по производству доспехов, оружия, ювелирных изделий и предметов роскоши. В городе существовал целый ряд крупных неспециализированных мастерских, принадлежавших известным семьям, занимающимся производством вооружения. Между ними шла постоянная конкуренция. Мастера изготавливали, в основном, дорогие доспехи для знати, при этом их деятельность до 1562 г. не ограничивалась цеховым уставом. Ученики должны были обучаться изготавливать доспехи от начала и до конца. Обучение занимало четыре года, а потом они работали еще столько же, но как наемные подмастерья, и лишь затем становились квалифицированными мастерами. Исключение составляли сыновья мастера или второй муж вдовы мастера.

Цеховая гильдия назначала специальную комиссию (до четырех лучших мастеров) для контроля за качеством продукции. Она ставила клеймо Аугсбурга в виде «пиневои шишки» (иногда его называют «сосновой шишкой» или «еловой шишкой») на тех частях доспехов, которые прошли проверку. Зеленая шишка пинии (итальянской кедровой сосны, нем. *Pinienzapfen*) на золотой капители, помещенная на красно-серебряном раздвоенном щите, была городским гербом вольного имперского города Аугсбурга с начала XVI в. и называлась «штадтпир». На средневековых печатях, где изображен аугсбургский городской герб, использовался образ дерева жизни или стилизованной винной ягоды. В эпоху Ренессанса, с расцветом гуманизма, вдохновленного античностью, этот знак получил новое значение. Находимые во множестве шишки пинии первоначально служили навершиями древнеримских надгробий и воспринимались как символ жизни. Около 1500 г. в Аугсбурге утвердилось мнение, что шишка пинии — герб столицы провинции *Augusta Vindelicum* (как назывался в античные времена Аугсбург). По мнению аугсбургцев, она являлась гордым символом несокрушимого и восходящего к древнеримским традици-

⁹ *Reitzenstein F. A. von. Anton Peffenhauser, Last of the Great Armors // Arms and Armor Annual. Vol. 1. Digest Books, Inc., Northfield, Illinois. 1973. P. 72–77.*

ям города. В этом символе горожане видели также особое положение Аугсбурга как вольного города, находящегося под защитой императора и империи¹⁰.

Однако гильдия была не настолько влиятельной, чтобы навязывать свои правила тем, кто не желал принимать их во внимание. Антон Пеффенгаузер, известный своими изящными и высокохудожественными доспехами, разбогател и приобрел столь большой вес в обществе, что гильдия при всем желании не могла его контролировать. Во время жесткой конкуренции между производителями он закупал в Нюрнберге для перепродажи готовые доспехи, чтобы выполнить крупные заказы, что противоречило уставу цеха. Тем не менее, мастер занимал высокую должность и в гильдии, и в городском совете.

С 1582 г. Антон Пеффенгаузер стал работать на саксонский двор. Для курфюрстов Августа, Кристиана I и Кристиана II он выполнил 32 доспеха, из которых в дрезденском собрании сохранились восемнадцать. Кроме того, заказчиками доспешника были португальский, испанский, польский и шведский короли, баварский герцог Вильгельм V и другие владетельные особы. Известно, что хорошая броня для турнира от этого мастера стоила не менее 200–300 талеров, в то время как обычный доспех для рядового воина стоил 6–10 талеров¹¹.

В музее Коррера (*Museo Civico Correr*) в Венеции сохранилась металлическая пластинка, бывшая нижней частью эпитафии из фамильного погребения Пеффенгаузеров в аугсбургском соборе. На ней изображен сам мастер и трое из его четырнадцати детей. Это достаточно редкое изображение доспешника эпохи Позднего Ренессанса. Антон Пеффенгаузер представлен коленапреклоненным, в коротком «испанском» плаще с высоким воротником, он коротко подстрижен, с аккуратной бородкой клинышком и усами. Рядом с ним находится фамильный герб, ставший и клеймом Пеффенгаузера — так называемый трискелион (трискель, трискел, от греческого — трёхногий). Этот знак в виде трех бегущих ног (у Пеффенгаузера ноги закованы в поножи и саботоны), выходящих из одной точки, был древним символом бесконечности (рис. 7).

¹⁰ Вольный имперский город Аугсбург. Столетия величия. Каталог выставки. М., 2009. С. 248.

¹¹ Талер (или рейхсталер) в Священной Римской империи XVI в. — серебряная монета весом 29,23 г (с 1566 г.), т. е. 300 талеров в перерасчете на вес — это приблизительно 8,8 кг серебра.

По стилистике доспехи Пеффенгаузера варьируют от богато украшенных до очень простых. Его клеймо носит один из наиболее известных рельефных доспехов, по преданию, принадлежавший португальскому королю Себастьяну (1554–1578), погибшему в сражении при Эль-Ксар-Эль-Кебире в Марокко. В настоящее время доспех хранится в Королевской оружейной палате (Real Armeria) в Мадриде¹².

Известно, например, что другой гравированный доспех из того же собрания, некогда принадлежавший королю Филиппу II Испанскому (1527–1598), был изготовлен мастером Дезидериусом Хельмшмидтом в 1549–1550 гг. и украшен ювелиром Йоргом (Георгом) Зигманом (Jorg Sigman), конечно, под наблюдением самого Хельмшмидта. По конструкции и внешнему виду эти доспехи так похожи, что можно сделать вывод, что один послужил прототипом для другого, вероятнее всего, доспех короля Себастьяна для доспеха короля Филиппа. Но гравировка на доспехе работы Пеффенгаузера достигает намного большего уровня художественности и утонченности, чем на доспехе Хельмшмидта. Ее пластика более энергичная, игра света и тени богаче, более яркая, украшенные поверхности выполнены в едином стиле.

По мнению историка оружия и искусствоведа барона Александра фон Райтценштайна, сам Пеффенгаузер делал только «белый» доспех, а его украшением занимался уже другой мастер. «Как бы ни была хороша работа Йорга Зигмана, — писал историк, — он был ювелиром, в то время как создатель гравировки на доспехе Пеффенгаузера явно был скульптором или художником. Тем не менее, украшение поверхности, столь высокосложное и трудоемкое, все равно было вторично и всецело зависело от самого декорируемого доспеха. Даже если убрать все украшения, останется прекрасная скульптура самого доспеха, самостоятельный шедевр искусства»¹³.

На самом деле только некоторые доспехи так богато гравировались. Этот вид декорирования был достаточно редким и дорогим. Намного более широко распространенной техникой в XVI в. было травление кислотой. Как правило, эту работу также выполнял не мастер-доспешник. Однако он сам разрабатывал дизайн и тщательно подходил к вопросам «организации пространства».

¹² Фолкс Ч. Средневековые доспехи. Мастера оружейного дела: пер. с англ. Т. Е. Любковской. М., 2005. С. 177. Илл. XIV.

¹³ Reitzenstein A. F. von. Anton Peffenhauser, Last of the Great Armorers. P. 73.

Один из роскошных турнирных доспехов был заказан у Пеффенгаузера курфюрстом Августом Саксонским примерно в 1585 г. для своего сына Кристиана. Сделанный из светлого железа, он украшен травлеными и позолоченными полосами. Доспех состоит из ожерелья, кирасы, защиты рук, длинных ташек и наголенников. У кольчужных саботонов есть цельнокованные оконечности. Закрытый шлем с гребнем с забралом с прорезьями с двумя перекрывающимися пластинами для защиты горла и шеи. Полунаголовье и защищенное седло также сохранились. Узор состоит из невысоко рифленых квадратов и рамок в шахматной расцветке вместе с черными травлеными линиями, окруженными узкими полосами с завивающейся листвой. На нагруднике и наспиннике есть клеймо Аугсбурга. Этот доспех и до настоящего времени является настоящим украшением Оружейной палаты в Дрездене¹⁴.

В ВИМАИВиВС хранятся части турнирного полудоспеха (шлем и кираса) работы Антона Пеффенгаузера (рис. 8)¹⁵. Декор доспеха в деталях повторяет известные работы, украшенные Йоргом Соргом-Младшим. Известно, что он работал вместе с Антоном Пеффенгаузером. В пользу того, что доспех выполнен в мастерской именно этого мастера, свидетельствует и сохранившееся на шлеме и верхней части нагрудника цеховое клеймо Аугсбурга — «шишка пинии» (рис. 9).

Доспех был сделан в технике травления по оксидированному в синий цвет («воронова крыла») металлу и покрыт позолотой. К сожалению, синение металла из-за ржавчины и последующих чисток утрачено. Однако позолота в углубленных в металл частях рисунка неплохо сохранилась (прежде всего, на шлеме и нагруднике кирасы). Вытравленный рисунок состоит из больших растительных «усов», завивающихся от центрального ствола, с вытравленными линиями и с позолоченным тонким узором из листьев внутри. Сине-золотая тема использовалась мастером для того, чтобы подчеркнуть фронтальное ребро нагрудника (рис. 10).

В очень похожем стиле Пеффенгаузером около 1590 г. выполнен большой гарнитур, куда входили строевые и турнирные доспехи для герцога Саксен-Альтенбургского Фридриха-Вильгельма I (1562–1602). На доспехе также стоит клеймо Аугсбурга, но отсутствует

¹⁴ Bumel J. The Dresden Armory. Dresden, 2004. P. 75.

¹⁵ В научно-инвентарной карточке отмечено, что шлем (инв. №0137/2. Кн. №17382) поступил в музей в 1937 г., покрытый ржавчиной. В 2006 г. он был отреставрирован, были восполнены утраты (крепления забрала). Кираса поступила в 1938 г. из музея при Доме Красной армии в Одессе. Заметим, что, возможно, оттуда же поступил и шлем.

клеймо самого мастера. Большая часть доспеха хранится в Оружейной палате лондонского Тауэра, однако отдельные части гарнитура попали в Германский национальный музей в Нюрнберге и оружейное собрание замка Кобург¹⁶.

Латы из собрания ВИМАИВиВС — части одного из двенадцати турнирных полудоспехов, которые были заказаны в подарок саксонскому курфюрсту Кристиану (Христиану) I (1560–1591) его супругой Софией Бранденбургской (1568–1622) из рода Гогенцоллернов. Доспехи предназначались для пешего поединка на турнире 1590 г., посвященном Рождеству¹⁷. Кристиан был единственным оставшимся в живых из десяти сыновей курфюрста Августа Саксонского. Он вступил на престол в 1586 г. и, в отличие от своего отца, был человеком, слабым телом и духом, однако любившим придворные празднества и развлечения. Из «рождественского» комплекта доспехов сохранились отдельные полные экземпляры, а также части доспехов. Они представлены в собраниях Государственного Эрмитажа (рис. 11), а также в музеях Вены, Дрездена, Мадрида, Нью-Йорка и Детройта.

Валентин Зибенбюргер

Наряду с Миланом и Аугсбургом одним из крупнейших центров по производству доспехов был Нюрнберг. Он находился на пути, по которому товары, прибывающие с востока, переправлялись на север, а также из Италии в Центральную Европу. Поэтому для мастеров-оружейников не возникало проблем с подвозом железа из Амберга и Шульцбаха и отправкой готовой продукции на запад и восток. Изготовители доспехов в Нюрнберге были обязаны строжайшим образом выполнять требования уставов гильдий. Здесь осуществлялись не только регулярные проверки качества продукции перед продажей, но и велся постоянный контроль за тем, как проходит обучение учеников и подмастерьев.

Подмастерья в нюрнбергских мастерских обучались четыре года. Экзаменовали их ежегодно и выдавали при этом лицензию на изготовление определенной части доспехов. Обучение было долгим и дорогим, поэтому большинство учеников заканчивало свою подготовку, научившись делать лишь две-три детали, что вело к узкой специали-

зации. Цеховым мастерам было разрешено иметь только двух подмастерьев, а с 1507 г. их количество разрешили увеличить до четырех и одного ученика. Все, что они производили, должно было быть проверено специальной комиссией цеха на качество, которая ставила клеймо гильдии. После 1499 г. к нему стали добавлять клеймо с гербом Нюрнберга, представлявшим собой геральдический щит, основное поле которого разделено на две части. Слева — поверх золотого поля изображена половина черного орла с высунутым языком и когтями (*der Halbe Adler*). Орел — символ свободного имперского города. В правой части герба изображены чередующиеся бело-красные косые полосы. Этот знак, как правило, стоит рядом с клеймами всех известных нюрнбергских мастеров XVI в.

В результате цеховых ограничений мастерским, которые были очень маленькие и специализированные, приходилось сотрудничать друг с другом. Тем не менее, в Нюрнберге это было не временное партнерство, а скорее постоянное. Опыт совместной работы вел к сплоченности мастерских и отстаиванию общецеховых интересов. Браки среди семей, занимавшихся вооружением, и династическое наследование мастерских были обычным явлением.

Нюрнбержцы успешно поставляли свою продукцию в австрийскую, венгерскую и польскую армии, которые противостояли турецкому продвижению в Центральную Европу. На запад они экспортировали свои товары через Кельн, также процветающий центр массового производства оружия и доспехов. Оружейники не чурались и поставок туркам, изготавливая при этом доспехи и оружие в восточном стиле. Наметившееся уже разделение труда способствовало массовому производству, но, тем не менее, в Нюрнберге появлялись такие яркие индивидуальности, как известные мастера Вормсы (отец и сын), Валентин Зибенбюргер и Лохнеры (отец и сын). Специализация ограничивала сферу деятельности одного мастера, но это не мешало развитию характерного нюрнбергского стиля¹⁸.

Одним из самых известных нюрнбергских доспешников был Валентин Зибенбюргер (*Valentin Siebenbürger*; 1510–1564), работавший с 1530 (или с 1531 г.). Традиционно считается, что он умер после 1547 г.¹⁹ Однако специалисты из Музея Уоллеса (Wallace collection,

¹⁶ Сокровища Тауэра в Кремле. Каталог выставки. М., 1997. С. 146–149.

¹⁷ Schbel J. Prunkwaffen. Waffen und Rstungen aus dem Historischen Museum Dresden. Leipzig, 1973. S. 29; Bumel J. The Dresden Armory. P. 94.

¹⁸ Ефимов С. В., Рымина С. С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. I. С. 156–159.

¹⁹ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 494.

Лондон) датой его смерти называют 1564 г. К сожалению, сведений о жизни этого мастера сохранилось крайне мало. Доспехи работы Зибенбюргера представлены в музеях Вены, Берлина, Парижа, Лондона и др.

В ВИМАИВиВС экспонируется сильно поврежденный реставрациями XIX — начала XX в. доспех работы Зибенбюргера. Латы покрыты великолепной золоченой гравировкой, выполненной в стиле Северного Возрождения (рис. 12). Верхняя часть кирасы украшена изображением распятого Иисуса Христа. По бокам от Распятого расположены два сюжета, заимствованных из «Книги Судей» Ветхого Завета и повествующих о подвигах библейского богатыря Самсона. Согласно преданию, он так верил в свои силы, что в одиночку ходил в филистимские города. Однажды Самсон остался ночевать в Газе. С наступлением вечера городские ворота закрыли и поставили возле них стражей, которым было приказано под утро внезапно напасть на Самсона и убить его. Но тот догадался о засаде, убил стражей, а тяжелые городские ворота высадил, взвалил на плечи и отнес на вершину горы, на пути к Хеврону. Этот подвиг, свидетельствовавший не только о необычайной силе Самсона, но и о его небывалом хитроумии, содействовал его славе. На доспехе богатырь изображен выносящим на плечах городские ворота. Ногами он попирает поверженных филистимлян и одновременно отбивается от нападающих с копьями врагов (рис. 13).

Второй сюжет связан с победой Самсона в войне, которую он в одиночку вел против филистимлян, войска которых вторглись в Иудею. Чтобы спасти страну от разорения, иудеи решили выдать богатыря врагу. Самсон равнодушно сносил все оскорбления, которыми филистимляне встретили его, но потом рассвирепел и, разорвав веревки, в бешенстве накинулся на своих мучителей²⁰.

Тема подвигов Самсона была популярна в искусстве Северного Возрождения. Так, например, для императора Максимилиана I был изготовлен парадный конский доспех с вычеканенными изображениями подвигов Самсона и Геракла. Подвиги Самсона представлены в графике немецких художников Альбрехта Дюрера и Лукаса Кранаха.

На грудной части кирасы изображен герб, сделанный в виде геральдического щита, разделенного на части, в которых помещены гербовые эмблемы. Красный орел в серебряном поле — герб маркграфства Бранденбургского; черный лев в золотом поле с каймой

из красных и серебряных отрезков — бургграфства Нюрнбергского; грифоны — герцогств Померанского, Штеттинского, Кашубского и Вендского, княжества Вендского (Росток); черный лев в золотом поле, выступающий по пояс из каменной кладки — острова Рюген; черный орел в золотом или серебряном поле — Кросена (северная часть Силезии, присоединенная к Бранденбургу в 1482 г.) или Пруссии (после упразднения Тевтонского ордена в 1525 г. превращенная в герцогство); серебряный дракон в красном поле — Узедома (остров в устье р. Одера); выходящий до половины из шахматного поля (голубое с серебром) красный гриф — герцогства Вольгаст (часть Померании); крестообразно разделенное на четыре части (черные и серебряные) поле — герцогства Гогенцоллерн; два древесных ствола, сложенные в виде Андреевского креста и четыре красных розы в золотом поле — герцогства Гуцков в Померании; белый орел в красном поле — графства Руппин (в северной части Бранденбурга).

В центральной части геральдического щита находится едва различимое изображение золотого скипетра на голубом поле. Эта эмблема обозначала должность курфюрста-камерария — хранителя скипетра императора Священной Римской империи. В XVI в. она принадлежала курфюрстам бранденбургским. Щит венчают три шлема с геральдическими нашлемниками, соответствующими главнейшим из помещенных на щите эмблем. Средний (главный) шлем имеет в качестве нашлемника два голубых крыла, с помещенным над каждым из них золотым императорским скипетром, что также указывает на должность курфюрста. Один из боковых шлемов (геральдически правый) имеет в нашлемнике два буйволиных рога, состоящих из красных и серебряных отрезков. Между ними сидит черный лев, что соответствует бургграфству Нюрнбергскому. Геральдически левый шлем украшен павлиньим хвостом, что символизирует, по-видимому, Померанию. Все приведенные сочетания эмблем не оставляют сомнения в принадлежности его одному из курфюрстов бранденбургских из рода графов Гогенцоллернов, бывших с 1200 по 1417 г. бургграфами нюрнбергскими, а с 1415 г. сделавшихся маркграфами и курфюрстами бранденбургскими. В 1507 г. они были окончательно утверждены императором Максимилианом I в должности наследных курфюрстов-камерариев. При этом эмблема герба графов Гогенцоллернов составляет так называемый «родовой герб» владельцев Бранденбурга, а эмблема бургграфства Нюрнбергского с соответствующим ей нашлемником считается в их гербе «памятным гербом», или «гербом воспомина-

²⁰ Книга Судей. Гл. 15: 9–17.

ний». Гербовые эмблемы, относящиеся к Померании, можно рассматривать как так называемые «гербы притязаний», поскольку род вассальных герцогов померанских угас лишь в XVII в. Бранденбургские курфюрсты претендовали на эти ленные земли, действительно вошедшие большей своей частью по договору между Георгом-Вильгельмом, герцогом Пруссии и курфюрстом бранденбургским (годы правления 1619–1640), и последним померанским герцогом Богуславом XIV (ум. 1637) в состав бранденбургских владений. Герб бранденбургских курфюрстов усложнялся по мере приобретения ими новых земель. К середине XVII в. он состоял уже из 24-х частей. Таким образом, герб, вне всякого сомнения, указывает на принадлежность доспеха одному из бранденбургских курфюрстов, правивших в XVI в.

Более точно его принадлежность можно определить благодаря клейму мастера, которое находится на правой верхней части кирасы и левом плече. Это характерное клеймо Валентина Зибенбюргера — рыцарский шлем с литерами V и S по бокам. Клеймо мастера на бранденбургском доспехе сопровождается клеймом Нюрнберга (рис. 14). Если взять крайние даты деятельности Валентина Зибенбюргера — с 1525 по 1564 г., то в этот период укладываются годы правления двух бранденбургских курфюрстов: Иоахима I Нестора и Иоахима II Гектора. Таким образом, можно предположить, что доспех принадлежал одному из этих правителей²¹.

Кунц Лохнер

В числе самых известных доспешников XVI в. нельзя не назвать еще одного нюрнбергского мастера — Кунца (Конрада) Лохнера (*Kunz (Konrad) Lochner*, 1510–1567). Он по праву считался «королем доспешников» и выполнял заказы европейских государей и крупных владетельных князей.

В 1544 г. Кунц Лохнер был придворным плакировщиком племянника императора Карла V — герцога Максимилиана (будущего императора) с первоначальным гонораром 14 флоринов 10 крон. В 1547 г. Максимилиан установил оружейнику постоянное ежегодное жалованье. В 1551 г. Лохнер, вероятно, вышел в отставку, поскольку начиная с этого года придворным оружейником числится уже Ганс Зиферт.

²¹ Ефимов С. В. Доспехи бранденбургских курфюрстов в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 283–294.

Лохнер родился в Нюрнберге, где его отец был доспешником. Известно, что вместе с Кунцем работали два его брата, но их имена в имперских документах не упоминаются. Расцвет деятельности мастера приходится на 1540-е гг.

На своих работах Лохнер ставил личное клеймо в виде фигуры «вздыбленного льва» («шествующего льва», рис. 15). Его, как правило, дополняло цеховое клеймо с гербом Нюрнберга (рис. 16).

Среди клиентов доспешного мастера были не только члены императорской фамилии, но и испанский королевский дом, немецкие курфюрсты и владетельные князья, а также польско-литовские магнаты. Как и многие коллеги, Кунц Лохнер часто испытывал финансовые затруднения, прежде всего из-за задержки выплат гонораров королевскими особами. Так, в числе злостных «неплательщиков» оказался польский король²².

Один из современников мастера, математик, художник-каллиграф Иоганн Нойдёрффер (1497–1563) в своих записках «Сообщение о самых знаменитых художниках и мастерах Нюрнберга» (1547 г.) назвал Лохнера «высокохвальным в его искусстве», а его гравюры по стали на доспехах — совершенными и похожими на ювелирную работу по серебру²³.

Изделия этого оружейника можно увидеть в Берлине, Париже, Мадриде, Дрездене, Вене, Стокгольме. В качестве элемента орнамента при декорировании доспехов Лохнер часто изображал тритонов и морских чудовищ.

В Метрополитен-музее хранится доспех, сделанный Кунцем Лохнером в 1549 г. для короля Венгрии и Богемии, будущего императора Священной Римской империи Фердинанда I (1503–1564). В собрании Королевской оружейной палаты в Стокгольме находится рыцарский и конский доспех работы того же мастера, изготовленный для польского короля Сигизмунда Августа в 1550-е гг.

Одна из работ Кунца Лохнера хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Этот конский и рыцарский доспех в 1584 г. был подарен польским королем Стефаном Баторием русскому царю Федору Иоанновичу. Доспех украшен выпуклыми медальонами с чеканными изображениями мифологических фигур и полосами некогда золочено-

²² Фолкс Ч. Указ соч. С. 171.

²³ *Lochner G. W. K., ed. Das Johann Neudrfer Nachrichten von Knstlern und Werkeuten zu Nrnberg 1547 // Quellenschriften zur Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Renaissance, hg. von R. Eitelberger von Edelberg. Bd. X. Wien, 1875. S. 143.*

го орнамента, где чередуются изображения воинских трофеев и музыкальных инструментов.

Заказчиком доспеха также называют польского короля Стефана Батория. Однако, судя по времени изготовления доспеха, Баторий мог быть лишь одним из его владельцев. Это отмечал один из первых исследователей доспеха В. Арендт. По мнению оружейоведа, Лохнер создал доспех в 1545–1555 гг. для маркграфа Альбрехта Бранденбургского. Следующим владельцем стал дядя Альбрехта — польский король Сигизмунд I Старый (1506–1548). По наследству доспех достался его сыну, королю Сигизмунду II Августу (1530–1572), страстному любителю и собирателю оружия. После его смерти доспех перешел во владение сестры покойного Анны Ягеллонки (1575–1596), которая вышла замуж за Стефана Батория. И только тогда доспех был отправлен в качестве дипломатического дара московскому государю²⁴.

В ВИМАИВиВС также имеются доспехи работы Лохнера. Тяжелые конские доспехи (W.-G.-I.-№4164 — здесь и далее даны инвентарные номера Оружейной палаты Вартбургского замка, где они хранились до 1945 г.) представлены пейтралью (защитой груди лошади), которая состоит из трех пластин (рис. 15). Ее усилением служат две выпуклые львиные головы. Между ними — рельефные изображения Адама и Евы у древа Познания, обвитого змеем. На правой стороне пейтрали изображена Беллона (древнеримская богиня войны, мать или сестра Марса) с пушечным стволом, а на левой стороне — Юстиция (богиня правосудия) с весами и мечом в руках. Вес пейтрали — 5,12 кг (общий вес доспеха составлял 46,1 кг). Эти доспехи принадлежали саксен-готскому герцогу Иоганну-Фридриху II и были изготовлены в 1552 г. На них сохранились клейма г. Нюрнберга (рис. 16) и мастера Кунца Лохнера (рис. 17)²⁵.

Кроме того, в экспозиции музея представлена большая часть тяжелого конского доспеха (W.-G.-I. №4158) работы того же мастера (рис. 18). Основной особенностью его орнаментального украшения являются сдвоенные полосы примерно по 1 см шириной, одна из которых украшена изящными позолоченными веточками, а другая — в виде

желобка. С помощью этих полос формируются узкие и широкие поля на плоскостях доспеха. Узкие поля украшены полосками, проходящими наискосок с вытравленными и позолоченными веточками и чешуйчатой лентой. Последняя выполнена методом травления, а не выколоткой. Чешуйки чередуются с гладкими полосками, украшенными веточкой. Поля с изображениями покрыты вытравленными точками. На внешних краях деталей — выпуклые ободки.

От доспеха сохранился шафрон (защита головы лошади) с вертикальным ребром жесткости и наушами, прикрытия для глаз сделаны в форме полусфер. Край нижней части шафрона заострен и загнут вверх. Украшение состоит из лент с позолотой и чернением и изящных ветвей. Посередине шафрона с помощью треугольного болта прикреплен геральдический щиток с изображением саксонского герцога герба. В этом виде герб отчеканен на талерах и вырезан на печатях сыновей саксонского курфюрста Иоганна-Фридриха I Великодушно-го — Иоганна-Фридриха Среднего, Иоганна-Вильгельма и Иоганна-Фридриха Младшего. Все они использовали этот герб с 1551 по 1559 г.

Кринет (часть защиты шеи лошади) состоял сверху из 10, а внизу из 8 элементов. Верхняя и нижняя часть с усиленными элементами, которые украшены красным бархатом и соединяются между собой четырьмя латунными скобами с каждой стороны. Кринет украшен чередующимися орнаментами из полосок и ветвей.

Наспинник (защита хребта и крупа лошади) состоит из 12 частей. Вдоль хребта проходит достаточно высокий гребень, который у хвоста заканчивается полукруглой пластиной.

Передняя лука бронированного седла в середине довольно плоская и имеет слегка закругленные углы. Невысокая задняя лука имеет изгиб, как спинка стула. Сзади имеется пластина на шарнире для крепления к шпильке на спине. Седло декорировано красным бархатом. Края загнуты и украшены позолотой, серебром и чернением. Вес шафрона — 2,895 кг, кринета — 8,1 кг, наспинника — 13,35 кг, седла — 12,7 кг. Общий вес доспеха составлял 46,245 кг²⁶.

Эти доспехи приписывают саксен-веймарскому герцогу Иоганну-Вильгельму, который, как и его брат Иоганн-Фридрих II, использовал герб, изображенный на шафроне. В Мадриде в Королевском арсенале находится очень похожий экземпляр (инвентарный номер по новому каталогу — A243). Доспехи также были изготовлены Кунцем Лохне-

²⁴ Аренд В. В. Конный доспех из собрания Оружейной палаты // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3р. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 1–17. См. также публикацию статьи: Аренд В. В. Конный доспех из собрания Оружейной палаты // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 74 (3–4) М., 2013. С. 410–425.

²⁵ Diener-Schnberg A. Die Waffen der Wartburg. Berlin, 1912. S. 39–40. Tf. 21.

²⁶ Ibid. S. 41–42. Tf. 23.

ром, о чем свидетельствует клеймо мастера. По принципу построения они полностью идентичны и имеют одинаково обработанные края. Незначительные различия имеются в декоре. Например, чешуйки на мадридском доспехе шире и более выпуклые, а в остальном доспехи одинаковы.

Еще одни полные тяжелые конские доспехи (W.-G.-I. №4161) работы Лохнера украшены металлической лентой шириной примерно 5 см, которая обрамляет отдельные части доспеха и разделяет их на поля. Лента имеет декоративные элементы в форме буквы S, расположенные на ней с равными промежутками. S-образный элемент позолочен и украшен вытравленной веточкой и точками. Такие же ветви на позолоченном фоне имеются на вогнутых полосках, которые окантовывают их с обеих сторон. Поля между полосок украшены вытравленным орнаментом из заостренных листьев с позолотой.

К сожалению, от этого великолепного доспеха сохранилась лишь нижняя часть кринета, которая состоит из 8 пластин. Верхняя и нижняя часть соединялись с помощью ремней с пряжками, которые украшены маленькими розетками. Украшение отдельных частей — чередование позолоченного S-образного элемента с орнаментом из заостренных листьев. Вес кринета — 7,95 кг при общем весе доспеха в 44,73 кг.

Основные части этого доспеха имели клейма г. Нюрнберга и Кунца Лохнера, который изготовил гарнитур в 1550–1560 гг. для герцога Иоганна Фридриха II²⁷.

К сожалению, судьба как недостающих частей конских, так и входивших в гарнитуры рыцарских доспехов, до настоящего времени остается неизвестной. По сведениям американских исследователей, Оружейная палата Вартбургского замка (более 800 предметов) была вывезена 8 февраля 1946 г. советской военной командой в неизвестном направлении. Следы ее теряются на территории Советского Союза. Предполагают, что большая ее часть хранится в спецхранилище одного из исторических музеев на территории какой-то из бывших республик СССР, возможно, Украины²⁸.

История собрания западноевропейского защитного вооружения ВИМАИВиВС еще требует тщательного изучения. Возможно, со временем наши знания о мастерах прошлых столетий пополнятся но-

²⁷ Ibid. S. 43. Tf. 24, 25.

²⁸ *Ефимов С. В.* Трофейная команда Артиллерийского исторического музея в Германии (1945–1946 гг.) // *Война и оружие. Новые исследования и материалы.* Межд. науч.-практ. конф. СПб., 2010. Ч. I. С. 267–270.

выми и более точными сведениями, благодаря которым мы сможем в полной мере оценить красоту и изящество их шедевров в металле.

Список литературы

- Вольный имперский город Аугсбург. Столетия величия. Каталог выставки / Авт. вст. ст. *Кристоф Трепеш, Кристоф Эммендёрффер.* Федеральное гос. учреждение культуры «Гос. историко-культур. музей-заповедник «Моск. Кремль». М: ООО «АзБука», 2009. — 300 с..
- Ефимов Сергей Владимирович, Рымиша Сергей Станиславович.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб.: ТПГ «Атлант». 2009. Кн. I. — 400 с.
- Ефимов Сергей Владимирович.* Доспехи бранденбургских курфюрстов в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // *Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.* Вып. IX. СПб., 2010. С. 283–294.
- Ефимов Сергей Владимирович.* Трофейная команда Артиллерийского исторического музея в Германии (1945–1946 гг.) // *Война и оружие. Новые исследования и материалы.* Межд. науч.-практ. конф. СПб., 2010. Ч. I. С. 267–270.
- Сокровища Тауэра в Кремле: Королевский Арсенал, Лондон. Оружейная Палата Московского Кремля: [выставка, 16 декабря 1997–12 мая 1998]: Государственные музеи Московского Кремля / Британский Совет в России; авт. каталога: *Т. Ричардсон, Г. Раймер;* вступ.ст. *Г. Уилсон;* пер. *А. Дагдейл* [и др.]. М.: [б. и.], 1998. — 199 с.
- Фолкс Чарльз.* Средневековые доспехи. Мастера оружейного дела: пер. с англ. Т. Е. Любковской. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 207 с.
- Щукина Евгения Семеновна.* Немецкие медали XVI века. Каталог коллекции. СПб.: Эрмитаж, 2011. — 240 с.
- Diener-Schnberg A.* Die Waffen der Wartburg. Berlin: Historischer Verlag Baumga rtel, 1912. — 195 s.
- Reitzenstein A. F. von.* Kolman // *Neue Deutsche Biographie.* Bd. 8. Berlin: Duncker & Humblot, 1969. S. 505.
- Reitzenstein A. F. von.* Helmschmied Desiderius // *Neue Deutsche Biographie.* Bd. 8. Berlin: Duncker & Humblot, 1969. S. 505.
- Reitzenstein F. A. von.* Anton Peffenhauser, Last of the Great Armorers // *Arms and Armor Annual.* Vol. 1. Digest Books, Inc., Northfield, Illinois. 1973. P. 72–77.

References

- Volnyi imperskii gorod Augsburg. Stoletiya velichiya. Katalog vystavki [Free Imperial City of Augsburg. Hundreds Years of Grandeur. Catalogue of Exhibition] / Introduction by Christoph Trepesch, Christoph Emmendörffer. Federalnoe gosudarstvennoe uchrezhdenie kultury “Gosudarstvennyi istoriko-kulturnyi muzei-zapovednik Moskovskii Kremli” [STATE HISTORICAL AND CULTURE MUSEUM-PRESERVE MOSCOW KREMLIN Federal State Culture Institution]. Moscow: AzBuka, 2009. 300 p.

- Efimov, Sergei Vladimirovich, Rymsha, Sergei Stanislavovich. *Oruzhie Zapadnoi Evropy XV–XVII vv.* [Arms of Western Europe in the 15th — 17th centuries]. St. Petersburg: Atlant, 2009. Book I. 400 p.
- Efimov, Sergei Vladimirovich. *Dospekhi brandenburgskikh kurfiurstov v sobranii Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi* [Armors of Brandenburg Electors in the collection of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps] in *Sbornik issledovaniy i materialov Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi* [Collection of Research Works and Documents of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. Issue IX. St. Petersburg, 2010. P. 283–294.
- Efimov, Sergei Vladimirovich. *Trofeinaya komanda Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya v Germanii (1945-1946)* [Trophy Crew from the Artillery Historical Museum in Germany (1945-1946)] in *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [War and Arms. New Research Works and Documents. International Scholar-Practical Conference]. St. Petersburg, 2010. Part 1. P. 267–270.
- Sokrovishcha Tauera v Kremlе: Korolevskii Arsenal, London. *Oruzheinaya Palata Moskovskogo Kremliа*: [vystavka, 16 dekabria 1997–12 maya 1998]: Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremliа [Tower Collection in Kremlin: Royal Arsenal, London. Armory in the Moscow Kremlin: [exhibition, December 16, 1997 — May 12, 1998]: State Museums of Moscow Kremlin / British Council in Russia; compiled by T. Richardson, G. Raimer; introduction by G. Wilson; translated by A. Dugdale [and others]. Moscow, 1998. 199 p.
- Folkes, Charles. *Srednevekoveye dospekhi. Mاستera oruzheinogo dela* [The Armourer and His Craft]: translated from English by T. E. Liubovskaya. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. 207 p.
- Shchukina, Evgeniya Semionovna. *Nemetskie medali XVI veka. Katalog kollektsii* [German medals from the 16th century. Catalogue of the collection]. St. Petersburg: Hermitage, 2011. 250 p.
- Diener-Schnberg, A. *Die Waffen der Wartburg*. Berlin: Historischer Verlag Baumgarten, 1912. 195 s.
- Reitzenstein A. F. von. Kolman in *Neue Deutsche Biographie*. Bd. 8. Berlin: Duncker & Humblot, 1969. S. 505.
- Reitzenstein A. F. von. Helmschmied Desiderius in *Neue Deutsche Biographie*. Bd. 8. Berlin: Duncker & Humblot, 1969. S. 505.
- Reitzenstein F. A. von. Anton Peffenhauser, Last of the Great Armourers in *Arms and Armor Annual*. Vol. 1. Northfield: Digest Books, Inc., 1973. P. 72–77.

УДК 94 (47).043
94 (47).044
941 (47).045
ББК 63.3 (2) 4 5

А. А. Селин, В. Д. Герасимов, К. Д. Красильщиков
**ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ:
ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КОСТЮМА
КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII ВВ.¹**

Массовым источником для изучения истории мужского костюма, в частности — его цветности являются списки краденого, опального и изменничьего имущества, сохранившиеся в актовом материале конца XVI — начала XVII вв. О роли этих документов для исследования материальной культуры впервые написали И. Х. Граля и Ю. М. Эскин²; небольшая работа принадлежит одному из авторов настоящей статьи³. Жизнь на границах стран Восточной Европы в XVI–XVII вв. была проникнута атмосферой нестабильности; неизбежные столкновения, грабежи и иные конфликты вели к появлению ценных документов, немало сообщающих о материальной культуре, повседневной жизни.

Справочник А. В. Висковатова до настоящего времени является важным вспомогательным материалом в изучении костюма населения Московского государства⁴. Однако в течение двух ярких периодов активизации публикаций источников — в начале XX в. и в начале XXI в. — число новых источников, введенных в научный оборот, по-

¹ Данная статья написана в рамках проекта РГНФ 15–01–00205/15 «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географические исследования».

² *Граля И., Эскин Ю. М.* Грамоты и «обидный список» полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Вып. 3. М.; Варшава, 1998. С. 11–22.

³ *Селин А. А.* Описи и распродажи выморочного, опального и изменничьего имущества в Новгороде начала XVII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 90–91.

⁴ *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 томах. СПб., 1899.

звояет внести дополнительные коррективы в его монографическое исследование и открыть новые возможности для исследования костюма на современном уровне. Несомненно, костюм имел региональную и социальную специфику. Кроме того, серьезным недостатком труда А. В. Висковатова является отсутствие реконструкции женской и детской одежды, что в какой-то мере обеспечено источниками, о которых идет речь в настоящей статье. Энциклопедия Висковатова не «синхронна» всем событиям, скорее всего, наиболее точно даны описания костюма эпохи ранних Романовых.

Среди прочих видов источников по истории костюма конца XVI — начала XVII вв. следует выделить «обидные списки», которые, помимо сведений о потерях пострадавших (как людских, так и материальных), то есть сведений, ценных именно с позиции изучения материальной культуры, могут «отсылать» к аспектам социальным и политическим. Следует отметить «синхронность» росписей опального имущества и обидных списков событиям, а также наличие сведений о людях, принадлежащих к различным социальным слоям⁵. Это позволяет частично реконструировать быт жителя приграничья.

«Обидные списки» конца XVI в. позволяют, как отмечали И. Граля и Ю. Эскин, частично реконструировать состав военных сил великого княжества Литовского на участке границы в районе Витебска и Дриссы. Жалобы русской администрации отмечают активность «малой войны», продолжавшейся в русско-литовском пограничье вопреки заключенному Иваном IV и Сигизмундом II Августом трехлетнему перемирию. Несмотря на относящиеся именно к спорному полоцкому участку границы предписания местным властям «не воевати ни зацепляти ничем» и «полоцких пригородов промеж описанных рубежей в тое з obu сторон до урочных лет не вступатися», столкновения продолжались. Документы из походного архива кн. В. Хилкова, опубликованные И. Гралей и Ю. Эскиным, свидетельствуют одновременно «о стремлении следовать букве договора, регулирующего порядок разрешения пограничных инцидентов», и собственно о столкновениях⁶. Иными словами, «обидные списки» помогают понять характер отношений между соседями в годы перемирий, а также между властями отдельных приграничных крепостей (как пример, ситуация с демаршами воеводы полоцкого и «конфликт» с воеводой витебским).

⁵ Граля И., Эскин Ю. М. Грамоты и «обидный список»...

⁶ Там же.

Помимо этого, «обидные списки» и подобные им документы показывают, как служилые люди промышляли грабежом (интересен пример с городскими казаками во время перемирия).

Во всех документах, помимо украденной одежды и ценностей, фигурируют похищения лошадей, причем зачастую всех, каких можно было увести. На лошадях было легче бежать, а также перевозить краденое (как пример: «У посошных Обонежские пятины у старосты у Прошка у Семенова с товарищи у дватцати человек взяли шесть рублей денег да мерин с телегою и з седлом, да платья восьм сермяг да восьм кафтанов, и всего у них взяли на десять рублей»⁷). Отметим, что и в самом большом и первом хорошо опубликованном памятнике-росписи опального имущества (продажной росписи имущества М. И. Татищева 1608 г.) кони занимают особое место⁸.

«Опальный список» и источники подобного типа отражают широкий спектр информации, позволяя взглянуть не только на политическую и дипломатическую составляющую того периода, но и культурную, социальную и экономическую части жизни людей различных социальных групп.

Яркие примеры того, что набеги сопровождалась грабежом имущества, в числе которого фигурировала одежда, присутствуют в росписях и «опальном списке». «У Дениса у Володимерова сына Нелова убили человека, а другово, ограбив, покинули, а двух человек живых взяли, да с ними взяли: конь игрень да конь голуб, а мерин гнед неметцкой, да мерин рыж с седлы и с уздами и съ епанчами, да на людях три саадаки да три сабли, да две однорятки лазоревы настрафильны, да ормяк московской, да три кафтаны суконны черлены аглинские да пять рублей денег, и всего взяли на сорок рублей»⁹. Здесь мы можем наблюдать тот факт, что среди основных вещей, которые отнимались (лошади, так как они являлись и средством передвижения, и средством перевозки, и ценным товаром: оружие, деньги), находится одежда английского производства («однорятки лазоревы настрафильны»).

⁷ Там же.

⁸ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. 8. 1850.

⁹ «Обидный список» к грамоте кн. А. И. Ногтева-Суздальского с росписью ущерба, нанесенного литовскими наездами на Полоцком рубеже. 1571 после июля 10 // Памятники истории Восточной Европы. Вып. 3. М.; Варшава, 1998. С. 27–41.

«У полотцких у жилетцких казаков Григорьева прибору Бурцова у Нечайка у Иванова с товарыщи, у дватцати человек взяли шесть меринов с седлы и с уздами и с епанчами да однорядку настрафилну, да кафтан бел, сукно еренок¹⁰, да две ручницы, да сермягу белу сукно ржевское, да кафтан сукно рословское, да два колпака, да шесть рублей денег, и всего у них взяли на двадцать на семь рублей опроче ручниц»¹¹. В этом описании также фигурирует одежда иностранного происхождения, что свидетельствует как об активной торговле с иностранными державами (причём не самыми близкими), так и о том, что социальные группы среднего достатка могли себе позволить купить достаточно дорогой костюм. Впрочем, как нам кажется, в этом случае надо сделать оговорку, так как здесь фигурируют казаки, которые могли добыть такую одежду таким же путём, как они её лишились. «Со князем Васильём с Ростовским живота его взяли — конь бур да мерин ворон с седлы и с уздами, да три пансыри, да мерин рыж, да мерин сер сь юки. И всего с ним взяли на сорок на четыре рубли, да человека ево убили. А с подьячим с Яковцом с Черницыным взяли платья однорядку серу аглинскую да терлик¹² зенденин, да полтретья рубля денег, и всего с ним взяли пять рублей и на две гривны»¹³. Из этого примера ясно, что нападения не ограничивались только простыми людьми.

Список краденого имущества, находящийся в составе челобитной, поданной в связи с ограблением свадебного поезда в сельской Новгородчине в январе 1610 г., повествует о костюме дворянского холопа (впрочем, возможно, боевого). Свадебный костюм, состоявший у жениха из лазоревой нострафильной (т. е. английского сукна) однорядки, заячьего кафтана с зеленой поддеей, заячьих ферязей под лазоревой зенденью (хлопковой тканью) и «черкасской» лисьей шапки. Невеста носила ярко-красный («черлениый») опашень, такие же, как у жениха, заячьи ферязи под лазоревой зенденью, жемчужное ожерелье и две серебряных серьги. На голове у нее была атласная шапка, вышитая жемчугом, и сапоги¹⁴. Такой свадебный костюм на сельской свадьбе

¹⁰ Еренка — сорт ткани, возможно сукна ирландского производства.

¹¹ «Обидный список» к грамоте кн. А. И. Ногтева-Суздальского...

¹² Терлик — узкий кафтан.

¹³ «Обидный список» к грамоте кн. А. И. Ногтева-Суздальского...

¹⁴ Селин А. А. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197.

оказался значительно более ярким и нарядным, чем имущество ски-тавшегося посольства Юрьевского архимандрита Никандра в то момент, когда оно прибыло в Москву (приложение 1).

Можно наблюдать, что наиболее значительным по объему и богатству имуществом владели церковные деятели, причем интересен тот факт, что имущество игумена Благовещенского монастыря превосходит имущество архимандрита Юрьева монастыря, который одновременно являлся главой посольства¹⁵. Особенно значительным было имущество духовных лиц, включавшее в себя как предметы церковной утвари — панагии, книги, так и личные вещи. Все участники посольства имели зимние вещи — шубы, кроме самых бедных. Имущество благовещенского игумена своим объемом превосходило имущество главы посольства, архимандрита Никандра. Совершенно нищим прибыл в Москву Гордей Судаков, у которого «кроме однорядки да кофтана нет ничего».

Немало важными источниками служат перечни краденого имущества, полезные еще и тем, что в них приводятся цены украденных вещей. Собственно, именно на основе расценок мы можем сделать большинство выводов о костюме того периода. В частности, важным моментом является тот факт, что женский костюм оценивался существенно дороже мужского, что, судя по всему, и вело к более частым кражам женской одежды. Как видно из некоторых источников, кражу женского костюма порой предпочитали похищению украшений и драгоценностей, которые тоже стоили довольно дорого, но их было сложнее обнаружить.

Кроме описей краденого, выморочного и опального имущества существовали описи поличного, арестованного судом и хранящегося в Судной избе. В 1615 г. двое крестьян д. Дураково Старорусского уезда стремились вернуть себе такой «поличный живот». Ранее у них хранились вещи казачки Офимьи, о которой предполагалось, что она держит связь с мужем, ушедшим в лес и воюющим против шведов. Вместе с ее вещами у них были взяты вещи, к Офимье отношения не имевшие: «Выняли мы, государь, поличное — женскую шапку черленой бархат у женки, у казачки у Офимьи, а вотчины не ведаю, а пропало, государь, у нас с тою шапкою шапка черна муская, да однорядка сеня, да два сарафана, да душагрея, да шапка черлена с пухом, да три ведра масла коровья, ведро меду, восемь четвертей ржи, овса

¹⁵ Приложение 1 к настоящей статье.

двенатцать чети, двои серги, два перстни, четыре креста, а цена, государь тои нашей гибели платью окроме хлеба» 6 рублей 12 алтын¹⁶. Поличный «живот» мог храниться в Судной избе по несколько месяцев, а то и лет, и его владелец, не дождавшись «вершения» дела, на весь этот срок имущества лишался.

Приложение 1. Роспись имущества участников посольства архимандрита Никандра, доставленных в Москву. 1614, около 4 апреля

Роспись рухледи новгородских посланных, которые посылаемы из Новагорода в Свею

Юрьевского монастыря архимандрита Никандра да дворян Федора Бутурлина с товарищи, что с ними в Чюдове и что на подворье

У архимарита у Никандра панагея обложена серебром, шляпа да книг с ним в келье псалтырь да часовник да кануник письменные, ^аон же сказал рухледи, ^а да за городом, где стоит псковитин Докучай Харламов, которой их провожал из Пскова: мерин рыж, цены 4 рубли с полтиною, полсть черная, шуба песцовая ветчана, тебяняк, сапоги, сумки, а в них платки да полатенцы и скатерть, две свечки

Игуменовы рухледи в келье: на нем шуба боранья, ряска монахья

Да за городом сказал у себя рухляди на Дмитровки у Сергеевского попа у Петра: ризы камчаты ветчаны, стихарь поризной полотнян, патрахил бархат отиной ветчан, поручи бархат ветчан, пояс ризной, ворворки низаны жемчугом, патрахил келейной отласная ветчана, другое патрахилишко выбойчатая ветчана. Книги: служеник писменной, потребник писменной, кануник да псалтырь писменные да в сумки платки и скатеришко. Да судов блюденных да торел оловянных, брусок винной, свитка черная, сковородка черная, ендовка белая, схима, образы, складни на золоти.

Да ево ж рухледи у печерских слуг у Данилка Иванова да у Семейки Глухово, которые ехали с ними из Пскова: шуба боранья да котлик медяной в ведро, а где они ныне стоят, того не ведает.

У дьякона черново в келье на нем монахья да клобук, шуба боранья да тебячишко черное да шляпа черная да ^аего ж рухляди ^а за городом у попа с игумновою рухледью две свитки ветчаны.

У дьяка у Третьяка Копнина: на нем шуба песцова под зенденью ветчана да зипун стеган ветчан.

Да за городом Третьяк сказал у себя рухледи за Тверскими воротами у ямщика у Максимка: полстишко серо, епончишко бело, рубашка ветчана шита золотом да портки да шубенко людцкое, да ево ж Третьяков в Посолском приказе кафтанишко ветчан на куницах, обери зелены

Федора Бутурлина рухляди в келье попона покрояная, епонча ветчана, сукно кострыж кропивна, шуба боранья да однорядко бурнатня, сковородка белая

Да он же Федор сказал, что на дороге продал лошадь свою, а взял за нею два рубли, и те денги у него.

У князя Василья Кропоткина в келье рухледи: епанча лазорева медведна, ферезишко тофта желта ветчаны, блюдо белое да сковородка белая да однорядка да зипун, в чем ходит.

У Гордея у Судокова кроме однорядки да кофтана нет ничего

Да у Петра у Мусорского, ^асказал Гордей ^а, своей рухледи полстишко бело, однорядка, попонишко покрояное

У Дмитрея у Зеленина ^ав келье ^а на нем однорядка да кофтан да епонча ветчана, полстишко да сковородка черная.

^аДмитрей же сказал: ^а да у старца у Рафаила, которой сидит в Посолском приказе ^б своих денег девять рублей.

Да Дмитрей же Зеленин сказал: как он поехал из Пскова, и за ним прислал сын ево са псковитином с Тонаем Плохово: мерин светлой бур русской, а съехал ево с тою лошадью Тонай в Острове, а велел тою лошадь сын ево продать, и нынеча лошадь та на Москве у Тоная Плохово, да у Тоная ж во дворе рубашки, двои портки ^аи та лошадь у Тоная Плохово взята на государеву конюшню ^а.

У гостя у Степана ^аИголкина ^а епанчишко да полсти ветчаные плачены, шуба боранья, трех суконной да коробейка, а в ней рубашенко да портки ветчаные и ла

РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 6–10.

^а — в ркп приписано сверху; ^б — в ркп зачеркнуто: сказал у себя; ^в — в ркп зачеркнуто: Иглина.

¹⁶ Челобитная крестьян д. Дураково Петровского погоста Старорусского уезда Сеньки Никифорова и Осейки Степанова о возвращении имущества, конфискованного у них вместе с поличным животом казачки Офимьи. 1615 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 119.

Список литературы

- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 томах. СПб., 1899.
- Граля И., Эскин Ю. М. Грамоты и «обидный список» полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Вып. 3. М.; Варшава, 1998. С. 11–22.
- Селин А. А. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197.
- Селин А. А. Описи и распродажи выморочного, опального и изменнического имущества в Новгороде начала XVII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. №3 (21). С. 90–91.

References

- Gralya I., Eskin Y. M., *Gramoty i «obidnyj spisok» polotskogo vоеvody kn. A. I. Nogteva-Suzdalskogo 1571–1572 gg. [Charts and 'List of Grievances' of Prince Nogtev-Suzdalski, vоеvoda in Polotsk, from 1571–1572]*, in: Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy [Monuments on History of Eastern Europe], Issue 3, Moscow Warszawa 1998, 11–22.
- Selin A. A., *Ob odnoy se 'lskoy svad'be pri tsare Vasili Shuyskom [About a certain Rural Wedding in the Reign of Tsar Vasili Shuyskiy]*, in: Mifologiya i povsednevnost' [Mithology and Every Day Life], Issue 2, proceedings of Scientific conferention, 24–26 February 1999, St. Petersburg 1999, 186–197.
- Selin A. A., *Opisi i rasprodazhi vymorochnogo, opal'nogo i izmennich'ego imushchestva v Novgorode nachala XVII veka [Inventories and Sales of escheated, punished and traitors' property in Novgorod in the early XVII century]*, in: Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki [Ancient Rus'. Questions of Medieval Studies], 2005, 3, 90–91.
- Viskovatov A. V., *Istoricheskoe opisanie odejdy i vоорuzheniya russkikh voisk [The Historical Description of Uniform and Armaments of the Russian Army]*, in 19 vols, vol. 10, St. Petersburg 1900.

УДК 94 (47).053
ББК 63.3 (2) 46

Б. В. Мегорский

ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ РУССКОЙ ПЕХОТЫ В 1704 Г. О РЕКОНСТРУКЦИИ КОМПЛЕКСА ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Исследования облика воинов петровской эпохи чаще всего касаются униформы; вооружению, как правило, посвящены работы на основе отдельных музейных коллекций¹. При этом лакуной остаются знания о составе комплекса вооружения, т. е. набора предметов личного вооружения и снаряжения, фактически носимого в бою нижними чинами, рядовыми и унтер-офицерами в конкретный исторический период.

Процессы стандартизации вооружения в армиях Нового времени, не исключая армию Петра, в силу объективных причин проходили медленно и неравномерно в разных частях. Говорить о едином стандарте вооружения и снаряжения русской пехоты на протяжении всех лет Северной войны не приходится. Вопрос о том, было ли снабжение разных полков единообразным в отдельно взятый момент времени, также требует изучения. Поэтому в данной статье на основании доступных материалов делается попытка зафиксировать состояние исследуемого предмета в 1704 г., и по возможности уточнить известные детали для отдельных полков.

Эта кампания примечательна тем, что в 1704 г. русской армией были одержаны две важные победы — взяты шведские крепости Дерпт (Тарту) и Нарва. Обе осады завершились кровопролитными штурмами, сопряженными с серьезными потерями личного состава,

¹ *Маковская Л. К.* Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992; *Мышковский Е. В.* Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны 1700–1721 гг. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып. IV. С. 57–73; *Шокарев Ю. В.* Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в. // Из истории русской армии и оружия. Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. Вып. 64. М., 1987. С. 18–50.

которые, в свою очередь, обусловили потери вооружения и снаряжения. Документы по их восполнению представляют первостепенный интерес для настоящего исследования, поскольку на сегодняшний момент другие источники на 1704 г. практически не известны, за исключением единичных документов полковых канцелярий о снабжении полков в этом году.

Комплекс, с которым войска вступили в войну, известен всего по двум документам. Сформированные в 1700 г. в Москве 12-ротные «новоприборные» солдатские полки получили единообразное вооружение и снаряжение: «Фузеи с багинеты и с перевязьми и с лядунки и с сумами и багинетными пясмы»². Девятиротные полки, сформированные тогда же в «низовых» (поволжских) городах, имели, по-видимому, то же вооружение, но поскольку, в отличие от московских, имели одну гренадерскую роту, то получили еще и гранаты³.

О дальнейшем видоизменении комплекса доступные сведения носят отрывочный характер. Например, опубликованные Д. Ф. Масловским в сборнике военно-исторических материалов документы перечисляют необходимые отдельным полкам «в дополнку» предметы вооружения, снаряжения, обмундирования и прочее⁴. Они позволяют сделать выводы о том, что было в полках в наличии и что им поставлялось сверх того, однако эти документы относятся к 1705–1708 гг. (преимущественно к 1707 г.) и не позволяют реконструировать комплекс на 1704 г.

Наиболее полная информация, хотя по объективным причинам не исчерпывающая, содержится в монографии К. В. Татарникова под редакцией В. И. Егорова. В ней на основе «полковых сказок» перечисляется полковое имущество, поставленное в полки полевой армии за годы Северной войны по 1721 г. включительно. Эти сведения были взяты из полковых канцелярий, однако многие полки теряли свои документы в течение войны в результате пожаров, кораблекрушений и больше всего в результате потери обозов в неудачном Прутском походе, поэтому сведения за 1704 г. известны по «сказкам» лишь для шести пехотных полков из 44-х, описанных Татарниковым.

² Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. М., 2007. Приложение Т. 1. С. 250.

³ Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Т. 1. М., 1902. Приложение. С. 24–25.

⁴ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1. Северная война: Документы 1705–1708 гг. / Изд. Д. Ф. Масловский. СПб, 1892.

«Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева» содержит богатейшие сведения о действиях войск Шереметева в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии⁵. Он был создан в конце 1705 г., очевидно, на основе накопленных за указанный период реляций и отчетных документов отдельных воинских частей. Среди прочего, в журнале приведены «полковничьи заручные ведомости» (т. е. подписанные лично полковниками), сообщающие об утраченном во время штурмов Дерпта и Нарвы военном имуществе — оружии и амуниционных вещах — в 13 пехотных полках. Эти документы, на наш взгляд, весьма ценны для исследователей эпохи, благодаря им мы можем попытаться сделать некоторые выводы о том, какие виды оружия состояли в разных полках, и выявить определённые тенденции в формировании комплекса вооружения русских пехотинцев в начальный период Северной войны.

С одной стороны, факт пропажи вещей во время боя позволяет считать их действительно использованными в бою, а не просто выданными и хранившимися в обозе. С другой стороны, нельзя исключать, что списанные в качестве потерь во время штурма предметы были испорчены, брошены или утеряны ранее. При этом, терялись не полные комплекты; так, количество потерянных фузеев редко совпадает с количеством патронных сум и багинетов (напр., в полку Мевса потеряно 112 фузеев и 117 сум); а потери личного состава в сравнении с заявленным количеством пропавшего имущества сопоставимы лишь на уровне порядков (напр, в том же полку при названном количестве утерянного оружия убито и ранено 207 нижних чинов). Такое несоответствие можно объяснить тем, что либо солдат, погибший при штурме, шёл в бой уже с неполным комплектом, либо, напротив, из его полного комплекта часть вещей удалось найти, и их не внесли в ведомость. Учитывая вышесказанное, считаем оправданным допущение, что зафиксированная в документах выборка предметов репрезентативно отражает состав и пропорции распределённого по полкам имущества и позволяет делать выводы о том, какой комплекс вооружения был характерен для того или иного полка.

В некоторых полках упоминаются багинеты с поясами («пясмы»), но, как правило, отсутствуют шпаги и португеи (полки Ивана Мевса,

⁵ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // Материалы военно-учёного архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 59–196.

Фёдора Балка, Дениса Рыддера, батальон Шереметева); в полку Фёдора Балка комплекс вооружения четырёх пропавших без вести солдат составляли фузеи, багинеты и патронные сумы (рис. 1). Там, где количество потерянных шпаг и портупей сравнимо с количеством потерянных сум и фузей, фигурируют штыки или кривые багинеты (полки Вилима фон Швейдина, Саввы Айгустова, Ивана фон Делдина, Ивана Англера, Алексея Келина, рис. 2).

Можно было бы предположить, что багинет и штык считали одним и тем же оружием, так как, действительно, во многих ранних документах петровской эпохи эти два термина часто используются как взаимозаменяемые. Но, встречая в какой-либо ведомости слов «багинет», нельзя быть уверенным, идёт ли речь о ноже со вставляющейся в ствол рукояткой или о лезвии на трубке. Вполне вероятно, что при составлении перечня в одном полку употребляли старый термин «багинет», а в другом — «штык». Однако в журнале Шереметева в описях, касающихся полков Вилима фон Швейдена, Саввы Айгустова, Ивана фон Делдина, Дениса Рыддера, наряду со штыками внесены и багинеты, значит, по крайней мере, в этих полках различали такие типы оружия и об утере каждого из них отчитывались отдельно.

Чаще всего багинеты приводятся без какого-либо дополнительно описания, но в ведомостях батальона майора Шереметева встречаются «багинет с крыжем» и «кривой багинет». Первый, «с крыжем», очевидно представлял собой лезвие на деревянном черене с перекрестьем. Хрестоматийное представление о багинете, например, у Висковатова, предполагает вставление рукоятки в канал ствола; такой образец известен в собрании Государственного исторического музея⁶. Однако, существуют документальные свидетельства, что под багинетом понималась уже более совершенная модель. Так, в 1700 г. в дивизии Репнина для полка Гулица готовились делать некие «новые багинеты», а для остальных полков — «делать к фузеям петли для примыкания багинетов»⁷, т. е. это уже более сложное крепление, чем рукоять в стволе. Согласно выявленным Татарниковым документам, для крепления багинета в 1700 г. использовалось медное перекрестье

(«крыж»), и на рукоятки пружина для замыкания в петлю на стволе⁸. В любом случае, ствол не «затыкался» рукояткой. Багинеты с кольцом на рукоятки, для насаживания на ствол, известны по современным музейным коллекциям. В Музеях Московского кремля это шведский багинет (инв. № Ор-4944/1-2). А хранящиеся в шведском Музее армии «багинеты модели 1692 г.» (инв. № АМ.030748 и АМ.023565) конструктивно похожи на описание русского багинета 1700 г. — у него есть крыж с кольцом и пружина на деревянном черене.

Под «кривым багинетом» (его делали в войсках Б. П. Шереметева, о чём тот сообщал царю ещё в начале 1703 г.⁹) скорее всего подразумевался штык-лезвие, вынесенное на L-образной шейке и прикреплённое к трубке, что позволяло вести огонь и заряжать, не отмыкая багинета. Фиксация трубки штыка на стволе осуществлялась винтом, как и у шведов. Уже в 1702 г. в Оружейной палате производились кривые трехгранные багинеты с трубками и «привертными шурупами» в них¹⁰. В 1707 г. в Бутырском полку некий слесарь приделывал к багинетам «шурупы»¹¹, но со временем распространился другой способ фиксации — при помощи штыкового целика на стволе и коленчатой прорези на трубке.

Когда появились трёхгранные штыки, сказать трудно, известно лишь, что для солдатских полков «багинеты кривые троеугольные» изготавливались, как упомянуто, и в 1702 г. и в начале 1707 г.¹² Трёхгранные клинки не были единственным типом штыкового лезвия в начале XVIII в. — оно могло быть плоским, причем судя по сохранившимся европейским и российским образцам, клинок располагался или ребром (обухом) к трубке или плоскостью к ней. Длина также могла быть разной, но, по-видимому, тяготели к длинным лезвиям. Известно описание 1701 г. польского очевидца о том, что «ружья их <русских гвардейцев> гораздо длиннее саксонских, а штыки еще длиннее»¹³. Таким образом, на основании данных журнала Б. П. Шереметева

⁶ Корх А. С. Петр I. Северная война 1700–1721. Государственный ордена Ленина исторический музей. М., 1990. С. 55.

⁷ Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Т. 1. М., 1892. Приложения. С. 25; Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. М., 2007. Приложения Т. 1. С. 247.

⁸ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. М., 2008. С. 38.

⁹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 475.

¹⁰ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. М., 2008. С. 87.

¹¹ Масловский Д. Ф. Северная война. 1705–1708 гг. Сб. военно-ист. материалов. Вып. 1. СПб., 1892. С. 115.

¹² Там же. С. 84.

¹³ Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах. Рукописный дневник (Diariusz) польского дипломата — очевидца этого свидания [Сообщ. А. Перелштейн] // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских, 1853. Кн. 17. Отд. «Смесь». С. 14.

можно сделать следующий вывод: к 1704 г. значительная часть полков русской пехоты имела на вооружении современные по тому времени штыки, хотя продолжали достаточно широко использоваться и багинеты, причём, по сведениям других приведенных источников, они представляли собой не архаичную модель со вставлявшейся в ствол рукоятью, а более совершенную, позволявшую заряжать и стрелять, не отмыкая багинета.

Стрелковое оружие почти во всех ведомостях называется фузеями, что подразумевает ружья с кремневым ударным замком батарейного типа. Лишь в полку Дениса Рыллера упоминаются «58 фузей русских». Большинство огнестрельного оружия в тот период войны закупалось за границей, преимущественно в Голландии. Определить, отличались ли русские фузеи, например, габаритами, типом замка или только качеством изготовления, мы пока не можем. В полку Ивана Англера под Дерптом утрачены «мушкеты», но нет уверенности, что речь идёт о конструктивно устаревшем оружии; под Нарвой тот же полк потерял одну фузею. Фузеи выходили из строя в больших количествах как непосредственно от воздействия неприятельских пуль и ядер, так и вследствие небрежного с ними обращения, а то и просто из-за низкого качества. В полку Юрия Шкота фузеи и багинеты пришли в негодность «от бомб в шанцах и на приступе от пушечной стрелбы». В батальоне майора Шереметева были списаны фузеи с испорченными ложами, без курков, без замков, а также стволы без лож. В полку Ивана фон Делдина после штурма найдены восемь «роздутых» фузей и 38 фузей без замков, с повреждёнными ложами и прикладами. У Саввы Айгустова у пяти фузей оторвало замки; у Вилима фон Швейдена пулями перебиты ложи и штыки, а стволы раздулись от стрельбы.

Видимо, строевое оружие отечественного производства было сравнительно низкого качества, ибо в 1708 г. Я. В. Брюс требовал прислать в армию голландские фузеи вместо фузей «тульского дела», «которые разрываются непрестанно и бьют людей»¹⁴. Портилось оружие нередко и в мирное время, так, в 1721 г. на учебных стрельбах лейб-гвардии Семёновского полка «две фузеи раздуло, у одной разорвало дуло и отломило приклад, так что нельзя его было поправить»¹⁵.

Ещё одна деталь в ружьях наверняка ломалась постоянно, хотя об этом умалчивают наши ведомости — фузейные шомпола. В те годы

они были деревянными и, следовательно, довольно хрупкими. Французский автор Сен-Реми в своей книге конца XVII в. писал, что шомпола быстро расходуются, особенно при осадах, и советовал на каждый мушкет заготавливать по четыре сменных шомпола¹⁶. Железные шомпола на строевом оружии массово появились лишь позднее.

Термин «багинетный пояс» не встречается в более поздних перечнях амуниционных вещей, упоминается лишь португезя. В чём же их отличие в части предназначения и конструктивного исполнения? Очевидно, что слово португезя¹⁷ вошло в обиход, когда мушкетеры стали носить шпагу и штык, а когда ранее на таком же пояском ремне носился только багинет или штык, его называли «багинетным поясом». Судя по иконографическим европейским источникам рубежа XVII–XVIII вв., штык или багинет с коротким клинком чаще всего висели на отдельной лопасти перпендикулярно поясу, в то время как шпага — в наклонной лопасти на левом боку. Если штык был длинным, то штыковые и шпажные ножны вставляли вместе в одну лопасть.

Основной элемент снаряжения мушкетера — патронная, или «солдатская» сума с перевязью. В батальоне майора Шереметева у солдатских сум были «гнезда порчены», что указывает на наличие в ней деревянного блока с просверленными круглыми отверстиями — «гнездами», в которые вставлялись патроны. В полку Вилима фон Швейдена слово «лядунка» употребляется как аналог патронной сумы («лядунок с перевязми») и как составная часть сумы («сум салдацких с лядунками и с перевезми»), в последнем случае лядушкой, очевидно, называется деревянный блок с патронными гнездами. В двух полках (Ивана фон Делдина и Ивана Англера) лядунка упоминается наряду с сумой как самостоятельный вид снаряжения. В этом случае лядунка была частью гренадерского снаряжения — её носили на поясе отдельно от гранатных сум.

Дополнительную информацию о патронных сумах можно почерпнуть из ценного свидетельства современника, уже известного исследователям. Из переписки генерала А. М. Головина с царём в 1698 г. следует, что лядунок для преображенцев и семёновцев делали «деревянные, крытые кожей»; присланная из Европы полностью кожаная сума казалась недолговечной в условиях «мокроты» дальних походов; чересплечная перевязь сумы также считалась неудобной, и Головин

¹⁴ Струков Д. П. Архив русской артиллерии. СПб., 1889. Т. 1 (1700–1718). С. 213.

¹⁵ Дирин П. Н. История л.-гв. Семёновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 172.

¹⁶ Saint-Remy S. Memoires d'artillerie. Paris, 1697. Т. 1. P. 289.

¹⁷ Португезя (от фр. porte-épée) по определению предназначена для ношения шпаги.

предлагал носить лядунки на поясе с дополнительным ремнём через плечо. Вряд ли его предложение было реализовано, но заметим, что во Франции на рубеже XVII–XVIII вв. отказались от плечевых перевязей и перешли на поясные. Деревянная лядунка, представленная царю на одобрение, была «пожилена» (вероятно, оклеена жилами для водонепроницаемости) и имела 24 гнезда, четыре или шесть из них можно было убрать и на их месте хранить жестяную склянку для ружейного масла. К лядунке должны были прилагаться инструменты и расходные материалы для фузеи: «кремень, пыжовник, трещётка, завёртка, фласты»¹⁸. В полку Ивана Англера были обронены мушкеты «с завойки» (возможно, нагалища).

Князь Б. И. Куракин наблюдал в 1705 г. в Кёнигсберге, что солдаты прусской армии «в лядунках не имеют дерева, только одни сумы кожаные, и патроны так лежат»¹⁹, а в 1706 г. в Берлине, что солдаты «ремни сум носят не под португеем, для того ежели случитца сумы вскоре скинуть и облегчитца с одними шпагами на какой штурм»²⁰. Логично предположить, что если такие детали особо отметил русский дипломат и офицер, то они были нетипичными для русской армии: должно быть, русские патронные сумы обязательно содержали деревянную лядунку, а русские солдаты надевали португею поверх перевязи патронной сумы; правда, такую манеру ношения португеи сложно подтвердить скудной отечественной иконографией.

Следует отметить, что для заряжания мушкета в тот период была необходима натруска — т. е. пороховница, из которой насыпали порох на полку кремневого замка, и лишь потом доставали патрон, скусывали его и целиком клали в ствол. Такова была процедура заряжания, предписанная всеми европейскими наставлениями, хотя натруски нечасто изображались на уставных рисунках. В рассматриваемых нами документах натруски не упоминаются; видимо, они не имели единого образца, не производились централизованно и о них не отчитывались как о выданных от казны вещах. Судя по европейской иконографии, они чаще всего были роговыми (либо же деревянными и кожаными), носили их подвешенными с правой стороны к поясу или на перевязи патронной сумы.

¹⁸ Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 18–19; Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. М., 2007. Приложения. Т. 1. С. 188.

¹⁹ Архиф князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 115.

²⁰ Архиф князя Ф. А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 3. С. 171.

Гренадерское снаряжение в ведомостях представлено гранатными сумами и гренадерскими лядунками. На перевязях гранатных сум упоминаются медные и жестяные фитильные трубки, в полку Фёдора Балка трубка названа фитильным фонариком. Шереметев в начале 1703 г. доносил царю, что для его войск заготавливаются «медные трупки, в чём гранодеры фитиль носят»²¹. В полку Ивана фон Делдина, помимо медных фитильных трубок при сумах, отдельно проходит «трубка жестяная болшая», очевидно, капральский ночник — жестяной фонарь, в котором поддерживался огонь для поджигания фитиля рядовым гренадером. Из рассуждений Военной комиссии 1731 г. следует, что медные трубки считались более прочными («жестяные скоро ломаются и не так прочны»²²). Данных о точных размерах элементов снаряжения практически нет, и тем ценнее письмо Петра от 2 августа 1706 г., в котором он велел изготовить «230 перевязей (ис кож, что делаютца на лосиное дело) к гранадирским сумах в Преображенский полк, шириною по 9 дюймов каждая перевезь»²³.

Упоминание гренадерского снаряжения важно еще потому, что структура русских пехотных полков в первые годы войны не была единообразной: в некоторых полках гренадерские роты поначалу отсутствовали и вводились постепенно²⁴. Поэтому наличие (и потеря) гренадерских предметов в полку свидетельствует о том, что и гренадерская рота в нем была. Например, потери гренадерских сум в 1704 г. большинством перечисленных в журнале полков подтверждают известное для этих частей наличие гренадерских рот. Однако, у нас до сих пор не было сведений о существовании в 1704 г. гренадерской роты в полку Геринка, который потерял «2 лядунки гранодерских малых, 3 трубки медных фетильных» под Дерптом и «3 сумы гранодерских болших, 3 трубки медных фетильных» под Нарвой.

Таким образом, комплекс гренадерского вооружения, как правило, включал фузею, штык и шпагу, а снаряжения — гренадерскую суму с перевязью и фитильной трубкой и патронную лядунку на поясе (см. рис. 3). Вместе с тем, широко распространено мнение о вооружении гренадер пехотных полков ручными мортирками²⁵. Однако, ручные

²¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 475.

²² Татаринов К. В. Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801. Сб. документов. Т. 1. С. 69.

²³ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 4. С. 326.

²⁴ Татаринов К. В. Полевая армия. С. 20.

²⁵ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота. 1698–1801. М., 1995. С. 35–36.

мортирки не состояли на вооружении пехотных полков, они были только в драгунских полках, что подтверждается как перечнями имущества, так и воспоминаниями «мортирщиков» — драгун²⁶. Фраза из реляции о взятии Нарвы о том, что «изо всех полков пехотных и из драгунских гранатеры взяты и в шанцы посланы, которым велено непрестанно на бастионы гранаты метать из устроенных к тому новой моды ручных мортиров»²⁷ означает, что пеших гренадеров вместе с драгунскими мортирщиками отправили в траншеи обслуживать мортирки последних.

Древковое оружие — копья, копья большие или копья солдатские — встречаются в восьми из одиннадцати полков Шереметева. В полках Ивана Мевса, Ивана фон Делдина, Николая Балка, Фёдора Балка, Юрия Шкота и Николая Геренка при потере копий, фузей и багинетов не отмечены потери шпаг; таким образом, в этих полках, вероятно, некоторые солдаты были вооружены только копьями (либо копья в бой не выносились, а просто списывались). Лишь в полку Ивана Англера, возможно, было одновременное ношение копей и шпаг. Маловероятным представляется, что под копьями в ведомостях имели ввиду рогаточные копья, т. е. не личное оружие солдат-пикинеров, а элемент мобильного ограждения. Данные о наличии и использовании пик в ранний период войны крайне скудны, поэтому упоминание пик в документе 1704 г. особенно примечательно.

Ещё в 1698 г. Адам Вейде в докладе Петру писал: «Пикинер <...> в нынешнее время едва не всё отставлено, и в то место фузей с багинетами употребляют»²⁸; поэтому использование пик не предусматривалось русскими наставлениями и инструкциями начального периода войны. В шведских источниках зафиксировано применение русскими пик в 1700 и 1704 гг.²⁹. Судя по доступным сведениям о комплексе 1700 г., пики новоприборным полкам не полагались; хотя в документах отражена выдача пик двум солдатским полкам (Пермскому в 1700 г. и Троицкому в 1701 г.³⁰). В ноябре 1705 г. польский король Август II изложил

царю свои предложения об усовершенствовании русской армии и среди прочих вещей, с которыми Петр согласился, была выдача в каждый пехотный батальон 200 пик, которые следовало возить в обозе и использовать при необходимости; царь повелел изготовить в Москве 10000 пик и взять имевшиеся пики из арсеналов Нарвы и Дерпта³¹. Очевидно, исполнение этого указа отразилось в документе от сентября 1706 г., согласно которому 9000 пик (и 7500 бердышей!) были изготовлены и отправлены в полки в Киев, Смоленск, Брянск и Псков³². Впрочем, сведения об использовании этой крупной партии древкового оружия в полевой армии в 1706–1707 гг. нам найти пока не удалось.

Прямые указания к введению пикинеров в полках встречаются лишь в письме Петра от февраля 1707 г.³³ и в «Учреждении к бою» 1708 г. По этим документам вооружать пикикой предписывалось каждого второго солдата первой шеренги (т. е. каждого восьмого пехотинца)³⁴. В 1698 г. в Москве одна треть батальона, участвовавшего в церемонии похорон зятя П. Гордона, была вооружена копьями³⁵. Какую часть составляли пикинеры в 1704 г., доподлинно неизвестно, не исключено, что, как и позднее, пики были сверхштатным оружием, временно выдававшимся из обоза мушкетерам.

Встречаются в журнале в небольших количествах и экзотическое холодное оружие: бердыши (в солдатских (!) полках Юрия Шкота и Дениса Рыддера), две «палмы» и 20 «сулеб» (в полку Ивана фон Делдина), а также нетипичное огнестрельное оружие — «винтовая пищаль» (в полку Ивана фон Делдина). Кроме того, есть данные о вооружении стрелецкого полка майора Руха, в котором было потеряно семь фузей, четыре бердыша и одно копьё.

Об унтер-офицерском вооружении можно судить по ведомости полка Саввы Айгустова. В ней записана потеря «алебарды да шпаги», а о снаряжении каптенармуса — по ведомости полка Николая Балка, в которой упомянуты «1 алебарда, 2 сумы каптенармусских, в том числе 1 пулечная, другая пороховая», причём пороховую суму «на каптенармусе разорвало». Аналогичный случай произошёл тем же летом

²⁶ См.: Мезгорский Б. В. Русская артиллерия в осадах Северной войны: теория и практика применения // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 99–100.

²⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 3. С. 175–176.

²⁸ Вейде А. А. Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 году. СПб, 1841. С. 19.

²⁹ *Arteus G. Krigsteori och historisk forklaring. II. Karolinsk och europeisk stridstaktik 1700–1712* // МНН. №5. Linköping. 1972. P. 51.

³⁰ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. М., 2008. С. 109.

³¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 4. С. 504–505.

³² Масловский Д. Ф. Северная война. 1705–1708 гг. Сб. военно-ист. материалов. Вып. 1. СПб., 1892. С. 212.

³³ Там же. С. 168.

³⁴ Военные уставы Петра Великого. Сборник документов. М., 1946. С. 61–62.

³⁵ Бобровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. 1642–1898. СПб., 1892. Т. 1. Приложение №2. С. 29.

при штурме Нарвы в полку Англера: «Суму каптенармускую с порохом разорвало, пропала сума пулечная». Таким образом, у каптенармуса были в бою алебарда и две сумы — «пулечная» и «пороховая». Допустим, эти названия условные, ведь боеприпасы в тот период уже представляли собой готовые бумажные патроны с пулями, и логично считать, что каптенармус имел в своём распоряжении в бою запас снаряжённых патронов. Однако описаны случаи разрыва именно пороховых сум, тем более в одном из них идёт речь конкретно о суме с порохом. Это позволяет утверждать, что порох и пули размещались отдельно, в разных сумках. Был ли это насыпной порох и как в таком случае осуществлялось зарядание мушкетов в бою, каковы конструктивные отличия этих двух сум — остаётся лишь домысливать.

В связи с вопросом о хранении пороха в русской армии интересной представляется находка, сделанная на русском военном корабле, затонувшем в годы Северной войны в Ботническом заливе — кожаная сумочка с порохом. Финские археологи сообщают, что это запас пороха для восьми мушкетных патронов³⁶. Можно предположить, что хранение пороха, «расфасованного» не по патронам, а в более крупных контейнерах, не было необычным для той эпохи.

Полки полевой пехоты на главном для Петра театре военных действий в 1704 г. были распределены между двумя армиями — фельдмаршалов Шереметева и Огильви. Однако, рассмотренные сведения из журнала Шереметева не помогут нам узнать о снабжении армии Огильви. И здесь на помощь приходит неопубликованный ранее архивный документ, копия которого отложилась в канцелярии Меншикова в Книге копий за 1704 г. под заголовком «Надобно в полки в добавку полковых припасов» за подписью Огильви³⁷. Документ не датирован, однако время составления можно определить по содержанию.

Документ перечисляет, какие предметы и в каком количестве требовалось дополнительно поставить в пять пехотных полков (Огильви, Шонбека, Чамберса, Повиша и Купера). Текст не уточняет, какие виды оружия уже имелись в полках на момент составления документа, а какие должны были быть поставлены впервые. Не известны причины запроса, хотя, возможно, он был связан с восполнением потерь после кровопролитного штурма Нарвы. Зато в двух случаях ука-

зано, что недостающие вещи были переданы в другие полки (из полка Шонбека в полк Репнина и из полка Повиша в полк Ивана Рылддера). Эта деталь — передача имущества в другие полки — позволяет определить время создания документа. 20 августа 1704 г. царь повелел отряду войск генерала Репнина (в который входили, в частности, полки Репнина и Ивана Рылддера) во исполнение Нарвского договора с Речью Посполитой следовать в Литву, куда они и отправились из-под Нарвы через Псков 24 августа. По-видимому, перед отправкой эти полки получили недостающее имущество у тех полков, которые оставались в России. И, в свою очередь, полки, передавшие свое имущество, для восполнения убыли и запросили о новой поставке. Таким образом, документ мог быть составлен и подписан Огильви после 20 августа 1704 г.

Попробуем интерпретировать данные рассматриваемого документа. Если исходить из того, что в одном полку командование стремилось соблюдать единообразие, то затребованные типы предметов входили в комплекс для данного полка до составления документа (например, в полк Купера требовались 246 фузей, 236 сум и 279 шпаг с медными эфесами; следовательно логично предположить, что шпаги с фузелями составляли вооружение солдат этого полка и ранее). Передача некоторого количества вещей в другие полки скорее всего означала, что в полках-получателях принятое вооружение также входило в фактически существовавший до передачи комплекс (так, полку Рылддера были переданы 180 шпаг и 300 штыков, значит, фузеи со штыками и шпаги имелись в этом полку и ранее, просто их не хватало).

Подобный способ реконструкции имеет свои ограничения, т. к. он не учитывает возможные случаи, когда запрашивались типы имущества, ранее фактически в полку не имевшиеся. Так, в полк самого Огильви требовалось «75 сум гранодерских, 93 лядунки гранодерских», что можно трактовать двояко — либо восполнялись потери гренадер после штурма (однако такой уровень потерь в одной роте маловероятен) либо гренадерская рота до того в полку отсутствовала и теперь лишь формировалась, для чего потребовалось соответствующее новое снаряжение. Также полку фельдмаршала требовались 806 шпаг с португезами; это значительное количество, которое нельзя объяснить потерями личного состава, и можно предположить, что шпаг в полку до того не было и теперь ими нужно было вооружить весь полк. Запрашиваемые 685 сум солдатских сложно трактовать как новую поставку, ведь рядовые солдаты, вооруженные фузелями, не могли

³⁶ *Toivanen P.* Venäläisen kaleerilaivaston Pohjanmaan sotaretki syksyllä 1994. Vuoden 1992 tutkimukset // *Nautica Fennica. Suomen merimuseo. Annual Report.* Helsinki, 1993. P. 94.

³⁷ Архив СПбИИРАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. 1704 г. Книга копий 1. Л. 221–223.

не иметь патронных сум; поэтому здесь мы предполагаем замену испорченных, утерянных и ветхих сум, имевшихся ранее.

Гренадерское снаряжение, упоминаемое у Огильви, типично: гренадерские сумы и лялдушки (в полку Повиша названы подсумками). Требование поставить гренадерское снаряжение позволяет сделать вывод о существовании гренадерских рот в полках Купера и Повиша.

Состав унтер-офицерского вооружения в документе Огильви в целом повторяет данные из журнала Шереметева, за исключением того, что древковое оружие каптенармусов, в отличие от сержантских алебард, названо «протазаны каптенармусские» (полки Огильви и Купера). Сумы этих чинов также разделяются на пулечные и пороховые. Пики или солдатские копыя, в отличие от полков Шереметева, не упоминаются.

Из личного солдатского снаряжения в у Огильви упомянуты также «нагалища фузейные» или «завертки» (в полках Огильви, Чамберса, Повиша), то есть кожаные чехлы для предохранения огнестрельного оружия от влаги и грязи.

Можно сделать вывод о том, что для упоминаемых в документе Огильви полков был стандартным комплект из фузеи и шпаги. Подтверждением тому является документ от 30 октября 1704 г. о необходимости прислать в шесть полков Репнина пополнение из солдат, и «на них фузей и шпаг и багинетов»³⁸. Опубликованные Татарниковым материалы полковых сказок за 1704 г. дают сведения еще о двух полках Огильви. В полк Буша, сформированный в том же 1704 г., поступило: «1143 фузеи, 1143 штыка, 320 багинетов, 788 фузейных нагалищ, <...> 1229 шпаг, 1229 портупей, 1143 патронных сумы с перевязями, 70 гренадерских сум, 70 гренадерских подсумков, 20 алебард, 17 каптенармусских сум»³⁹. Для сформированного в 1700 г. полка Балабанова можно проследить изменение в комплексе вооружения. Если в 1703 г. в полку были только фузеи и «самопалы», а багинетов было ровно по числу гренадерских сум (т. е. на одну роту), то в 1704 г. в полк прибыло 248 новых комплектов, включавших фузеи, шпаги, штыки и патронные сумы⁴⁰.

Процесс перехода от одного типа комплекса (фузея и багинет) к другому (фузея, штык, шпага) можно проиллюстрировать опубликованными Татарниковым данными полков, не входивших в 1704 г. в ар-

мии Шереметева и Огильви. Полк Абрама (с 1708 г. Троицкий) в 1700 г. получил фузеи и багинеты, потеряв большинство из последних в Нарвском сражении; в 1701 г. вместе с новыми фузеями были поставлены шпаги, что можно считать одним из ранних примеров появления шпаг у армейской пехоты; багинеты же оставались и поставлялись новые в 1701, 1702 и 1705 г.⁴¹ Полк Трейдена (с 1708 г. Пермский) с 1700 г. имел фузеи с багинетами, в 1705 г. получил немного шпаг и лишь в 1709 г. получил большую партию фузей, штыков и шпаг⁴².

Ситуация в солдатском полку Григория Титова (сформ. 1703 г.) демонстрирует и встречавшиеся временные трудности с вооружением. Очевидец М. И. Щепотев 18 мая 1704 г. записал, что «в салдацком Григорьеве в полку Титова знамен нет и афицеров в полку у него только человек с шесть; да у ево в полку всего полку шпаг и багинет нет»⁴³. Очевидно, чтобы оперативно восполнить нехватку холодного оружия, в полк, уже участвовавший в боевых операциях в устье Наровы, были переданы 83 копыя из драгунского полка Горбова⁴⁴.

Подводя итог, констатируем, что рассмотренная выборка включает данные за 1704 г. для 25 полков полевой пехоты (солдатские и один стрелецкий). Основную часть их составляют полки армий Шереметева и Огильви, есть также части, находившиеся в гарнизонах Дерпта, Петербурга и Шлиссельбурга. Из этих 25 полков в семи (28%) полках комплекс вооружения рядовых солдат состоял из фузеи с багинетом и снаряжения — патронной сумы и багинетного пояса: Шкота (с 1708 г. — Черниговский), Мевса (Псковский), Дениса Рыддера (Нижегородский), Юнгера (Владимирский), Трейдена (Пермский), Нейтерта (Санкт-Петербургский), Федора Балка (Воронежский). Этот комплекс был стандартным для новоприборных полков в 1700 г.

В солдатском полку Шкота, наряду с фузеями, багинетами и копиями, упомянуты и бердыши, традиционное стрелецкое оружие, упоминаемое, например, в стрелецком полку Руха (Юрия Вестова). В большинстве (13 полков, или 52%) в 1704 г. установился новый комплекс из фузеи со штыком и шпаги, патронной сумы и портупей:

⁴¹ Там же. С. 245.

⁴² Там же. С. 230.

⁴³ *Волынский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием ее участия в Великой Северной войне. Историческое исследование по первоисточникам. СПб., 1912. Кн. 3. С. 415.

⁴⁴ Там же. Кн. 4. С. 242.

³⁸ *Зезюлинский Н.* К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Петроград, 1915. С. 93.

³⁹ *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730. М., 2008. С. 179.

⁴⁰ Там же. С. 251.

Шонбека (Нарвский), фон Швейдена (Лефортовский), Айгустова (Белгородский), фон Делдина (Казанский), Англера (Сибирский), Келина (Тверской), Шереметева (Астраханский), Репнина (Тобольский), Ивана Рыддера (Вологодский), Повиша (Шлиссельбургский), Балабанова (Ярославский), Буша (Азовский), Абрама (Троицкий). Можно утверждать, что процесс перехода от первого комплекса ко второму начался в 1701 г. и в 1704 г. он охватил уже не менее половины полков. В 11 из рассмотренных полков отмечено наличие пик или копей (в пяти случаях они соседствуют с багинетами, в трех случаях — со штыками и шпагами), однако вопрос об их количестве и пропорции пикинеров к числу мушкетеров остается открытым.

Таким образом, до выявления новых архивных данных о выдаче в полки тех или иных видов вооружения, настоящая выборка может служить справочным материалом по вооружению петровской армии в ранний период Северной войны. В частности, привлечение документов, которые ранее не использовались в качестве источников по вооружению и снаряжению русской армии, позволило уточнить сведения о фактическом вооружении петровской пехоты и значительно скорректировать широко укоренившееся благодаря «Историческому описанию» А. В. Висковатова обобщающее мнение, что в русской армии багинеты были заменены штыками и шпагами лишь с 1708 г.

Список литературы

- Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859.
Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1, 3. СПб., 1890–1892.
Бобровский П. О. История 13-го лейб-грендерского Эриванского полка его величества за 250 лет. 1642–1898. СПб., 1892.
Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. М., 2007.
Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // Материалы военно-учёного архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871.
Вольнский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием ее участия в Великой Северной войне. Историческое исследование по первоисточникам. СПб., 1912.
Дирин П. Н. История л.-гв. Семёновского полка. Т. 1. СПб., 1883.
Зезюлинский Н. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Петроград, 1915.
Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992.

Мегорский Б. В. Русская артиллерия в осадах Северной войны: теория и практика применения // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. Ч. II. СПб., 2010.

Мышковский Е. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны 1700–1721 гг. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып. IV. С. 57–73.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2–4. СПб., 1889–1900.

Попов Н. Н. История 2-го грендерского Ростовского полка. Т. 1. М., 1892.

Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. М., 2008.

Шокарев Ю. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в. // Из истории русской армии и оружия. Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. Вып. 64. М., 1987. С. 18–50.

Arteus G. Krigsteori och historisk forklaring. II. Karolinsk och europeisk stridstaktik 1700–1712 // MHI. №5. Linköping, 1972.

Toivanen P. Venäläisen kaleerilaivaston Pohjanmaan sotaretki syksyllä 1994. Vuoden 1992 tutkimukset // Nautica Fennica. Suomen merimuseo. Annual Report. Helsinki, 1993.

References

- Архив князя Ф. А. Куракина [Archive of Prince Kurakin], Vol. 1, 3. Saint Petersburg 1890–1892.
G. Arteus, *Krigsteori och historisk forklaring. II. Karolinsk och europeisk stridstaktik 1700–1712*, in: MHI, 5, Linköping 1972.
M. P. Azanchevskiy, *Istoriya Preobrazhenskogo polka [The history of Preobrazhensky regiment]*, Moscow 1859.
P. O. Bobrovsky, *Istoriya 13-go leib-grenaderskogo Erivanskogo polka za 250 let. 1642–1898 [History of the 13th Erivansky regiment]*, Saint-Petersburg 1892.
P. O. Bobrovsky, *Istoriya Leib-gvardii Preobrazhenskogo polka [History of Preobrazhensky Life Guard regiment]*, Moscow 2007.
P. N. Dirin, *Istoriya L. Gv. Semyonovskogo polka [History of Semenovskiy Life Guard regiment]*, Vol. 1, Saint-Petersburg 1883.
B. V. Megorsky, *Russkaya artilleriya v osadax Severnoi voiny: teoriya i praktika primeneniya [Russian artillery in the sieges of the Great Northern war: theory and practice of employment]*, in: Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya 12–14 maya 2010 g. Part II. Saint-Petersburg 2010.
L. K. Makovskaya, *Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie russkoi armii kontsa XIV–XVIII vekov. Opredelitel' [The small arms of the Russian army in late XIV–XVIII centuries. Identifier]*, Moscow 1992.
E. V. Myshkovskiy, *Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie russkoi armii perioda Severnoi voiny 1700–1721 gg. [The small arms of the Russian army during the Great Northern war 1700–1721]*, in: Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya, Leningrad 1959, IV, 57–73.
Pis'ma i bumagi Petra Velikogo [Letters and papers of Peter the Great], Vol. 2–4, Saint-Petersburg 1889–1900.
N. N. Popov, *Istoriya 2-go grenaderskogo Rostovskogo polka [History of 2nd Rostovsky regiment]*, Vol. 1, Moscow 1892.

- Y. V. Shokarev, *Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie russkoi armii XVIII v. [The small arms of the Russian army in XVIII century]*, in: *Iz istorii russkoi armii i oruzhiya. Trudy Gosudarstvennogo ordena Lenina Istoricheskogo muzeya*, Moscow 1987, 64, 18–50.
- K. V. Tatarnikov, *Russkaya polevaya armiya 1700–1730 [The Russian field army 1700–1730]*, Moscow 2008.
- Toivanen P. *Venäläisen kaleerilaivaston Pohjanmaan sotaretki syksyllä 1994. Vuoden 1992 tutkimukset*, in: *Nautica Fennica. Suomen merimuseo. Annual Report*, Helsinki 1993.
- Voенно-pokhodny zhurnal (s 3 iyunya 1701-go goda po 12 sentyabrya 1705 goda) general-feldmarshala Borisa Petrovicha Sheremeteva [The military campaign journal of General Field Marshall Boris Sheremetev from 1701 to 1705]*, in: *Materialy voенно-uchenogo arkhiva glavnogo shtaba*, vol. 1, Saint-Petersburg 1871.
- N. P. Volynskiy, *Postepennoe razvitie russkoy regulyarnoy konnitsy v epohu Velikogo Petra s samym podrobnym opisaniem eyo uchastiya v Velikoy Severnoy voyne. Istoricheskoe issledovanie po pervoistochnikam [The gradual development of the Russian regular cavalry in the epoch of Peter the Great]*, Saint-Petersburg 1912.
- Zeziulinskii N., *K rodosloviu 34-kh pekhotnykh polkov Petra I [To the lineage of 34 Infantry Regiments of Peter the Great]*, Petrograd 1915.

УДК 94 (47) 063
ББК 63.3 (2) 46

К. Б. Назаренко

КОСТЮМ ОФИЦЕРОВ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА РОССИИ 30-Х — НАЧАЛА 40-Х ГГ. XVIII В.

Российский флотский офицерский форменный костюм изучен несравненно хуже, чем сухопутный. Если говорить об оригинальных исследованиях собственно морского костюма (исключая костюм морской пехоты), то придется ограничиться лишь небольшими по объему фрагментами работ Ф. Ф. Веселаго¹ и статьями В. Г. Данченко² и А. В. Ананьина³.

Единственная работа, претендующая на систематическое описание истории военно-морского костюма за XVIII — начало XX вв., опубликована В. Д. Доценко во втором издании совместно с Г. М. Гетманцом⁴. Сильной стороной этой публикации являются реконструкции облика военных моряков (автор рисунков А. А. Тронь), которые придают работе необходимую наглядность. Однако в обоих изданиях работы В. Д. Доценко полностью отсутствует научно-справочный аппарат, что не позволяет считать их научными. К тому же уровень анализа источников оставляет желать большего — как правило, автор ограничивается их пересказом или цитированием, причем по публикациям в Материалах по истории русского флота и Полного собрания законов Российской империи, без сверки с подлинными документами.

¹ *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 487–490; *Он же.* Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 95–96.

² *Данченко В. Г.* Особенности обеспечения «мундирным платьем» чинов русского флота в середине XVIII века // *Военно-исторический журнал*. 2011. № 10. С. 78–79; *Он же.* Форменная флотская одежда при Петре I // *Там же.* 2012. № 11. С. 77–79; *Он же.* Геральдическое оформление мундирного платья «морских служителей» // *Там же.* 2013. № 9. С. 64–66; *Он же.* Европейские истоки форменной одежды служащих русского флота в начале XVIII в. // *Там же.* 2014. № 7. С. 76–77.

³ *Ананьин А. В.* Снабжение русского флота обмундированием в период Северной войны // *Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции.* СПб., 2007. С. 311–313.

⁴ *Доценко В. Д.* Русский морской мундир. 1696–1917. СПб., 1994; *Доценко В. Д., Гетманец Г. М.* Русский морской мундир. 1696–1917. СПб., 2008.

Несомненно, что в петровское время не существовало регламентированного офицерского мундира ни в армии, ни на флоте. Флотский офицерский костюм времен Петра I, вероятно, не имел больших отличий от сухопутного. Относительно сухопутного офицерского костюма этого времени существует целый ряд публикаций⁵, поэтому останавливаться на этом вопросе нецелесообразно.

5 февраля 1725 г. Адмиралтейств-коллегия распорядилась послать указы о порядке ношения траура по Петру Великому. Этот порядок был, вероятно, списан с аналогичных распоряжений по армии, поскольку не включал ничего специфического для флота. Следовало на знамена под наверх привязать черные флеровые ленты, такие же ленты повязать на шпагах и протазанах, а унтер-офицерам — на алебардах. Следовало также на барабанах иметь черные чехлы и перевязи⁶. Актуальным это распоряжение было только для морской пехоты, поскольку у флотских чинов не было ни протазанов, ни алебард, ни барабанов. Таким образом, можно утверждать, что флотские офицеры, несомненно носившие шпаги, должны были повязать на них черный флер в знак траура по императору.

Отсчет регламентации офицерской формы на флоте нужно начинать с 5 марта 1728 г., когда было определено: «На морских, как корабельного, так и галерного флота солдат и артиллерных служителей и на матросов надлежащий по регламенту цветной мундир строить синего цвета, а подбой и обшлага красные, и офицерам от солдат иметь мундир такого же цвета, а позумент и прочее как обер-, так и унтер-офицерам иметь против армейских таких же чинов»⁷. Несомненно, что здесь идет речь о регламентации формы солдатских офицеров, а не флотских. Тем не менее, этим решением была введена сине-красная гамма флотского мундира, которая была в ходу в течение нескольких лет, и был закреплен обычай одевать морскую пехоту в форму, повторявшую мундир армейской пехоты.

Военная коллегия весной 1728 г. приступила к регламентации облика офицеров сухопутной армии⁸. Несомненно, что постановление Военной

коллегии «задало тон» офицерской форме вообще, и флотские офицеры не могли не ориентироваться на него, если хотели, чтобы их принимали за офицеров.

28 марта 1730 г. был уточнен порядок ношения траура флотскими чинами по Петру II в дни пасхальных праздников. Следовало носить «исподнее» платье черное — то есть черные штаны, чулки и камзол. «Верхнее» же платье, то есть кафтан, должно быть «светлое, смиренное, без позументов»⁹. Этим лишним раз подтверждается наличие позументов на офицерских костюмах моряков, но относительно того, как они нашивались на кафтане и камзоле, судить невозможно.

Первая попытка ввести форму для флотских офицеров

Впервые о точном описании формы морских офицеров можно говорить в связи с решением 10 января 1732 г., когда Адмиралтейств-коллегия рассудила: «Понеже от флота обер-офицеры равного у себя мундира не имеют, и тако при всех церемониальных случаях находятся пред другими чинами без отмены, того ради за потребно рассуждая, по примеру воинских сухопутных служителей, приказали: помянутым обер-офицерам как корабельного, так и галерного флотов из своего кошта сделать и впредь иметь мундир из василькового сукна с красною подкладкою следующим маниром: кафтаны без воротников, у рукавов обшлага разбивные <т. е. разрезные — К. Н.> и обложить кафтаны и камзолы по бортам и у карманов по клапанам, тако ж и у рукавов на обшлагах золотым позументом ровным, а пуговицы массивные золотые до пояса; петли обшивать по позументу золотом, а что далее позумента по разрезу перейдет, то гарусом; а артиллерным красный с синими обшлагами с таким же позументом и пуговицами»¹⁰.

Для того, чтобы можно было «построить» мундир, было решено выдать офицерам жалованье за сентябрьскую треть 1731 г. Мундир следовало сделать к 1 февраля текущего года, чтобы успеть к тезоименитству императрицы, которое отмечалось 3 февраля (день Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы). Для этого надо было отпустить из Кронштадта в Петербург половину капитанов, капитан-лейтенантов, лейтенантов и унтер-лейтенантов. О том, как нашивать позумент на мундир, офицерам должны были сообщить уже в столице.

⁵ Летин С. А. Русский военный мундир XVIII в.: Краткий исторический очерк. М., 1996; Летин С. А., Леонов О. Г. Русский военный костюм от Петра I до Петра III. М., 2008; Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730: обмундирование и снаряжение. М., 2008, и др.

⁶ Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1725 г. Февраля 5 (№ 511) // Материалы по истории русского флота (далее МИРФ). СПб., 1865–1904. Ч. 5. С. 100.

⁷ Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1728 г. Марта 5 (№ 1596) // Там же. С. 601–602.

⁸ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. С. 77–79.

⁹ Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1730 г. Февраля 28 (№ 1192) // МИРФ. Ч. 7. С. 37.

¹⁰ Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1732 г. Января 10 (№ 143) // Там же. С. 344–345.

Надо отметить, что составители «Описания формы обмундирования чинов русского флота» породили миф о том, что данное предложение внес «капитан П. И. Сиверс»¹¹. В оригинале журнала ГАК нет ни намека на персональное авторство данного проекта, не говоря уже о том, что П. И. Сиверс в то время был полным адмиралом.

13 января 1732 г. члены Адмиралтейств-коллегии подтвердили свое предыдущее распоряжение. Уже выйдя из коллегии после окончания заседания, адмирал П. И. Сиверс, вице-адмирал Н. А. Синявин, контр-адмиралы М. П. Гослер и В. А. Дмитриев-Мамонов и капитан-командор И. Козлов прислали в коллегию писаря А. Симашкина, который «объявил словесно», что члены коллегии приказали «от флота и от артиллерии обер-офицерам мундир по прежнему коллежскому определению к назначенному термину строить неотменно», а прибывшим в Санкт-Петербург по поводу пошива мундира офицерам явиться за инструкциями к П. И. Сиверсу¹².

Употребление термина «обер-офицеры» в документе, возможно, является следствием пропуска слов «штаб- и», поскольку очевидно, что имеются в виду как штаб-, так и обер-офицеры, чины которых перечисляются: капитаны, капитан-лейтенанты, лейтенанты и унтер-лейтенанты. С другой стороны, термин «обер-офицеры» может быть оправдан тем, что по названиям это чины обер-офицерские, хотя, разумеется, флотские капитаны были штаб-офицерами. В любом случае несомненно, что в постановлении ГАК от 10 и 13 января 1732 г. имеются в виду все офицеры флота.

Вероятно, ожидалось, что торжественный въезд императрицы в северную столицу (Анна Ивановна возвращалась из Москвы) будет приурочен к ее тезоименитству. Однако государыня по какой-то причине въехала в Санкт-Петербург 16 января. Морские офицеры явно не успевали с шитьем мундиров к этому сроку, поэтому от затеи отказались. 18 января в Кронштадтскую контору над портом был послан указ не делать «показанного мундира» тем, кто его не пошил. Нас не должен удивлять факт введения мундира к определенному придворному торжеству. В 1745 г. также было приказано офицерские мундиры нового образца «заготавливать

¹¹ Предложение Сиверса коллегии об офицерском мундире, в 1732 г. января 14-го, протокол № 143 // Центральная военно-морская библиотека. Описания формы обмундирования чинов русского флота [Машинопись. Кон. XIX в.]. Д. 54. Л. 31. Это же утверждение повторено в: *Доценко В. Д., Гетманец Г. М.* Русский морской мундир 1696–1917. С. 49.

¹² Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1732 г. Января 13 (№207) // МИРФ. Ч. 7. С. 346.

для будущего торжественнейшего бракосочетания их императорских высочеств»¹³.

Таким образом, в январе 1732 г. флотские офицеры должны были получить синюю униформу с красной отделкой, а артиллерийские — красную с синей. Напомним, что унтер-офицеры морской артиллерии получили красный кафтан с синей отделкой и галунами по чинам еще в сентябре 1728 г.¹⁴, а в феврале 1729 г. он был окончательно утвержден¹⁵. Поэтому можно считать правилом, что офицерский мундир следовал в своей расцветке за мундиром нижних чинов. В тех случаях, когда нам неизвестен офицерский костюм, его можно реконструировать, опираясь на форму солдат или унтер-офицеров. Мы полагаем, что уже с конца 20-х гг. флотские офицеры носили синие кафтаны с синей или красной отделкой, украшенные галунами, поскольку флотским квартирмейстерам с 1728 г. полагался синий суконный кафтан (правда, особого покроя, не совпадавшего с покроем классического кафтана того времени)¹⁶.

Обращает на себя внимание то, что форма офицеров морской артиллерии должна была в целом повторять обмундирование офицеров сухопутной артиллерии, введенное в 1728 г. и продержавшееся до января 1731 г., когда новый генерал-фельдцейхмейстер Б.-Х. фон Миних заменил синий приборный цвет черным¹⁷.

Что касается отделки, то очевидно, парадный костюм офицеров не мог быть менее пышным, чем мундир гардемаринских сержантов «образца 1731 г.». Точные сведения об украшении галунами этого мундира дают точку отсчета для реконструкции возможного облика парадного офицерского одеяния этого времени. У гардемаринских сержантов мундир был обшит золотым галуном шириной 1 дюйм «на полах передних и задних, на фалдах и кругом клапанов, воротников и обшлагов», кроме того, на их камзолах галуны нашивались «на полах передних», шляпы также украшались галуном¹⁸.

¹³ Приговор ГАК №2188 от 12 июля 1745 г. // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 295. Л. 163 об. — 164.

¹⁴ Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1728 г. Сентября 20 (№5993) // МИРФ. Ч. 5. С. 656.

¹⁵ Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1729 г. Февраля 27 (№1374) // Там же. С. 735–736.

¹⁶ Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1728 г. Сентября 20 (№5993) // Там же. С. 656–657.

¹⁷ *Летин С., Леонов О.* Русский военный костюм от Петра I до Петра III. С. 275–276.

¹⁸ Справка об обмундировании гардемарин 1732 года (№127) // МИРФ. Ч. 5. С. 327.

Вполне возможно, что и флотские обер-офицеры в эти годы носили мундир, расшитый примерно так же, как у гардемаринских сержантов, но, быть может, их мундиры были отделаны галуном шириной не 1 дюйм или ½ вер., а более широким, скажем, в 1 вершок. Соответственно, штаб-офицеры могли нашивать два ряда галуна на борта, карманы и фалды кафтана и на борта камзола (узкий и широкий).

Возникает закономерный вопрос — что помешало руководству морского ведомства ввести форму для своих офицеров уже после торжественной встречи императрицы в январе 1732 г.? Вероятно, это было связано с началом работ Военской морской комиссии (ВМК). 3 мая 1732 г. командор В. А. Дмитриев-Мамонов объявил, что по его докладу председатель ВМК А. И. Остерман приказал послать в ГАК промеморию, чтобы мундира по прежним образцам не строить до установления нового¹⁹.

Нельзя не заметить, что по решению Военской комиссии офицеры сухопутной армии должны были носить кафтаны и камзолы вовсе без галунов. Галуны полагались им лишь на шляпе, а конным — на чепраке. При этом основными знаками различия офицеров служили поясные шарфы и шейные знаки²⁰. Закономерно вставал вопрос — в какой степени следует унифицировать мундир сухопутной армии и флота? Заметим, что мотивировкой введения галунной обшивки кафтанов и камзолов морских офицеров в XVIII в. выступало то обстоятельство, что «у морских офицеров так, как в солдатских полках знаков, почему чин перед чином отмену имеет, не имеется»²¹. Ответ на эти принципиальные вопросы могла дать лишь Военская морская комиссия.

Форма офицеров флота образца 1735 г.

В 1733 г. была введена новая форма для морской пехоты. Я. С. Барш упоминает в своем дневнике, что в сентябре 1733 г. для его морского полка «как штап-, так и обер-афицерам всем мундир зделан: зеленые кафтаны, красные камзолы и штаны, а штап-

афицерам богатые»²². Таким образом, было перечеркнуто решение Адмиралтейств-коллегии, принятое в марте 1728 г., о сине-красной гамме мундира морских служителей. Был взят курс на введение зелено-красной формы.

В июне 1735 г. Военская морская комиссия констатировала, что «при флоте штаб- и обер-офицеры платье имеют разное, каждый по своему желанию, и без того невозможно без знания персоны от какой он суть службы признавать, а сухопутной армии штаб- и обер-офицерам каким образом платье иметь определение учинено». Поэтому офицерам флота следовало иметь платье, которое носить «в параде в строю и на караулах». Форма полагалась «морским корабельным, и галерным, и артиллерийским, и от флота солдатских полков» штаб-офицерам: «Кафтаны зеленого и на них обшлага, и камзолы, и штаны красного доброго сукна с подбоем — кафтаны красным, а камзолы белым. Манером шить и золотым галуном окладывать против образцов, каковы опробованы при комиссии; шляпы с золотым галуном по образцу, парики с косами, а которые имеют свои волосы, тем убирать их в косы; портупей носить под камзолом; обер-офицерам кафтаны, и камзолы, и штаны такого ж цвета без галуна, а манером таким же, как и вышним офицерам; в прочем против вышеписанного; как штапным, так и прочим офицерам, когда будут в строю, иметь штиблеты кожаные черные, а в знатный парад без штиблетов в чулках красных и башмаки иметь тупоносые; шпаги иметь всем какие равные с ними рангов при сухопутной армии определены, а когда кто из флагманов учреждены будут яко полковник, и тогда во время парадов им такой мундир иметь, какой полковникам определен, и о том надлежащим образом внести в регламент, а в Коллегию адмиралтейскую послать промеморию и при том какое о платье в комиссии определение учинено, сообщить копию, а каким маниром оное шить и как надлежит галуном окладывать, отослать учиненные при комиссии образцы, по которым оной коллегии приказать, кому надлежит такое платье иметь и содержать в чистоте; и понеже может быть, что ежели есть кому оное платье иметь надлежит, потребные на него вещи будут покупать и делать от себя, то не без разности в колерах и доброты учинится, того ради комиссия рассуждает, чтоб все к тому принадлежащие вещи приготовить в Коллегии адмиралтейской и для дела, сколько чего на что потребно раздать каждому, и сколько на то денег

¹⁹ Протокол ВМК № 40 от 3 мая 1732 г. // РГАВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 1. Л. 125.

²⁰ Рассуждения Военской комиссии на пятый пункт — «О мундире». 1731 // Материалы по истории русского военного мундира. 1730–1801: Сборник документов / Сост. К. В. Татарников. М., 2009. С. 59–60.

²¹ Выписки из журналов Адмиралтейств-коллегии 1745 года. 17 мая (№ 1586) // МИРФ. Ч. 9. С. 522–523; Протокол ГАК № 1586 от 17 мая 1745 г. // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 293. Л. 200–203.

²² Барш Я. С. Юрнал вице-адмирала Барша. Ч. 2 // Сборник ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Вып. 3.

изойдет, и то число вычесть у тех, кому оные отданы будут из жалованья по препорции по рассмотрению оной коллегии. Еще что касается до галуна, какого маниру окладывано, на то приисканные образцы сообщить при той промемории»²³.

30 июня 1735 г. Адмиралтейств-коллегия приняла к исполнению распоряжение ВМК. Было решено пока строить мундир только офицерам корабельного и галерного флота, а гардемаринским офицерам, комиссарам и лекарям пока форму не шить. Каждому причиталось по 3¼ арш. зеленого сукна, по 3¼ арш. красного, по 6 арш. красного стамеда. Было решено закупить эти материалы через английских купцов Шифнера и Вульфа, которые ставили сукно для морских полков. Цена была определена для штаб-офицерского красного сукна 20 шиллингов за ярд (4 руб. арш.), зеленого — 15 шиллингов (3 руб. арш.). Для обер-офицеров красное сукно по 15 шиллингов, а зеленое — по 10 (2 руб. арш.). Стамед должен был быть алый, двойной, «самый хороший» (купить его удалось по 55 коп. арш.). За труды купцам полагалась комиссия 2%. Галуны требовалось подрядить у «охочих людей» (что и удалось сделать по 1 руб. за лот галуна). Что касается генеральс- и флигель-адъютантов при флагманах, флотских комиссаров и лекарей, то им предоставили право делать мундир самим, такой же, как у флотских офицеров соответствующих чинов²⁴. Уже 3 января 1736 г. Комиссариат отчитался о закупке необходимых материалов и раздаче их офицерам²⁵. Очевидно, что весной 1736 г. новый мундир был пошит.

Из решения ГАК неясно, как именно расшивался галуном штаб-офицерский мундир. Попробуем реконструировать его.

Датский путешественник П. фон Хавен, посетивший Кронштадт летом 1736 г., писал, что в это время «флотские офицеры получили столь великолепный мундир, что его едва видно под золотыми галунами»²⁶. Понятно, что он имел в виду мундир штаб-офицеров, поскольку на обер-офицерском мундире галунов не было вовсе.

Когда разрабатывалась форма образца 1745 г., о прежней было сказано: «Оный прежде построенный мундир маниром ни к какому

мундиру, каковы обретающиеся в войске ее императорского величества штаб- и обер-офицеры употребляют, сходства не имеет», а также, что он очень дорог²⁷.

При разработке формы «образца 1764 г.» в основу первоначального ее проекта, созданного в 1762 г., был положен предыдущий мундирный регламент без всяких изменений (т.е. форма «образца 1745 г.»). Даже оформлен проект был в виде таблицы, в левом столбце которой излагались нормы 1745–1748 гг., а в правом они конкретизировались и комментировались²⁸. В мае 1745 г. ГАК высказала предложения по новой форме флотских офицеров (которые не были утверждены Елизаветой Петровной). По нашему мнению, в основу этих предложений также был положен предыдущий мундирный регламент (1735 г.) На это прямо указывают буквальные совпадения текста, описывающие, например, форму обер-офицеров или цвет парадных чулок. Это обстоятельство позволяет получить ряд данных для реконструкции формы образца 1735 г. (табл. 1).

Таблица 1. Предложения ГАК по форме офицеров флота от 17 мая 1745 г.²⁹

Категория чинов	Предложения Коллегии	Комментарий
Штаб-офицерам полковничьего ранга	На [кафтанах и] камзолах иметь с золотым же [галуном выкладку] по борту в два ряда и под клапанами не весьма широким галуном.	Возможно, повторение нормы 1735 г.
Штаб-офицерам подполковничьего и майорского рангов	С такими же [галунами, как у офицеров полковничьего ранга] по борту в один [ряд] и под клапанами галуном.	Возможно, повторение нормы 1735 г.
Обер-офицерам	Кафтаны, камзолы и штаны такого [же] цвета без галунов. Шляпы с золотым позументом.	Повторение нормы 1735 г.
Всем офицерам	В знатный парад чулки иметь белые, а не красные, как прежде по штату было в комиссии определено	Повторение нормы 1735 г. с заменой цвета чулок в соответствии с новой цветовой гаммой мундира

²³ Протокол Военной морской комиссии №40 от 11 июня 1735 г. // РГАВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 4. Л. 80 об. — 82; МИРФ. Ч. 8. С. 25–26.

²⁴ Извлечение из журналов Адмиралтейств-коллегии 1735 года июня 30 (№2353) // МИРФ. Ч. 8. С. 117–118.

²⁵ Протокол ГАК №2205 от 15 (18?) июля 1745 г. // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 295. Л. 162 об. — 163; МИРФ. Ч. 8. С. 26. Примечание 1.

²⁶ Хавен П., фон. Путешествие в Россию. СПб., 2007. С. 16.

²⁷ Протокол ГАК №1586 от 17 мая 1745 г. // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 293. Л. 200–203.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 500. Л. 293–301.

²⁹ Выписки из журналов Адмиралтейств-коллегии 1745 года. 17 мая (№1586) // МИРФ. Ч. 9. С. 523.

Когда в 1745 г. императрица утвердила новую флотскую форму, то оказалось, что можно свободно приобрести лишь самый широкий галун (3 лота на арш.) шириной примерно $1\frac{1}{2}$ вер., а более узкого галуна ($2\frac{1}{3}$ лота или $1\frac{1}{6}$ вер. и $1\frac{1}{3}$ лота или $\frac{2}{3}$ вер.) отыскать не удалось³⁰. Это может свидетельствовать о том, что ранее более узкий галун не требовался и для морского мундира использовался только широкий галун в $1\frac{1}{2}$ вер.

Следует также учесть, что в 1735 г. на флоте было лишь два штаб-офицерских чина — капитан и лейтенант, и один обер-офицерский чин — мичман³¹. Логично было бы создать систему знаков различия, позволявшую различать эти чины. Поэтому вполне оправданно наличие двух систем расшивки мундира штаб-офицеров — одна из них в 1735 г., вероятно, означала чин капитана, а другая — лейтенанта. После того, как Елизавета Петровна провозгласила возврат ко всем мелочам порядков времен Петра Великого, авторы предложений по форме в 1745 г. осторожно назвали две категории флотских штаб-офицеров «штаб-офицеры полковничьего ранга» и «штаб-офицеры подполковничьего и майорского рангов», поскольку предполагалось возвращение чинов капитана 1 ранга, капитана 2 ранга и капитана 3 рангов как штаб-офицерских и перемещение чина лейтенанта в обер-офицерские.

Отметим, что в августе 1735 г. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили объявление о том, что «на офицеров новоучрежденных морских полков надлежит несколько 1000 аршин золотого позументу подрядом заготовить»³². Возможно, в данное объявление вкралась неточность — морские полки уже были обмундированы к началу 1734 г., новые мундиры они должны были шить лишь к началу 1737 г. Кроме того, для штаб-офицеров двух морских полков «несколько 1000 аршин» позумента были явно избыточными. Даже

если предположить, что штаб-офицеры в это время должны былишивать на мундир 45 арш. галуна, как адмиралы по форме образца 1745 г.³³, то им хватило бы менее 500 арш. Данное объявление имело смысл только в том случае, если в нем шла речь о закупке галуна для штаб-офицеров флота. Их насчитывалось (по штату 1732 г.) 36 капитанов и 155 лейтенантов³⁴. Если предположить, что на их мундирышивался галун по той норме, которая была утверждена для штаб-офицеров в 1745 г. (25 арш. на человека³⁵), то им потребовалось бы 4775 арш. галуна, что согласуется с текстом объявления.

Суммируя все эти данные, можно сделать вывод, что в 1735 г. капитаны флота могли носить мундир, обшитый по борту двумя рядами галуна шириной около $1\frac{1}{2}$ вер., а также украшенный этим галуном по обшлагам, воротнику, разрезам на фалдах и карманных клапанах. Ближний к борту галун мог подгибаться под борт и поэтому казаться примерно в два раза уже. Лейтенанты флота — мундир, расшитый одним рядом такого галуна. Мичманы — без галунов. Очевидно, что отличием всех офицеров флота была шляпа с таким же галуном, нашитым с перегибом на оба края поля шляпы, так что галун казался в ширину не в $1\frac{1}{2}$ вер., а в $\frac{3}{4}$ вер. Тогда ранг мичмана был бы обозначен офицерской шляпой с галуном и мундиром без галунов.

Есть данные, что покрой обшлагов мичманского мундира отличался от такового у других офицеров, поскольку 20 ноября 1738 г. Адмиралтейств-коллегия приказала гардемаринам обшлага сделать маленькие, без пуговиц и без петель, разрезные, «как на мичманском мундире»³⁶. Возможно, это было сделано для отличия мичманов от шкиперов и мастеров, которым также полагался обер-офицерский мундир. Если это верно, то шкипера и мастера должны были носить кафтан с круглыми обшлагами, пуговицами и петлями, как штаб-офицеры.

Отсутствие галунов и особый покрой обшлагов на мичманском мундире имеет параллель в британской морской форме об-

³⁰ Приговор ГАК №2187 от 4 июля 1745 г. // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 295. Л. 143–145.

³¹ В штате присутствовали также мастера в ранге сухопутного капитана (27 человек) и шкипера в ранге сухопутного поручика или мичмана (58 человек). Однако основным для офицеров был чин мичмана (из которого производили прямо в лейтенанты), к тому же их было значительно больше, чем мастеров и шкиперов (117 человек). Кроме того, чины мастера и шкипера были побочными для строевых офицеров — они производились из гардемарин в мичманы, а из мичманов, как правило, в лейтенанты, минуя чин мастера.

³² Санкт-Петербургские ведомости. 1735. 18 августа. Цит. по: *Кибовский А. В., Леонов О. Г.* 300 лет российской морской пехоте. М., 2008. Т. 1. С. 46.

³³ Выписки из журналов Адмиралтейств-коллегии 1745 года. 12 июля (№2205) // МИРФ. Ч. 9. С. 531–532.

³⁴ Протокол ВМК №194 от 22 ноября 1732 г. // РГАВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 1. Л. 268 об. — 282.

³⁵ Выписки из журналов Адмиралтейств-коллегии 1745 года. 12 июля (№2205). С. 531–532.

³⁶ Выписки из журналов Адмиралтейств-коллегии 1738 года. 20 ноября (№7866) // МИРФ. Ч. 8. С. 478–479.

разца 1748 г.³⁷ В Великобритании резкое отличие мундира мичмана от мундира офицеров объяснялось тем, что чин мичмана занимал промежуточное положение между офицерами и нижними чинами. В русском флоте в 30-е гг. XVIII в. это было неоправданно, поскольку мичман считался полноправным офицером. Возможно, в данном случае мы имеем дело с давней английской традицией, которая была перенесена на русскую почву, а позднее отразилась в британской форме образца 1748 г. Учитывая большое количество британцев среди русских адмиралов³⁸, это было вполне возможно.

Возникает закономерный вопрос — почему ВМК не ввела форму также и для адмиралов? Видимо причина этого в том, что и сухопутный генералитет не имел в то время регламентированного мундира. К тому же адмиралов в России было по штату 1732 г. всего 10 человек, так что на флоте их знали в лицо.

Об облике адмиральского костюма этого времени можно судить более точно. Заметим прежде всего, что по С. А. Летину «в 1732 г. была сделана первая попытка как-то регламентировать одежду генералитета. Особым указом от 16 февраля ему предписывалось иметь мундир по цвету «команды» (рода войск, где они числились или служили), который для отличия произвольно обшивался галуном по цвету приборного металла»³⁹. К сожалению, С. А. Летин не указал источник этих сведений, а между тем они почерпнуты из определения Военной коллегии от 16 февраля 1732 г.: «Генералитету иметь строевой мундир такого ж цвету, каков где команд их штаб- и обер-офицерам иметь велено, токмо для отмены окладывать золотным позументом, кто как похочет»⁴⁰.

Обратимся к портрету контр-адмирала В. А. Дмитриева-Мамонова, хранящемуся в Новгородском государственном объединенном

музее-заповеднике и датированном 1735 г.⁴¹. Изображение адмирала носит официальный характер — на нем кираса, в руке — подзорная труба, за спиной — бастион приморской крепости с поднятым гюйсом и судно под Андреевским флагом, что однозначно указывает на род занятий и положение портретируемого. Логично предположить, что он одет в тот кафтан, который носил на службе. В. А. Дмитриев-Мамонов изображен в темно-зеленом кафтане, расшитом на груди фигурным галуном вокруг пуговичных петель, так, что галун покрывает почти всю грудь кафтана. Ширина этого галуна около 1 вер. Такие же галуны покрывают швы рукава, плечевой шов и нашиты на карманный клапан, и под ним. Более узкий галун (примерно в 1/2 вершка) проходит в два ряда по обшлагам и в один — по обшлагным клапанам. Цвет штанов и камзола определить невозможно. Обшлага на кафтане — темно-зеленые, бранденбургские.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что система расшивки кафтана В. А. Дмитриева-Мамонова напоминает приводимую С. А. Летиным в качестве «неуставного» варианта размещения отделки генеральского мундира, который применялся в 40-е гг. XVIII в. При этом С. А. Летин ссылается на неназванные «портреты»⁴². Примерно такая же расшивка мундира галуном была введена в 1751 г. для фельдмаршалов австрийской армии, а до этого она бытовала в австрийской армии, не будучи утвержденной официально⁴³.

В кафтане с похожей богатой расшивкой изображена на портрете неизвестного художника императрица Елизавета Петровна (из коллекции Государственного Эрмитажа)⁴⁴. Считается, что этот портрет написан по оригиналу Г. Х. Гроота, хранящемуся в Третьяковской галерее⁴⁵, но на оригинале Елизавета одета в гвардейский

³⁷ Miller A. Dressed to Kill: British Naval Uniform, Masculinity and Contemporary Fashions 1748–1857. London, 2007. P. 98–103.

³⁸ В начале 30-х гг. среди русских адмиралов были выходцы: 4 из британского флота, 2 — из датского, 1 — из шведского. Еще 3 были русскими, из которых 1 прошел длительную стажировку в английском флоте, а еще 1 — в датском. Следовательно, из 10 адмиралов 5 были носителями английских морских традиций (Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 228–229).

³⁹ Летин С. А. Русский военный мундир XVIII в. С. 52.

⁴⁰ Определение Военной коллегии о мундире и строевом уборе генералитета, офицеров кирасирских, полевых и гарнизонных драгунских и пехотных полков. 16 февраля 1732 г. // Материалы по истории русского военного мундира. Т. 1. С. 620.

⁴¹ Люден И. П. Портрет Василия Афанасьевича Дмитриева-Мамонова. 1735 г. // Русское изобразительное искусство XVIII — начала XX века в собрании Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. М., 2007. С. 14.

⁴² Летин С., Леонов О. Русский военный костюм от Петра I до Петра III. С. 171.; Летин С. А. Мундиры русского генералитета. 1745–1764 // Цейхгауз. № 1. С. 16–18.

⁴³ См., напр.: Haithornthwaite P., Youngusband E. The Austrian Army 1740–1780: Specialist Troops. London, 1995. P. 23–24, планшет А.

⁴⁴ Неизвестный художник (с оригинала Г. Х. Гроота). Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны с арапчонком. Сер. XVIII в. Холст, масло. 330x290 см // М. В. Ломоносов и елизаветинское время. Каталог выставки. СПб., 2011. Кат. 31. С. 18, 94.

⁴⁵ Гроот Г. Х. Конный портрет Елизаветы Петровны с арапчонком. 1743. 85x58,5 см. Холст, масло // Государственная Третьяковская галерея. [Электронный документ]

мундир, а на картине неизвестного художника на ней богато расшитый, вероятно, генеральский мундир. В обоих случаях в руке у императрицы маршальский жезл, а на заднем плане изображены корабли — на оригинале галеры, на работе неизвестного художника — линейный корабль. Мундир императрицы имеет много общего с мундиром В. А. Дмитриева-Мамонова.

Еще один портрет работы неизвестного мастера, считающийся портретом генерала 30-х гг. XVIII в. хранится в Русском музее⁴⁶. Шитье на его кафтане похоже на то, что украшает кафтан В. А. Дмитриева-Мамонова и Елизаветы Петровны.

Известен и еще один портрет адмирала, выполненный в начале 40-х гг. XVIII в. — это изображение Н. Ф. Головина (датировка портрета — 1740–1744 гг.)⁴⁷. Портретируемый в расшитом темно-красном кафтане, декор которого не похож на описанные выше. В руке адмирал держит подзорную трубу, портрет на фоне морского пейзажа, так что на портрете Н. Ф. Головин представлен, несомненно, в виде флотоводца, но его костюм загадочен.

Исходя из этих источников можно сделать вывод, что адмиральский костюм конца 20-х — начала 40-х гг. XVIII в. был расшит галуном по всем швам, а на груди образовывал прихотливый рисунок, окаймляя петли. В сочетании со шляпой с богатым «поддиспаньем» и белым плюмажем этот костюм не оставлял сомнения, что перед вами офицер высшего ранга, то есть успешно выполнял репрезентативную функцию.

Мундир «образца 1735 г.» распространялся на всех служащих флота, имевших чины по Табели о рангах, включая, кроме офицеров (без различия, корабельного, галерного флотов, морской артиллерии), комиссаров, лекарей, адъютантов.

Можно считать явно ошибочной реконструкцию обер-офицерского мундира образца 1735 г. (к тому же и неверно датированную 1732 г.), которая была сделана при изготовлении скульптуры,

URL: http://www.tretyakovgallery.ru/ru/collection/_show/image/_id/408. Последнее посещение: 23.07.2015.

⁴⁶ *Неизвестный художник первой половины XVIII в.* Мужской портрет. 1730-е. Холст, масло. 86,5x68,5 см // Н. Х.: Неизвестный художник. СПб., 2012. №38. С. 58–59.

⁴⁷ *Неизвестный художник второй четверти XVIII в.* Портрет адмирала графа Н. Ф. Головина. Между 1740 и 1744. Х., м. 94x71 (овал) // Н. Х.: Неизвестный художник. СПб., 2012. №39. С. 60.

хранящейся в ЦВММ⁴⁸. Точно также неверна реконструкция формы штаб-офицера флота, представленная в работе В. Д. Доценко и Г. М. Гетманца⁴⁹.

Мундир образца 1735 г. регулярно обновлялся, вероятно, раз в три года. Поэтому офицеры флота носили три комплекта мундиров к концу 1744 г. (1736–1738, 1739–1741 и 1742–1744 гг.) Полагая, что дальнейшие разыскания в РГАВМФ обнаружат переписку о закупке материалов на офицерские мундиры в 1738 и 1741 г.

О наличии у морских офицеров мундира образца 1735 г. свидетельствует решение Адмиралтейств-коллегии о снаряжении яхт для встречи турецкого посла от июня 1741 г. В этом решении упоминается «цветное мундирное платье» флотских офицеров⁵⁰.

Следует заметить, что роскошная форма штаб-офицеров флота, введенная в 1735 г., вряд ли могла использоваться как повседневная. Скорее всего, ее носили в торжественных случаях, а на кораблях надевали более скромные кафтаны без галунов, возможно, даже отличавшиеся по расцветке от официально установленной зелено-красной гаммы.

Таким образом, даже один только анализ опубликованных источников по этой теме может принести существенную пользу. Дальнейшие архивные разыскания несомненно дополнят и расширят наше представление об офицерском флотском костюме 30-х — начала 40-х гг. XVIII в.

В любом случае можно утверждать, что в 1735 г. в России впервые в мире был введен форменный костюм для морских офицеров, имевший все признаки униформы — он был единообразен, регламентирован и позволял различать чины носителей этого костюма.

Список литературы

Ананьин, А. В. Снабжение русского флота обмундированием в период Северной войны // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. С. 311–313.
Барш, Яков Саввич. Журнал вице-адмирала Барша. Ч. 2 // Сборник ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Л.: ГПБ, 1955. Вып. 3. С. 7–49.

⁴⁸ Форма одежды обер-офицера флота. 1732 г. // Морской музей России. СПб., 2009. С. 149.

⁴⁹ Штаб-офицер флота. 1735 г. // Доценко В. Д., Гетманец Г. М. Русский морской мундир 1696–1917. С. 52.

⁵⁰ Выписки из журналов Адмиралтейств-коллегии 1741 года. 12 июня (№2260) // МИРФ. Ч. 9. С. 90.

- Веселаго, Феодосий Федорович. Очерк русской морской истории. СПб.: Типография Демакова, 1875. Ч. 1. 652 с.
- Веселаго, Феодосий Федорович. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб.: Типография Морского кадетского корпуса, 1852. 208 с.
- Данченко, Владимир Георгиевич. Геральдическое оформление мундирного платья «морских служителей» // Военно-исторический журнал. 2013. №9. С. 64–66.
- Данченко, Владимир Георгиевич. Европейские истоки форменной одежды служащих русского флота в начале XVIII в. // Военно-исторический журнал. 2014. №7. С. 76–77.
- Данченко, Владимир Георгиевич. Особенности обеспечения «мундирным платьем» чинов русского флота в середине XVIII века // Военно-исторический журнал. 2011. №10. С. 78–79.
- Данченко, Владимир Георгиевич. Форменная флотская одежда при Петре I // Военно-исторический журнал. 2012. №11. С.77–79.
- Доценко, Виталий Дмитриевич. Русский морской мундир. 1696–1917. СПб.: Логос, 1994. 247 с.
- Доценко, Виталий Дмитриевич, Гетманец, Георгий Михайлович. Русский морской мундир. 1696–1917. СПб.: «Атлант», 2008. 427 с.
- Кибовский, Александр Владимирович, Леонов, Олег Геннадьевич. 300 лет российской морской пехоте. М.: Русские витязи, 2008. Т. 1. 374 с.
- Летин, Сергей Альбертович. Мундиры русского генералитета. 1745–1764 // Цейхгауз. №1. С. 16–18.
- Летин, Сергей Альбертович. Русский военный мундир XVIII в.: Краткий исторический очерк. М.: «Панас-аэро», 1996. 111 с.
- Летин, Сергей Альбертович, Леонов, Олег Геннадьевич. Русский военный костюм от Петра I до Петра III. М.: Фонд «Русские витязи», 2008. 312 с.
- М. В. Ломоносов и елизаветинское время. Каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. 595 с.
- Материалы по истории русского военного мундира. 1730–1801. Сборник документов / Сост. К. В. Татарников. М.: Русская панорама, 2009. Т. 1. 727 с.
- Н. Х.: Неизвестный художник. СПб.: Palace Editions, 2012. 263 с.
- Петрухинцев, Николай Николаевич. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 г. СПб.: Издательство «Алетейя», 2001. 349 с.
- Русское изобразительное искусство XVIII — начала XX века в собрании Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. М.: Северный паломник, 2007. 337 с.
- Татарников, Кирилл Владимирович. Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение. М.: б. и., 2008. 352 с.
- Хавен, Педер, фон. Путешествие в Россию. СПб.: «Всемирное слово», 2007. 527 с.
- Haithornthwaite, Philip, Youngusband, William. The Austrian Army 1740–1780: Specialist Troops. London: Osprey publishing, 1995. 48 с.
- Miller, Amy. Dressed to Kill: British Naval Uniform, Masculinity and Contemporary Fashions 1748–1857. London: National Maritime museum, 2007. 192 с.

References

- Anan'in, A. V. Snabzheniye russkogo flota obmundirovaniyem v period Severnoy voyny [Supplying Russian navy uniforms during the Northern War], in *Severnaya voyna, Sankt-Peterburg i Yevropa v pervoy chetverti XVIII v.: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [The Northern War, St. Petersburg and Europe in the first quarter of XVIII c.: Materials of international science conference]*. St. Petersburg: SpbU Press, 2007. P.311–313.
- Barsh, Yakov Savvich. Yurnal vitse-admirala Barsha [Journal of vice-admiral Barsh]. Pt.2, in *Sbornik GPB im. Saltykova-Shchedrina [Materials of SPL named after Saltykov-Schedrin]*. Leningrad: SPL, 1955. Vol. 3. P. 7–49.
- Danchenko, Vladimir Georgiyevich. Geral'dicheskoye oformleniye mundirnogo plat'ya «morskikh sluzhiteley» [The heraldic design of uniformed dress of “naval administrators”], in *Voyenno-istoricheskij zhurnal [Military History magazine]*. 2013. №9. P.64–66.
- Danchenko, Vladimir Georgiyevich. Yevropeyskiye istoki formennoy odezhdy sluzhashchikh russkogo flota v nachale XVIII v. [European Origins uniforms of employees of the Russian fleet at the beginning of the XVIII century], in *Voyenno-istoricheskij zhurnal [Military History magazine]*. 2014. №7. P.76–77.
- Danchenko, Vladimir Georgiyevich. Osobennosti obespecheniya «mundirnym plat'yem» чинов русского флота v seredine XVIII veka [Features of supply by “uniformed dress” ranks of the Russian navy in the middle of the XVIII century], in *Voyenno-istoricheskij zhurnal [Military History magazine]*. 2011. №10. P.78–79.
- Danchenko, Vladimir Georgiyevich. Formennaya flotskaya odezhda pri Petre I [Naval uniform clothing under Peter I], in *Voyenno-istoricheskij zhurnal [Military History magazine]*. 2012. №11. P.77–79.
- Dotsenko, Vitaliy Dmitriyevich. *Russkiy morskoy mundir. 1696–1917 [Russian Marine uniform. 1696–1917]*. St. Petersburg: Logos, 1994. 247 p.
- Dotsenko, Vitaliy Dmitriyevich, Getmanets, Georgiy Mikhaylovich. *Russkiy morskoy mundir. 1696–1917 [Russian Marine uniform. 1696–1917]*. St. Petersburg: «Atlant», 2008. 427 p.
- Haithornthwaite, Philip, Youngusband, William. *The Austrian Army 1740–1780: Specialist Troops*. London: Osprey publishing, 1995. 48 p.
- Khaven, Peder, von. *Puteshestviye v Rossiyu [Travel to Russia]*. St. Petersburg: “World Word”, 2007. 527 p.
- Kibovskiy, Aleksandr Vladimirovich, Leonov, Oleg Gennad'yevich. *300 let rossiyskoy morskoy pekhote [300 years of Russian marines]*. Moscow: Russkiye vityazi, 2008. Vol.1. 374 p.
- Letin, Sergey Al'bertovich. Mundry russkogo generaliteta. 1745–1764 [The uniforms of Russian generals. 1745–1764], in *Tseykhgauz [Zeughaus]*. №1. P.16–18.
- Letin, Sergey Al'bertovich. *Russkiy voyennyy mundir XVIII v.: Kratkiy istoricheskij ocherk [Russian military uniform of the XVIII century: A brief historical sketch]*. Moscow: “Panas-aero”, 1996. 111 p.
- Letin, Sergey Al'bertovich, Leonov, Oleg Gennad'yevich. *Russkiy voyennyy kostyum ot Petra I do Petra III [Russian military suit from Peter I to Peter III]*. Moscow: Fund “Russian Knights”, 2008. 312 p.
- M. V. Lomonosov i yelizavetinskoye vremya. Katalog vystavki [M. V. Lomonosov and Elizabeth's time. The exhibition catalog]. St. Petersburg: Publishing House of the State Hermitage, 2011. 595 p.

- Materialy po istorii russkogo voyennogo mundira. 1730–1801. Sbornik dokumentov [Materials on the history of Russian military uniform. 1730–1801. Collection of documents]* / Edit. K. V. Tatarnikov. Moscow: Russian panorama, 2009. Vol. 1. 727 p.
- Miller, Amy. *Dressed to Kill: British Naval Uniform, Masculinity and Contemporary Fashions 1748–1857*. London: National Maritime museum, 2007. 192 p.
- N. H.: *Neizvestnyy khudozhnik [U. A.: Unknown artist]*. St. Petersburg: Palace Editions, 2012. 263 p.
- Petrukhintsev, Nikolay Nikolayevich. *Tsarstvovaniye Anny Ioannovny: Formirovaniye vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota. 1730–1735 g. [The Reign of Anna Ivanovna: Formation of domestic policy and the fate of the army and navy. 1730–1735]*. St. Petersburg: Publisher “Aletheia”, 2001. 349 p.
- Russkoye izobrazitel'noye iskusstvo XVIII — nachala XX veka v sobranii Novgorodskogo gosudarstvennogo ob"yedinennogo muzeya-zapovednika [Russian art of XVIII — early XX century in the collection of the Novgorod State United Museum]*. Moscow: North pilgrim, 2007. 337 p.
- Tatarnikov, Kirill Vladimirovich. *Russkaya polevaya armiya 1700–1730: Obmundirovaniye i snaryazheniye [Russian field army 1700–1730: Uniforms and equipment]*. Moscow: s. p., 2008. 352 p.
- Veselago, Feodosiy Fedorovich. *Ocherk russkoy morskoy istorii [Review of Russian naval history]*. St. Petersburg: Typography of Demakov, 1875. Pt.1. 652 p.
- Veselago, Feodosiy Fedorovich. *Ocherk istorii Morskogo kadetskogo korpusa [Review of history of Naval Cadet corps]*. St. Petersburg: Typography of Naval Cadet corps, 1852. 208 p.

УДК 94 (47).083=355.134.25

ББК 63.3 (2) 52

Т. Н. Ильина

ПОЛКОВЫЕ ЗНАКИ — ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ВОЕННОЙ ФОРМЫ ОДЕЖДЫ

Период конца XIX — начала XX в. стал для русской армии периодом всеобщего увлечения полковыми жетонами, юбилейными нагрудными знаками. В Главный штаб хлынули сотни прошений от полков, батарей, крепостей, батальонов, военно-учебных заведений с просьбой представить на высочайшее утверждение одобренные офицерскими собраниями нагрудные жетоны и знаки. Эти знаки и офицеры, и нижние чины считали символами полкового братства, принадлежности к своей воинской части, историю которой знали и любили. Массовым «знаковое» движение стало после 17 апреля 1907 г., когда император Николай II утвердил проект юбилейного нагрудного знака Лубенского драгунского полка. До этого нагрудные знаки в армии не допускались. Офицеры большинства воинских частей, как гвардии, так и армии принялись вдохновенно разрабатывать нагрудные знаки. Заказы на изготовление они подавали известным ювелирным фирмам: Фаберже, «Генрих Канн», «Эдуард», «Э. Кортман», П. А. Фокина, П. Овчинникова и другим.

Несмотря на то, что история возникновения нагрудных знаков воинских чинов не является предметом нашего рассмотрения, следует отметить некоторые вехи этой истории. Еще в 1827 г. император Николай I утвердил нагрудный знак с вензелем Александра I для офицеров и нижних чинов л.-гв. Преображенского и Семеновского полков. Позднее, в 1877 г., были учреждены вензелевые знаки для лиц свиты Александра I, 1855 г. — знаки для лиц, состоявших в свите Николая I, в 1884 г. — для лиц свиты Александра II, в 1885 г. — для лиц, служивших в свите Александра II и Александра III, в 1894 г. — для свиты Александра III, в 1894 г. — для свиты Александра III и Николая II, в 1909 г. — для свиты Николая II. Также были учреждены вензелевые изображения императоров для ношения на погонах лицам, служившим в ротах его величества, имевшим право их перенесения в виде

вензелевых знаков на грудь после перехода из шефских рот его величества на службу в другие части.

Индивидуальные знаки отличия в честь юбилеев службы существовали в русской армии давно. 22 августа 1827 г. император Николай I в память дня своего коронования учредил знак отличия беспорочной службы за 15, 20, 25 и далее за каждые 5 лет службы. Знак носили на левой стороне груди: военные чины на георгиевской ленте, гражданские — на владимирской. Такие знаки вручались и иностранным высочайшим особам — шефам русских полков.

Через 11 лет именным высочайшим указом 25 июня 1838 г. Николай I ввел особые коллективные отличия в память юбилеев воинских частей: «Железя сохранить в победоносной нашей армии память незабвенного её основателя и в каждом полку передать позднему потомству достославные их подвиги и тем возбудить и в новых поколениях храбрых российских войск соревнование к столь же славным на поле боя заслугам, устанавливаем при знаменах и штандартах ещё особые знаки отличий. В тех полках и батареях, кои со времени своего первоначального учреждения хотя и изменились в наименовании, но в продолжение ста лет и более не были расформированы, иметь в пехоте на знаменах, а в кавалерии на штандартах особые орденские ленты с бахромой по утвержденному образцу. Лентам сим быть: в гвардии — андреевским, а в армии и гарнизонах — александровским». Поэтому позднее Главный Штаб рекомендовал полкам при проектировании своих нагрудных знаков использовать эмали в гвардии голубого цвета, в армии — красного.

Тогда же были учреждены особые банты из орденских лент к юбилейным серебряным трубам, роскошно украшенные вензелями императоров и надписями отличий.

Учрежденные в 1866 г. взамен аксельбантов знаки за окончание военных академий также именовались «особыми знаками отличия».

Правила создания и ношения нагрудных знаков

Подходил к концу славный XIX век, приближался век XX, а с ним юбилеи многих полков и выдающихся военных событий. В обстановке повышенного интереса к русской военной истории первыми стали пробивать себе дорогу юбилейные жетоны.

Военное начальство справедливо рассудило: поскольку военная форма утверждается высочайше, следовательно, и на изменение её ношением новых нагрудных знаков и жетонов необходимо испрашивать высочайшее соизволение.

К началу 1891 г. император Александр III утвердил восемь полковых жетонов: Гвардейского экипажа (1886), 44-го драгунского Нижегородского (27.2.1888), лейб-гвардии Павловского (10.3.1890), 8-го грендерского Московского (21.4.1890), 10-го пехотного Новоингерманландского (17.6.1890), 77-го пехотного Тенгинского (28.4.1890), 8-го драгунского Смоленского полков. Пока их проекты проходили по инстанциям, выработали и первые правила составления. «Согласно Высочайшим повелениям от 12 и 17 марта 1891 года на жетонах не разрешается помещать: государственный и другие гербы, присвоенные различным учреждениям и зданиям, Андреевская звезда, Георгиевский крест и другие какие бы то ни было орденские знаки, медали и орденские ленты. Жетоны не должны быть носимы напоказ»¹. 4 января 1892 г. было подтверждено: жетоны носить не напоказ, а в кармане или на часовой цепочке, что на практике часто не выполнялось.

Эти правила, зафиксированные в высочайших постановлениях от 12 и 17 марта 1891 г., Главный штаб циркуляром № 17174 от 17 марта того же года отправил во все военные округа и управления для руководства. Отклонение от правил воспрещалось.

Так, например, при утверждении жетона Пажеского корпуса строго указали: «Произвольно употребляемый под видом жетона этого корпуса малый мальтийский крест впредь не носить ни при каких формах одежды», а жетон Офицерской кавалерийской школы, «изображающий государственный герб, помещенный на Аракчеевских казармах, впредь не носить и более не изготавливать».

Вскоре появились и первые прошения от военно-учебных заведений и гвардейских полков об утверждении юбилейных нагрудных знаков. Просителям объявили, что при разработке проектов знаков следует руководствоваться правилами, объявленными 12 и 17 марта 1891 г. Носить знаки полагалось на левой стороне груди при всякой форме одежды.

Об утвержденных знаках для военно-учебных заведений объявляли в приказах по военному ведомству. Знаки же для войск в эти приказы не заношили. Когда в 1903 г. лейб-гвардии Конно-грендерский полк попросил объявить о своем знаке по ведомству, ему отказали на том основании, что ранее, в 1901 г., не объявили о знаке лейб-гвардии Павловского полка в память 25-летия зачисления императора в его ряды.

К увлечению полков знаками и жетонами отнеслись без воодушевления. В Главном штабе справедливо предположили, что вслед

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 10. Л. 86.

за гвардией знаки будут просить и армейские части. Действительно, 27 июля 1904 г. исполнилось 200 лет 30-му драгунскому Ингерманландскому полку, и он немедленно подал по команде прошение об утверждении юбилейного знака. В Главном штабе решили принципиальный вопрос: следует ли впредь допускать подобные ходатайства. Признали «распространение юбилейных нагрудных знаков едва ли желательным ввиду простоты военной формы» и доложили своё мнение императору.

24 апреля 1904 г. Николай II повелел: «О разрешении нагрудных знаков в приказах не отдавать. Ходатайства об установлении новых нагрудных знаков отклонять»². Это повеление Главный штаб циркуляром №20681 от 7 мая 1904 г. разослал во все округа и управления Военного министерства.

Но остановить процесс было невозможно. Гвардия находилась на особом положении, да и форма одежды скоро изменилась. Полки праздновали свои 100- и 200-летние юбилеи. Страна готовилась отмечать 200-летие Полтавской битвы, 100-летие Отечественной войны 1812 г.

Несмотря на запрещение, уже 19 декабря 1904 г. Николай II утвердил знак в память 25-летия своего шефства над лейб-гвардии Волынским полком. Поток прошений возрастал. В 1906 г. штаб войск гвардии и Петербургского военного округа препроводил в Главный штаб утвержденные рисунки юбилейных знаков полков лейб-гвардии Гренадерского, Стрелкового, Финляндского, Волынского.

Высочайшее соизволение на установление юбилейных знаков последовало 17 апреля 1907 г., когда император Николай II утвердил проект юбилейного нагрудного знака Лубенского драгунского полка, было разрешено учреждение нагрудных знаков для офицеров и классных чинов тех частей войск, которые будут праздновать свои юбилеи³. 3 декабря 1907 г. в ответ на многочисленные прошения полков Николай II повелел «допустить повергать на высочайшее благоволение ходатайства об учреждении юбилейных нагрудных знаков не только для офицеров и чиновников, но и для нижних чинов».

Запретить юбилейные знаки не удалось. Оставалось конкретизировать правила их составления и ношения, а потом строго следить за их выполнением. Пока полки следовали правилам 1891 г.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3. Л. 295–299.

³ Там же. Л. 72.

В 1909 г., рассматривая поданные на утверждения рисунки знаков и правила их ношения, Главный штаб в очередной раз разъяснял полкам правила:

а) касающиеся нижних чинов: «Право на знак для нижних чинов, прежде служивших в 3-м гренадерском Перновском полку, отклонить, знак полагается только тем, кто значится в списках полка на день юбилея»;

б) о разнице между полковыми и юбилейными знаками: «Отличие юбилейных и полковых знаков состоит в том, что юбилейные знаки имеют право носить только те, кто служит в полку на день юбилея. Полковые знаки составляют принадлежность формы одежды, поэтому присваиваются и тем, кто поступил в полк вновь. Высочайшее соизволение на установление юбилейных знаков последовало 17 апреля 1907 г. С этого времени они и учреждаются»⁴.

Отношение Главного Штаба №68595 от 25 октября 1909 г. разъясняло:

«1. Ныне устанавливаются нагрудные знаки для воинских частей в память юбилеев их существования и в ознаменование юбилеев шефства их императорских величеств и особ императорской фамилии.

2. Не устанавливая правил для составления рисунков нагрудных знаков, Главный штаб стремится к тому, чтобы нагрудные знаки не имели вида боевых наград, вследствие чего на них не должны быть помещаемы мечи, а также надписи, хотя бы и имеющиеся на георгиевских их знаменах и серебряных трубах, кроме юбилейных дат. Если нагрудные знаки проектируются в виде бывших орденов (Мальтийский крест, Кульмский крест и пр.), то рисункам их придается отличие от таковых помещением вензелей, дат столетий, кружка в середине и т. п.

3. Размеры знаков: в высоту не более 1,7 дюйма (4,318 см), в ширину не более 1,3 дюйма (3,302 см).

4. Нагрудные знаки для нижних чинов устанавливаются того же рисунка, как для офицеров и чиновников, но из другого металла, и не должны включать в себя частей эмалированных.

5. Денежного отпуска для изготовления нагрудных знаков не установлено.

6. Право ношения нагрудных знаков предоставлено:

а) всем офицерам и классным чиновникам (в том числе священникам), состоящим в войсках в день юбилея, и всем офицерам и классным чиновникам, ранее в части служившим.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 299.

б) нижним чинам только одного списочного состава части дня юбилея или, если юбилей был прежде, дня высочайшего утверждения знака. Причем право ношения может предоставляться или всем, или только некоторым нижним чинам (сверхсрочнослужащим унтер-офицерам и т. д.). На изготовление знаков отпуска денег из казны не положено, на нижних чинов возложить нельзя, если возложить изготовление на часть, это может быть обременительно»⁵.

Сложилась странная ситуация существования двух видов знаков — полковых и юбилейных с разными правилами ношения.

21 декабря 1910 г. император Николай II повелел: «В целях установления постоянного воспоминания в частях войск о вековой их службе присвоить существующим уже нагрудным юбилейным знакам наименование полковых нагрудных знаков и предоставить право их ношения всем офицерским, классным и нижним чинам, поступившим на службу в части войск после празднования ими юбилеев и имеющим поступать впредь. В соответствии с сим ныне установлено: право ношения полковых нагрудных знаков присвоено и тем, кто служил в части до юбилея, и в день юбилея, и поступившим после него.

Изготовление сих знаков производить не за счет казны.

Правило это распространяется на всех вообще чинов всех штабов, управлений, заведений и учреждений военного ведомства.

Наименование «полковые» устанавливается только за знаками полков, для остальных знаки именовать нагрудными»⁶.

Так 21 декабря 1910 г. последовало высочайшее повеление об обращении всех юбилейных нагрудных знаков в полковые с предоставлением права ношения их и будущим поколениям.

Высочайшее повеление от 21 декабря 1910 г. было сообщено в циркулярном отзыве Главного штаба №92 от 4 января 1911 г. В развитие этого повеления 6 марта 1911 г. последовало Высочайшее соизволение: «На всех вообще чинов штабов и управлений Военного ведомства, коим дарованы нагрудные знаки, распространяется право ношения сих знаков на тех же основаниях, что установлены высочайшим повелением 21 декабря 1910 года. Впредь полковыми называть нагрудные знаки полков, остальные же знаки именовать нагрудными»⁷.

⁵ Там же. Д. 10. Л. 86–87, 89.

⁶ Там же. Ф. 52. Оп. 110/21. Д. 1. Л. 3.

⁷ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

Главный штаб разъяснял детали событий: «Некоторым частям войск, в основном гвардии, по личному ходатайству августейшего главнокомандующего войсками гвардии и СПб военного округа были пожалованы знаки, право на которые, в отличие от знаков юбилейных, было предоставлено и всеем последующим поколениям чинов. Их назвали полковыми. Последнее условие создало понятие о полковом знаке, как о принадлежности формы одежды. Это послужило поводом к учреждению полковых нагрудных знаков почти во всех гвардейских частях, в некоторых из них есть еще и юбилейные знаки. Юбилейные же знаки полков имели право носить только те, кто служил на день юбилея (или утверждения знака) и офицерские и классные чины, служившие до юбилея (но не нижние чины)». 24 ноября 1910 года Военный министр передал в Главный Штаб справку о просьбе 3-го гренадерского Перновского полка (одного корня с Кексгольмским) считать их юбилейный знак полковым. Это послужило поводом к предложению о переименовании всех юбилейных знаков в полковые, т. е. о предоставлении права ношения всем поколениям частей войск. И. д. начальника Главного штаба генерал-майор Беляев предложил военному министру все юбилейные знаки перевести в полковые. В результате император Николай II повелел обратить все вообще юбилейные знаки в полковые. Как писал Главный штаб, «разница между полковыми и юбилейными знаками отпала»⁸. Но забота осталась: в гвардейских полках правила на знаки были утверждены разные. Следует ли отменить это разнообразие и установить права ношения на общих основаниях высочайшего повеления от 21 декабря 1910 г.?

С этим вопросом Главный штаб обратился к барону А. Ф. фон дер Бринкену — начальнику штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Тот ответил начальнику Главного штаба П. Н. Михневичу, что августейший главнокомандующий войск гвардии и Петербургского военного округа препятствий к этому не встречает.

Результатом явилось постановление, на котором Николай II начертал 18 октября 1911 г. резолюцию «Согласен»: 1. Отмена всех прежде утвержденных правил ношения полковых нагрудных знаков и на согласование их с правилами, высочайше утвержденными 21 декабря 1910 г. 2. Предоставление права ношения полковых нагрудных знаков всем нижним чинам, служившим до юбилеев»⁹.

⁸ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 13. Л. 164.

⁹ Ф. 54. Оп. 1. Д. 13. Л. 160–169.

Порядок прохождения документов был строго регламентирован: ходатайства командиров полков поступали командующим войсками округов (начальнику штаба округа) с приложением рисунка и описания с правилами ношения, от них в Главный штаб, а уже от него на высочайшее утверждение¹⁰.

Приказ по военному ведомству №7 1887 г. требовал доставлять в Главное интендантское управление все сведения об «установлении, изменении и ношении формы обмундирования и снаряжения войск управлений и заведений Военного ведомства». Безусловно, это условие касалось жетонов и нагрудных знаков. Специальным циркуляром №24362 от 6 июня 1891 г. Главный штаб объявил о необходимости отправлять в Главное интендантское управление образцы всех знаков и жетонов, удостоившихся высочайшего одобрения, с их рисунками и описаниями. Выполнение столь обременительного условия оказалось для офицеров затруднительным и выполнялось не всегда. Поэтому 17 января 1907 г. военный министр смягчил требование. На основании циркуляра Главного штаба от 13 февраля 1907 г. №59 в Главное интендантское управление должен быть предоставлен образчик или рисунок нагрудного знака с описанием и правом ношения¹¹.

Воинские части обязались неукоснительно доставлять в Главное интендантское управление уже не сами знаки, но их рисунки в цвете в натуральную величину, подробные описания и правила выдачи.

Главный штаб 30 сентября 1909 г. в циркуляре полкам подчеркнул: «К докладу <всеподданнейшему о знаке — Т. И.> прилагается проект рисунка на картоне или на толстой бумаге около ¼ листа писчей бумаги, причем, кроме рисунка, на карточке никаких надписей не должно быть»¹².

Таким образом, офицеры готовили два пакета подобных документов. Один отсылали по инстанции: в дивизию, корпус, Главный штаб, военному министру, затем на высочайшее утверждение. Другой пакет предназначался для хранения в отделе образцов технического комитета Главного интендантского управления. В большинстве своем эта коллекция сохранилась и является прекрасным справочником для исследователей и коллекционеров.

¹⁰ Ф. 52. Оп. 110/21. Д. 1. Л. 66.

¹¹ Ф. 54. Оп. 1. Д. 10. Л. 171.

¹² Там же. Л. 300.

Применение правил на практике

Офицеры проектировали нагрудные знаки так, чтобы они отражали историю воинской части, её героическое прошлое и славные боевые традиции. Один за другим стали появляться знаки, напоминающие своим видом боевые награды: кресты «За победу при Прейсиш-Эйлау», Кульмский и «Virtuti Militari».

Приказ по Военному ведомству №94 1903 г. разбирал вопрос о старшинстве лейб-гвардии Конно-гренадерского, Уланского его величества и Уланского ее величества полков. Постановили полкам считать свое происхождение от Сумского, Изюмского и Астраханского казачьих полков. Лейб-гвардии Конно-гренадерскому и Уланскому ее величества полкам установили старшинство с 16 мая 1651 г., а Уланскому его величества — с 11 сентября 1651 г. Имевшие общие корни, полки и знаки для себя работали схожие — на основе Кульмского креста.

2-й драгунский Санкт-Петербургский полк (после 1907 года — 1-й уланский Санкт-Петербургский) в честь своего 200-летия представил проект нагрудного знака, созданного на основе креста «За победу при Прейсиш-Эйлау». В своем прошении офицеры доказывали, что их полк более других имеет право вспоминать о сражении с гордостью. 27 января (8 февраля) 1807 г. под Прейсиш-Эйлау полк праздновал свой столетний юбилей. За проявленное мужество заслужил пять георгиевских штандартов — по числу эскадронов. Все офицеры получили «эйлауские» кресты. Доводы были столь убедительными, что Главный штаб обратился в капитул императорских и царских орденов за разъяснениями. 8 июня 1907 г. из капитула пришел ответ: «Золотой знак, учрежденный именным высочайшим указом 31 августа 1807 г. для ношения в петлице на ленте с черными и желтыми полосами офицерами, отличившимися в сражении при Прейсиш-Эйлау, не входит в число орденов, знаков отличий и медалей, поименованных в учреждении орденов (том 1 Свода законов изд. 1892 г.), а помещен в расписании памятных крестов и медалей, перечисленных в своде военных постановлений (ч. II. кн. VIII изд. 1869 г.) и подлежащих ведению Военного ведомства. Со стороны капитула не встречается препятствий к утверждению вновь проектируемого знака».

Получив благожелательный ответ капитула, Главный штаб рассудил так: уже высочайше одобрены нагрудные знаки в виде другой награды — Кульмского креста, учрежденного прусским королем в память сражения при Кульме 17 августа 1813 г. Знак в виде Кульмского креста был установлен для лейб-гвардии Уланского его величества полка. Основанием для этого послужил подобный знак, разрешенный ранее для лейб-

гвардии Конно-гренадерского полка, ведь за него просил сам главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Знаки обоих полков отличались от исторического Кульмского креста вензелями царствующих особ, изображениями венка и гранаты. Знак же 2-го драгунского Санкт-Петербургского полка лишь незначительно отличался от креста за Прейсиш-Эйлау, поэтому полку предписали внести больше изменений в свой знак, заменить, например, надпись в центре креста на цифру 200. Проект вернули на доработку. Только после выполнения полком поставленных условий знак утвердили.

По форме другой награды — креста «Virtuti Militari» — разработали свои знаки лейб-гвардии Волынский и Гродненский гусарский полки, 14-й драгунский Малороссийский и многие другие.

Так постепенно в облик юбилейных нагрудных знаков проникали запрещенные ранее изображения наград: крестов Кульмского, за Прейсиш-Эйлау, «Virtuti Militari», а за ними орденских знаков и лент, государственных и других гербов.

Несмотря на некоторые послабления, полной вольницы в составлении знаков не допустили. Многие прошения получали отказ. Так, прославленный лейб-гвардии Кексгольмский полк подготовил знак в память 60-летия шефства австрийского императора. Главный Штаб рассмотрел проект: в венке из дубовых и лавровых листьев вензель шефа, цифра «LX», увенчанная габсбургской короной. Проект вернули с формулировкой: «Нет данных, что это знак русского офицера».

Важнейшим оставалось одно требование: нагрудные знаки учреждались в память юбилеев воинских частей и шефства над ними высочайших особ, но никак не в честь юбилеев сражений, ибо воинские чины должны сами были заслужить награды за боевое отличие, а не присваивать себе мужество предков. Вот несколько примеров: штаб Одесского военного округа обратился в Главный штаб с просьбой утвердить задуманный ими знак в память 120-летия победы русских войск под командованием А. В. Суворова при Кинбурне. Знак предназначался для девяти полков, предки которых участвовали в сражении, в том числе для 1-го Донского казачьего генералиссимуса А. В. Суворова полка — потомка донских полков полковника Орлова, подполковника Исаева и премьер-майора Сычева. «Кинбурнские» знаки были высочайше отклонены. Тогда командующий Одесским военным округом генерал от кавалерии граф А. В. Каульбарс приказал изготовить их в виде жетонов и раздать участникам торжества в Очакове 1 октября 1907 г., о чем и уведомил Пе-

тербург. Так что вполне возможно в какой-либо коллекции сохранился уникальный «кинбурнский» жетон¹³.

Этот случай не был единичным. В 1911 г. пять полков подали прошение об утверждении «Шенграбенского» знака в память 100-летия боя у Шенграбена. В этом бою 5000 русских воинов под командованием П. И. Багратиона сражались с 30 тысячами французов. Среди пяти прошений были и рапорты 2-го Донского казачьего генерала Сысоева и 3-го Донского казачьего генерала Хонженкова полков. Для всех полков знаки предполагались одинаковыми. Отличались они только цветом эмали, соответствующей цвету прикладного сукна, для казаков алого.

Главный штаб напомнил просителям, что Николай II уже отверг проект знака в память кинбурнского боя для девяти полков. Отклонил он и прошение кружка защитников Порт-Артура о знаке в память пятилетия окончания осады крепости. В ответ полки напомнили о том, что лейб-гвардии Павловский и Кирасирский его величества полки уже имеют знаки в память 100-летия сражения при Прейсиш-Эйлау. Почему же им нельзя? Николай II приказал доложить, когда же это он утвердил знаки в память сражений. Ему разъяснили, что знак лейб-гвардии Павловского полка он утвердил 21 октября 1908 г. как полковой юбилейный, а лейб-гвардии Кирасирский его величества полк имеет два знака: юбилейный (21.6.1902) и несколько измененный «Прейсиш-эйлауский» крест (20.6.1909). Больше поблажек решили не делать, и «шенграбенские» знаки отклонили¹⁴.

Когда о нагрудном знаке в память 100-летия Кульмского сражения попросил для себя 21-й пехотный Муромский полк, об этом даже не стали докладывать государю.

В 1913 г. с просьбой о жетоне в память сражения под Лейпцигом обратился прославленный лейб-гвардии Казачий его величества полк. Жетон размером с 50-копеечную серебряную монету на цепочке предполагалось подносить высочайшим особам из золота, офицерам, чиновникам и старослужащим лейб-казакам из позолоченного серебра, нижним чинам действительной службы и старослужащим — из светлой бронзы. Образец жетона выполнил старший гравировщик Санкт-Петербургского монетного двора А. Ф. Васютинский. Несмотря на заслуги полка, шеф-

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 9. Л. 271/2.

¹⁴ Там же. Д. 11. Л. 44, 56.

ство над ним самого императора и детальную проработку вопроса, проект отклонили¹⁵.

Несколько примеров отношения разных воинских чинов к полковым знакам

1. В ответ на запрос бывшего врача л.-гв. Измайловского полка, можно ли ему носить знак полка, утвержденного высочайше 15.3.1910 г., Главный штаб разъяснил: высочайшим повелением от 21 декабря 1910 г. юбилейные знаки полков обращены в полковые, поэтому бывший врач носить его может. Могут и нижние чины, но изготавливая за свой счет¹⁶.

2. Письмо от запасных нижних чинов л.-гв. Конно-гренадерского полка: «1903 год был годом юбилейным. Высочайше был утвержден полковой знак для офицеров и нижних чинов. Мы тоже просили, но получили отказ, так как мы служили в полку до юбилея. Почему в других полках служившим ранее нижним чинам можно носить полковые знаки, а нам нельзя? Мы знаем, что вышедшим в запас рядовым носить мундир, который мы так любили, нельзя, но мы бы прицепили его к деревенской одежде, и он бы напоминал славу родного полка. А нас и этого знака заведующий хозяйством полковник Эгерштром с делопроизводителем лишили, им нужны экономические деньги на покупку дач и домов в Петергофе. Случись война, мы встанем в ряды полка. Отрадно ли будет прийти в полк осмеянными и посрамленными? Теперь же в Петергофе обидно и стыдно даже ходить по полковой улице, а с заведующим хозяйством и делопроизводителем Логачевым даже обидно встречаться, они нас обидели, осмеяли перед товарищами... Ведь в день юбилея августейший шеф полка созвал нас на парад и торжества. Нас не сочли отбросами полка, а представили его величеству, как господ офицеров, так и нижних чинов. А среди бывших — участники Русско-турецкой войны. Им-то как обидно. Так обидели, что если придется созвать нас в ряды, то нам приятнее встать в чужой полк. Командир нас обидел. Теперь на начальствующие лица, которые нас лишают царской милости, мы невольно должны смотреть как на не заслуживающих к себе должного уважения и любви подчиненных. Просим ваше высокопревосходительство походатайствовать перед его величеством государем императором о разрешении носить запасным нижним чинам Конно-гренадерского полка юбилейный знак.»¹⁷.

¹⁵ Там же. Ф. 54. Оп 1. Д. 17. Л. 615.

¹⁶ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 13. Л. 158.

¹⁷ Там же. Л. 412–413.

3. Письмо от товарища прокурора Читинского окружного суда в распорядительную часть Главного Штаба. «Чита. 25 ноября 1911 года. Прошу сообщить, имею ли право ношения двух знаков л.-гв. Кексгольмского полка (полкового и юбилейного)? Поступил в означенный полк 1.09.1904 вольноопределяющимся, выдержал в августе 1905 года испытания на чин прапорщика запаса, задержан засим на действительной службе ввиду военного времени. 5.11.1905 произведен в прапорщики запаса с переводом в 189-й пехотный Белгорайский полк. До отбытия в этот полк был в прикомандировании в л.-гв. Кексгольмском полку». В ответ Главный штаб сообщил: «Согласно высочайшему повелению от 18 октября 1911 года право ношения имеют все офицеры, классные и нижние чины, состоящие в списках частей до дня 100–200-летнего юбилея, в день юбилея и поступившие на службу после такового. Этот вольноопределяющийся право имеет на оба знака, но по образцу, установленному для нижних чинов»¹⁸.

Пример того, как создавались полковые знаки

В фондах ВИМАИВиВС сохранилась уникальная коллекция проектных рисунков нагрудного знака лейб-гвардии Московского полка. Коллекцию составляют около 60 рисунков, которые офицеры полка создавали в течение двух лет, стараясь отразить в них историю и традиции родного полка, чтобы сделать свой знак истинным символом полкового братства. Конкурс на лучший проект знака проходил в полку в пять этапов в течение 1909–1910 гг. Чтобы дать представление о том, с каким вниманием и ответственностью офицеры подходили к созданию полкового знака родного полка, представим рисунки-победители этапов, или, как тогда говорили, туров конкурса и всего конкурса в целом.

Каждый этап конкурса завершался голосованием офицеров полка. В специальном протоколе своего собрания господа офицеры после обсуждений и жарких споров собственноручно отмечали все понравившиеся им проекты. По результатам голосования проекты-победители переходили в следующий тур конкурса. Варианты знаков господа офицеры разрабатывали разные, но их объединяло одно: любовь к своему полку, знание его истории, почитание традиций.

На первый тур конкурса было представлено 14 рисунков. Победителями первого тура конкурса стали рисунки проектов «№234–69» (автор — поручик Зборомирский, рис. 1), «333» (автор — также поручик Зборомирский, рис. 2), «Знамя», тщательно прорисованный для участия

¹⁸ Там же. Л. 356.

в пятом туре конкурса (рис. 3) и «№ 100» (офицерский и солдатский знаки, представлены варианты, выполненные для участия в пятом туре конкурса, рис. 4а и 4б).

На второй этап голосования было представлено 12 рисунков, победителем стал проект под девизом «Комбинация» (рис. 5).

Победителями третьего тура конкурса стали проекты под девизами «Слава. № 2» (рис. 6) и «Родной» (рис. 7).

На четвертом этапе лучшими стали проекты под девизами «Удача» (рис. 8) и «Кстати» (рис. 9), а абсолютным победителем был признан проект «Лучшее — враг хорошего» (рис. 10).

В последнем, пятом туре конкурса приняли участие, помимо победителей первых четырех туров, следующие проекты: «Идейный. Вариант 1» (рис. 11), «Идейный. Вариант 2» (рис. 12), «Exelsior» (рис. 13), «Semper» (рис. 14), «Святой Егорий» (рис. 15). Победителем пятого тура и всего конкурса был признан проект «Лучшее — враг хорошего. Вариант № 2» (рис. 16 и 17). На его основе профессором живописи Н. С. Самокишем был выполнен официальный проект полкового знака, утвержденный общим офицерским собранием лейб-гвардии Московского полка 16 декабря 1910 г. (рис. 18).

Описание окончательного варианта полкового знака, которое господа офицеры представляли на утверждение, было таково: «Нагрудный знак представляет из себя Андреевский крест, на который положено рельефное изображение святого Георгия Победоносца. Андреевский крест указывает на принадлежность полка к императорской гвардии. Святой Георгий Победоносец как герб города Москвы — на наименование полка Московским. В защиту города Москвы и в ознаменование непоколебимой твердости и мужества, оказанные полком в Бородинском бою, полк высочайшею волею государя императора Александра I был переименован лейб-гвардии из Литовского лейб-гвардии в Московский и тем вечными узами связан с сердцем России — первопрестольной столицей Москвою».

Высочайшее соизволение на утверждение знака последовало 15 апреля 1911 г.¹⁹ По этому рисунку полковые знаки создавались в металле (рис. 19).

¹⁹ Там же. Д. 10. Л. 233.

УДК 94 (47).071

ББК 63.3 (2) 46

Е. И. Юркевич

ОБМУНДИРОВАНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I (1796–1801 ГГ.): АНАЛИЗ И ОЦЕНКИ

Обмундирование русской армии эпохи императора Павла I (1796–1801 гг.) является, пожалуй, наиболее «узнаваемым» из всех аспектов военных реформ этого государя. И в силу недостаточной изученности этих военных реформ в целом актуальным остается и серьезное рассмотрение павловских реформ в области военного мундира — во многом из-за их общеизвестной негативной оценки. Здесь мы постараемся кратко проанализировать как основные направления павловской мундирной реформы, так и попытаться выяснить, что же стало причиной столь негативных ее оценок, прежде всего современниками.

Известно, что Павел являлся ревностным поклонником прусского обмундирования¹. И именно форму прусского образца он ввел в созданных им гатчинских войсках, и именно она послужила основой

¹ См.: *Васильев А., Космолинский П.* По образцу «потешных частей»: Русский военный мундир: Что скрывается за деталью? // Советский музей. 1985. № 6. С. 74; *Бегунова А., Космолинский П.* Первые вахт-парады // Советский музей. 1988. № 6. С. 65; *Глинка В. М.* Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988. С. 7, 35; *Валькович А. М., Рыбин В. А.* Введение // Русская армия в конце XVIII века: Из документальных сокровищ Центрального Государственного военно-исторического архива СССР: Каталог выставки / Сост.: А. М. Валькович, А. А. Васильев, В. А. Рыбин, Г. Р. Якушкин. Звенигород, 1990. С. 3–4; *Бегунова А. И.* От кольчуги до мундира: Книга для учащихся. М., 1993. С. 71; *Военная одежда русской армии / Авт.: М. М. Хренов, Р. Т. Зубов, И. Ф. Коновалов, Г. Н. Нестеров-Комаров, М. А. Теровкин.* М., 1994. С. 90; *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII века: Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 98–99; *Гольженков И., Степанов Б.* Европейский солдат за 300 лет: 1618–1918: Энциклопедия военного костюма. М., 2001. С. 124; *Введенский Г. Э.* Пять веков русского военного мундира: Энциклопедия русской армии. СПб., 2005. С. 56–57.

для мундирных реформ Павла². Здесь мы не будем вдаваться в анализ униформы гатчинских войск — нам важнее сейчас именно форма одежды эпохи Павловского царствования, ибо она распространилась на всю русскую армию.

Действительно, форма образца 1796–1797 гг. по покрою имела огромное сходство с формой прусской армии эпохи Фридриха Великого, но при этом русские мундиры были гораздо более скромными в отделке — в первую очередь, это касалось обмундирования армейской пехоты и драгун. Русские пехотные и драгунские мундиры, в том числе и офицерские, не имели столь богатой расшивки золотой и серебряной нитью. Кроме того, если у пруссаков, в первую очередь в пехоте, мундиры нижних чинов и офицеров одного полка зачастую сильно различались, то русские офицерские и солдатские мундиры одного полка отличались лишь самыми минимальными деталями. Не уступали пруссакам по богатству отделки лишь мундиры русской гвардии и императорской свиты³.

Но главное, собственно, не в этом, а в том, что большинство предметов введенного при Павле обмундирования пехоты, драгун и кирасир имело тот же покрой, что и по штатам 1763 г., только полковые различия определялись теперь не по эполету на левом плече, а по приборному сукну и отсутствию или наличию воротника или лацканов (в пехоте и у драгун). Кроме того, мундиры обр. 1796 г. имели еще ряд незначительных деталей, отличающих их от мундира обр. 1763 г.⁴ Таким образом, павловская мундирная реформа в основе своей опиралась на штаты 1763 г. и не была для русской армии чем-то совершенно новым. Тем более, что мундиры прусского покроя русская армия на-

дела еще в начале 1730-х гг.⁵ Так что возникает вопрос — а так ли уж правы современники, поднявшие вой по поводу неудобств павловской формы? Ведь не так давно они носили мундиры, мало чем отличавшиеся от павловских.

Одной из главных положительных черт мундирной реформы Павла следует признать значительную унификацию обмундирования — мундиры пехоты, драгун и артиллеристов стали одинаковыми по покрою и шились из зеленого сукна (у егерей и драгун, правда, более светлого оттенка, нежели у артиллерии и тяжелой пехоты)⁶. Наиболее прогрессивным было в этой связи введение темно-зеленых мундиров для артиллеристов и инженеров, что было сделано Павлом еще в гатчинских войсках. «Таким образом, употребляемый тогда <при Екатерине. — Е. Ю.> в русской артиллерии красный цвет не только для лафетов, но и для мундиров, был <...> заменен зеленым, менее марким при отправлении артиллерийской службы и более удобным для скрытия местностью от взоров неприятеля числа орудий наших», — отмечал В. Ф. Ратч.⁷ На фоне «зеленой массы» войск лишь гусары сохранили свое традиционно пестрое и яркое обмундирование, да кирасиры — свои белые колеты⁸.

Впрочем, пехота и драгуны выглядели отнюдь не уныло! Ведь при Павле для различия полков использовалось приборное сукно 48 цветов⁹! Для того, чтобы дать возможность офицерам разобраться в особенностях формы полков, в начале 1797 г. были изданы два справочника — «Описание мундиров инфантерии»¹⁰ и «Описание мундиров кирасирских и драгунских полков»¹¹. Эти справочники представляли собой брошюры небольшого формата, в которых давалось описание офицерской формы гренадерских, мушкетерских, егерских, кирасирских и драгунских полков, расписанных по дивизиям. Вот как выглядело подобное описание (возьмем мушкетерский полк Архарова):

«Генерала от инфантерии Архарова мушкетерский, обшлага, воротник и лацканы светло-розовые, на рукавах по 2 петлицы серебре-

² См.: *Юркевич Е. И.* Военный Петербург эпохи Павла I. М.: СПб., 2007. С. 83–89; *Леонов О., Белов А.* Русский военный костюм: Армия Павла I: 1796–1801 гг. М., 2012. С. 67–112; *Егоров В., Литвин А.* «Собственные войска Цесаревича Павла Петровича...»: Об истории и униформе Гатчинских войск 1782–1796 // Наш восемнадцатый век: Военный сборник. М., 2014. С. 492–534.

³ См.: *Liliane und Fred Funcken.* Historische Uniformen: Napoleonische Zeit, 18. und 19. Jahrhundert: Preussen, Deutschland, Osterreich, Frankreich, Grossbritannien, Russland. [Muenchen], [2000]. S. 10–23, 29–32; Армия Фридриха Великого / Ред.-сост. А. Ю. Панталева. М., 2014. С. 4–38, 75–78; Описание мундиров инфантерии. СПб., [1797]; Описание мундиров кирасирских и драгунских полков. СПб., [1797]; *Летин С. А.* Семь мундиров за семь лет: Обмундирование офицеров-гвардейцев в царствование императора Павла I // Родина. 2000. № 11. С. 72–76; Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 9. СПб., 1900. С. 38–40.

⁴ *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII века. С. 101–104.

⁵ *Летин С., Леонов О.* Русский военный костюм: От Петра I до Петра III. М., 2008. С. 152–153.

⁶ *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII века. С. 101–108.

⁷ *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии гатчинских войск. СПб., 1851. С. 47.

⁸ *Леонов О., Белов А.* Русский военный костюм: армия Павла I. С. 313–334, 279–298.

⁹ *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII века. С. 100.

¹⁰ Описание мундиров инфантерии. СПб., [1797].

¹¹ Описание мундиров кирасирских и драгунских полков. СПб., [1797].

ные без биты и без кисточек, пуговицы, штаны и камзол белые, шляпа с серебряным галуном»¹².

В то же самое время офицеры Кексгольмского мушкетерского полка капитан Я. фон Люде и прапорщик Шишмарев создают под руководством генерал-лейтенанта князя Сергея Николаевича Долгорукова рукописные таблицы «Изображение сухопутных мундиров Российской императорской армии»¹³. Таблицы Я. фон Люде представляют собой схематическое изображение фигур офицера и рядового, в тяжелой пехоте — офицера, гренадера и мушкетера (фузилера) каждого полка, с показанием места расквартирования полка на 1797 г. В экземпляре, хранящемся в государственном музее-заповеднике «Гатчина», над рисунком обмундирования помещены также рисунки знамен или штандартов.

В той же коллекции хранится еще один альбом акварелей с рисунками обмундирования русской армии конца XVIII в., выполненный неизвестным автором, возможно, также Я. фон Люде. В этом альбоме фигуры офицеров и нижних чинов изображены в полный рост, а сверху над рисунками помещены изображения знамен или штандартов¹⁴.

Венцом всей этой работы стала «Хроника Российской императорской армии», составленная князем С. Н. Долгоруким и изданная в Петербурге в 1799 г.¹⁵

«Хроника» включала в себя краткие сведения об истории всех полков того времени, описание их мундиров, знамен и штандартов, а также мест расквартирования. Современники высоко оценивали труд автора. «Хроника князя Долгорукова есть почти то же для истории российских полков, что летопись Нестора для истории Российского государства», — писал один из них. «Заслуги С. Н. Долгорукова в этом отзыве, безусловно, преувеличены, однако, высокая оценка показательна», — отмечают А. М. Валькович и В. А. Рыбин¹⁶. «В хронике встречаются некоторые

¹² Описание мундиров инфантерии. С. 2.

¹³ ГДМ-403-VI. Изображение сухопутных армейских мундиров Российско-императорского войска, состоящих из 225-ти листов иллюминированных. Рисовал, гравировал и иллюминировал капитан Кексгольмского мушкетерского полку Яков фон Люде. СПб., 1797.

¹⁴ ГДМ-264-XI. Альбом акварелей с изображением мундиров войск Павла I.

¹⁵ Хроника Российской императорской армии: из разных сведений собрана генерал-майором, Государственной военной коллегии членом и ордена Святой Анны первой степени кавалером князем Долгоруким. СПб., 1799.

¹⁶ Валькович А. М., Рыбин В. А. Введение // Русская армия в конце XVIII века: из документальных сокровищ Центрального государственного военно-исторического архива СССР: Каталог выставки. Звенигород, 1990. С. 5.

неточности, но для истории русской армии она очень важна ввиду того, что многие бумаги, служившие автору для ее составления, погибли в 1812 г. во время пожара Москвы»¹⁷. Таким образом, С. Н. Долгорукий стал основоположником отечественной полковой историографии. Ну а идея написания этого замечательного труда, как видно из названия книги, принадлежала Павлу I, так что и его заслуга в этом деле несомненна.

Посмотрим на павловское обмундирование с точки зрения его удобства и целесообразности. Необходимо отметить, что при Павле было значительно улучшено вещевое снабжение. «Ввиду недостатка на рынках сукна, его дороговизны и дурного качества император Павел I сделал распоряжение о том, чтобы сукна для генералов и офицеров заготавливались при посредстве комиссариата, и эту трудную задачу он выполнил с успехом. <...> Обмундирование и снаряжение войск, по-видимому, находились в хорошем состоянии. Установленные в то время вещевые отпуски нужно признать вообще достаточными. При Павле I войска были лишь недовольны покроем одежды», — отмечали в начале XX в. авторы юбилейного многотомного издания «Столетие Военного министерства»¹⁸.

Вместе с тем введенное Павлом обмундирование, особенно в гвардии, было значительно дешевле, нежели в екатерининскую эпоху: если при Екатерине гвардейский офицерский мундир стоил около 120 рублей, то при Павле его стоимость не превышала 22 рублей.¹⁹ Разница весьма существенная!

В литературе постоянно тиражируется тезис о том, что павловская военная форма была крайне неудобна, неуклюжа и непрактична.²⁰ Однако интересное замечание сделал автор предисловия к сборнику «Цареубийство 11 марта»: «Мундирами Павла все возмущались. Александр обрезал полы мундиров по пояс, зато воротники поднял под самые уши, и все не знали, как похвалить явно неудобный наряд!...»²¹.

¹⁷ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. II. СПб., 1996. С. 117.

¹⁸ Цит. по: Военная одежда русской армии. С. 123.

¹⁹ Предисловие // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907. С. XVIII–XIX.

²⁰ Раков Л. Л. Русская военная форма: Очерк-путеводитель по выставке «История русской военной формы». Л., 1946. С. 26; Бегунова А. И. От кольчуги до мундира. С. 73; Военная одежда русской армии. С. 99; Преснухин М. Армия Суворова в Италии и Швейцарии: 1799: Очерки походного быта // Военный сборник: Статьи и публикации по российской военной истории до 1917. М., 2004. С. 64.

²¹ Предисловие // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. XIX.

«Строгий и одновременно яркий «павловский» мундир — классический образец западноевропейского военного костюма, складывавшегося в течение нескольких десятилетий — если рассматривать его с чисто эстетической точки зрения нельзя назвать некрасивым (хотя, конечно, в первую очередь это дело личного вкуса). Что же касается функциональных свойств, то еще большой вопрос, насколько введенный при императоре Александре кивер со множеством украшений был удобнее треугольной шляпы, короткий фрачного покроя мундир с жестким стоячим воротником и наглухо застегнутый на все пуговицы в любую погоду — кафтана с камзолом, а широкие крест-накрест надетые амуничные ремни, порой до онемения сдавливавшие плечи и грудь, и носимый на спине ранец — прежней амуниции. Да и пудрение волос, вызывавшее столь много насмешек и нареканий, обожаемый обществом в первые годы своего царствования Александр I не отменял вплоть до 1809 г. <...> По сути, «павловский» мундир обладал только одним, но очень серьезным, с точки зрения носивших его людей, недостатком — он был немоден», — отмечает современный униформолог К. В. Татарников²².

Что же касается удобоносимости, то, рассматривая сохранившиеся в коллекциях Гатчинского²³ и Павловского²⁴ дворцов-музеев, Государственного мемориального музея А. В. Суворова²⁵ и Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи²⁶ предметы

²² От составителя // Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: Сборник документов / Сост. К. В. Татарников. Т. I. М., 2009. С. 37–38.

²³ Шляпы: ГДМ-35-II, ГДМ-46-II, ГДМ-50-II, ГДМ-63-II, ГДМ-75-II; Галстуки: ГДМ-25-II, ГДМ-36-II, ГДМ-46-II, ГДМ-64-II, ГДМ-199-II; Мундиры пехотные: ГДМ-32-II, ГДМ-60-II; Мундиры артиллерийские: ГДМ-22-II, ГДМ-41-II; Камзолы: ГДМ-23-II, ГДМ-33-II, ГДМ-42-II, ГДМ-61-II, ГДМ-71-II, ГДМ-114-II; Штаны: ГДМ-24-II, ГДМ-34-II, ГДМ-44-II, ГДМ-62-II, ГДМ-73-II; Штиблеты: ГДМ-40-II, ГДМ-43-II; Башмаки: ГДМ-47-II.

²⁴ Шапка гренадерская: ЦХ-1587-II; Галстуки: ЦХ-1598-II, ЦХ-1628-II; Мундиры пехотные: ЦХ-1578-II, ЦХ-1626-II; Мундир драгунский: ЦХ-1621-II; Камзолы: ЦХ-1627-II; Штаны: ЦХ-1571-II, ЦХ-4822-II.

²⁵ Шапки гренадерские: МС-762, МС-764, МС-765; Шапка пионерная: МС-3735; Шапка фузильерная: МС-15891; Шляпы: МС-799, МС-791, МС-796, МС-798; Шапка фуражная: МС-756; Мундиры пехотные: МС-657, МС-663, МС-672, МС-679, МС-707; Мундиры кавалерийские: МС-658, МС-700, МС-708, МС-703, МС-661, МС-890, МС-671, МС-704, МС-706, МС-666; Мундир артиллерийский: МС-705; Камзолы: МС-717, МС-718, МС-729, МС-669, МС-659; Китель солдатский кирасирский: МС-664; Шинели солдатские пехотные: МС-676, МС-715; Плащ солдатский кавалерийский: МС-673; Ботинки гусарские: МС-830/1, МС-830/2.

²⁶ Шапки гренадерские: 15/449, 15/5210; Мундиры пехотные: 12/1191, 12/1213, 12/1214, 12/1288, 12/3092; Мундиры артиллерийские: 12/1207, 12/1212.

обмундирования гатчинских войск и эпохи павловского царствования, можно прийти к выводу, что в целом обмундирование, введенное Павлом для войск, было достаточно удобным. Камзолы и штаны имели множество тесемок и ремешков, позволяющих без проблем подогнать их по любой фигуре. Шпеньеки пряжек шлифов — штиблетных подвязок — были заостренными, и, таким образом, затягивая шлиф под коленом, солдат мог сделать отверстие в шлифе там, где ему удобно, не перетягивая ноги. Кроме того, Павлом были учтены и климатические факторы — введены овчинная безрукавка для ношения под камзолом и мундиром в зимнее время, и шинель.

Здесь нужно отметить, что до восшествия Павла на престол шинель в русской армии имели только егеря, а солдаты всех остальных родов войск в зимнее время носили весьма неудобную епанчу — широкий плащ без рукавов и пуговиц²⁷. Введение шинели и овчинной безрукавки свидетельствует о заботе Павла о здоровье солдат. Кстати, имеющиеся в коллекции Государственного мемориального музея А. В. Суворова две шинели, сшитые из зеленого сукна, позволяют поспорить с утверждением М. Преснухина о том, что цвет шинелей, введенных в русской армии в 1799 г., «остался по-прежнему белый»²⁸.

Кроме того, необходимо отметить, что на рубеже XVIII–XIX вв. многие архаичные элементы униформы, такие, например, как пудра, камзолы, кюлоты, штиблеты (гетры) и башмаки, присутствовали во всех европейских армиях и сохранялись во многих из них на протяжении всей эпохи Наполеоновских войн²⁹. Вспомним, хотя бы, что, например, мундиры, введенные в эпоху революции, французская армия носила вплоть до 1813 г. и только после Русского похода она получила мундиры фрачного покроя³⁰. Но при этом европейская униформа, несмотря на обилие устаревших деталей, особой критике не подвергается.

Впрочем, павловское обмундирование не было лишено и недостатков. Самым, пожалуй, неудобным предметом формы была шляпа, имевшая, как показывают подлинные образцы, весьма низкую тулью, вследствие чего шляпа плохо держалась на голове. Дополнительные трудности доставляло вертикально стоящее заднее поле, создававшее

²⁷ *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII века. С. 102; *Бегунова А. И.* От кольчуги до мундира. С. 154–155.

²⁸ *Преснухин М.* Армия Суворова в Италии и Швейцарии. С. 69.

²⁹ См.: *Liliane und Fred Funcken.* Historische Uniformen: Napoleonische Zeit. S. 148–380.

³⁰ *Кудряшов И. Ю.* Линейная пехота Франции 1812–1815: регламент Бардена // *Сержант.* 1997. №4. С. 28, 30, 31; *Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 519.

эффект «парусности», что было также весьма неудобно, ибо даже при быстром шаге или небольшом ветре шляпу могло легко сорвать с головы. Видимо, неудобными были сочтены и галстуки с застежкой на крючках, употреблявшиеся в гатчинских войсках — по воцелествию Павла на престол галстуки делались с завязками из тесьмы³¹. Но более всего неудобств доставляла солдату, конечно же, пудренная прическа.

Впрочем, даже с учетом недостатков, имеющихся в павловском обмундировании, мундирная реформа конца XVIII столетия имела огромное значение для дальнейшей истории русского военного мундира.

«Реформы обмундирования, проводимые Павлом I, можно оценивать по-разному, но вывод последует один: император Павел I определил отношение к военной форме в обществе и основные направления ее развития на полвека вперед, — справедливо отмечает Г. Э. Введенский. — Одним из выражений почтительного отношения к мундиру в обществе было развитие понятия “чести мундира”, в связи с чем формируется и бережное отношение к традициям военного костюма. Ранее функциональные, но в настоящее время изжившие себя детали сохраняются на мундире в память о тех или иных событиях, причем издавались приказы, в которых объяснялось, почему эти фрагменты сохранены»³².

«Учитывая же возрастающую общественную роль эмблемы, знака, мы можем говорить и о том, что павловская реформа военного костюма была закономерным этапом развития дворянской военной культуры», — отмечали военные историки А. М. Валькович и В. А. Рыбин³³.

В целом можно сказать, что павловская форма была наиболее удачной и удобной формой прусского покроя из применяемых в русской армии в XVIII в. и вполне подходила для господствовавшей тогда линейной тактики. Ряд введенных императором Павлом новшеств, например, шитье особого рисунка на воротниках и обшлагах офицерских мундиров Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, приборное сукно особой расцветки в каждом кавалерийском полку, сохранился до начала XX в., а шинель в измененном виде дошла до наших дней³⁴.

³¹ Историческое описание... Ч. 8. СПб., 1900. С. 33.

³² Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира. С. 63.

³³ Валькович А. М., Рыбин В. А. Введение // Русская армия в конце XVIII века. С. 4.

³⁴ Летин С. А. Российская императорская гвардия. СПб., 2005. С. 166; Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. С. 92; Введенский Г. Э. Терминология мундироведения: Язык области знаний и атрибуционные реалии. СПб., 1998. С. 73.

Ну а что касается оценки павловской формы современниками, то здесь мнения исследователей сходятся — в основе негативного отношения к павловской военной форме лежит в первую очередь не неудобство последней, а отрицательное отношение к самому императору³⁵.

Список литературы

Армия Фридриха Великого / Ред.-сост. А. Ю. Панталева. М., 2014.

Бегунова А., Космолинский П. Первые вахт-парады // Советский музей. 1988. № 6. С. 65–67.

Бегунова А. И. От кольчуги до мундира: Книга для учащихся. М., 1993.

Валькович А. М., Рыбин В. А. Введение // Русская армия в конце XVIII века: Из документальных сокровищ Центрального Государственного военно-исторического архива СССР: Каталог выставки / Сост.: А. М. Валькович, А. А. Васильев, В. А. Рыбин, Г. Р. Якушкин. Звенигород, 1990. С. 4–9.

Васильев А., Космолинский П. По образцу «потешных частей»: Русский военный мундир: Что скрывается за деталью? // Советский музей. 1985. № 6. С. 74–76.

Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира: Энциклопедия русской армии. СПб., 2005.

Введенский Г. Э. Терминология мундироведения: Язык области знаний и атрибуционные реалии. СПб., 1998.

Военная одежда русской армии / Авт.: М. М. Хренов, Р. Т. Зубов, И. Ф. Коновалов, Г. Н. Нестеров-Комаров, М. А. Теровкин. М., 1994.

Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988.

Гольженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет: 1618–1918: Энциклопедия военного костюма. М., 2001.

Егоров В., Литвин А. «Собственные войска цесаревича Павла Петровича...»: Об истории и униформе Гатчинских войск 1782–1796 // Наш восемнадцатый век: Военный сборник. М., 2014. С. 492–534.

Изергин А. М. Военный мундир эпохи Павла I: культурологические заметки // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 2. С. 85–93.

Изображение сухопутных армейских мундиров Российско-императорского войска, состоящих из 225-ти листов илиминированных. Рисовал, гравировал и иллюминировал капитан Кексгольмского мушкетерского полку Яков фон Люде. СПб., 1797.

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 8, 9. СПб., 1900.

³⁵ Изергин А. М. Военный мундир эпохи Павла I: культурологические заметки // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 2. С. 85–93; Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. С. 122; От составителя // Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: Сборник документов / Сост. К. В. Татарников. Т. I. С. 38; Рогулин Н. Г. Факторы, влиявшие на эволюцию русского военного мундира в XVIII в. // Чтения по военной истории: Сборник статей. СПб., 2011. С. 88.

Кудряшов И. Ю. Линейная пехота Франции 1812–1815: регламент Бардена // *Сержант*. 1997. №4. С. 28–32.

Леонов О., Белов А. Русский военный костюм: армия Павла I: 1796–1801 гг. М., 2012.

Летин С. А. Российская императорская гвардия. СПб., 2005.

Летин С., Леонов О. Русский военный костюм: От Петра I до Петра III. М., 2008.

Летин С. А. Русский военный мундир XVIII века: Краткий исторический очерк. М., 1996.

Летин С. А. Семь мундиров за семь лет: Обмундирование офицеров-гвардейцев в царствование императора Павла I // *Родина*. 2000. №11. С. 72–76.

Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: сборник документов / Сост. К. В. Татарников. Т. I. М., 2009.

Описание мундиров инфантерии. СПб., [1797].

Описание мундиров кирасирских и драгунских полков. СПб., [1797].

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. II. СПб., 1996.

Раков Л. Л. Русская военная форма: очерк-путеводитель по выставке «История русской военной формы». Л., 1946.

Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии гатчинских войск. СПб., 1851.

Сokolov O. B. Армия Наполеона. СПб., 1999.

Хроника Российской императорской армии: из разных сведений собрана генерал-майором, Государственной военной коллегии членом и ордена Святой Анны первой степени кавалером князем Долгоруким: напечатана по всевысочайшему его императорского величества повелению. СПб., 1799.

Цареубийство 11 марта 1801 года: записки участников и современников. СПб., 1907.

Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.; СПб., 2007.

Liliane und Fred Funcken. *Historische Uniformen: Napoleonische Zeit, 18. und 19. Jahrhundert: Preussen, Deutschland, Oesterreich, Frankreich, Grossbritannien, Russland*. [Muenchen], [2000].

References

Armija Fridrikha Velikogo [Army of Frederick the Great], ed. by A. Y. Pantilejev, Moscow 2014.

Begunova A., Kosmolinskii P., *Pervye vakht-parady [First Wacht Parades]*, in: *Sovetskii muzei [Soviet Museum]*, #6, 65–67.

Egorov V., Litvin, A., “*Sobstvennye voiska Tsesarevich Pavel Petrovich...*”: *Ob istorii i uniforme Gatchinskikh voisk 1782–1796 [“Own forces of Cesarevitch Paul Petrovich...”: Concerning the History and the Uniform of Gatchina Troops 1782–1796]*, in: *Nash vosemnadtsatyi vek: Voennii sbornik [Our Eighteenth Century: Military Collection]*, Moscow 2014, 492–534.

Liliane und Fred Funcken, *Historische Uniformen: Napoleonische Zeit, 18. und 19. Jahrhundert: Preussen, Deutschland, Oesterreich, Frankreich, Grossbritannien, Russland*, Muenchen 2000.

Glinka V. M., *Russkii voennii kostium XVIII — nachala XX veka [Russian Military Uniforms in the 18th — early 20th Century]*, Leningrad 1988.

Golyzhenkov I., Stepanov B., *Evropeiskii soldat za 300 let: 1618–1918: Entsiklopedia voennogo kostiuma [European Soldier for 300 Years: 1618–1918: Encyclopedia of the Military Suit]*, Moscow 2001.

Izergin A. M., *Voennii mundir epokhi Pavla I: kulturologicheskie zametki [Military uniforms in the epoch of Paul I: culturology notes]*, in: *Kulturologicheskie issledovania v Sibiri [Culturology Research in Siberia]*, 2000, #2, 85–93.

Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenia Rossiiskikh voisk, s risunkami, sostavlennoe po Vysochaisheму poveleniyu [Historical Description of Clothes and Armaments in Russian Troops, with Drawings, Compiled by the Emperor's Command], part 8, 9, St. Petersburg 1900.

Leonov O., Belov A., *Russkii voennii kostium: Armija Pavla I: 1796–1801 [Russian Military Suit: Army of Paul I: 1796–1801]*, Moscow 2012.

Letin S. A., *Rossiiskaya Imperatorskaya Gvardiya [Russian Imperial Guards]*, St. Petersburg 2005.

Letin S., Leonov O., *Russkii voennii kostium: Ot Petra I do Petra III [Russian Military Uniform: From Peter I to Peter III]*, Moscow 2008.

Letin S. A., *Sem mundirov za sem let. Obmundirovanie ofitserov-gvardeitsev v tsarstvovanie Imperatora Pavla I [Seven Coats for Seven Years: Uniforms of Officers-Guardsmen During the Reign of Emperor Paul I]*, in: *Rodina*, 2000, #11, 72–76.

Materialy po istorii russkogo voennogo mundira 1730–1801: Sbornik dokumentov [Materials on History of Russian Military Uniforms 1730–1801: Collection of Documents], ed. by K. V. Tatarnikov, vol. I, Moscow 2009.

Sokolov O. V., *Armia Napoleona [Napoleon's Army]*, St. Petersburg 1999.

Voennaya odezhda russkoi armii [Military Uniforms in the Russian Army] by M. M. Khrenov, R. T. Zubov, I. F. Kononov, G. N. Nesterov-Komarov, M. A. Terovkin, Moscow 1994.

Vvedenskii G. E., *Piat vekov russkogo voennogo mundira: Entsiklopedia russkoi armii [Five Centuries of Russian Military Uniforms: Encyclopedia of the Russian Army]*, St. Petersburg 2005.

Yurkevich E. I., *Voennii Peterburg epokhi Pavla I [Military Petersburg during the Epoch of Paul I]*, Moscow and St. Petersburg 2007.

Д. А. Лобанов

МУНДИРЫ ГОРНОЗАВОДСКИХ ВОЙСК В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I¹

В XVIII — первой половине XIX в. в Российской империи Горное ведомство имело, по сути, собственную армию: горные роты, батальоны, штатные команды, в задачу которых входили охрана горных заводов, сопровождение караванов с казной и готовой продукцией, полицейская и противопожарная охрана на заводах и в горнозаводских поселках.

В начале XIX в. правительство Российской империи начало крупномасштабную реформу Горного ведомства. Реорганизовывалась система управления, производство, трудовые отношения. Реформировались и горнозаводские войска. Созданные еще в начале XVIII в. горные роты к началу следующего столетия находились в плачевном состоянии. Как утверждалось в «Докладе о новом образовании горного начальства и управления горных заводов», горная рота на заводах Уральского хребта «во-первых, неполна; во-вторых, имеет много престарелых солдат, которых никуда не можно употребить; в-третьих, имеет таких солдат, которых поведение нимало не соответствует поручениям, какие на них возлагаемы быть должны»². Также отмечалось, что «сия рота хотя бы и полна была и имела всех солдат здоровых и хорошего поведения, но и в таком случае была бы недостаточна для заводов Пермского и Горноблагодатского горных начальств»³.

30 декабря 1804 г. министр финансов направил императору Александру I доклад, в котором предлагалось сформировать «четыре разные команды: одна, из двух рот, для Пермского горного правления, которое после помянутого утвержденного доклада будет учреждено

в Перми для надзора за казёнными и для управления частных людей заводов; вторая, из четырёх рот, для Екатеринбургских заводов <...> третья, из трех рот, для Гороблагодатских, Камских и Пермских заводов и четвертая, из одной роты, для Банковских Богословских заводов»⁴. Команды предлагалось сформировать по образцу гарнизонных батальонов.

5 января 1805 г. «Положение о горной штатной команде хребта Уральского» и штаты команд были утверждены императором. Штатные команды предполагалось содержать «при Пермском горном правлении <...> на счет прибавочной на чугун подать, а при казенных заводах — на оных из заводской суммы»⁵.

Для команд вводилось и новое обмундирование. В хрестоматийном «Историческом описании одежды и вооружения Российских войск» содержатся сведения об обмундировании горнозаводских войск в царствование Александра I только с 1820 г., сведения о периоде с 1804 по 1820 г. отсутствуют. Реконструировать внешний облик горных солдат начала XIX в. позволяют документы, отложившиеся в фондах горнозаводских учреждений и горных заводов в Государственных архивах Пермского края и Свердловской области.

24 марта 1804 г. был опубликован указ о мундирах для горного и монетного ведомств и для Горного кадетского корпуса⁶. По этому указу красные с зеленым мундиры горного ведомства были заменены на темно-синие с черным подбоем и с черными с красным кантом воротником, обшлагами и обкладкой фалд. Прибор у горного ведомства полагался по-прежнему желтый, у монетного — белый. В соответствии с «Положением о горной штатной команде» для горнозаводских рот и команд «цвет сукна для мундиров остается тот же, который определен для высочайше утвержденного горного мундира от 18 февраля 1804 г.»⁷. Мундирные и амуничные вещи в команды полагалось выдавать по штату гарнизонного батальона от 30 апреля 1802 г.⁸

Каждому строевому нижнему чину горной команды полагались:

— однопортный мундир темно-синего сукна без погон с прямыми обшлагами, воротник, обшлага и обкладка фалд которого были чер-

¹ Автор выражает признательность к. и. н. Е. Ю. Рукосуеву за предоставленные материалы.

² Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. СПб., 1807. С. 173.

³ Там же. С. 174.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1957. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 46.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 28. СПб., 1830. С. 230.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1957. Л. 47 об.

⁸ Там же. Л. 48.

ного сукна с красным кантом, а медные пуговицы располагались: 9 по борту, по 2 на обшлагах, 2 на лифе, по 1 на концах фалд;

- галстук суконный;
- летние панталоны из белого фламского полотна;
- зимние панталоны из темно-синего сукна;
- рубашка;
- портянки;
- пара шерстяных носков;
- пара сапог;
- кивер;
- шинель серого сукна без погон с черным с красным кантом воротником, 6 медных пуговиц располагались по борту шинели и 1 на хлястике;
- фуражная шапка;
- полушубок⁹.

Из амунических вещей рядовые получали портупею, патронную суму с перевязью, ранец с ремнями, полунагалище, ружейный ремень, темляк. Ремни амуниции белились¹⁰.

У унтер-офицеров воротник и обшлага обшивались золотым галуном, они имели замшевые перчатки и трости. Мундиры барабанщиков обшивались белой тесьмой. Нестроевые нижние чины носили сюртуки соответствующих цветов, из амуниции они имели только ранцы и лишь старшие мастерские и фельдшера получали портупеи¹¹.

Снабжение горных команд оставляло желать лучшего, поэтому они продолжали носить предметы обмундирования и снаряжения образцов, установленных в 1802–1803 гг., как минимум до 1815 г.¹² Если в ротах при горных начальствах все нижние чины получили кивера (вероятнее всего, это были шапки образца 1803 г.), то в командах при заводах они могли отсутствовать. Шинели могли строиться из темно-синего сукна, а летние панталоны не выдаваться¹³. Поскольку солдаты чинили обмундирование и восполняли потери за свой счет, то зачастую в командах встречались «не соответствующие установленным образцам» пуговицы, пряжки на портупях и прочее¹⁴.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 179. Л. 40–47.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ГАПК. Ф. 180. Оп. 1. Д. 203. Л. 60–64.

¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 314.

В 1820 г. было решено переформировать команды в горные батальоны, которые имели бы двойное подчинение: горному начальству и корпусу внутренней стражи¹⁵. Однако реформа осталась на бумаге. И горные штатные команды просуществовали на заводах и при горном правлении до формирования в 1829 г. линейных батальонов.

Единственное, что изменилось в командах — обмундирование и снаряжение. Описание обмундирования горнозаводских войск образца 1820 г. имеется в «Историческом описании», оно дано в соответствии с образцовыми мундирами «сих батальонов, хранящимися при комиссариатском департаменте Военного министерства»¹⁶. Снабжались горные команды по-прежнему за счет сумм горных заводов. Поэтому по отчетам о «расходах, употребляемых по Пермским заводам в течение последних пяти лет», то есть с 1820 по 1825 г., можно убедиться, что реальные мундиры, построенные для воинских чинов при горном правлении и команд при заводах, немного отличались от образцовых. Мундирные и амунические вещи, как и прежде, полагались по образцу гарнизонных батальонов, но теперь по штату 1817 г. горным солдатам были построены голубые однобортные мундиры с желтыми кантами по воротнику, обшлагам, обшлажным клапанам и обкладке фалд и 21 оловянной пуговицей. Погоны полагались голубые без выпушек с шифровкой из гарусного шнура. На серых шинелях воротник и погоны были голубые без кантов и шифровок. Особенностью горнозаводских мундиров было то, что у унтер-офицеров при белых пуговицах воротник и обшлага обшивались золотым галуном¹⁷.

Новое обмундирование начали строить не ранее 1822 г., и окончательно переодеть солдат не успели вплоть до формирования линейных батальонов уже в следующее царствование.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 37. СПб., 1830. С. 171.

¹⁶ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Часть 13. СПб., 1901. 44, 45, 64.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 2. СПб., 1830. С. 45–70.

Г. Н. Соколов

К ИСТОРИИ ШАНЦЕВОГО ИНСТРУМЕНТА: МАЛАЯ ПЕХОТНАЯ ЛОПАТА

Локальные европейские войны, такие как Датская (1864) и Австро-прусская (1866), были одновременно и полигоном выработки новых и совершенствования имеющихся боевых средств. Стремительное развитие артиллерии и стрелкового оружия во второй половине XIX в., повлекшее усиление их поражающих свойств, увеличение дальности, скорострельности, кучности и т. п., потребовало и соответствующих средств защиты, выполняемых не только инженерными войсками.

Особую актуальность приобрела оперативная защита пехотинца. Так, появилась идея компактного инструмента для отыгивания индивидуального окопа или организации иного укрытия. Ее воплотил капитан датской королевской службы Линнеманн (Mads Johan Buch Linnemann, 1830–1889), разработав и запатентовав в 1868 г. особой конструкции небольшие лопаты. Так появились малые пехотные лопаты (далее — МПЛ), носимые на боевом ремне и ставшие обязательным элементом снаряжения солдат, видимо, всех стран мира. В практике двух великих войн XX столетия МПЛ стала еще и грозным орудием ближнего боя — сродни боевым топорам. Эта функция получила отражение в соответствующих наставлениях.

Конструкция лопаты Линнеманна в целом несложна. Лоток лопаты в верхней части имеет по краям небольшие загибы, именующиеся наступами, и посередине узкое ложбинообразное верхнее продолжение. Второй составляющей является тяж, представляющий собой также ложбинообразную (полутрубчатую) металлическую полосу, в нижней части завершающуюся щитообразным уплощенным расширением. Тяж щитообразным расширением соединяется с лотком в большинстве случаев пятью (в редких образцах тремя) заклепками. В образовавшееся трубкообразное навершие лопаты, охваченное обжимным кольцом, вставляется черенок, дополнительно крепящийся при помо-

щи сквозных заклепок, проходящих через тяж, навершие лотка сверху и через обжимное кольцо.

Черенок в отечественных образцах изготавливался преимущественно из березы и имел грибовидную (скругленную) вершину. Вес лопаты в различном исполнении составлял от 700 до 750 г. Ширина прямоугольного лотка 150 мм, длина 180 мм, с тяжем — 300 мм при общей длине 500 мм.

Линнеманн организовал свое производство в Австрии, также потерпевшей поражение в семинедельной войне с Пруссией, и сделал в эти годы эту страну крупнейшим поставщиком данного шанцевого инструмента. Так, Российская империя закупила для снабжения войск, участвовавших в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., 60 тысяч лопат на сумму в 30 тыс. руб. Постепенно выпуск МПЛ по патенту Линнеманна был налажен и на предприятиях Российской империи, и к началу I Мировой войны их изготавливали крупные производители сельскохозяйственного оборудования, например «Шодуар» (Екатеринослав), «Гриевз» (Бердянск), Лысьвенский механический завод графа Шувалова, завод Карла Шпигеля («К. Ш.» СПб), Златоустовский завод (рис. 1). Вес лопаты в различном исполнении составлял до 850 г, ширина прямоугольного лотка — 150 мм, длина — 180 мм (с тяжем — 300 мм) при общей длине 500 мм.

Отечественные «линнеманновские» МПЛ предреволюционного периода строго соответствовали прототипу. Только в послереволюционный период произошёл отказ от обжимного кольца. Контур лотка этих лопат четырехугольный, но некоторые экземпляры производства 1916–1917 гг. со складского хранения имеют пятиугольный контур. Возможно, это арсенальная переточка 1930-х гг, когда дальнейший выпуск МПЛ предполагал только пятиугольный вариант. Но Д. А. Ключков указал на документ 1916 г., предписывающий принять пятиугольную заточку по австро-венгерскому образцу.

В ходе I Мировой войны к изготовлению МПЛ были привлечены артельные производства, в том числе и поволжские, где, по-видимому, и родился новый для России тип МПЛ. Отечественные производители с целью упрощения производственного процесса применили приемы, обычные при изготовлении обычных бытовых лопат. Здесь при раскрое металла в верхней части лотка лист получает боковые прорезы, нижний край которых отгибается в наступ, а верх сворачивается в трубку-тулейку под черенок. Лицевая часть тулейки несколько вытянута вверх и имеет отверстие для сквозной клепки, закрепляющей

черенок (рис. 2). Для усиления прочности лоток в средней части имеет выпуклое ребро жесткости, сходящееся на нет к середине плоскости лотка. Ребро служит одновременно и заглублиению конусообразного основания черенка. Материалом черенка служит уже не только береза, но и дуб.

В послереволюционный период в отечественной практике было унаследовано производство классических «линнеманновских» МПЛ, также появился и их упрощенный вариант, заключающийся в отказе от обжимного кольца и креплении черенка через тяж и наверхие лотка сквозной клепкой. Тулейный тип, в свою очередь, получил тенденцию к упрощению, выразившуюся в характере крепления черенка и устройстве тулейки. Со времен II Мировой войны в нашей стране упрощенный тулейный тип доминировал вплоть до конца XX в. (рис. 3)

В период между мировыми войнами появилась общая практика отказа от клепки и замены ее сваркой, преимущественно точечной. В европейской практике появились тенденции к упрощению «линнеманновской» конструкции, выразившиеся прежде всего в отказе от обжимного кольца и креплении черенка только сквозной клепкой, утоншением металла лотка и усилении конструкции приклепыванием наступов или их прижатием к плоскости лотка. Финские и шведские «линнеманновские» МПЛ отличаются несколько большей высотой, размерами и формой лотка, а также (на ранних образцах) количеством заклепок на сочленении лотка с тяжем. Так, например, экземпляр, изготовленный на заводе «Шодуар» (г. Екатеринослав) в 1915 г. имеет 9 соединительных заклепок (рис. 4).

Более поздние экземпляры, по видимому уже местного (финского) производства имеют пять заклепок. Все эти финские и шведские пехотные лопаты 1910–1940-х годов имеют скобообразное наверхие черенка с деревянной поперечиной. Интересны экземпляры с клеймом «Коминтерн» (послереволюционное название заводов «Шодуар»), свидетельствующие о поставках шанцевого инструмента для финской армии этим предприятием, вероятно, вплоть до Зимней войны.

В Германии получили распространение лопаты производителя Herm. Dahlmann 1938 с длиной с черенком 1 м. Такого типа лопаты часто встречаются на фотографиях нижних чинов германской армии периода I Мировой войны, возвышаясь шаровидным наверхием высоко над головой изображенного. Лопата пулеметчика Германии в начале XX в имеет общую длину 340 мм, длину лотка 170 мм при ширине 120 мм.

Складные лопаты впервые были введены в 1938 г. в австрийской армии (Klappspaten), перейдя затем и получив широкое применение в вермахте наряду с линнеманновским типом. Последние имели распространение, вероятно, за счет старых запасов и незначительных поставок небольших фабрик-изготовителей. Складной вариант МПЛ носился в чехле на боевом ремне и позволял увеличить ее длину в развернутом состоянии до 680 мм (в сложенном состоянии — 485 мм при длине лотка 215 мм и ширине 148 мм), а также использовать ее как мотыгу (рис. 5). Положение лотка фиксировалось бакелитовой шайбой, что требовало некоторого времени для приведения МПЛ в рабочее состояние. Также к недостаткам конструкции надо отнести возможность попадания грязи в фиксирующее устройство.

В ходе военных действий в Европе американские военные уже с 1944 г. начали выпускать подобного рода МПЛ с незначительными изменениями, касающимися усиления лотка ребрами жесткости и некоторых других деталей. Резко изменился характер наверхия черенка, приобретшего, в отличие от германского шаровидного, каплевидную форму. В наставлении, изданном в период войны, есть раздел, посвященный описанию германской складной лопаты. В послевоенный период (1960-е гг.) в СССР появился не получивший широкого распространения складной тип, близкий по типу к приятному в армии ГДР.

Подводя итог этому краткому очерку, выделим три основных типа МПЛ, получивших распространение в XX в.:

- образца капитана Линнеманна;
- тулейного типа;
- складные.

Отдельные незначительные ниши занимают:

- а) лопаты нестандартных размеров, являющиеся, однако, носимым шанцевым инструментом (основная характеристика малых пехотных лопат);
- б) специализированные — снеговые (Швейцария, Скандинавия), для тяжелых грунтов (Скандинавия);
- в) комбинированные: лопата-кирка, лопата с приспособлением для резки проволоки, лопата-миномет и т. п. Мотыгу-кирку со съемной рукоятью (Великобритания) нельзя отнести к МПЛ как представляющую собой отдельный вид носимого шанцевого инструмента;
- г) лопаты производства США до 1943 г., представлявшие собой уменьшенную копию (общая длина) рабочей штыковой лопаты с т-образным наверхием рукояти и округло-приостренным лотком;

д) лопатка императорской японской армии. Лоток этой лопатки несколько вогнут и имеет округлое нижнее завершение, наступы завернуты вовне. Приблизительно от середины лотка вверх идет желобовидное ребро жесткости, переходящее в тулейку и служащее одновременно ложом для нижней части черенка. Цельносварная тулейка находится под небольшим углом по отношению к лотку, имеет косой срез с длинным концом во вне. Тулейка не имеет отверстия для крепежа. В верхней части лотка справа под наступом имеется отверстие, через которое пропускается бечева для фиксации черенка на чехле лопатки. Возможно, эта особенность позволяла использовать лопату как метательное оружие (рис. 6).

Основные европейские страны в послевоенный период приняли складной вариант малой пехотной лопатки с дальнейшим переходом к своеобразному трансформеру — лопате тройного сложения в пластиковом чехле (рис. 7).

Список литературы

Марьяненко А. Верная подруга боевая // Клинок. 2008. № 1 (6). С. 30–35.

Reference

Marianenko A., *Vernaia podругa boevaia [A faithful brother-in-arms]*, in: *Klinok [Blade]*, 2008, 1 (6), 30–35.

УДК 355.141:355.23 (47) »18–19»
ББК 68.49 (2Рос) 3

А. А. Михайлов

МУНДИР ВОСПИТАННИКОВ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.: УНИФОРМА И СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ

Боеспособность вооруженных сил государства, сама его политическая стабильность в тот или иной исторический период не в последнюю очередь зависят от профессиональной подготовленности и моральных качеств офицерского корпуса. Вполне закономерно, что на протяжении всего существования в России регулярной армии правительство уделяло повышенное внимание подготовке офицеров и военно-учебным заведениям, решавшим эту задачу. Требования к офицерам, разумеется, с течением времени менялись, но включали они также определенные константы, диктуемые самой спецификой их предназначения. Видную роль в подготовке будущих командиров играла военная униформа, которая, помимо чисто утилитарной роли, наделялась воспитательными функциями. Мундир подчеркивал принадлежность лица, его носившего, к определенной сословной группе, отражал военные традиции, обладал дисциплинирующим воздействием.

В первой половине XIX в. основным типом заведений для подготовки офицеров стали кадетские корпуса, в которых воспитанники (преимущественно — дворяне), находясь в интернате, получали и общее, и специальное военное образование. Согласно действовавшим в то время правилам, в корпуса принимали мальчиков с 10-летнего возраста, но при некоторых корпусах существовали также малолетние отделения.

Внутренняя организация корпусов и их система воспитания носили военизированный характер: воспитанники делились на роты (неранжированные, мушкетерские, гренадерские) под началом офицеров, много занимались строевыми упражнениями, подчинялись строгой дисциплине и, разумеется, носили военную форму.

Сеть кадетских корпусов в течение первой половины XIX в. неуклонно расширялась. В 1800 г. наименование 1-го и 2-го кадетских корпусов получили Сухопутный шляхетный и Артиллерийский и инженерный шляхетный корпуса, созданные еще в XVIII в.¹ Сходную с кадетскими корпусами организацию имело «благородное» (дворянское) отделение при учрежденном в 1798 г. в столице Военно-сиротском доме, которое принимало детей обедневших дворян. По образцу кадетских корпусов был организован в 1802 г. также Пажеский корпус, имевший привилегированный характер.

Наиболее активно система кадетских корпусов расширялась в правление императора Николая I (1825–1855). В 1828 г. был открыт Московский (позже — 1-й Московский) корпус, в 1829 г. на основе Военно-сиротского дома учредили Павловский кадетский корпус. Особое значение имела реализация военным ведомством программы по созданию губернских кадетских корпусов. С 1834 по 1851 г. появилось 10 корпусов: Новгородский (1834), Полоцкий (1835), Полтавский (1840), Воронежский (1845), 2-й Московский (1847) и др.

Наряду с кадетскими корпусами, действовали военно-учебные заведения, обладавшие некоторыми отличиями и выполнявшие, как правило, особые задачи. Так, в 1807 г. при 2-м кадетском корпусе был учрежден Волонтерный корпус, который на следующий год переименовали в Дворянский полк. Это учебное заведение должно было пополнить офицерами армию в сжатые сроки, принимало юношей, уже получивших общее образование и, имело короткий (двух-летний) учебный курс².

Для военной подготовки молодых дворян, уже поступивших на военную службу, предназначалась учрежденная в 1823 г. Школа гвардейских подпрапорщиков (с 1826 г. — Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров).

Появились в первые два десятилетия XIX в. военно-учебные заведения, готовившие офицеров для специальных родов орудия: Инженерное (1810) и Артиллерийское (1820) училища.

Военная форма воспитанников военно-учебных заведений в течение первой половины XIX в. менялась очень часто. При этом нововведения диктовались несколькими факторами. Во-первых, значительная

их часть была связана с изменениями обмундирования в армии в целом. Во-вторых, происходили изменения, вызванные стремлением руководителей Военного ведомства привести ее в большее соответствие с юным возрастом воспитанников, сделать ее более удобной. Данная тенденция, однако, пробивала себе путь медленно и с большим трудом. Многие военные педагоги того времени полагали, что никаких скидок на возраст кадетам делать не следует.

Наконец, по мере роста численности военно-учебных заведений вырабатывалось единое для учащихся обмундирование и, в то же время, развивалась система знаков различия. Таковые не только позволяли отличить воспитанников одного учебного заведения от другого, но и отражали своего рода иерархию учебных заведений по их «старшинству».

В январе — апреле 1800 г. для воспитанников 1-го, 2-го и Шкловского кадетского корпусов вместо униформы, установленной в 1797 г., были введены единообразные темно-зеленые кафтаны со стоячим темно-зеленым воротником и красными лацканами, при палевых, как и ранее, камзолах и панталонах.

Просуществовало это обмундирование очень недолго. Весной в 1802 г. в связи с изменением обмундирования в армии кадеты 1-го и 2-го кадетских корпусов получили двубортные мундиры фрачного покроя³. Цвет мундиров остался темно-зеленым, воротник был красным с темно-зеленой выпушкой, обшлага и обкладки пол — красными. Воротник, обшлага и рукавные клапаны обшивались золотым галуном. Для воспитанников 1-го кадетского корпуса устанавливались красные погоны, во 2-м корпусе — белые. При этом, кадеты, имевшие унтер-офицерское звание, носили лишь один погон — на правом плече.

Головные уборы у кадет мушкетерских и гренадерских рот, как и ранее, соответствовали таковым в армии: первые носили треугольные шляпы, вторые — гренадерские шапки с задниками «по цвету погон»⁴. Вне строя носилась также фуражная шапка из темно-зеленого сукна с красным околышем и выпушкой по цвету погон. Форменной обувью для кадет служили невысокие сапоги.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр.1. Т. XXVI. СПб., 1830. №19319. С. 71.

² Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище 1807–1809 гг. СПб., 1882.

³ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. XVII. СПб., 1901. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 6, 7.

В новую униформу практически сразу стали вноситься изменения. В октябре 1803 г. кадетским унтер-офицерам было предписано носить два погона, как и прочим воспитанникам⁵. В 1804 г. треугольные и гренадерские шапки у кадет были заменены единой для всех рот «суконной шапкой» с козырьком (прообраз кивера). Шапки первоначально имели репейки и кисти, но уже в 1805 г. их украсили султаны из конского волоса, а в гренадерских ротах — также медные бляхи в виде «гренады об одном огне»⁶.

В октябре 1807 г. кадетам было предписано носить португую не по поясу, как ранее, а через правое плечо, крест-накрест с перевязью патронной сумки. В декабре того же года ввели два вида панталон: «вседневные» серые и белые, которые надевались при выходах из корпуса, на парады, смотры. Носили панталоны с кожаными крагами «о семи медных пуговицах»⁷.

В августе 1808 г. кадеты получили обшитые черной кожей кивера, несколько ниже прежних шапок. С 1809 г. на киверах было положено иметь белые этишкеты.

В 1810 г. в кадетских корпусах были введены новые знаки на кивера, заменившие изображение гранаты: двуглавые орлы, окруженные полукруглым сиянием⁸. Эти знакам суждено было просуществовать очень долго, до 1917 г.

Определяя обмундирование для воспитанников новых военно-учебных заведений, было должно, как говорилось выше, соблюдать определенные правила иерархии. Так, в 1809 г. воспитанникам Дворянского полка были присвоены такие же мундиры, как у кадет 2-го кадетского корпуса, при котором полк и создавался. Однако золотой галун у рядовых воспитанников имелся лишь на рукавных клапанах (унтер-офицеры имели его также на воротнике и обшлагах). В 1810 г. для «дворян» (обиходное наименование воспитанников полка) были установлены желтые погоны, а не белые, как во 2-м кадетском корпусе.

В 1818 г. для рядовых воспитанников Смоленского (бывшего Гродненского) кадетского корпуса были введены мундиры такого же покроя, как в Дворянском полку, но без галуна на рукавных клапанах и с белыми погонами.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 12.

Несколько особняком стоял привилегированный Пажеский корпус, вошедший в состав военно-учебных заведений в 1802 г. Его воспитанники носили чрезвычайно нарядное обмундирование⁹, которое к тому же шилось из материала самого высокого качества¹⁰.

При внешней красоте, эффектности обмундирование воспитанников военно-учебных заведений первой четверти XIX в. мало соответствовало возрасту тех, кто его носил. Правда, для кадет малолетних отделений (мальчиков 6–10 лет) существовало особое обмундирование, которое в настоящей статье не рассматривается. Но 11- или 12-летнему подростку явно было непросто проводить дни в тесном мундире, сапогах или крагах, застегивать многочисленные пуговицы и крючки. Это понимали и отдельные руководители военно-учебного ведомства.

Назначенный в ноябре в ноябре 1819 г. главным директором 1-го и 2-го кадетских, Пажеского корпусов и Дворянского полка генерал от инфантерии П. П. Коновницын составил записку о преобразовании кадетских корпусов, в которой, в частности, отметил: «Я полагаю, что одежда воспитанников недостаточно просторна, особенно же исподнее платье, коего краги неудобны для носки. Для отвращения этого надлежит иметь мундиры гораздо просторнее, или для всдневного употребления сделать из экономических сумм камзольчики с пуговками в один ряд и брюки сверх сапог. Для караулов же, парадов и выездов воспитанников к родственникам они должны одеваться по данной форме»¹¹.

П. П. Коновницын оставался во главе военно-учебных заведений недолго, в августе 1822 г. он скончался, и многие его предложения остались нереализованными. Тем не менее, в 1820-е годы в кадетском обмундировании произошел ряд изменений, сделавших его несколько более удобным (или, вернее, менее неудобным).

Так, в ноябре 1823 г. воспитанникам при увольнении «со двора к родственникам в ненастное и холодное время» было предписано носить казенные шинели по образцу солдатских. Разрешалось также заменять солдатские шинели офицерскими, но их нужно было шить за свой счет¹². В феврале 1824 г. отменили ношение краг при «буднич-

⁹ См.: Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII начала — XX века. Л., 1988. С. 54–55.

¹⁰ Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа императрицы Александры Федоровны // Русская старина. 1875. Т. XII. №4. С. 775.

¹¹ Цит. по: Галушко Ю., Колесников А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М., 1993. С. 202.

¹² Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. XVII. СПб., 1901. С. 15.

ных», серых панталонах, сохранив их, однако, при выходных, белых панталонах.

Существенные перемены в униформе воспитанников военно-учебных заведений произошли в царствование императора Николая I, относившегося к военной сфере с особым вниманием. В феврале 1826 г. в связи с изменением армейского обмундирования для воспитанников всех кадетских корпусов, Военно-сиротского дома и Дворянского полка вместо прежних двубортных мундиров были установлены однобортные мундиры с красной выпушкой по борту. Серые и белые панталоны заменили длинными панталонами зеленого цвета с красной выпушкой по шву. В качестве обуви были приняты черные суконные полуштилеты, как в армейских пехотных полках.

Несомненно, удачным решением было введение в 1827 г. для кадет в качестве повседневного обмундирования темно-зеленых суконных курток (взамен мундиров) и серых брюк (суконных для зимнего времени и полотняных летних).

Создание по инициативе императора Николая I сети губернских кадетских корпусов потребовало, среди прочего, решения целого ряда проблем, связанных с обмундированием. В апреле 1830 г. все военно-учебные заведения в стране были разделены на три класса: к 1-му классу стали относиться губернские кадетские корпуса, Дворянский полк и Александровский корпус для малолетних воспитанников, к 2-му классу — 1-й, 2-й, Московский, Павловский кадетские корпуса, Пажеский корпус, Школа гвардейских юнкеров и подпрапорщиков. В 3-й класс вошли всегда стоявшие особняком Морской кадетский корпус, Артиллерийское и Инженерное училища¹³. Для каждого класса устанавливались единые принципы организации, правила приема и выпуска учащихся и др.

В том же году был принят «Устав для военно-учебных заведений 2-го класса». Относительно обмундирования воспитанников в нем говорилось: «Одежда воспитанников должна быть свободна и сообразна установленной форме. Узкое платье, перетяжки и нагрудники из ваты не должны быть терпимы»¹⁴. Руководство военного ведомства, таким образом, явно стремилось обеспечить уже не только внешний лоск, но и сделать обмундирование удобным. Очень интересен прямой запрет на весьма распространенную в офицерской среде того времени

практику подбивать грудь мундира ватой и носить корсеты для придания более подтянутого облика.

В декабре 1831 г. была установлена система галунного шитья на погонах для воспитанников, имевших звания. У фельдфебелей тонкий золотой галун нашивался по краям и посередине вдоль пятиугольного погона, у старших унтер-офицеров — только по краям, у младших унтер-офицеров — только вдоль посередине, у ефрейторов — поперек погона, у нижнего края.

Весьма непростой была система знаков различия для воспитанников отдельных кадетских корпусов. Покрой мундира у них был общим, а принадлежность к конкретному корпусу отражалась, прежде всего, в цвете погон, который также был связан с определенной иерархией. Воспитанники 1-го кадетского корпуса, например, имели все основания гордиться красными погонами, как у гвардейской пехоты и в первых полках армейских пехотных дивизий.

В марте 1828 г. для воспитанников Московского кадетского корпуса были введены такие же мундиры, как в 1-м и 2-м корпусах, но со светло-синими погонами. Однако, уже в феврале 1829 г. для московских кадет установили темно-зеленые с красной выпушкой погоны (как в четвертых полках пехотных дивизий). Светло-синие погоны (как в пятых полках) получил созданный на основе Военно-сиротского дома столичный Павловский кадетский корпус.

В ноябре 1833 г. императорским именованным указом для всех губернских кадетских корпусов был установлен единый мундир такого же покроя, как у воспитанников Дворянского полка, но «с тою разницею, что клапаны на рукавах вместо красных должны быть зеленые, с красною выпушкою, обложенные золотым галуном»¹⁵.

В приказ также оговаривалось, что будет установлено «различие между корпусами по цвету погон»¹⁶. В декабре того же года император подписал указ, согласно которому губернским кадетским корпусам устанавливались погоны следующих цветов: Новгородскому корпусу — красные, Тамбовскому — зеленые, Полоцкому — белые, Тульскому — светло-синие.

В дальнейшем, однако, система погон усложнялась, цвет их в том или ином корпусе мог с течением времени меняться, иногда, даже, по несколько раз в довольно короткие сроки. Особое значение поэто-

¹³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. V. Отд. 2. СПб., 1831. № 3615. С. 345–348.

¹⁴ Там же. № 3598. С. 291.

¹⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. VIII. Отд. 2. СПб., 1833. № 5769а. С. 5.

¹⁶ Там же. № 5842а. С. 9.

му имело введение в январе 1835 г. на погонах литер, обозначающих наименование заведения: 1К — в 1-м кадетском корпусе, 2К — во 2-м кадетском, 1М — в 1-м Московском, П — в Павловском кадетском корпусе и т. д. Несколько особняком стоял Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус: в честь его основателя погоны воспитанников и офицеров с 1834 г. имели литеры «Г. А.». Впоследствии «свои» литеры получали на погоны вновь создаваемые корпуса.

В мае 1841 г. военно-учебные заведения империи были распределены по трем военно-учебным округам: Санкт-Петербургскому, Московскому и Западному, при этом оговаривалось, что в каждом округе кадеты различных корпусов должны иметь погоны по высочайше утвержденному рисунку¹⁷.

Принадлежность корпуса к одному из округов обозначалось выпушкой погона: красная в Петербургском округе, белая — в Московском, светло-синяя — в Западном округе. Сами погоны у различных кадетских корпусов были: красные, белые, светло-синие и темно-зеленые. В случае, если цвета установленной для округа выпушки и самого погона совпадали, полагалась выпушка другого (не окружного) цвета. Например, синие погоны воспитанников Александровского Брестского кадетского корпуса, относившегося к Западному округу, имели красную выпушку.

В итоге при едином общем облике в кадетском обмундировании в 1830–40-е гг. сложилась целая система деталей, позволявшая точно определить принадлежность воспитанника к тому или иному корпусу и его звание (если таковое имелось). Впрочем, некоторые кадеты получали совершенно особое обмундирование. Так, в марте 1835 г. для поступивших в кадетские корпуса и Дворянский полк воспитанников из кавказских горцев и мусульман иных местностей была установлена весьма декоративная форма одежды, отражавшая национальные традиции. В декабре 1844 г. при реорганизации Оренбургского Неплюевского училища в кадетский корпус его воспитанники получили обмундирование, напоминавшее казачье, хотя и кадетского (темно-зеленого) цвета.

Многие перемены в кадетском обмундировании, однако, продолжали вводиться в силу перемен в армейской форме. Например, в мае 1844 г. для кадет всех корпусов и воспитанников Дворянского полка были введены, вместо киверов, каски, как у строевых чинов пехоты, но украшенные «кадетским гербом» (двуглавым орлом в сиянии).

¹⁷ ПСЗРИ. Собр.2. Т. XVI. СПб., 1842. № 14536. С. 380–381.

Воспитанники различных военно-учебных заведений первой половины XIX столетия в своих мемуарах часто сетовали на неудобство обмундирования. Например, К. Зенденгорст (в будущем — генерал), обучавшийся в 1-м кадетском корпусе с 1813 по 1825 г., вспоминал, что в малолетнем отделении ему пришлось носить куртку, в которой «летом было жарко, а зимой холодно»¹⁸. При зачислении в роту трудностей меньше не стало. «Одежда, — вспоминал Зенденгорст, — была следующая: двубортный мундир с золотым галуном по воротнику и на обшлагах, серые брюки с крагами. Эти солдатские краги, из толстой кожи и дурно пригнанные, портили ноги кадетам; просидеть в них восемь часов в классах была настоящая мука или пытка, потому что ноги делались от краг как будто налитые свинцом»¹⁹. Зачисленный в 1813 г. в Дворянский полк В. А. Докудовский назвал в мемуарах форменные краги «уродливыми»²⁰.

Обучавшийся в 1-м кадетском корпусе в 1826–1833 гг. М. Я. Ольшевский на склоне лет, уже достигнув генеральского чина, также не забыл о неудобстве кадетского обмундирования: «Моими же мучителями, с момента облачения моего в кадетскую форму, — вспоминал он, — оказались галстух и сапоги. Первый, надетый поверх рубашки, сшитый из довольно толстого холста, давил и тер мне шею; вырезковые же сапоги с дратвенными узлами и гвоздями в каблуках жали и терли мне ноги»²¹.

Несколько мемуаристов сошлись также во мнении, что обувь далеко не всегда отличалась хорошим качеством. Обучавшийся в Дворянском полку в 1815–1819 гг. Е. И. Топчиев отметил в мемуарах, что ему и его соучениками выдали «две пары сапог толстой кожи», но, так как были они «сшитые без мерки, что называется, на живую нитку», многие юноши предпочитали носить «собственные», сшитые на заказ, сапоги²².

¹⁸ Зенденгорст К. Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг. Воспоминание // Русская Старина. 1879. Т. XXIV. С. 307.

¹⁹ Там же. С. 309.

²⁰ Выписка из «Воспоминаний генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского» // История «дворян» и «константиновцев». 1807–1907. Приложения к 1-му тому. СПб., 1908. С. 281.

²¹ Ольшевский М. Я. Первый кадетский корпус в 1826–1833 гг. // Русская старина. 1886. Т. XLIX. № 1. С. 69.

²² Топчиев Е. И. Из воспоминаний Е. И. Топчиева // Русская старина. 1880. Т. XXVIII. № 8. С. 640.

Выпускник 1-го кадетского корпуса Л. Л. Драке, обучавшийся в нем позже, в 1850-е годы, вспоминал: «Сапоги были только короткие и зачастую в обыденное время не только в заплатках, но иногда (т. е. старые сапоги) и на одну ногу пригнанные»²³.

Носившиеся в строю головные уборы также мало подходили для подростков. Л. М. Жемчужников, обучавшийся в 1-м кадетском корпусе в 1839–1845 гг., отметил в мемуарах, что кивер, который приходилось надевать при выходе в город, был «до крайности неудобный»²⁴. Прошедший то же учебное заведение позже Л. Л. Драке носил сменившую кивер каску, что также было связано с неудобствами. По его словам, кадеты часто клали в каску носовой платок, чтобы «гайка шишака не давила темени»²⁵.

Чистить обмундирование воспитанники должны были сами, хотя объем возложенных на них обязанностей мог несколько варьироваться в зависимости от времени и места обучения. Известный литератор Ф. В. Булгарин, который в 1798–1806 гг. воспитывался в Сухопутном шляхетном (1-м кадетском) корпусе, отмечал в своих мемуарах: «Амуницию, ружья и башмаки чистили для нас лакеи и охрили два раза в неделю камзолы и нижнее платье (охрой с мелом и отрубями); но мы должны были сами причесываться, чистить бесчисленное множество пуговиц, пряжки и мундир»²⁶.

Причесывание в период обучения Булгарина была делом непростым. «Каждое утро, — вспоминал писатель, — надлежало связывать волосы в косу, заплетать плетешки и взбивать вержет <волосы надо лбом — А. М.>, примазываясь салом»²⁷.

Весьма сложным «сооружением» предстает кадетская прическа также в мемуарах Н. И. Андреева, который в 1803 г. был определен в Военно-сиротский дом: «Голова напудрена, сзади заплетены с боков маленькие косички в три прядка, а посредине коса с подкосником, обернутая черной лентой»²⁸.

²³ Драке Л. Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). СПб., 1911. С. 22–23.

²⁴ Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 46.

²⁵ Драке Л. Л. Указ. соч. С. 23.

²⁶ Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 107.

²⁷ Там же.

²⁸ Андреев Н. И. Из воспоминаний Николая Ивановича Андреева // Русский архив. 1879. Кн. 3. № 10. С. 174.

Вероятно, когда в июле 1806 г. было приказано «обрезать косы под гребёнку»²⁹, многие воспитанники испытали большое облегчение.

Обучавшийся в Военно-сиротском доме в 1826–1834 гг. В. Д. Кренке подробно описал в мемуарах царившие в этом учебном заведении строгие спартанские порядки. Здесь воспитанникам приходилось чистить не одни только пуговицы и пряжки. «Кадеты, — вспоминал Кренке, — сами чистили сапоги, весь медный прибор к амуниции, ружья, часто сами белили амуницию»³⁰.

Более того, в каникулярное время воспитанники Военно-сиротского дома даже занимались починкой обмундирования. По рассказу Кренке, «кадеты много шили; они начинали эту практику с шитья подтяжек, ношение которых было обязательно, но которые от казны не отпускались; подтяжки шились из лоскутков всевозможных материй; затем чинили платье, особенно холщевые летние панталоны; практиковалось, или, вернее, изучалось до совершенства искусство чистить сапоги, причем заплатки на сапогах замазывались клейстером, чтобы не были заметны; практиковались в починке сапог»³¹.

Воспитанник Московского кадетского корпуса (1833–1839) А. Н. Корсаков в своих мемуарах также уделил большое внимание обмундированию и уходу за ним. «Вставали мы в 6 часов утра, — писал он, — и тотчас же должны были “чиститься” и “чиниться”, т. е. должны были вычистить себе сапоги и пуговицы и починить платье, для чего в особой комнате, называемой умывальной, служителями приготавливались вакса в большой деревянной чашке, сапожные щетки, тертый кирпич и пр.»³².

Помогать кадетам с починкой одежды, по рассказу Корсакова, должен был служитель-портной. Однако он не мог «перешить всю одежду, которая на мальчиках, как говорится, горела», поэтому воспитанники часто «чинились» сами³³. В отличие от Военно-сиротского дома кадет Московского корпуса шить и штопать, видимо, не учили. Во всяком

²⁹ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. XVII. СПб., 1901. С. 9.

³⁰ Кренке В. Д. Кадетский быт двадцатых — тридцатых годов (1826–1834) // Исторический вестник. 1882. Т. VIII. № 4. С. 120.

³¹ Там же. С. 117–118.

³² А. К. Воспоминания московского кадета // Русский архив. 1880. Кн. 2. № 2. С. 457.

³³ Там же.

случае, Корсаков завершает рассказ об осмотре насмешливым замечанием: «Можно вообразить себе, что это была за починка»³⁴.

Л. М. Жемчужников в мемуарах кратко отметил: «Мы сами чистили себе платье, сапоги, ружья и делали постели»³⁵.

За неисправное, грязное обмундирование кадет строго наказывали, в том числе телесно. Ф. В. Булгарин вспоминал, что во время утренних осмотров полковник К. А. Пурпур «строго следил за чистотой, и каждые не вычищенные пуговицы или пряжка, каждое пятнышко на лацканах или на светлом камзоле и нижнем платье и малейший беспорядок в прическе кадетов навлекали неизбежное наказание»³⁶. Самому будущему писателю пришлось испытать, в связи с придирчивостью офицера, немало тягот. «Я был обыкновенной жертвой Пурпура розголюбия, — с горечью вспоминал он, — потому что никак не мог справиться с множеством пуговиц, крючков, петелек, пряжек и не умел сберегать лацканов, камзола и нижнего платья от чернильных пятнышек»³⁷.

Сходные факты приведены в мемуарах В. Д. Кренке: «Секли за всякую безделицу <...>, оторванная пуговица, грязный сапог — влекли наказание розгами»³⁸.

Впрочем, в Военно-сиротском доме жестокость режима отчасти была связана со спецификой заведения, в котором обучались сыновья бедного дворянства, часто сироты. По этой же причине обмундирование эксплуатировалось до полного износа. Принятые на обучение мальчики получали мундиры убывших или выросших кадет, часто у них, по словам Кренке, «заплата была на заплате»³⁹.

А. Н. Корсаков отмечал в мемуарах, что утренние осмотры проводили унтер-офицеры из числа кадет. Делали они это с большим рвением: «Унтер-офицеры осматривали платье и сапоги, повертывая кадет во все стороны и заставляя поднимать то руки, то ноги, чтобы увериться, не разорвано ли где под мышкою, крепки ли подошвы, вычищены ли закаблучья»⁴⁰.

Права налагать телесные наказания кадетские унтер-офицеры не имели, зато могли, в качестве взыскания, ограничивать сверстников

в пище и, судя по мемуарам, активно эту меру применяли. «Утренний осмотр, — вспоминал Корсаков, — был для нас первым испытанием: малейшая неисправность вызывала у унтер-офицера слова: без сбитня, без сбитня, и без булки, без пирога, на один суп и даже без обеда, на хлеб и воду»⁴¹.

Кстати, унтер-офицеры имели возможность освободиться от тягостных обязанностей по чистке обмундирования и оружия. В. А. Докудовский рассказывал в своих мемуарах: «Мне как фельдфебелю жившие со мною в камере дворяне <т. е. воспитанники Дворянского полка — А. М.> чистили мое ружье, платье, сапоги и краги»⁴². Подобная «услужливость» сверстников вполне понятна, учитывая власть, которой был наделен юный унтер-офицер.

Жестокое наказание за недостаточно аккуратное с точки зрения наставников обмундирование в кадетских корпусах первой половины XIX в. не были чем-то исключительным: порядки в целом отличались чрезвычайной суровостью. Воспитанник Дворянского полка А. Миклашевский вспоминал о своей юности: «Чуть ли ни за каждую провинность карали, карали и пороли, и нередко расправа с детьми доходила до инквизиционных пыток»⁴³. Сходные суждения можно найти в мемуарах воспитанника практически любого кадетского корпуса.

Жестокость, однако, часто порождала озлобление, итогом чего стало появление особой категории воспитанников, которые подчеркнуто нарушали корпусные порядки и, среди прочего, бравировали пренебрежением к форменной одежде. На кадетском жаргоне они именовались «старыми кадетами», или «закалами».

М. Я. Ольшевский писал в мемуарах: «Вот наружный очерк старого кадеты: ноги колесом или кривые, куртка и брюки запачканные, а иной раз и разорванные, притом у первой крючки на воротнике и несколько пуговиц на борту незастегнутые, сапоги нечищенные, волосы взъерошенные, руки исцарапанные, с грязными ногтями, кулаки

³⁴ Там же.

³⁵ Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 46.

³⁶ Булгарин Фаддей. Воспоминания. М., 2001. С. 107.

³⁷ Там же. С. 108.

³⁸ Кренке В. Д. Указ. соч. С. 120.

³⁹ Там же. С. 119.

⁴⁰ А. К. Воспоминания московского кадеты // Русский архив. 1880. Кн. 2. №2. С. 458.

⁴¹ Там же.

⁴² Выписка из «Воспоминаний генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского» // История «дворян» и «константиновцев». 1807–1907. Приложения к 1-му тому. СПб., 1908. С. 282.

⁴³ Миклашевский А. М. Дворянский полк в 1840-х гг. Посвящается товарищам в день 83-й годовщины учреждения полка, 14 марта 1891 г. // Русская старина. 1891. Т. LXIX. №1. С. 111.

сжатые, физиономия мрачная, а иной раз и побитая, разговор грубо отрывистый, голос басистый»⁴⁴.

Сходные сведения содержатся в мемуарах Л. М. Жемчужникова, отметившего, что многие кадеты 1-й (старшей) роты «ходили в грязных, заплатанных куртках, пели громко неприличные песни, нюхали табак, курили, старались говорить басом»⁴⁵.

В. Г. фон Бооль, который окончил 1-й кадетский корпус в 1856 г., т. е. более чем двадцатью годами позже Ольшевского и через 11 лет после ухода из него Жемчужникова, описывал «старого кадета» почти также, как и два выше указанных мемуариста: «Ноги колесом, идет, сильно стуча каблуками, обшлага на рукавах отворочены, нижние пуговицы куртки расстегнуты, смотрит на все, особенно на начальство, зверем»⁴⁶.

Разумеется, «старые кадеты» часто подвергались суровым наказаниям, но выработанный в их среде кодекс требовал строго переносить порку и не проявлять слабости.

Вместе с тем, многие кадеты старались выглядеть молодежато и иногда вносили в обмундирование свои «улучшения». А. Н. Корсаков, например, вспоминал: «Заботились больше всего о том, чтобы шинель не казалась мешком, а сидела бы ловко, чтоб была видна талия, а назади все складки были бы собраны аккуратно. Все это достигалось посредством различных приспособлений — пересадки крючков, пуговиц, перешивки тесемок и проч.»⁴⁷.

Поясняя причины, по которым воспитанники придавали подгонке обмундирования большое значение, мемуарист писал: «Здесь я должен заметить, что солдатское щегольство это вызывалось отнюдь не требованием начальства, которое (надо отдать ему справедливость), наблюдая за чистотой и опрятностью, было далеко от таких тонкостей <...>. У нас были судьи другие — некоторые из своих же товарищей, преимущественно те, которые были мастерами по фронту, “фронтниками”, и потому пользовавшиеся по своей специальности общим у нас авторитетом. Эти если, бывало, увидят на ком-нибудь завалившийся набок или на затылок кивер или опустившуюся амуницию или неподтянутый приклад, тотчас же скажут: “Эх ты, шмара!”».

⁴⁴ *Ольшевский М. Я.* Первый кадетский корпус в 1826–1833 гг. // *Русская Старина*. 1886. Т. XLIX. № 1. С. 72.

⁴⁵ *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 49.

⁴⁶ *Фон Бооль В. Г.* Воспоминания педагога // *Русская старина*. 1904. Т. CXXVII. № 5. С. 383.

⁴⁷ *А. К.* Воспоминания московского кадета // *Русский архив*. 1880. Кн. 2. № 2. С. 460.

И хотя никто не понимал, что такое “шмара”, однако ж не совсем равнодушно относились к такому прозвищу и всячески старались избегать его»⁴⁸.

Характерно также, что начальство кадетских корпусов использовало в качестве наказания кадет лишение их каких-либо элементов униформы (чаще всего погон) и ношение особой «позорной одежды». Второй из названных видов взыскания имеет очень давнюю традицию. Еще в XVIII в. в Сухопутном шляхетном корпусе провинившихся кадет «штрафовали» лишением мундира и одевали в особый «китель»⁴⁹. В «Уставе для военно-учебных заведений 2-го класса» 1830 г. как особое наказание значится «надевание серой куртки», причем эта мера считалась очень строгой: сразу за ней в перечне стоит телесное наказание⁵⁰.

По рассказу Л. Драке, в 1850-е гг. в 1-м кадетском корпусе практиковалась «постановка к столбу в столовой в промасленной ламповщицкой куртке из серого солдатского сукна»⁵¹. При этом мемуарист отмечал, что «к такому позорному наказанию» за все время его пребывания в корпусе «был подвергнут только один кадет»⁵².

Неудачный для России исход Крымской войны сильно подорвал авторитет русской армии в целом и военно-учебных заведений в частности. Военный педагог Н. А. Якубович отмечал в мемуарах: «“Солдатчина”, “кадетчина”, “ремешок”, “бурбон” и другие выражения применялись на каждом шагу ко всему, что носило военный мундир»⁵³.

В середине 1850-х гг. в обмундирование военно-учебных заведений вновь были внесены серьезные изменения. В 1855 г. для кадет были установлены двубортные мундиры-«полукафтаны» из темно-зеленого сукна с выпушкой и подбоем красного цвета. В марте 1858 г. кадеты, наряду с нижними чинами Военного ведомства, получили шинели нового образца, серые, с суконными клапанами и без пуговиц. Целый ряд нововведений в кадетском обмундировании в 1850-е годы, видимо, диктовался стремлением военного руководства сделать

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Алпатов Н. И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа (из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958. С. 39.

⁵⁰ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. V. Отд. 2. СПб., 1831. № 3598. С. 296.

⁵¹ *Драке Л. Л.* Указ. соч. С. 9.

⁵² Там же.

⁵³ *Якубович Н. А.* Летопись и мысли старого педагога // *Русская старина*. 1913. Т. CLIV. № 6. С. 608.

его более привлекательным, подчеркнуть заслуги и значимость военной школы, авторитет которой пошатнулся.

Практиковалось, например присвоение кадетам и офицерам корпусов вензелей монархов и членов императорского дома на погоны. Еще в 1851 г. воспитанники и офицеры Петровского Полтавского кадетского корпуса получили на погоны вензель Петра I. В 1855 г. для погон Павловского и Константиновского (создан на основе Дворянского полка) кадетских корпусов были установлены, соответственно, вензель Павла I⁵⁴ и литера «К» с короной (в честь первого шефа великого князя Константина Павловича⁵⁵). В 1859 г. погоны Александровского Брестского корпуса украсил вензель Александра II⁵⁶.

В 1856 г. была уточнена система цветов для кадетских погон⁵⁷. Предписывалось, чтобы в каждом округе в первых (по старшинству) кадетских корпусах погоны были красные, у вторых — светло-синие, третьих — белые, четвертых — темно-зеленые. Цвета выпушек, обозначавшие принадлежность к округу, остались прежними (красный, светло-синий, белый), но в случае совпадения цвета погона и выпушки последнюю просто не делали. Другим нововведением, принятым в 1850-е годы, стали петлицы из галуна на воротнике мундира и ликвидация галунной обшивки.

Возможно, некоторые из нововведений в области униформы (вензеля на погонах) диктовались стремлением руководства Военного ведомства укрепить пошатнувшийся авторитет кадетских корпусов. Частичные изменения происходили в это время также в учебной и воспитательной системе. Однако «косметический ремонт» едва ли мог решить проблему. В 1860-е годы в ходе кардинальных военных реформ, которые осуществлялись под руководством военного министра Д. А. Милютин, была преобразована и система военно-учебных заведений, готовивших офицеров.

На основе кадетских корпусов в 1860-е годы были созданы общеобразовательные военные гимназии и военные училища, которые давали преимущественно военное профессиональное образование⁵⁸. В мае 1863 г. специальные классы всех кадетских корпусов, за исключением

Пажеского, Финляндского, Оренбургского Неплюевского и Сибирского, были сведены в три военных училища: 1-е Павловское, 2-е Константиновское в Петербурге и 3-е Александровское в Москве. Штаты и табели этих учебных заведений были утверждены 25 августа 1863 г. в качестве опыта на три года⁵⁹. Срок обучения устанавливался в два года, юноши, успешно прошедшие курс, получали чин подпоручика.

Еще до утверждения училищных штатов, в июле 1863 г., учащимся (юнкерам) было присвоено новое обмундирование. В Павловском, Константиновском, Александровском училищах им полагались двубортные мундиры из темно-зеленого «гвардейского» сукна с красным воротником, обшитым галуном (но без петлиц и выпушки), шаровары зимние темно-зеленого сукна с красной выпушкой и летние, белые «из гвардейского фламского полотна»⁶⁰.

Погоны у Павловского училища были светло-синие с литерой «П» под короной, у Константиновского — красные с литерой «К» под короной, у Александровского — белые с литерой «А», также под короной. Пуговицы на мундирах были медные, желтые, и первоначально несли изображение гранаты. Однако уже в декабре 1863 г. для юнкеров всех училищ, кроме Александровского, были приняты «гладкие» (без изображения) пуговицы, юнкерам-александровцам предписывались пуговицы с короной в знак того, что их шефом является царствующий монарх⁶¹. Юнкерам также полагалась шинель серого гвардейского сукна, а для «домашнего употребления» еще короткий плащ из темно-серого кадетского сукна. Обувью служили сапоги.

Буквально накануне преобразования кадетских корпусов, в 1862 г., для их воспитанников в качестве головных уборов были введены, вместо касок и фуражек, шапки-кепи, которые носились и в строю, и вне строя. В зимнее время воспитанники стали надевать башлык. Кепи и башлыки перешли также к юнкерам военных училищ. Кепи изготавливались из черного сукна, имели красные кант в верхней части и околыш.

Вскоре, однако, в обмундирование юнкеров военных училищ стали вноситься изменения. Одним из самых существенных была произведенная в 1872 г. замена двубортного мундира однобортным. В 1881 г. в качестве головных уборов юнкерам назначили фуражки и черные барашковые шапки (как у нижних чинов в армейской пехоте).

⁵⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXX. СПб., 1856. №29252. С. 295.

⁵⁵ Там же. №29269. С. 314.

⁵⁶ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXI. СПб., 1861. №34423. С. 386.

⁵⁷ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXI. СПб., 1857. №30494. С. 297.

⁵⁸ См.: Михайлов А. А., Филюк С. О. Реформы российских военно-учебных заведений в 1860-е годы. Альтернативные проекты и итоги // Военно-исторический журнал. 2011. №6 (614). С. 27–35.

⁵⁹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Отд. 1. СПб., 1866. №40010. С. 933–934.

⁶⁰ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Отд. 2. Штаты и табели. СПб., 1866. №39820. С. 185.

⁶¹ Там же. №40367. С. 284.

Особую униформу имели юнкера учрежденного в 1866 г. Оренбургского военного училища. Отличной от униформы общевоинских училищ была униформа юнкеров Николаевского кавалерийского, Михайловского артиллерийского, Николаевского инженерного училищ.

Наряду с военными училищами, в 1860-е годы по инициативе Д. А. Милютина в военных округах открывались юнкерские училища. Они имели прикладную, менее обширную, чем в военных училищах, программу и готовили, в первую очередь, к строевой офицерской службе. Поступали в юнкерские училища преимущественно вольноопределяющихся (т.е. лица, добровольно поступившие на службу нижними чинами)⁶². Особой униформы учащиеся юнкерских училищ не имели и носили мундиры своих полков.

Создание общеобразовательных военных гимназий началось в 1863 г. с преобразованием общих классов 2-го кадетского корпуса во 2-ю военную гимназию. К 1866 г. в стране существовало уже 12 военных гимназий. Согласно утвержденному императором положению, целью этих учебных заведений было «доставлять детям дворян, предназначенных к военной службе, приготовительное общее образование и воспитание и служить, вместе с тем, приготовительными заведениями для поступления в военные училища»⁶³.

Принимали в гимназии мальчиков-дворян с 10-летнего возраста, приоритетными правами на казенное содержание обладали сыновья и особенно сироты офицеров. Курс первоначально был рассчитан на 5 лет, но вскоре увеличился до 7 лет. Военный элемент в воспитании был сокращен. Воспитанники делились не на роты, а группы, именовавшиеся «возрастами». На воспитательские должности стали принимать гражданских лиц.

Первоначально военные гимназисты носили кадетские мундиры, но в мае 1864 г. они получили новую униформу. Каждому кадету полагались два мундира: повседневный и парадный. Повседневный мундир был темно-зеленый суконный, двубортный, с красным воротником без петлиц и с гладкими пуговицами. Брюки полагались также суконные, «мундирного цвета». Воротник парадного мундира украшали галунные петлицы. Сохранились погоны, цвет которых в боль-

шинстве случаев совпадал с цветом погон корпусов, на основе которых гимназии создавались.

Униформа воспитанников, таким образом, оставалась военной, хотя внутренние порядки в заведениях военной характер утрачивали. Действовавшие правила по-прежнему требовали от воспитанников строгого соблюдения правил ношения одежды, чистоты, опрятности, но меры взыскания за проступки и упущения стали гораздо мягче. Обучавшийся в Петровской Полтавской военной гимназии в 1864–1871 гг. В. С. Кривенко так описал в мемуарах подготовку учеников к утреннему осмотру: «В маленьком коридоре стоят несколько грязных скамеек, на них расставлены тарелки с рыжей вонючей ваксой, протертые щетки и толченый кирпич. Подле скамеек толкотня, возня, спор из-за щеток и гербовок (особых дощечек для чистки пуговиц). Тут же, на подоконнике, приютился старик портной в очках <...>. Его обступили кадеты. Старик обыкновенно копается над какой-нибудь заплатой на куртке ранее всех подоспевшего счастливца; другим же приходится вооружаться иглами и заняться ремонтом своей одежды»⁶⁴.

Рассказ В. С. Кривенко почти дословно напоминает рассказ Корсакова о подготовке к утреннему осмотру в Московском кадетском корпусе в 1830–40-е гг. Однако о суровых наказаниях он пишет как о большой редкости, относя этот факт, правда, на счет снисходительности директора.

Наряду с военными гимназиями в ходе реформ был создан еще один тип общеобразовательных учебных заведений Военного ведомства — военные прогимназии. Они принимали достигших 12-летнего возраста сыновей офицеров и чиновников Военного ведомства независимо от их сословной принадлежности и считались «приготовительными заведениями для юнкерских училищ». В ноябре 1868 г. для воспитанников прогимназий было установлено особое обмундирование. Им полагался темно-зеленый двубортный полукафтан со стоячим зеленым воротником, темно-зеленые зимние (без выпушек) и светлые летние панталоны. Воротник имел красные клапаны и серебряные галунные петлицы, «по образцу военных гимназий»⁶⁵.

Плечевые погоны в военных прогимназиях, как и в военных гимназиях, имели различные цвета в зависимости от заведения: в Петербургской военной прогимназии — алые без выпушки, в Оренбургской —

⁶² См.: Михайлов А. А., Филюк С. О. Создание и развитие системы юнкерских училищ в России в ходе военных реформ 1860–1870-х годов // Военно-исторический журнал. 2011. № 8 (616). С. 25–32.

⁶³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLII. СПб., 1868. № 43738. С. 133.

⁶⁴ Кривенко В. С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 46.

⁶⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLIII. Штаты и таблицы. СПб., 1873. № 46483. С. 920.

светло-синие без выпушки, в Омской — белые со светло-синей выпушкой и т. д. Главным убором служила шапка-кепи, но башлыка не полагалось. При выходе на улицу в холодное время учащиеся прогимназий надевали наушники из темно-зеленого сукна. Стоит заметить, что Д. А. Милютин относился к прогимназиям с особым вниманием и надеялся, что в дальнейшем их удастся преобразовать в гимназии.

Среди значительной части офицерства бытовало, однако, мнение, что милютинские гимназии стали слишком «штатскими» и недостаточно готовят мальчиков к стезе юнкера и, позже, офицера. Вскоре после вступления на престол императора Александра III (1881) и назначения военным министром П. В. Ванновского в 1882 г. военные гимназии вновь были переименованы в кадетские корпуса. Александр III в связи с этим заметил министру: «Дай Бог, чтобы предполагаемые преобразования военно-учебных заведений принесли пользу нашей славной армии и увеличили бы и укрепили бы настоящий военный элемент развитых и честных служаек»⁶⁶.

Кадетские корпуса сохранили общеобразовательный курс, но в их педагогической системе вновь был усилен военный элемент. Воспитанников разделили на роты с офицерами во главе, на воспитательские должности также стали назначаться офицеры. Так как помимо собственно учебной функции кадетские корпуса выполняли благотворительную, обеспечивая образованием за казенный счет сыновей офицеров, сеть их постоянно расширялась, в том числе и за счет преобразуемых прогимназий.

В 1881 г., незадолго до преобразования военных гимназий в кадетские корпуса, кеппи у воспитанников были заменены фуражками. В феврале 1882 г. кадетам было предписано носить обмундирование, принятое в военных гимназиях, лишь с очень небольшими, частными изменениями. В октябре 1885 г. император по представлению военного министра утвердил для кадетских корпусов шифры на погоны⁶⁷. В том же году были вновь учреждены отмененные в военных гимназиях звания для воспитанников. Те, кто имел лучшие успехи в учебе и строевой подготовке, могли стать вице-унтер-офицерами и вице-фельдфебелями. Первым присваивалась золотой галун по краю погон, а вторым, сверх того, — продольная галунная полоска посредине погона⁶⁸. Постепенно проводилось также возвращение на корпусные

погоны вензелей представителей правящей династии, сыгравших видную роль в истории того или иного заведения.

В конце XIX — начале XX в. в кадетскую форму был внесен целый ряд изменений, некоторые из которых имели целью напомнить о традициях и истории заведений. В марте 1902 г., например, на мундирных пуговицах появилось изображение старого символа — двуглавого орла в «сиянии». В 1903 г. на смену матерчатым кушкам пришли черные кожаные ремни, бляхи которых несли такое же изображение.

При единообразии кадетской формы в некоторых корпусах сохранялись специфические элементы, отражавшие особенности истории заведений. Ярким примером тому служит учрежденный в 1883 г. Донской кадетский корпус. Он располагался в Новочеркасске и принимал на обучение преимущественно сыновей казачьих офицеров. Воспитанники носили синие мундиры казачьего покроя, казачьи шаровары (выходные — с алыми лампасами).

Утвержденная в 1886 г. «Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов» особо подчеркивала, что кадет должен быть аккуратен, поддерживать форму в порядке. Обучавшийся в Киевском кадетском корпусе (1887–1894) А. А. Игнатъев упомянул о мундирных пуговицах, «для чистки которых служили ладонь и тертый кирпич»⁶⁹. Военный педагог С. Я. Фисенков в одной из своих статей отмечал: «В жизни корпусов пуговицы и костяшки <дощечки для чистки пуговиц — А. М.> играют весьма почетную роль, и добрая треть взысканий, налагаемых на кадетов, именно и бывает за неопрятность и неисправность в одежде»⁷⁰. Правда, сами наказания стали гораздо менее суровыми, чем в первой половине XIX в.

Форма, по мысли педагогов, должна была не только дисциплинировать, но и спланировать кадет. Пошив мундиров за собственный счет запрещался, дабы сгладить проявления имущественного неравенства между воспитанниками. Директор одного из столичных кадетских корпусов в речи, обращенной к офицерам-воспитателям перед началом нового 1907/1908 учебного года, отмечал: «Прежде всего, следует безусловно запретить ношение собственных вещей и внушить кадетам, что такой обычай есть неделикатность по отношению к товари-

⁶⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 136.

⁶⁷ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. V. СПб., 1887. № 1117а. С. 18.

⁶⁸ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 83.

⁶⁹ Игнатъев А. А. 50 лет в строю. Воспоминания. М., 2002. С. 38.

⁷⁰ Фисенков С. Я. Из быта кадетских корпусов // Педагогический сборник. 1914, январь — июнь. С. 198.

щам, и именно тем, которые не могут себе позволить замену казенных вещей более ценными»⁷¹.

В большинстве случаев педагогам, по-видимому, удавалось внушить кадетам не только привычку к аккуратности, но и уважение к мундиру как неотъемлемому элементу военной службы. Во всяком случае, наиболее позорным наказанием среди большинства кадет считалось лишение погон.

Показателен в этом отношении инцидент, имевший место в январе 1887 г. в Псковском кадетском корпусе. Кадет 4-го класса Б. Корчиц совершил очень серьезный проступок: нанес оскорбление офицеру-воспитателю (обозвал его «поганой сволочью»). Когда виновному объявили, что с него снимут погоны, он заплакал и, «сильно рассердясь, сказал, что пусть его лучше отправят в Ярославскую школу, чем лишат погон»⁷². Надо заметить, что Ярославская военная школа была исправительным учебным заведением, и перевод в нее имел бы более серьезные последствия, чем временное лишение погон.

Обучавшийся в начале XX в. в Сумском кадетском корпусе Д. Л. Де-Витт вспоминал: «Кадет со срезанными погонами в строй становиться не смел и ходил сзади отдельно, ел за отдельным столом, сидел один на парте, товарищи его сторонились, он был обесчещен»⁷³.

В связи с лишением погон стоит упомянуть о еще одном эпизоде. В 1906 г. педагогический комитет Александровского кадетского корпуса (в Петербурге) постановил подвергнуть этому наказанию двух кадет за то, что они «свистели во время перемены в ротном зале». Дело дошло до занимавшего пост главного начальника военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича, который решение отменил. Поясняя отмену, он подчеркнул: «Нахожу снятие погон, как взыскание унижительное, неуместным за проступок, хотя и дерзкий и наглый, но не низкий»⁷⁴.

Существовали в кадетских корпусах конца XIX — начала XX в. и свои правила щегольства. Например, по воспоминаниям А. А. Игнатьева, среди его соучеников по Киевскому кадетскому корпусу ценилось искусство заправлять башлык под погоны «без единой складки»⁷⁵.

⁷¹ Педагогический сборник. 1907. Кн.1. С. 47.

⁷² ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 72. Л. 19.

⁷³ Де-Витт Д. Из далекого прошлого // Военная быль. 1955. № 12. С. 12.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 356. Оп. 1. Д. 398. Л. 164.

⁷⁵ Игнатьев А. А. 50 лет в строю. Воспоминания. М., 2002. С. 38.

Униформа юнкеров военных училищ в конце XIX — начале XX в. очень часто подвергалась небольшим изменениям. Определенную роль тут играло то обстоятельство, что в начале XX осуществлялось постепенное преобразование юнкерских училищ в военные. В июле 1901 г. императорским указом было объявлено, что юнкера в юнкерских училищах должны носить темно-зеленые мундиры, установленные в 1881 г. для нижних чинов пехоты, со светло-синей выпушкой на воротнике и обшлагах. Но уже в 1907 г. для юнкеров были введены новые двубортные мундиры с алой выпушкой по борту и обшлагам. По мере преобразования училищ в большинстве из них цвет погон изменился (см. табл. 1). На погоны некоторых бывших юнкерских училищ был дан вензель представителей царствующего дома. Например, Тифлисское училище получило литеру «М» в честь великого князя Михаила Николаевича.

Таблица 1. Погоны пехотных юнкерских (военных) пехотных училищ в начале XX в.

Наименование училища	Погоны по «ведомости» 1901 г.	Дата преобразования в военное училище	Погоны после преобразования
Санкт-Петербургское	Алые, без выпушки, шифровка «П. Ю.»	1909	Белые, выпушка алая
Виленское	Светло-синие, выпушка алая, шифровка «В. Ю.»	1910	Светло-синие, без выпушки
Одесское	Белые, выпушка алая, шифровка «О. Ю.»	1910	Белые, выпушка светло-синяя.
Чугуевское	Алые, выпушка светло-синяя, шифровка «Ч. Ю.»	1910	Алые, выпушка белая
Казанское	Светло-синие без выпушки, шифровка «К. Ю.»	1909	Алые, выпушка светло-синяя
Тифлисское	Белые, выпушка светло-синяя, шифровка «Т. Ю.»	1910	Светло-синие, выпушка белая
Иркутское	Алые, выпушка белая, шифровка «И. Ю.»	1911	Белые без выпушки

В 1909–1910 гг. юнкера пехотных, артиллерийских и инженерного военных училищ, а также пехотных юнкерских училищ, получили в качестве строевого и парадного головного убора кивера, что сближало их с гвардией и повышало авторитет учебных заведений.

В отличие от кадет, юнкерам не возбранялось шить обмундирование за собственный счет. Обучавшийся в 1903–1905 гг. в Павловском военном училище Ю. В. Макаров вспоминал, что большинство юнкеров заказывало мундир прямо в училищной швальне. Собственные мундиры, как пояснял мемуарист «шились, конечно, лучше, строго по мерке, в талию и разрешалась даже некоторая небольшая подбавка в плечах»⁷⁶. Юнкерские представления о красоте требовали также увеличивать высоту воротника больше, чем полагалось по уставу. Начальство «воротники несколько выше форменного» негласно разрешало, но многие юнкера шли гораздо дальше. Мемуарист, по собственным словам, сразу при поступлении в училище «сшил себе сапоги, шаровары и мундир с воротником чуть ли не времен Николая I, под самый подбородок». Мундир этот он начальству не предъявил и хранил на городской квартире⁷⁷.

Особенно высокие требования предъявлялись юнкерским обществом к мундиру в Николаевском кадетском корпусе, где носить казенное обмундирование вообще считалось дурным тоном. Стремление «улучшить» униформу, сделать ее более красивой (в понимании юнкеров) не означало, конечно, неуважения к форменной одежде. Вызывалось оно именно тем, что юнкера хотели выглядеть как можно более бравыми, иметь «лихой» внешний вид. Многие воспитанники хорошо знали историю «своих» мундиров, а некоторые их элементы считались очень важными, рассматриваясь необходимым атрибутом «настоящего» военного (юнкера пехотных училищ стремились, например, носить шпоры, им не положенные).

В разгар 1-й Мировой войны один из воспитанников Псковского кадетского корпуса, Б. Ждан-Пушкин, написал для корпусного журнала статью под названием «Обаяние мундира». В ней он рассуждал о том, что заставляет большинство людей с уважением

относиться к военной форме. «Мундир военного, — говорилось в статье, — должен постоянно напоминать об обязанностях военной службы, о ее назначении и цели. Эта цель велика и возвышенна. Наша армия денно и нощно веками стоит на страже родины <...>. Постоянная, чуждая всяких колебаний готовность к самопожертвованию придает военному сословию возвышенный и героический характер. И этот героизм налагает неизгладимый отпечаток на всю наружность военного; она-то и отражается таким заманчивым блеском на военном мундире. Вот в чем главный секрет обаяния военного мундира и военной службы»⁷⁸.

При всем пафосе подобного рассуждения оно совершенно точно отражает взгляд на военную униформу, который старались привить (и, как правило, успешно прививали) питомцам военно-учебных заведений педагоги, и на то символическое значение, которым униформа наделялась.

Список литературы

- Апатов Н. И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958, 244 с.
- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. XVII. СПб., 1901, 48 с., 96 л. илл.
- Галушко Ю., Колесников А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М., 1993, 222 с.
- Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988. 239 с.
- Гурковский В. А. Кадетские корпуса Российской империи. М., 2005. Т. 1. 263 с.; Т. 2. 367 с.
- Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. 672 с.
- Лушиников А. М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996. 151 с.
- Михайлов А. А. Обаяние мундира. Псков, 2004. 296 с.

⁷⁶ Макаров Ю. В. Моя служба в старой гвардии. 1905–1907. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 25.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Ждан-Пушкин Б. Обаяние мундира // Пскович. № 1 (18). 1916. С. 18–19.

References

- Alpatov N. I., *Uchebno-vospitatelnaya rabota v dorevolucionnoj shkole internatnogo tipa [Educational work in pre-revolutionary residential school]*, Moscow 1958.
- Galushko U., Kolesnikov A., *Shkola Rossijskogo Oficerstva. Istoricheskij spravocnik [The School Of Russian Military Officers. A historical reference]*, Moscow 1993.
- Glinka V. M., *Russkij voennyj kostyum XVIII — nachala XX veka [Russian military uniform XVIII — early XX century]*, Leningrad 1988.
- Gurkovskij V. A., *Kadetskie korpusa Rossijskoj Imperii [Cadet corps of The Russian Empire]*, v. 1–2, Moscow 2005.
- Krylov V. M., *Kadetskie korpusa i rossijskie kadety [Cadet Corps and Russian Cadets]*, St. Petersburg 1998.
- Lushnikov A. M., *Armiya, gosudarstvo I obchestvo: sistema voennogo obrazjvaniya v social'no-politicheskoj istorii Rossii (1701–1917 gg.) [Army, state and society: system of military education in the socio-political history of Russia 1701–1917]*, Yaroslavl 1996.
- Mihajlov A. A., *Obayanie mundira [The charm of uniform]*, Pskov 2004.
- Viskovatov A. V., *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih voisk [The historical description of uniform and weapons of Russian troops]*, Part XVII, St. Petersburg, 1901.

УДК 94 (47).083
ББК 63.3 (2) 53

А. В. Аранович, В. А. Безродин

ОБМУНДИРОВАТЕЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Одной из важных задач Интендантского управления являлось вещевое снабжение войск. В XIX в. для удовлетворения нужд войск привлекался труд нижних чинов, частично элементы мундирного обеспечения изготавливались силами самих воинских частей. Ближе к концу XIX в. система вещевого довольствия централизуется и унифицируется.

Согласно последних «Правил снабжения войск» (приказ по Военному ведомству 1914 г., № 214), войска снабжались обмундированием, обувью, бельем и постельными принадлежностями в готовом виде, т. е. интендантство брало на себя заготовление необходимых предметов довольствия¹. Исключение составляли войска гвардии, части кавалерии и конной артиллерии, на обувь которых интендантство выделяло денежные суммы.

К предметам вещевого довольствия относились: годовые, мундирные, амуничные и бессрочные вещи, а также деньги: амуничные, ремонтные, на шитье и на заготовление вещей, не отпускаемых натурой. Кроме этого, к вещевому довольствию принадлежали: теплые вещи, палатки (лагерные, походные и госпитальные), предметы конского снаряжения, обоз, церковные наметы и постельные принадлежности. Эти предметы и размер их отпуска определялись вещевыми табелями.

Вещевое довольствие разделялось на срочное или периодическое, производящееся ежегодно для удовлетворения постоянной потребности в вещах, и сверхсрочное, или случайное, вызываемое особыми потребностями, к примеру:

- 1) для новобранцев и нижних чинов запаса на призывных и сборных пунктах,
- 2) на пополнение непредвиденной или случайной убыли вещей;

¹ Бакланов В. И. Подряды и поставки по военному ведомству. Пг., 1916. С. 312.

- 3) при перемене формы обмундирования или снаряжения;
- 4) при увеличении штатного состава части;
- 5) при формировании новых частей или открытии новых заведений.

Отпуск в войска срочного вещевого довольствия начинался с 1 января года, по сроку которого должно было отпускать вещи, и оканчивался к 1 марта срочного года.

В число годовых вещей входили: гимнастические и нательные рубахи, исподние брюки (подштанники), носовые платки, утиральники, портянки, готовые сапоги и сапожный товар.

Ежегодно каждому нижнему чину выдались годовые вещи:

а) в готовом виде: три рубахи, трое исподних брюк, три носовых платка, три пары портянок и два утиральника;

б) сапожный товар, состоящий из двух пар передов, двух пар подошв (в гвардии — 3 пар), двух пар подметок (в гвардии подметок не полагалось) и одной пары длинных голенищ. Новобранцам выдавались две пары голенищ: одни длинные, другие укороченные. Новобранцам, которым полагались укороченные шаровары, выдавались обе пары сапог с длинными голенищами².

Из-за централизованного характера распределения обмундирование для частей пехоты, лёгкой артиллерии и инженерных войск изготавливалось не по индивидуальным меркам каждого солдата, а по ростам и лекалам. В начале XX в. обмундирование строилось на шесть ростов. Войсковые части каждый год готовили требовательную ведомость на те материалы и годовые вещи, которые были необходимы. В ведомости указывалось количество чинов и элементов обмундирования того или иного роста³. Затребованные вещи поступали в качестве неприкосновенного запаса в войска и хранились на местных складах до отпуска на довольствие. При выдаче в войска производилась, по мере необходимости, подгонка этих усреднённых вещей под требования конкретных солдат.

Обеспечение мундирного снабжения требовало организации сети вещевых складов, откуда довольствовались части, а также обмундировальных мастерских для пополнения складов и выполнения заказов войск.

Мастерские подразделялись на центральные и местные (районные). На центральных изготавливались предметы вещевого доволь-

ствия, а местные отвечали за вещевое снабжение тех частей войск, для которых были законтрактованы. Кроме того, местные мастерские производили пригонку и обновление обмундирования.

Центральные мастерские

К началу XX в. интендантство располагало 17 центральными мастерскими для шитья обмундирования: двумя казенными интендантскими (Двинск и Киев), тремя тюремными (Санкт-Петербург, Херсон и Томск) и 12 частными (по две в Петербурге, Москве и Елисаветграде, по одной в Варшаве, Казани, Кременчуге, Ставрополе, Тифлисе и Ташкенте)⁴.

Эти мастерские были размещены по военным округам неравномерно, что не позволяло округам оперативно решать вопрос об обмундировании солдат своими средствами. Приходилось заказывать униформу у соседей. Такой порядок в начале XX в. был признан неудобным. Постепенно готовились и проводились преобразования, целью которых было упорядочить процесс вещевого довольствия армии. Предполагалось иметь центральные обмундировальные мастерские в каждом округе (кроме Варшавского) соответственно потребности каждого округа, по мере необходимости устраивать корпусные, дивизионные или гарнизонные мастерские, привлекая, насколько возможно, тюремное ведомство.

Во второй половине 60-х годов XIX в. в России было учреждено шесть интендантских казенных обмундировальных мастерских. Эти предприятия обеспечивали производство униформы для резервных батальонов и в неприкосновенный запас. Располагались они в Санкт-Петербурге, Москве, Двинске, Брест-Литовске, Киеве и Тифлисе. К началу XX в. из них остались только Киевская и Двинская.

Эти обмундировальные мастерские занимали казенные помещения и использовали казенное оборудование. Во второй половине XIX в. при изготовлении мундирной одежды частично использовался труд откомандированных от войск нижних чинов. Другая часть рабочих была из вольнонаемных. Постепенно к началу XX в. в казённых мастерских использование труда солдат прекратилось.

Постоянный штат мастерских состоял из начальника, его помощника, писаря и двух вахтеров. Работники приходили по вольному найму, не исключалась и работа на дому.

² Лосицкий Н. М. Полное руководство для каптенармусов. Киев, 1914. С. 11–12.

³ Положение об интендантском вещевом довольствии, СПб., 1899, С. 18–19.

⁴ Макшеев Ф. А. Курс интендантской академии. Интендантское хозяйство в мирное время, СПб., 1912.

Постоянный состав мастерских получал жалование по принципу комиссионного вознаграждения. На постройку вещей обмундировальные мастерские получали от казны материалы в количестве и размере, определенном табелями. Кроме того, в случае необходимости по тем же самым табелям отпускались денежные средства. Военный совет устанавливал предельную поштучную стоимость постройки вещей, исключая из этой суммы денежные средства и материалы, выданные по табелям. Сличение предельной поштучной стоимости с реальной стоимостью постройки вещей (наем рабочих, покупка приклада и проч.) давало экономию, из которой начальник мастерской получал денежное жалование.

Приказ по Военному ведомству 1909 г. № 148 отменял действие комиссионерского права для казенных обмундировальных мастерских. Для определения стоимости производства работ и размера выплачиваемого жалования в мастерских организовывались хозяйственные комитеты. Этот же приказ вводил «Временное положение», определяющее порядок работы этих комитетов.

Постоянный штат казенной обмундировальной мастерской оставался без изменения. Все работы производились вольнонаемными рабочими. Хозяйственный комитет вел хозяйственную часть мастерской и состоял из председателя и двух членов, избираемых окружным интендантом из числа чинов подчиненных ему учреждений. Заведующий мастерской и его помощник могли участвовать в заседаниях комитета с правом голоса.

Хозяйственный комитет составлял смету, утверждаемую окружным интендантом на предстоящий год, и приводил её в исполнение. Комитет распоряжался всеми суммами, отпущенными на содержание мастерской, определял стоимость постройки каждой вещи, распоряжался изготовлением приклада, отопления, освещения, ремонтом машин, рабочего инвентаря и проч. Он также устанавливал штат постоянных служащих и мастеровых, определял количество рабочих для своевременного выполнения нарядов, заключал и утверждал договоры по найму служащих.

Работы по нарядам производились преимущественно в помещениях мастерской. В случае их недостатка хозяйственный комитет либо снимал необходимые площади, либо сносился с интендантством о предоставлении казенных помещений. В крайнем случае комитет получал право передавать работу кустарям, общественным или благотворительным учреждениям с выдачей казенных материалов. Причём

эти материалы должны были обязательно передаваться в раскрытом виде и с организацией надлежащего надзора за работами на стороне.

Общее наблюдение за деятельностью казенной мастерской осуществлял окружной интендант. Ежемесячно мастерские подавали финансовый отчет, ежегодно проводилась полная их ревизия.

Кроме казенных, потребности армии обеспечивали частные обмундировальные мастерские, мастерские тюремного ведомства, общественных и земских организаций, специально оборудованных для шитья солдатского обмундирования, обуви и белья. Эти мастерские законтрактовывались интендантством и работали под его постоянным наблюдением.

Обмундирование изготавливалось из казенных материалов, отпускаемых мастерской распоряжением интендантства. Перевозка материалов в мастерскую из интендантского склада производилось за счет мастерской. При приемке мастерская имела право обращать внимание на качества казенных материалов, но производить их выбор, таким образом останавливая приём, не могла. В этом случае в течение суток после получения спорных материалов мастерская должна была подать заявление о замеченных недостатках в окружное интендантское управление, от которого зависело разрешение вопроса. С разрешения главного интенданта обмундирование в случае надобности могло изготавливаться из материалов, поставленных мастерской, но с условием предварительного приема интендантской приемной. За такие материалы уплачивалось мастерским с разрешения главного интенданта не дороже средней цены, утвержденной при изготовлении таких же материалов в потребность текущего года.

Если шитье вещей исключалось из наряда или предъявленные к сдаче вещи были забракованы, мастерская была обязана сдать полностью казенные материалы или возместить казне их стоимость по средней утвержденной цене.

При введении новых образцов вещей или изменении существующих авансовое количество материалов, требуемое на их изготовление, до установления постоянных для них норм, определялось в мастерской опытным путем комиссией, назначенной окружным интендантом, и им же утверждалось. По установлении постоянных норм мастерской отпускался дополнительный материал или удерживался излишек, в зависимости от полученной разницы.

Все швейные принадлежности и приклад для изготовления обмундирования должны были быть от мастерской, и отдельной платы

за них от казны не производилось. Прикладом считались нитки, крючки, все пуговицы, кроме нашиваемых на мундиры и шинели; для шаровар — кольца, тесьма для завязок; для фуражки — картон, подтулейник и козырек; для башлыка — башлычная тесьма; для теплого башлыка — вата и тесьма; для наушника — тесьма; для пристежных погон — шнур; для набрюшника — тесьма и для папахи — пряжка, шнур и вата.

Изготовление обмундирования в мастерской производилось согласно с установленными для этих предметов образцами и описаниями. За этим окружным интендантом устанавливалось наблюдение приемными комиссиями или особо назначенными интендантскими чинами.

Перед раскроем средствами мастерской сукно должно было подвергаться декатировке — влажно-тепловой обработке ткани для ее усадки. Отпускаться могли и уже декатированные сукна. В таком случае количество сукна определялось по пломбам и ярлыкам, которые снимались перед раскроем материала в присутствии комиссии или наблюдающих от интендантства чинов, и сдавались им под расписку.

В случае существенного изменения форм обмундирования, которое могло вызвать увеличение или уменьшение платы за шитье, или введения новых образцов, новые цены устанавливались по представлению военно-окружного начальства Военным советом. Если мастерская не соглашалась на уплату денег по новой расценке, то измененные вещи заказывались в другой мастерской.

При введении в употребление новых или существенно видоизмененных предметов мастерская была обязана немедленно и безвозмездно изготовить по объявленному описанию и присланному Техническим комитетом образцу из казенных материалов два образца этих предметов для представления их в окружное интендантское управление. На прикрепляемых к ним ярлыках обозначалась ростовка и испрашиваемые цены за изготовление.

Образцы всех форм и ростов каждого из обозначенных в контракте предметов изготавливались без оплаты от казны, но из казенных материалов и предоставлялись через окружное интендантское управление на утверждение Технического комитета. В случае неодобрения Техническим комитетом образцы изготавливались снова на тех же основаниях вплоть до их полного одобрения.

Образцы лекал предметов обмундирования высылались из Технического комитета и по этим утвержденным лекалам строились с них сколки, которые по освидетельствовании и по их одобрении комиссией выдавались мастерским. Сколки изготавливались за счет мастерской.

Районные или местные мастерские учреждались при отдельных частях войск. Их организация возлагалась на дивизионных интендантов.

Местные мастерские подряжались по указанию окружного интенданта для одной или для нескольких войсковых частей. Общее наблюдение за ходом работ в местных мастерских лежало на корпусных и дивизионных интендантах. Ближайшее наблюдение за ходом работ, а также установление порядка снятия мерок, получения лекал, материалов, их раскроя лежало, в зависимости от принадлежности мастерской, на войсковой части или на дивизионном интенданте, если мастерская была законтракована для нескольких частей. Порядок учета денег и материалов устанавливался окружными интендантами.

Расположение местных мастерских не предполагалось в казарменных помещениях, но в исключительных случаях, по решению командира части, эта мера допускалась.

Одной из основных функций местных мастерских была пригонка обмундирования перед выдачей его в носку, а затем обновление его по мере надобности. Мелкая починка обмундирования, перешивка пуговиц, крючков и колец к шароварам, нашивка тесьмы, выведение и чистка пятен и т. п. производились попечением войсковой части за счет денежного отпуска в размере 10 коп. на каждого штатного нижнего чина.

Части войск, управлений и учреждений, в состав которых входило не более 100 нижних чинов, а также те, которые не имели возможности запрянуть мастерскую, могли с разрешения военно-окружного совета производить пригонку и обновление при посредстве кустарей. Распоряжение на это давалось начальством соответствующих частей, управлений и учреждений. На производство работ по пригонке и обновлению обмундирования ежегодно выделялись по планам заготовления обмундирования денежные средства в определенном для каждого нижнего чина размере.

Сукна и холсты на обновление обмундирования отпускались войскам по определяемым военно-окружными советами нормам в зависимости от формы обмундирования с таким расчетом, чтобы стоимость этих материалов не превышала 3% (в гвардии 4,5%) общей стоимости этих материалов, определенных на изготовление: мундиров, лацканов, шаровар, шинелей, фуражек, папах и походных суконных рубах для срочного довольствия этой же части в данном году.

Материалы и предметы обмундирования, подлежащие пригонке и обновлению, предприниматель получал и по окончании работы

сдавал в местах, указанных войсковой частью. Перевозка вещей и материалов производилась предпринимателем без расходов для казны за свой счет, страх и риск за целость и сохранность имущества.

Материалы, требующиеся для пригонки и обновления обмундирования, выдавались от войсковой части. Приклад для работ, в зависимости от формы обмундирования, ставился подрядчиком за свой счёт. Перечень прикладных материалов был тот же, что и для центральных мастерских. Освидетельствование войсковой частью приклада производилось при приеме сшитых вещей.

При работах по пригонке и обновлению обмундирования предприниматель руководствовался образцами, описаниями и лекалами мерок, предъявленными ему войсковой частью⁵. Общее наблюдение возлагалось на дивизионного и корпусного интендантов. Рабочие этих мастерских обеспечивались за счет предпринимателя.

Все исполненные работы свидетельствовались войсковыми частями, которые сами уплачивали местным мастерским деньги из отпущенного им на то из интендантства аванса согласно контракта. Но в ряде случаев оплата производилась интендантскими органами по указанию окружного интенданта.

В случае возникновения спорных вопросов по поводу забракования предъявленных к сдаче вещей, окончательное разрешение спора производил начальник войсковой части. Окончательно забракованные вещи должны были быть заменены новыми или переделаны предпринимателем к определенному сроку. Воинская часть не отпускала на эту переделку дополнительные средства, деньги и материалы, которые должны были быть казенного образца и качества.

Начавшаяся в 1914 г. I Мировая война, потребовавшая заготовления в огромных количествах предметов вещевого и т. п. довольствия, стала серьёзным экзаменом для сложившейся в начале XX в. системы казённых и частных мастерских, работавших с военным заказом. С помощью ряда мер, таких, как законтрактовывание дополнительных мощностей, расширение производства существующих мастерских, широкое использование эрцазматериалов, изменения условий приёмки товара, частичного использования импорта удалось в целом снабдить войска униформой и снаряжением. «В результате этих мер

⁵ Лосицкий Н. М. Руководство для заведывающих войсковыми швальнями и обмундировальными мастерскими. Киев, 1909. С. 65–80.

количество заготовленного снаряжения вполне покрывало потребность в нем и было выслано в армию полностью»⁶.

Список литературы

- Аранович А. Система вещевого довольствия русской армии накануне и в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Саратов, 2006.
- Бакланов В. И. Подряды и поставки по военному ведомству. Пг., 1916.
- Лосицкий Н. М. Руководство для заведывающих войсковыми швальнями и обмундировальными мастерскими. Киев, 1909.
- Лосицкий Н. М. Полное руководство для каптенармусов. Киев, 1914.
- Макишев Ф. А. Курс интендантской академии. Интендантское хозяйство в мирное время, СПб., 1912.
- Положение об интендантском вещевом довольствии, СПб, 1899.

References

- Aranovich A. *Sistema veshhevo dovol'stviya russkoj armii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny* [System of Payment in Kind of the Russian Army before and during World War I], in: Doklady Akademii voennykh nauk, Voennaya istoriya, 5, Saratov 2006.
- Baklanov V. I., *Podryady i postavki po voennomu vedomstvu* [Contracts and Supplies for the Military Administration], Petrograd 1916.
- Lositskij N. M., *Rukovodstvo dlya zavedyvayushchikh vojskovymi shval'nyami i obmundiroval'nyimi masterskimi* [Manual for Managers of Military Workshops], Kiev 1909.
- Lositskij N. M., *Polnoe rukovodstvo dlya kaptenarmusov* [Full Manual for Quartermasters], Kiev 1914.
- Maksheev F. A., *Kurs intendantskoj akademii. Intendantskoe khozyajstvo v mirnoe vremya* [Course of Quartermaster Academy. Quartermaster Management in Peacetime], St. Petersburg 1912.
- Polozhenie ob intendantskom veshchevom dovol'stvii* [Statute of Quartermaster's Payment in Kind], St. Petersburg 1899.

⁶ Аранович А. В. Система вещевого довольствия русской армии накануне и в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Саратов, 2006. С. 56.

А. В. Лысёв

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОЙ ФОРМЫ В ЯПОНСКУЮ КАМПАНИЮ: В ЧЁМ ВОЕВАЛИ РУССКИЙ МАТРОС И СОЛДАТ ПОД ПОРТ-АРТУРОМ В 1904 г.

Русско-японская война оказала существенное влияние на эволюцию военной формы. Особенно ярко эту эволюцию можно проследить на примере боёв под Порт-Артуром в 1904 г. Изменения затронули форменную одежду чинов как Военного, так и Морского ведомства.

Еще на судах в гардеробах морских офицеров стали появляться неуставные вещи: шведские рабочие куртки, разного рода тужурки и бушлаты. С наступлением жаркого времени года как офицеры, так и матросы практиковали ношение сетки на голое тело вместо нижних рубаш. Среди младшего и среднего командного состава флота большой популярностью пользовались английские грибообразные шлемы и ботинки на шнуровке.

Вероятно, некоторая часть этих вещей была приобретена личным составом еще до начала войны, но тогда их ношение не приветствовалось командованием, поскольку являлось нарушением устава. С началом боевых действий ситуация изменилась. На посторонние элементы в униформе, если они были удобны владельцу, стали смотреть сквозь пальцы. Это правило действовало тем сильнее, чем ближе человек находился к передовой. Более того, когда выяснилась необходимость в обмундировании защитного цвета, морякам на берегу прямо были рекомендованы кителя цвета хаки или синие куртки. 1 мая 1904 г. начальником эскадры контр-адмиралом В. К. Витгефтом был выпущен циркуляр № 37, гласивший: «Всем офицерам, находящимся на батареях и на наблюдательных постах, завести себе синие или цвета хаки кителя или же синие куртки, ничем не отличающиеся от формы нижних чинов. На куртках сих иметь старые погоны. Шляпы разрешаю носить соломенные или другие, но не белые. Установленную форму завести

на фортах и на миноносцах. Форму эту офицерам и нижним чинам носить в виду неприятеля»¹.

Мичман Дараган с броненосца «Цесаревич» по поводу этого циркуляра писал домой 2 мая 1904 г.: «Вышел приказ о том, что следует на батареях и в горах ходить в фантастических синих или серо-желтых формах». О скорости исполнения этого приказа можно судить из следующего письма Дарагана, написанного 5 мая 1904 г. В нем Дараган отмечал: «Нигде нет больше сизо-желтых кителей. Я раздобыл материю неприличного цвета и хочу шить полную форму и чехлы на фуражку. В 20 шагах на местности не заметить»².

Можно предположить, что не один Дараган принимал участие в обороне Порт-Артура одетым в прообраз камуфляжной формы. Приказ начальника эскадры от 10 мая 1904 г. за № 87 дополнял распоряжения от 1 мая. По этому приказу десантников морских батальонов обязывали выкрасить рубашки в цвет хаки³. Как видим, эта инициатива исходила от местного командования. Своей властью контр-адмирал В. К. Витгефт вышел за регламентированные Сводом морских постановлений рамки, касавшиеся формы одежды чинов флота. Сделано это было вполне своевременно, с учетом специфики боевых действий на берегу. Как видно из приведенного свидетельства, имел местовольный выбор защитных цветов.

Следует отметить общий активный процесс эволюции военной формы в осажденном Порт-Артуре. Эта эволюция была связана не только с удобством нерегламентированных видов одежды, но и с частичным уничтожением огнём противника накопленных перед войной уставных запасов. Влияли и другие факторы.

Например, моряки на берегу очень быстро изнашивали сапоги. 18 октября 1904 г. приказом № 189 по отдельному отряду броненосцев и крейсеров (так стала называться вернувшаяся в Порт-Артур часть эскадры после неудачного прорыва во Владивосток 28 июля 1904 г.) предписывалось личному составу в десантных и резервных морских ротах на берегу плести в свободное время лапти из ворсы⁴. Разработали такую обувь на броненосце «Ретвизан». Для получения материала распускали смоленые морские канаты. Этим занимались легкораненные на Тигровом полуострове.

¹ РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 606. Л. 51.

² Там же. Ф. 763. Оп. 1. Д. 201. Л. 52–54.

³ Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 606. Л. 71.

⁴ Там же. Д. 615. Л. 86.

С наступлением холодов морякам на позициях стали выдавать солдатские шинели из запасов гарнизона. 13 октября 1904 г. командир порта Артур адмирал И. К. Григорович приказом № 1456 велел морякамшить на эти шинели погоны с надписью «Квантунский экипаж»⁵. Впрочем, на последнем этапе обороны крепости даже в форме моряков исчезали внешние знаки различия. «Одежда самая разнообразная, — вспоминал о последних днях обороны мичман Страхов, — полушубки, бушлаты, какие-то кацавейки. Редко у кого форменная фуражка. Офицеры щеголяли в каких-то удивительных малахаях и грубых полушубках. <Многие из них тонули> и потом приходилось одеваться уже в то, что удавалось достать»⁶.

Оставшийся без гардероба после гибели броненосца «Победа» лейтенант С. Н. Тимирев описывал свои сборы в штаб командующего всеми эскадренными командами на позициях в декабре 1904 г. следующим образом: «Наскоро собрав свою амуничку (бывшую, кстати, в большом расстройстве: саблю пришлось взять чужую, револьвер мне одолжил доктор Григорович, верхнюю тужурку мне подарил лейтенант Кротков <сослуживцы — А. Л.>, сжалившиеся над моей бедностью — кроме легкой тужурки, брюк и фуражки собственных вещей у меня не было. Все остальное погребло на броненосце) — я отправился в штаб»⁷.

Моряки, как видим, под конец осады были одеты весьма разнообразно. Все виды одежды смешались. Люди носили уставную форму, форму, заведенную местным командованием, наконец, просто гражданскую одежду. Наиболее типичным был в декабре 1904 г. вид порт-артурского моряка в элементах одежды всех перечисленных видов.

За время осады сильно изменилось и обмундирование чинов порт-артурского гарнизона. Причины этого изменения сводились к следующему. Во-первых, естественный износ форменной одежды и обуви в условиях окопной войны шел значительно быстрее, чем в мирное время. Во-вторых, некоторые элементы обмундирования оказались неподходящими для ведения боевых действий. Уже 24 августа 1904 г. доктор В. Б. Гюббенет отмечал: «Работая в каменистом грунте, нижние чины до крайности обносились. Одежды их, особенно обувь и белье, превратились в лохмотья, наполненные насекомыми»⁸.

⁵ Там же. Ф. 763. Оп. 1. Д. 89. Л. 57.

⁶ Там же. Д. 208. Л. 106.

⁷ Там же. Д. 219. Л. 32.

⁸ Гюббенет В. Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерки военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910. С. 148.

Своевременно заменять всем нуждавшимся одежду и обувь крепостное интендантство было не в состоянии. Поэтому многие нижние чины на собственные средства приобретали китайскую одежду — халаты и шаровары. К концу осады в них была одета значительная часть сухопутного гарнизона. Со стороны командования это не встречало серьезных возражений. Как уже отмечалось, на каменистом грунте очень быстро рвались и выходили из строя сапоги. Фронтвики устраивали настоящую охоту за трофейной обувью. Большой популярностью пользовались японские штиблеты на деревянной колодке. Подолгу лежавшие на нейтральной полосе тела павших японских солдат были почти сплошь разуты русскими стрелками⁹.

Кроме того, на позициях вместо сапог стали мастерить короткие кожаные опорки. Употреблялись сибирские бродни. Они были почти непромокаемы. На подъеме бродни захватывались ремешком с пряжкой¹⁰. Валенки хватало часто только половине личного состава. При отсутствии валенок на сапоги сверху наматывали плотные портянки.

С наступлением холодов солдаты в окопах ночью обертывали ноги китайскими одеялами. Также было распространено обертывание башлыка поверх папахи в виде чалмы при сильном морозе.

По свидетельству русского офицера М. Грулева, воевавшего в Маньчжурской армии, на театре боевых действий «солдат наш пилил на себя теплые вещи без конца и обратился в форменную кувалду. Прислали нам из России какие-то напульники и наушники — солдат и их напялил и намотал куда-то. В зимнее время вместо солдата получалась какая-то куча всевозможного теплого тряпья». По воспоминаниям Грулева солдат русской армии на полях Маньчжурии в период позиционных боев зимой 1904/1905 г. выглядел очень живописно: «Закутан в фуфайку, поверх нее ватная теплушка китайская, часто длинная до пяток, на теплушке полушубок, на полушубке шинель, поверх шаровар тоже чего-нибудь намотано, на шее часто намотан шарф, поверх шарфа — башлык, на голове нахлобучена несуразная и безобразная папаха; на ногах, за отсутствием у большинства валенок, намотаны на сапоги суконные портянки»¹¹.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ Кияницын И. И. Организация и меры борьбы с инфекционными болезнями в русско-японскую войну // Военно-медицинский журнал. 1906. № 1. С. 88.

¹¹ Грулёв М. В. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб., 1908. С. 234.

В первые же месяцы боев на Квантунском полуострове актуальным стал вопрос о форме защитного цвета. Он поднимался в России сразу после Англо-бурской войны. Рассматривались варианты введения для русской армии в некоторых регионах тропического обмундирования. Однако, как известно, в войну с Японией русские солдаты вступили в белых рубахах. Это делало их заметными и уязвимыми.

Сберегая живую силу любыми средствами, в Порт-Артуре пошли на введение для солдат защитного обмундирования. Делалось это подручными средствами. Единых образцов не было. Так, 6 мая 1904 г. в 26-й Восточно-Сибирский стрелковый полк поступил приказ красить рубахи и чехлы на фуражках в серо-желтый цвет. По мнению служившего в этом полку офицера Н. Побилевского, «эта домашняя окраска — грязь и больше ничего»¹².

Однополчанин Побилевского поручик Длусский выступил на страницах порт-артурской газеты «Новый край» со своим проектом защитной формы. Цвет ее предполагался серо-кофейный, два козырька на головном уборе, парусиновые сапоги¹³. В этой же газете появились объявления о новой услуге в Порт-Артуре — дублировании обмундирования (перекраске его в коричневый цвет)¹⁴. С началом ожесточенных летних боев почти все чины порт-артурского гарнизона перекрасили свое обмундирование в защитные цвета, причем иногда на позициях солдаты просто мазали белые рубахи землей и грязью в целях маскировки.

Не вдаваясь в детальный разбор видов обмундирования, следует подчеркнуть, что нестрогая регламентация защитной формы способствовала общему процессу отхода от единообразной формы одежды в порт-артурском гарнизоне.

Наметилась и другая тенденция. В первых же боях на суше выяснилось, что японцы стараются выбить из строя русских офицеров, которые своей формой сильно выделялись среди нижних чинов. Поэтому уже к лету 1904 г. большинство офицеров гарнизона носили гимнастерки защитных цветов солдатского покроя и солдатские шинели¹⁵. Эта традиция повсеместно получит продолжение в годы Первой мировой войны.

На позициях применялись и другие способы маскировки. Так, солдаты выворачивали наизнанку свои массивные сибирские папахи.

¹² Побилевский Н. Дневник артурца. СПб., 1912. С. 19.

¹³ Новый край. 1904. 28 апреля.

¹⁴ Новый край. 1904. 27 апреля.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 181. Л. 80.

«Вывороченная папаха, — писал командир 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Н. Третьяков, — похожа на камень»¹⁶.

В зимнее время при Порт-Артуре с обеих сторон применялся прообраз будущих маскхалатов. Солдаты распарывали и одевали поверх обмундирования нижнее белье на несколько размеров больше. Началось нечто вроде курток и штанов на завязках. Их активно использовали, когда позиции был припорошены снегом.

Таким образом, можно констатировать практически повсеместное несоблюдение уставной формы одежды в порт-артурском гарнизоне военного времени. Объяснение этому следует искать в недостаточном вещевом снабжении, в местных условиях боевых действий и их характере, а также в длительной изоляции крепости, препятствовавшей пополнению запасов.

Список литературы

- Грулёв М. В. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб., 1908. 443 с.
- Гюббенет В. Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерки военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910. 406 с.
- Кияницын И. И. Организация и меры борьбы с инфекционными болезнями в Русско-японскую войну // Военно-медицинский журнал. 1906. № 1.
- Побилевский Н. Дневник артурца. СПб., 1912. 103 с.
- Третьяков Н. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре. СПб., 1909. 225 с.

References

- Grulev M. V., *V shtabakh i na poljakh Dal'nego Vostoka. Vospominaniya ofitsera General'nogo Shtaba i komandira polka o Russko-Japonskoj vojne* [At the headquarters and in the fields of the Far East. Memoirs of an officer of the General Staff and the Commander of a Regiment of the Russo-Japanese war], St. Petersburg 1908.
- Gjubbenet V. B., *V osazhdennom Port-Arture. Oчерki vojenno-saniternogo dela i zametki po polevoj khirurgii* [In besieged Port Arthur: Essays on military health affairs and notes on field surgery], St. Petersburg 1910.
- Kijanitsyn I. I., *Organizatsija i mery bor'by s infekcionnymi boleznyami v Russko-japonskiju vojnu* [The organization and control measures against infectious diseases in the Russo-Japanese war], in: *Vojenno-meditsinskij zhurnal* [Military medical journal], 1906, #1.
- Pobilevsky N., *Dnevnik arturtsa* [Diary of a resident of 'Artur'], St. Petersburg 1912.
- Tretyakov N., *5-j Vostochno-Sibirskij strelkovyj polk na Kindzhou I v Port-Arture* [The 5th East Siberian rifle regiment on Kinchou and in Port Arthur], St. Petersburg 1909.

¹⁶ Третьяков Н. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре. СПб., 1909. С. 167–168.

Д. А. Ключков

ЗИМНИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ. 1914–1917 гг.

Накануне Первой мировой войны основным видом зимнего головного убора являлась папаха образца 1910 г. Именно в нее были обмундированы все армейские пешие части, она являлась и парадным головным убором при форме образца 1913 г. (рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6).

Армейские казачьи части носили папахи образца 1892 г. из бараньего меха произвольного натурального цвета, за исключением белого (в военное время также и черного, что по факту не соблюдалось)¹. В собственном его императорского величества конвое полагались папахи образца 1898 г. Казаки использовали папахи как зимой, так и в летнее время. За несколько дней до начала войны император повелел установить для казаков (кроме кавказских), взамен положенной им в мирное время чёрной папахи, серую папаху образца 1910 г. из натурального или искусственного меха, но с меховой обшивкой, увеличенной по высоте до 4 вершков, с нашивным в мирное время верхом колпака из приборного сукна, присвоенного каждому казачьему войску². В военное время носилась папаха без нашивного цветного верха. С учётом того, что приказ, вводивший такую папаху, был опубликован 27 июля 1914 г. по старому стилю, то есть за день до начала Первой мировой войны, маловероятно, чтобы казаки успели пощеголять в серых папахах мирного времени с нашивным цветным верхом (рис. 7). Необходимо отметить, что казакам, кроме папах, полагалось носить и «вязаные шлемы» («балаклавы»), которые защищали уши и лицо от ветра и холода.

¹ ПВВ от 12.11.1909 №518.

² ПВВ от 27.07.1914 №455.

Нижним чинам и офицерам Приморского драгунского полка, дислоцированного на Дальнем Востоке, в отличие от других частей армейской кавалерии также полагалась папаха образца 1910 г.³

Таким образом, большинство частей Российской императорской армии, за исключением гвардейских и кавалерийских частей, а также конной артиллерии, перед началом Первой мировой войны во время зимнего времени носило папахи различных образцов. Остальные части в военное время должны были зимой носить фуражки с башлыками, что являлось не очень действенным способом защиты от сильного холода. Именно поэтому вскоре после начала военных действий было решено обмундировать в папаху образца 1910 г., показавшую свою эффективность в мирное время в северных губерниях империи — ведь впервые ее «обкатали» в Сибири, Финляндии, Архангельской и Вологодской губерниях. Отмечалось, что «августейший главнокомандующий <великий князь Николай Николаевич — Д. К.>, убедившись на основании опыта, что принятые ныне в сибирских войсках расстегивающиеся серого цвета папахи являются тем идеальным головным убором, который крайне желателен при холодном и ветреном климате, ходатайствует о снабжении вышеуказанными папахами частей войск 22-го армейского корпуса, расположенных в Финляндии, Архангельской и Вологодской губерниях»⁴.

В течение войны папаха была присвоена почти всем остальным частям Российской императорской армии, в том числе вновь создаваемым видам войск. Например, для новосформированных автомобильных рот она была введена уже в августе 1914 г.⁵, самокатчикам ее установили в июне 1915 г.⁶, пулемётно-автомобильным взводам — в июле 1915 г.⁷ При этом особо отмечалось, что «другие же папахи для употребления в автомобильных частях не применимы вследствие того, что папахи должны иметь сзади теплый отворот для закрытия затылка, а спереди суконное прикрытие, стягиваемое ремешком за пряжку и закрывающее рот и подбородок; только такая папаха и пригодна для автомобильных частей, в особенности при развитии машинами большой скорости»⁸.

³ ПВВ от 10.11.1910 №626.

⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23. Оп. 88/1. Д. 20. Л. 193.

⁵ ПВВ от 14.08.1914 №510.

⁶ ПВВ от 12.06.1915 №282.

⁷ ПВВ от 3.07.1915 №328.

⁸ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 1078. Л. 170. Письмо начальника Офицерской стрелковой школы от 23/24 сентября 1915 г. №8382 в ТехКом ГИУ.

Осенью 1914 г. папах в качестве зимнего головного убора была принята как зимний головной убор при походной форме военного времени всех гвардейских частей, частей армейской кавалерии и конной артиллерии. Уже в октябре 1914 г. высказывалось сожаление об отсутствии папах в перечне табелей обмундирования для кавалерии и гвардейцев⁹. В частности, сообщалось, что городское общественное управление Петрограда покупает папахи для 18-го гусарского Нежинского полка и что это делается по просьбе полкового начальства. То же для 1-го Петроградского уланского полка»¹⁰.

Папахи стали поступать в части гвардии только в позднюю осень — зиму 1914/1915 г., снабжение ими растянулось до весны 1915 г. При этом поставлялся вариант военного времени — с колпаком защитного цвета и без всякой обшивки, с кокардой спереди (рис. 8, 9). В лейб-гвардии 4-м Стрелковом императорской фамилии полку кокарда на папaxe совпадала с присвоенной полку оригинальной кокардой на фуражки и парадные барашковые шапки — с наложенным поверх ополченским крестом периода Николая I.

Что же представляла из себя папахa образца 1910 г.? В утверждённом варианте папахa для нижних чинов состояла из колпака с закруглённой макушкой («коронкой») и из пришитой к колпаку меховой опушки (тульи). Колпак вместе с макушкой выкраивался из четырёх кусков мундирного сукна защитного цвета. Ширина каждого куска сверху составляла от $2\frac{6}{8}$ до 3 вершков (измеряя по круговому шнуру), внизу — от $3\frac{1}{4}$ до $3\frac{1}{2}$ вершка (если измерять по шиву), высота — от $3\frac{1}{2}$ до $3\frac{3}{4}$ вершка. Эти куски сшивались между собой по длине, образуя внутреннюю суконную тулью с макушкой. Для формирования макушки (коронки) к внутренней тулье могли отдельно пришиваться четыре отрезка такого же сукна, имевшие форму равнобедренного треугольника с двумя выпуклыми сторонами. Вершины треугольников при этом находились наверху, в центре колпака. После шивки этих треугольников между собой и с тульей на швы у рядовых в мирное время пришивался шерстяной шнур диаметром $\frac{1}{8}$ дюйма приборного цвета, присвоенного части, а у унтер-офицеров — трёхцветным (составленным из белых, оранжевых и чёрных нитей) шнуром¹¹.

⁹ Интендантский журнал. 1914. № 12. С. 72 (часть неофициальная).

¹⁰ Там же. Цитата из газеты «Новое Время», № 13879 от 31.10.1914 г.

¹¹ ПБВ от 27.07.1875 № 204.

По нижнему краю суконного колпака (с его внутренней стороны) пришивался внутренний колпак из подкладочного холста, имевший ватную простёганную подкладку. К нижнему краю этого внутреннего колпака подшивалась выворотным швом подкладка из фабричного рубашечного («тип № 2») холста высотой $2\frac{1}{2}$ — 3 вершка. Ее верх загибался на $\frac{1}{4}$ вершка и прострачивался с подрубкой на расстоянии $\frac{1}{32}$ — $\frac{1}{16}$ вершка от края. Внутрь загиба продевался хлопчатобумажный шнурок длиной 14–15 вершков для стягивания верха подкладки «на вздержку».

К нижнему краю суконной тульи с ее наружной стороны вокруг пришивалась полоса сукна защитного цвета высотой $3\frac{1}{4}$ — $3\frac{1}{2}$ вершка, состоящая из двух частей: а) передней, которая имела длину по низу $3\frac{3}{4}$ — 4 вершка, пришитой снизу и с боков; б) остальной части, пришитой только к нижнему краю для возможности отгибания ее вниз, чтобы можно было закрывать уши и затылок с шеей. Поверх этой разрезной полосы нашивалась меховая опушка из серого меха — короткого или стриженного. Мех приобретался по усмотрению местного начальства, только требовалось, чтобы он был серого натурального цвета (некрашенный) и имел короткий волос, причем шерсть должна была сидеть прочно и выдергиваться пальцами с трудом. Для каждой отдельной части полагалось покупать однообразный мех.

Допускался и искусственный мех — «искусственный барашек», представлявший собой ткань, состоящую из бумажной основы и бумажного утка, с прибавлением по основе шерстяных нитей, «заработанных» по способу бархата и «частью разрезанных, а частью тасканых»¹². Пряжа разрешалась кручёной в две нитки, уток был сурового¹³, а основа — черного цвета. Шерстяная пряжа полагалась гребенной обработки (сорта «могер»), прочной покраски, чисто промытой, в ней не допускалось более 1,5% жира и других посторонних примесей. Отмечалось, что «искусственный барашек для папах, введенных в армию вместо башлыков, образцы которого испытаны и одобрены Техническим комитетом ГИУ в сентябре 1913 г., вырабатывает Лодзинская плюшевая мануфактура Феодор Финстер, <...> единственная в России механическая фабрика искусственного барашка и первая в России фабрика, которая механическим способом начала вырабатывать плюшеобразные ткани»¹⁴. Интересно, что при проекти-

¹² Циркуляр ГИУ от 10.10.1913 г. № 31.

¹³ Суровый цвет — цвет небелёной ткани, то есть серый, обычно с желтоватым оттенком.

¹⁴ Интендантский журнал. 1914. № 4.

ровании папахи наилучшие свойства показал мех кенгуру, но, по понятным причинам, (отсутствие сырья и общая дороговизна), от такого варианта отказались¹⁵.

К нижнему краю всей тульи, между мехом и внутренней подкладкой, подшивалась обшивка из серого неворсованного сукна (её допускалось заменять сукном защитного цвета) шириной $\frac{4}{8}$ – $\frac{5}{8}$ вершка. Подшивка загибалась наружу на $\frac{1}{8}$ вершка и внутрь на $\frac{2}{8}$ вершка, образуя в результате суконный кант, огибавший нижний край папахи.

К верхним углам передней части меха и посередине разрезов пришивалось по одной железной петле, а к отгибающейся части меха (назатыльнику) — по крючку для пристёгивания этой части папахи, когда она не была отогнута вниз на уши. Около железных крючков к верхним углам отгибающейся части тульи с внутренней стороны подшивались: к правому углу — сложенная вдвое и простроченная у краёв двойным выворотным швом стяжка из крашеного в защитный цвет равентуха шириной (в готовом виде) $\frac{4}{16}$ — $\frac{5}{16}$ вершка и длиной $3\frac{1}{2}$ — $3\frac{3}{4}$ вершка, а к левому углу — такая же стяжка длиной $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ вершка, к свободному концу которой прикреплялась никелированная пряжка со стерженьком и катышком, изготовленная из проволоки диаметром около 2,5 мм. Пряжка полагалась длиной (внутри) 12 мм и шириной 10 мм. Около пряжки на стяжке пришивалась гайка из такого же материала.

С левой стороны суконного подбоя назатыльника пришивался прямоугольный откидной клапан из двух сложенных отрезков сукна защитного цвета. Он был нужен, чтобы защищать всю нижнюю половину лица от ветра и мороза, но его пришивка осуществлялась таким образом, чтобы этот клапан не закрывал глаза. Клапан имел размеры: по горизонтальному направлению — от $4\frac{1}{4}$ до $5\frac{1}{4}$ вершка, а по вертикальному — от $3\frac{1}{4}$ до $3\frac{1}{2}$ вершка. Края сукна клапана прострачивались двумя строчками, идущими от краёв: наружная — на расстоянии $\frac{1}{8}$ вершка, а внутренняя — на расстоянии $\frac{1}{4}$ вершка. На откидном клапане прорезались две петли в таком месте, чтобы было удобно пропустить через них обе стяжки для поддержания клапана в опущенном виде. Кроме того, пришивалась железная петля для пристёгивания к одному из крючков, пришитых с правой стороны назатыльника. При приподнятом назатыльнике клапан, сложенный вдвое, вкладывался под переднюю часть опушки.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23. Оп. 88/1. Д. 18. Л. 41. Письмо ТехКома ГИУ от 13.03.1910 г. № 11994.

Спереди меховой тульи папахи пригонялась кокарда образца 1907 г. и знак отличия большого размера (образца 1878 г.) в виде ленточки, если он был пожалован части, и который носился в мирное время. Кокарда крепилась так, чтобы её верхний край находился на расстоянии $\frac{1}{8}$ вершка от верхнего края меховой тульи, а знак отличия пригонялся под кокардой, закрывая верхним краем низ кокарды.

Офицерский вариант папахи отличался от солдатского несколькими деталями. Так, качество сукна и меха допускалось произвольным, только цвет должен был совпадать с установленным для нижних чинов. На суконной верхушке вместо шнура обшивка делалась из галуна шириной $\frac{1}{2}$ дюйма цвета металлического прибора, положенного для части: а) у генералов — галуном генеральского образца; б) у штаб-офицеров — галуном штаб-офицерского образца (гусарским с зигзагообразным узором); в) у обер-офицеров — галуном кавказского образца с двойным шелковым просветом. Вместо солдатской кокарды на папахе крепилась кокарда офицерского образца — такая же, как на фуражке (рис. 9, 10, 11).

После начала Первой мировой войны технология изготовления папахи была упрощена. С августа 1914 г. её полагалось строить без обшивки цветным шнуром на макушке колпака¹⁶. В дальнейшем сукно из-за дефицита стали заменять сукноподобными или хлопчатобумажными тканями, широкое применение получил молескин. Изготовленные во время войны папахи не всегда имели отстёгивающиеся клапаны, часто тулью делали цельной, не разрезной. На внешний вид и манеру ношения папахи повлияла определенная мода. Если установленный образец папахи имел форму усеченного конуса (с меньшим диаметром вверху), то многие модники носили папахи практически цилиндрической формы, а за счет заламывания (то есть сплющивания) её вверху внешне она выглядела расширяющейся кверху. Часто папаха надевалась немного набекрень, с наклоном «на правый глаз», подобно тому, как носили фуражки.

Зачастую папахи изготавливали из произвольного меха (особенно этим «грешили» офицеры и генералы), также при их производстве в военное время изготовителями вносился ряд упрощений в конструкцию завязок и пр. В течение войны для изготовления папах могли применяться предметы трофейного снаряжения. Например, в 32-й пехотной дивизии ее начальник генерал-лейтенант Ф. Х. Вендт отмечал,

¹⁶ ПВВ от 21.08.1914 № 535.

что «гг. офицеры позволяют себе ряд отступлений в форме одежды. Так, появились неустановленные головные уборы: папахи, перешитые из австрийских ранцев».

Во время войны распространение папахи получило дальнейшее развитие. Так, в октябре 1915 г. в рамках упрощения обмундирования казачьих войск папахи для всех казачьих войск, как степовых, так и кавказских, разрешили строить из серого искусственного барашка без отличий из приборного сукна, подобно пехотным папахам. Кроме того, папаху разрешили носить при парадной форме в холодное время раненым и контуженным в голову офицерам (рис. 12, 13)¹⁷.

В 1916 г. не совсем стандартный образец папахи присвоили классным чинам Главного военно-метеорологического управления. Она имела колпак защитного цвета, но с золотым галуном на колпаке, по званиям, и с круглой чиновничьей кокардой¹⁸.

Офицеры и нижние чины приобретшего в 1916 г. права старой гвардии собственного его императорского величества Железнодорожного полка получили подобные гвардейским саперам знаки на папахи. Кроме кокарды им было положено носить спереди андреевскую звезду со скрещёнными топорами под ней¹⁹. Сохранились фотографии офицеров лейб-гвардии Финляндского полка во время полкового праздника в 1916 г., где у многих на папахам имеются андреевские звезды, официально не положенные для ношения на этом головном уборе. Возможно, подобная практика была распространена и в других гвардейских частях, и андреевские звезды как принадлежность к гвардии надевались в тылу во время торжественных мероприятий.

Неофициально подобный вариант папахи получил распространение и среди офицеров других гвардейских частей. Как вспоминал полковник лейб-гвардии Саперного батальона Г. С. Габаев, к высочайшему смотру батальона 13 декабря 1915 г.²⁰, на котором было объявлено о его развертывании в полк, было разрешено надеть на папаху дополнительно к имевшейся там кокарде андреевскую звезду и «топоры с знаком за Балканы с киверов <зачеркнуто Г. С. Габаевым — Д. К.> прежних шапок»²¹. Судя по фотографиям, скорее всего использовались звезды с топорами и знаки «за отличие» в виде лент

и надписью «За Балканы в 1877 году», снятые с барашковых шапок, а не киверов. Согласно пометке в записной книжке Г. С. Габаева от 15 декабря 1915 г., «прибыл командир, разрешил звезды. В 11½ начался выс<очайший> объезд. <...Николай II> отметил, как мы выглядели нарядно; <...обратил> внимание <на> звезды <...спросил,> это вы для меня оделись, это очень красиво <...>, но заметно издали, надо маскироваться — потом пожелал успеха и благодарил»²². Следует отметить, что звезды со знаком и топорами продолжали носить и позднее, но не на передовой (рис. 14).

Кокарды на папахам Георгиевского батальона снабжались изображением георгиевского креста: у офицеров и подпрапорщиков — белого эмалевого, у нижних чинов — серебряного²³. На рубеже 1916 и 1917 г. чиновникам гражданского ведомства и лицам невоенного ведомства, состоявшим на службе в управлениях, учреждениях и заведениях, как полевых, так и тыловых, а также работавшим в различных организациях по обороне государства и на нужды войны, были установлены папахи из меха произвольного цвета с верхом по цвету фуражки, без галунов на колпаке, с круглой гражданской кокардой и с арматурой или с начальными буквами соответствующей организации под ней, кому таковые полагались на фуражке²⁴. Низшие служащие невоинского звания, состоящие в управлениях, учреждениях, заведениях и организациях, носили папахи без кокард.

Необходимо отметить, что еще перед войной производились попытки модернизации папахи. Например, в 1913 году «командир 22-го армейского корпуса вошел с ходатайством о некоторых изменениях в описании и образце папахи, установленной приказом по военному ведомству 1910 г. № 626 для сибирских войск и введенной приказом по военному ведомству 1912 г. № 669 для войск в Финляндии.

Изменения эти заключаются в следующем:

а) полукруглый разрез меха спереди папахи для образования отгибаемого под прямым углом козырька и б) два разреза меха сзади для образования наушников отдельно от назатыльника²⁵». Казалось бы, вполне логичные с сегодняшней точки зрения изменения, превращавшие папаху в ушанку, к сожалению, были отклонены.

¹⁷ ПВВ от 04.03.1915 № 111.

¹⁸ ПВВ от 07.02.1916 № 63.

¹⁹ ПВВ от 1.07.1916 № 344.

²⁰ В других записях Габаев утверждает, что это случилось не 13, а 15 декабря.

²¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 1001. Д. 10. Л. 4.

²² Там же. Д. 40. Записная книжка Г. С. Габаева за 1915 год. Л. 215.

²³ ПВВ от 22.07.1916 № 390.

²⁴ ПВВ от 1.01.1917 № 2.

²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23. Оп. 88/1. Д. 21. Л. 120. Письмо ТехКома ГИУ от 10.10.1913 № 40034.

Во время войны продолжали использоваться и башлыки с фуражками, а также и башлыки с папахами или наушники с папахами во время сильных морозов, хотя это официально не полагалось. Многие части стали получать ушанки, нансеновские шапки или шапки произвольных образцов, обшитые мехом. Нансеновская шапка являлась разновидностью шапки-ушанки и была названа так потому, что подобную шапку носил норвежский исследователь Северного полюса Фритьоф Нансен во время своей экспедиции на судне «Фрам». Впоследствии на ее основе была разработана шапка для Рабоче-крестьянского Красного флота. Один из офицеров сообщал: «Офицеры считают самым удобным и тёплым головным убором нансеновские шапки. Они закрывают затылок до шеи и покрыты для непромокаемости кожей. Есть и такие, где для ушей имеются отверстия, а сами уши от холода прикрываются непромокаемой материей, очень мало влияющей на ослабление слуха»²⁶.

Пулеметно-автомобильные части могли использовать вариант летнего автомобильного «шлема», но с обшивкой мехом. Также у них широко были распространены ушанки, более компактные, чем папахы и лучше защищавшие голову от неизбежных соприкосновений с выступающими частями интерьера бронев автомобиля во время езды (рис. 16, 17, 18).

В лейб-гвардии 4-м Стрелковом императорской фамилии полку, судя по фотографиям, и офицерами, и нижними чинами носились шапки «русского покроя», подобные парадным барашковым шапкам мирного времени, но обшитые произвольным мехом с более длинным волосом (рис. 19, 20, 21).

Накануне Первой мировой войны для полковых команд разведчиков испытывался новый вид складной шапки, конструктивно очень напоминавший знаменитую «богатырку» — «буденовку», впоследствии введенную в Красной армии. Несмотря на то, что образец так и не был утвержден, подобная шапка, а также «шапка Ярослава Мудрого» (также не прошедшая утверждение) в единичных экземплярах использовалась в войсках (рис. 22, 23, 24).

В 1916–1917 гг. во фронтовые части стали поступать в качестве защитного вооружения каски системы Адриана, а также российские каски образца 1916 г. («Зольберг»). С приближением зимней кампании 1917/1918 г. возник вопрос о теплой подкладке для касок, так как точ-

ная подгонка каски по голове не предусматривала возможности поддеть под неё какой-либо головной убор. Образец теплой подкладки был утверждён Главным интендантом 28 апреля 1917 г. и изготавливался из шинельно-подкладочной ткани на вате и бязи²⁷. Заготовка подкладки была поручена окружному интенданту Московского военного округа²⁸, но согласно письму Главного интенданта от 8 декабря 1917 г. её сняли с производства: «Ввиду предстоящей демобилизации армии заготовка подкладок для касок не является более необходимой»²⁹.

Список литературы

Интендантский журнал. СПб, 1914.
Приказы по военному ведомству. СПб, 1875, 1909, 1910, 1914–1917.
Циркуляры Главного интендантского управления. СПб, 1913.

References

Intendatskiy journal [Quartermaster journal], St. Petersburg 1914.
Prikazy po voennomu vedomstvu [Orders by the War department], St. Petersburg 1875, 1909, 1910, 1914–1917.
Tsirkulyary Glavnogo intendantskogo vedomstva [Circulars of the Chief quartermaster department], St. Petersburg 1913.

²⁶ Вести с театра военных действий. Из опыта войны // Интендантский журнал. 1915. № 1. С. 77.

²⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 1075. Л. 167. Письмо управляющего делами Техкома ГИУ № 2476 от 2.05.1917 г.

²⁸ Там же. Л. 168.

²⁹ Там же. Л. 363. Письмо Главного интенданта № 14846 от 8.12.1917 г.

О. А. Хорошилова

МОРСКАЯ ЖЕНСКАЯ КОМАНДА (1917 Г.)

12 июля 1917 г. Главный морской штаб издал распоряжение о формировании Морской женской команды при Морской учебно-стрелковой команде. Ее целью было подготовить матросов-добровольцев для последующей работы на Кольской морской базе. В истории русского военно-морского флота это было первое и единственное подобное формирование.

Идею ее организации выразили дамы кружка «Русские женщины, сплотитесь». Вдохновленные примером Марии Бочкаревой, сформировавшей женский батальон смерти, они 1 июля 1917 г. обратились в Главный морской штаб с прошением о формировании морской женской команды для береговой службы, хозяйственной работы, а также возможной службы на кораблях.

Прошение в штабе рассмотрели и дали ему ход, посчитав, что женский труд действительно может быть полезен. Однако, судя по сохранившимся в архивах документам, флотские экипажи и морские базы принимать женщин не спешили. Отозвался только Анатолий Рыбалтовский, генерал-майор флота. На подчиненной ему Кольской морской базе, сформированной в 1916 г., не хватало обслуживающего персонала, который решено было усилить за счет Морской женской команды. Получив, таким образом, согласие от генерал-майора, Главный морской штаб 12 июля 1917 г. официально объявил о начале формирования женской команды и издал следующее распоряжение:

«1. Организовать 1-ю Морскую женскую команду при Морской учебно-стрелковой команде Ораниенбаума численностью 150 человек, увеличив ее по мере действительной надобности распоряжением Главного морского штаба.

2. Содержание и обучение Морской женской команды отнести на средства Морской учебно-стрелковой команды.

3. По прохождении командой строевого обучения использовать эту команду для обслуживания береговых учреждений Кольской

Морской базы, в которой требуется женский труд для обслуживания хлебопекарней, прачечных, большой столовой, несению писарских и конторских обязанностей и обязанностей уборщиц.

4. В означенную команду должны приниматься женщины крепкого здоровья ввиду особенностей зимней службы в арктическом климате»¹.

Что конкретно требовалось от добровольцев, пояснил генерал-майор флота Рыбалтовский:

«Для обслуживания береговых учреждений и разных жизненных потребностей необходимо организовать артель <...> специалистов по обслуживанию:

- хлебопекарни (20–30 человек),
- прачечной (5–10 человек),
- уборщиц (40–50 человек),
- большой столовой (15–20 человек: повара, официантов, чернорабочих, кассира),
- конторщиц и машинисток (5–7 человек)»².

Кольская база находилась пугающе далеко и от Петрограда, и от войны, куда так стремились дамы. Могло даже показаться, что им специально предложили такое далекое, унылое место службы (не предоставив никаких альтернатив), чтобы раз и навсегда отбить у них охоту служить на флоте. Ведь к этой затее, бесспорно, пропагандистского характера офицеры и матросы отнеслись откровенно враждебно. И некоторые из их рапортов сохранились в архивах команды.

Неудивительно, что дам, желающих вступить в команду, оказалось немного, даже несмотря на обещанное высокое жалование – целых 90 рублей в месяц, что почти соответствовало основному жалованью младшего унтер-офицера флота. Со второй половины июля в Главный морской штаб начали поступать заявления о зачислении в команду, хотя их количество не радовало: «25 июля поступило четырнадцать заявок, 26 июля — девять заявок, 27 июля — восемь, 28 — три, 29 — одна, 1 августа — одна, 6 августа — одна, 7 августа — одна». Затем поток прошений иссяк. 16 августа каперанг Дудоров сообщил: «До сего времени поступило всего 35 человек»³.

¹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 1.

² РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 4.

³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 15.

Состав команды

Набор в команду осуществлял Главный морской штаб совместно с начальником Морской учебно-стрелковой команды лейтенантом Александром Владимирцовым. Процесс координировал кружок «Русские женщины, сплотитесь», он же обеспечивал предприятию рекламу в прессе, которая с большим интересом отреагировала на этот курьезный проект.

Судя по списку, в команду попали именно те, кого так просили в штабе и на Кольской базе — рукастые, не боящиеся тяжелой работы женщины, все грамотные, некоторые с гимназическим образованием. Там были сестры милосердия, портные, поварихи, конторщицы, учительницы, машинистки, телефонистки, работницы канцелярии и даже одна «служащая из трактирного заведения» (список членов команды привожу в конце статьи). И, вероятно, брали всех, никому не отказывали, несмотря на предупреждение зачислять только крепких и выносливых.

Доброволец разместили в Ораниенбауме на Иликовском проспекте, в специально отведенном для них помещении, отдельно от матросов Морской учебно-стрелковой команды, которые появлением «бабского элемента» были явно недовольны⁴. Выбрали официального представителя в командный комитет. Им стала Евдокия Меркурьевна Скворцова, учительница, педагог и, если верить справочнику «Весь Петербург», потомственная дворянка. Политически грамотная, неплохой оратор, она была связана с кружком «Русские женщины, сплотитесь» и другими организациями Петрограда. Вероятно, через нее команду курировал лично Керенский, который проявлял к проекту неподдельный интерес.

Обмундирование команды

Сложность заключалась в том, что женщин-матросов доселе в русском флоте не было, и ни в одном цейхгаузе не нашлось формы для женских «форм». Пришлось заказывать обувь, некоторые элементы формы, головные уборы по размеру. Времени на пошив Министерство выделило мало, и потому лейтенант Владимирцов торопил губернского секретаря Бекетова, содержателя мундирных магазинов и мастерских Кронштадтского порта, в кратчайшие сро-

ки предоставить все необходимое. Следовало, к примеру, изготовить «150 пар сапог малых размеров, так как заготовленные сапоги для матросов по своим номерам будут непригодны для женской ноги. Если предположено выдать кроме сапог ботинки интендантского образца, то таковые тоже нужно изготовить малым размером»⁵.

Мастерские должны были вычернить сапоги (на что увеличился отпуск денег на 75 копеек за пару, сославшись на то, что «отпускаемых ныне 25 копеек совершенно недостаточно»). Тогда же в Ораниенбаум выслали несколько опытных портных из швальни Кронштадтского порта со швейными машинами и материалами, для того, чтобы они на месте сняли мерки, построили брюки и головные уборы по «дамским размерам». 150 фуражек-бескозырок были отшиты «размером 11, 11,5 и 12»⁶.

Этот женский морской проект имел почти неограниченные денежные возможности. Мало того, что обувь, брюки и головные уборы построили по меркам, дамам изготовили особые ленты на бескозырки. Это решение было принято 31 июля: «Начальник Морской учебно-стрелковой команды просит Вас <начальника мастерских Кронштадтского порта — О. Х.> заказать ленточки для женской команды в количестве 50 штук и надписью “Морская женская команда”»⁷. Замечу, что до этого времени предполагалось, что женщины будут носить бескозырки с лентами Морской учебно-стрелковой команды, которые имелись в цейхгаузе в количестве 200 штук. Однако комитет команды, выступивший резко против женщин, убедил лейтенанта Владимирцова не выдавать родные командные ленты «чуждому элементу». Новые ленты обошлись Морскому штабу в 500 рублей⁸.

Шинели, бушлаты, рабочие рубахи, постельные принадлежности были казенными. Их выдали со складов мастерских Кронштадтского порта, а также из запасов Школы мичманов военного времени берегового состава (бывшая Школа прапорщиков по Адмиралтейству). Правда, найти подходящие по размеру вещи оказалось задачей непростой, и отрытые на складах бушлаты и шинели поступили в команду с опозданием.

⁴ Кибовский А. Стрелковая подготовка на флоте 2-й пол. XIX — нач. XX века // Старый Цейхгауз. № 1. 2008. С. 25–29

⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 6.

⁶ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 6.

⁷ РГАВМФ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 406. Л. 3.

⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 6.

Согласно арматурному списку матросов-добровольцев, каждая женщина в команде имела следующие вещи:

«Одногодные: фуражка-бескозырка — 1 штука, чехлы на фуражки — 2 штуки, галстуки — 1 штука, нательная рубашка — 3 штуки, рубашка полотняная — 3 штуки, фланелевая рубашка — 2 штуки. Рабочее платье (парусиновые рубашки) — 2 штуки. Брюки суконные — 2 штуки, брюки полотняные — 2 штуки. Полотенце — 2 штуки. Платки носовые — 3 штуки. Носки вязаные — 3 штуки. Подштанники — 3 штуки. Сапоги — 2 пары.

Двух-трехгодные: пальто — 1 штука, шинель — 1 штука, фуражка — 1 штука, наушники — 1 штука, серые шерстяные перчатки — 1 штука.

Пуговицы: большие медные с орлами — 24 штуки, на манер костяных — 12 штук.

На пять лет: ремень брючный — 1 штука, ремень поясной — 1 штука, ремень для скатывания шинели — 1 штука, вещевой мешок — 1 штука, башлык — 1 штука.

Постельное белье: одеяло — 1 штука, матрас — 1 штука, наволочка нижняя — 1 штука, наволочка верхняя — 3 штуки, простыня — 3 штуки, волос конский — 4 фунта.

Деньги амуничные — 1 рубль 50 копеек»⁹.

В целом обмундирование женщин было тождественно тому, что носили нижние чины Морской учебно-стрелковой команды. Но добровольцам не полагались погоны, кокарды и нарукавные знаки. Впрочем, это обстоятельство, кажется, не слишком их расстроило.

Судя по сохранившимся фотоснимкам, дамам разрешалось курить. И, скорее всего, курили они папиросы фабрики «Лаферм», которая исправно поставляла их Морской учебно-стрелковой команде¹⁰.

Распорядок дня и занятия

В июле между Главным морским штабом и лейтенантом Владимирцовым шла интенсивная переписка о том, чему, собственно, обучать женщин, и следует ли, к примеру, «выдавать винтовки для ружейных приемов или ограничиться обучению в строю — поворотам, хождением, отдаванием чести». В итоге решили от ружей-

ных приемов отказаться, так как женщин ждала не боевая, а исключительно хозяйственная работа, которая, впрочем, не исключала умение шагать в строю и отдавать честь. В итоге лейтенант Владимирцов составил следующее расписание дня и занятий: в 7 часов 30 минут — пробуждение команды. С 7.30 до 8.50 — уборка помещений и утренний чай. С 8.50 до 9.00 — проверка и молитва. С 9.00 — занятия (см. ниже). В 11.30 — обед. С 12.00 до 14.00 — послеобеденный отдых. С 14.00 до 16.15 — занятия (см. ниже). В 19.00 — ужин. В 21.00 — вечерняя молитва.

Расписание занятий:

Понедельник:

9.00–10.00 — вольные движения Соколиной гимнастики
10.15–11.15 — строевое
14.00–15.00 — строевое
15.15–16.15 — строевое и отдавание чести
16.30–17.30 — грамотность

Вторник:

9.00–10.00 — вольные движения Соколиной гимнастики
10.15–16.15 — строевое
16.30–17.30 — грамотность

Среда:

9.00–10.00 — вольные движения Соколиной гимнастики
10.15–16.15 — строевое
16.30–17.30 — грамотность

Четверг:

9.00–10.00 — вольные движения Соколиной гимнастики
10.15–15.00 — строевое
15.15–16.15 — строевое и отдавание чести
16.30–17.30 — грамотность

Пятница:

9.00–10.00 — вольные движения Соколиной гимнастики
10.15–15.00 — строевое
15.15–16.15 — строевое и отдавание чести
16.30–17.30 — грамотность

Суббота:

9.00–10.00 — вольные движения Соколиной гимнастики
10.15–15.00 — строевое
15.15–16.15 — строевое и отдавание чести
16.30–17.30 — грамотность

⁹ РГАВМФ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 406. Л. 8.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 413. Л. 185.

В архивах команды не сохранилось документов об организации морских прогулок для ознакомления дам с кораблями. Однако Александр Цупов-Шапильский приводит описание одной из таких прогулок, свидетелем которой он был лично: «В один из жарких летних дней на палубе нашего корабля <по непонятной причине автор именуется кораблем учебное судно «Океан» – О. Х.> началось небывалое оживление. Свободные от вахты матросы сгрудились возле левого борта, к которому приближался вместительный бот, битком набитый новоявленными “морячками”. Я тоже был в это время у поручней и хорошо видел лица женщин, с любопытством оглядывавших громаду корабля. А матросов на палубе все прибывало. Седоусые боцманы растерянно сжимали в руках свои дудки. Шум на палубе все возрастал. Кто-то из вахтенных вызвал командира корабля. Тот быстро поднялся наверх, подошел к борту. Увидев подходивший бот, он побагровел и приказал немедленно поднять все трапы, а потом во всеуслышание сказал: “Цирка на военном корабле не потерплю-с!”. Бот покрутился возле борта и в конце концов убрался восвояси. Вслед ему неслись насмешливые напутствия матросов»¹¹.

Расформирование команды

Ни форма, ни высокое жалование, ни патриотические призывы кружка «Русские женщины, сплотитесь» не смогли увеличить количество добровольцев. Их было только 35. Не сумев набрать 150 человек, как это планировали в начале июля, Главный морской штаб предложил дальнейший прием в команду прекратить и считать добровольцев «кандидатками на соответствующие их специальностям обязанности и, если таковые могут быть применены по Морскому ведомству, предоставить им поступить по вольному найму на освобожденные вакансии»¹².

Были разосланы запросы во все подведомственные учреждения с целью пристроить горе-добровольцев по их специальностям. И пока штаб ожидал ответов и предложений, пришлось разбираться с очередной проблемой. Добровольцы наотрез отказались снимать матросскую форму. Их поддержали члены дамского кружка. Из рапорта главы кружка «Марина Морская» от 28 августа 1917 г.

¹¹ Цупов-Шапильский А. П. Матросы сходят на берег. М.: Воениздат, 1970. С. 44.

¹² РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 15–18.

в Главный морской штаб: «Считаю необходимым оставление за добровольцами права ношения форменной одежды, так как лишение таковой вызовет среди них справедливое чувство обиды, так как все поступившие в команду были обнадужены как в этом отношении, так и в смысле дальнейшей службы»¹³. Лейтенант Владимирцов также высказался за оставление дамам их формы, аргументируя это следующим: «Лишение формы вызовет среди них большую и едва ли не справедливую обиду, так как, поступая в команду, все они рассчитывали пробыть на службе во флоте до окончания войны на правах матросов»¹⁴.

Однако Морское министерство осталось при своем, разрешив, однако, дамам оставаться в матросском обмундировании до их официального перевода в другие учреждения: «14 сентября 1917 года. Несмотря на расформирование команды Центрофлот просит Морскую учебно-стрелковую команду не чинить препятствий против их <женской команды — О. Х.> временного ношения матросской формы»¹⁵.

В новой форме

Бескозырки, бушлаты, фланки пришлось все-таки снять. Но добровольцы отнюдь не спешили перевоплощаться в милых кисейных тыловых барышень. За исключением двух женщин, поступивших машинистками в 1-й Балтийский флотский экипаж под начало кавторанга Константина Георгиевича Житкова, все продолжили службу, переодевшись в новую форму. Михайлова, Косик и Пономарева поступили сестрами милосердия в лазареты на Кольской и Иокангской морских базах. Сестринские платья, передники и косынки они надели уже в Ораниенбауме — Морское министерство поспешило их ими обеспечить. В санитарную часть были также переведены Шабина и Кобякова. Им вместо матросского выдали армейское походное обмундирование¹⁶.

Шесть самоотверженных барышень (Павленова, Захарина, Капитонова, Бачище, Захарова и Иофа) выразили желание служить в Мурманске — но не матросами, а «хлебопекаршами». Несмотря на прозаическую, исключительно штатскую работу их не стали

¹³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 42.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 406. Л. 13.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 406. Л. 211.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 406. Л. 213.

обижать, памятью о распоряжении Центрофлота, и также одели во все армейское. Но сразу обеспечить теплым обмундированием не смогли. Лейтенант Владимирцов через Главный морской штаб списался с Кронштадтским и Петроградским военным портом, но у одного не нашлось достаточного количества военных полушубков малого размера, у другого не было ни одного комплекта обмундирования защитного цвета. Вопрос разрешили с помощью Главморхоза. Женщин обеспечили защитной формой и теплыми вещами. Матросские сапоги и нижнее белье, полученное в команде, сохранили. 19 сентября добровольцы отправились на новое место службы в сопровождении двух матросов Морской учебно-стрелковой команды. Эти шесть человек составили новую морскую женскую команду Кольской морской базы, которая просуществовала до второй половины октября 1917 г.

Когда женщины, наконец, покинули Морскую команду, состоялось заседание комитета — решали, что делать с оставшейся от женщин формой. Постановили: «Обмундирование женское было уже в употреблении, и его необходимо выписать в расход полностью»¹⁷. Вероятно, эта же участь постигла и ленточки (35 раздали добровольцам, и на складе команды остались 15 штук). Возможно, некоторые дамы сохранили свои ленточки на память о том странном периоде странного 1917 г., когда их называли матросами и учили печатному шагу на плацу под неодобрительный гул бывалых «братишек».

Список матросов-добровольцев Морской женской команды на 15 августа 1917 г.¹⁸:

Михайлова Вера Терентьевна, санитарка, сестра милосердия (сестрой милосердия в лазарет на Кольскую/Иокангскую морскую базу)

Станкевич Александра Федоровна, конторщица, работает на пишущей машинке

Станкевич Мария Федоровна, окончила Покровскую гимназию, работает на пишущей машинке

Артемьева Надежда Васильевна, печатница в типографии

Петрова Евгения Феофилактовна, воспитательница детей в приюте, няня (на службу по Морскому ведомству)

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 413. Л. 222.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6571. Л. 28.

Коровина Зоя Константиновна, телефонистка

Захарова Екатерина Николаевна, портниха мужская и дамская (в хозяйственную часть на Кольскую морскую базу)

Косик Пелагея Константиновна, сестра милосердия (сестрой милосердия в лазарет на Кольскую/Иокангскую морскую базу)

Коншина Вера Яковлевна, по хозяйству

Жирякова Ефросинья Осиповна, земледельческие работы (на службу по Морскому ведомству)

Пономарева Евдокия Тихоновна, сестра милосердия и работает по хозяйству (сестрой милосердия в лазарет на Кольскую/Иокангскую морскую базу)

Бачище Анна Федоровна, чернорабочая (в хозяйственную часть на Кольскую морскую базу)

Захарина Татьяна Матвеевна, по сельскому хозяйству (в хозяйственную часть на Кольскую морскую базу)

Мамаева Феодора Николаевна, сельскохозяйственные работы (на службу по Морскому ведомству)

Челомова Евдокия Савватиевна, тоже

Никифорова Ульяна Ивановна, тоже (на службу по Морскому ведомству)

Осипова Анна Ивановна, конторщица

Иофа Мирка Менделевна, немного может работать на машинке (в хозяйственную часть на Кольскую морскую базу)

Никитина Вера Федоровна, портниха-белошвейка (на службу по Морскому ведомству)

Макарова Мария Емельяновна, повариха

Антонова Антонина Ивановна, конторщица

Капитонова Марфа Капитоновна, служащая трактирного заведения (в хозяйственную часть на Кольскую морскую базу)

Реброва Мария Викторовна, машинистка, пишущая (на службу по Морскому ведомству)

Дихтярева Татьяна Афанасьевна, окончила 4-ю классическую гимназию, ремесла не знает

Лавренова Вера Васильевна, портниха (в хозяйственную часть на Кольскую морскую базу)

Клыкова Фекла Кузьминична, плавала на пароходе в качестве поварихи

Горячкова Лизавета Осиповна, белошвейка, в отпуску (на службу по Морскому ведомству)

Скворцова Евдокия Меркурьевна, учитель, педагог (выбыла в Иркутск)

Апфельбаум Ида Юрьевна, портниха и фальцовщица

Кислякова-Степанова Анастасия Харитоновна, домашнее хозяйство, сейчас в госпитале

Зимица Пелагея Андреевна, портниха-белошвейка (на службу по Морскому ведомству)

Богданова Екатерина Алексеевна, конторщица

Вау Ида Мартовна, то же (на службу по Морскому ведомству)

Большова Евдокия Павловна, работала в канцелярии

Кобякова Агриппина, повариха, прислуга (в санитарную часть по Морскому ведомству)

Список литературы

Кибовский А. Стрелковая подготовка на флоте 2-й пол. XIX — нач. XX века // Старый Цейхгауз. 2008. № 1. С. 25–29.

Цупов-Шапильский А. П. Матросы сходят на берег. М.: Воениздат, 1970. 190 с.

References

Kibovskii A., *Strelkovaia podgotovka na flote vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka (Russian Naval Musketry in the 2nd half of 19th — beginning of the 20th century)*, in: Staryj Tseikhgauz (The Old Arsenal), 2008, #1, pp. 25–29.

Tzupov-Shapil'skii A. P., *Matrosy skhodjat na bereg [Seamen come ashore]*, Moscow 1970.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Д. Ю. Алексеев

КТО ПОДАВИЛ ЛУЖСКОЕ ВОССТАНИЕ 21 МАЯ 1918 г.? ШТРИХИ К УНИФОРМЕ ОСОБОГО ОТРЯДА С. Н. БАЛАХОВИЧА

1918 год в истории России наполнен многочисленными восстаниями, направленными против только что установившейся советской власти. Не был исключением Лужский уезд Петроградской губернии, в котором в течение лета произошло несколько крестьянских восстаний. Свообразным прологом к ним стала попытка поднять восстание в уездном центре.

Согласно сообщения, опубликованном в официозе Лужского совета, «21 мая в городе возникли беспорядки. Толпа, подстрекаемая провокаторами и профессиональными погромщиками, напала на проезжавших в автомобиле председателя совдепа тов. Егорова и военного комиссара тов. Иванова. Захватив пулемет и перерезав телефонные провода, толпа пыталась приготовить пулемет для обстрела здания чрезвычайной комиссии. На все уговоры членов совета и просьбы разойтись толпа отвечала всевозможными хулиганскими выходками. Ввиду этого совет вынужден был принять ряд мер: был учрежден чрезвычайный революционный штаб в составе тов. Иванова, Егорова, Сондака, Серебрякова, Ласмана и Рожковского. Революционным штабом было введено осадное положение, были затребованы ещё войска. Порядок в городе был скоро восстановлен и осадное положение снято. Во время беспорядков никто из толпы не пострадал. Зачинщики арестованы и о выступлении производится строгое расследование»¹.

22 мая 1918 г. чрезвычайный революционный штаб разослал телеграмму «всем, всем, всем» о том, что «явное контрреволюционное выступление в городе Луге», произошедшее накануне, «подавлено в корне», так что «в настоящее время в городе царит образцовый порядок»².

¹ Вестник Лужского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 31 мая.

² ЦГА СПб. Ф. 1000 (Петроградский совет). Оп. 2. Д. 203. Л. 2.

В бывшем ленинградском партархиве (сейчас — ЦГАИПД СПб) находятся воспоминания трёх свидетелей майских событий в Луге. Первый из них — упоминающийся в цитированном выше отрывке И. Л. Сондак, в мае 1918 г. — заместитель председателя Лужского совета. При написании воспоминаний Сондак пользовался доступными ему письменными источниками, в частности, «Вестником Лужского совета», редактором которого он был в 1918 г., поэтому его описание событий 21 мая в значительной мере повторяет опубликованное в нём сообщение: «21 мая толпа человек в 200 под руководством бывшего офицера, сына купца Щукина, захватила у проезжавшего в автомобиле уездного военного комиссара В. И. Иванова пулемёт, перерезала телефонные провода и приготовилась обстреливать здание чрезвычайной комиссии. Вызванная милиция бездействовала. <...> Вызванный к месту происшествия Особый Лужский батальон быстро без применения оружия ликвидировал беспорядки»³.

Два других мемуариста, Н. О. Смирнов и Т. В. Васильев, в 1918 г. являлись сочувствующими партии большевиков. Хотя воспоминания были записаны с их слов через 18 лет, в 1936 г., и в них присутствуют явные анахронизмы (например, «наступают белые» вместо «германцев» или хотя бы «корниловцев», «тревожные гудки» вместо набата), в целом они не противоречат изложенной И. Л. Сондаком и в «Вестнике совета» картине.

Согласно Н. О. Смирнову, события происходили так: «На пожарной каланче города Луги ударили в набат. На Базарную площадь быстро стала собираться публика, собрались городские обыватели, была часть железнодорожников. Здесь же среди публики можно было увидеть и бывших городских Игнатьева и Обширного. Большинство публики не знало, чем была вызвана тревога, ходили всевозможные слухи, иные говорили, что наступают белые. На площади сразу же появилась милиция. Женщина в кожаной тужурке, фамилию её не помню, производила расследование, кем была вызвана тревога. Были арестованы Нейман Семён, Ордов Сергей и несколько других лужских обывателей за подозрение в устройстве тревоги. Было установлено, что в здании, где сейчас находится райисполком, наверху было установлено два пулемёта с целью обстрела Базарной площади. Отрядом красноармейцев площадь был очищена. Восстание, которое хотели организовать против советской власти, не удалось»⁴.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1456 (воспоминания И. Л. Сондака). Л. 53–54.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2407 (воспоминания Н. О. Смирнова). Л. 2.

Т. В. Васильев рассказал о происходившем немного по-другому: «В мае месяце 1918 г. мы были на профсоюзном собрании, и вдруг слышим тревожные гудки. Мы побежали на Базарную площадь, народа там уже собралось много. Все были крайне возбуждены. Одного коммуниста, который работал в продовольственной коммуне, фамилию не помню, начали сбивать с ног и хотели побить, но он вырвался и убежал. Была слышна ругань по адресу коммунистов и советской власти. Толпа всё росла, появился пулемёт, который хотели поставить на мост и вести обстрел Базарной площади. Но из полигона появился отряд в форме гусар, говорили, что это отряд Балаховича, и сборище быстро разогнало»⁵.

На основании этих источников вырисовывается картина событий в Луге 21 мая: сбор толпы на Базарной площади, насилие против попавшихся под руку представителей советской власти, неудавшаяся попытка использовать пулемёт, бездействие милиции и наведение порядка неким красноармейским отрядом. Что это был за отряд, два источника не конкретизируют («ещё войска», «отряд красноармейцев»). И. Л. Сондак считал, что это был Особый Лужский батальон. Т. В. Васильев вспоминал, что это был «отряд в форме гусар», появившийся «из полигона», и предполагает, что, возможно, это был отряд Балаховича.

Современный историк В. И. Хрисанфов, занимавшийся историей Луги в революционный период, предположил, что разгон толпы на Базарной площади был осуществлён отрядом латышей⁶. Возможно, основанием для такого высказывания послужило упоминание в «Вестнике Лужского совета» о том, что чрезвычайным революционным штабом «ввиду установившегося успокоения в городе Луге и тяжёлого положения на фронте постановлено отряд латышских стрелков отправить на фронт»⁷. К сожалению, даты принятия этого документа в газете не приведено. Скорее всего, речь шла о батальоне 6-го Туккумского латышского полка, который дислоцировался на демаркационной линии в Торошино. Действительно, в связи с выступлением в конце мая 1918 г. Чехословацкого корпуса батальон был переброшен на Восточный фронт. 5 июня из Торошино проследовал в Лугу первый эшелон батальона, на следующий день прошёл второй эшелон⁸.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2399 (воспоминания Т. В. Васильева). Л. 2.

⁶ Хрисанфов, В. И. Лужский край в 1917–1920 годы. Кн. 1: 1917–18 гг. Луга, 2013. С. 163.

⁷ Вестник Лужского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 31 мая.

⁸ РГВА. Ф. 1223 (11-я стрелковая дивизия). Оп. 2. Д. 34. Л. 1–2.

Однако допустить, что именно латыши-гуккумцы навели порядок в Луге, невозможно. Все источники согласны, что восстание было подавлено оперативно, частью, находившейся в Луге или её окрестностях. А для переброски латышей из Торошина требовалось не менее двух часов, и то при условии их полной готовности к перевозке. Скорее всего, отряд латышей был переброшен в Лугу уже после того, как Базарная площадь была очищена другим красноармейским отрядом.

Этот отряд не мог появиться «из полигона», как утверждал Т. В. Васильев, так как Сергиевский полигон, до войны принадлежавший Офицерской артиллерийской школе и находившийся к западу от Луги, в то время был заброшен. Только в июле его обследовал начальник 2-й инспекции формирования И. Г. Пехливанов «с точки зрения размещения частей»⁹.

Высказанное И. Л. Сондаком предположение, что наведением порядка занимался Особый Лужский батальон, требует более пристального рассмотрения. В апреле Лужским советом формировался 1-й Лужский отряд. В конце апреля комиссар по военным делам Лужского совета В. И. Иванов характеризовал отряд как «дезорганизованный и способный лишь к разбоям и грабежам»¹⁰. К началу мая его уже не было в Луге, так как он был отправлен на Карельский перешеек для отражения возможного наступления со стороны Финляндии¹¹. Вместо него начала формироваться Особая Лужская гарнизонная рота, которая начала развёртываться в Особый Лужский батальон только 13 июля 1918 г.¹² Таким образом, хотя в мае 1918 г. упомянутого мемуаристом батальона в Луге не было, имевшаяся там гарнизонная рота вполне могла участвовать в наведении порядка 21 мая.

Однако это противоречит воспоминаниям Т. В. Васильева, определённо указавшего, что красноармейцы были в «форме гусар». В это время на территории Лужского уезда и в прилегающих волостях Гдовского и Псковского уездов формировалась Псковская (Лужская, 4-я Петроградская) дивизия, в составе которой создавался конный полк, один из эскадронов которого располагался в Луге¹³. Согласно распоряжения военного руководителя Новгородского участка, объявленного в сношении от 2 мая 1918 г., «для всех эскадронов фор-

мируемого конного полка дивизионной конницы Псковской дивизии устанавливается гусарская форма»¹⁴. Характерно, что когда в конце июня 1918 г. в Луге началось создание полка особого назначения III Интернационала имени товарища Володарского, его конный эскадрон унаследовал гусарские традиции. В частности, на эскадронном штандарте помещалась надпись: «Помни, капитал — пики гусар сокрушат тебя»¹⁵. Таким образом, красноармейский «отряд в форме гусар» вполне мог содействовать наведению порядка на Базарной площади в Луге 21 мая 1918 г.

Был ли он тождествен «отряду Балаховича»? В воспоминаниях Н. О. Смирнова содержится указание на то, что балаховцы в Луге в 1918 г. носили гусарскую униформу: «Солдаты, которые находились в отряде Балаховича, одевались очень хорошо, в гусарские мундиры и хромовые сапоги, в то время как отряды нашей Красной Армии были обмундированы плохо»¹⁶. Согласно расчётам командования Псковской дивизии, два эскадрона Балаховича должны были войти в состав кавалерийского полка Псковской дивизии¹⁷ и, соответственно, переодеться в гусарскую форму.

Однако этому противоречат два обстоятельства.

Во-первых, в мае 1918 г. отряд Балаховича ещё не находился в Луге.

Вопреки утвердившемуся в историографии мнению о том, что партизанский отряд имени Пунина под командованием Балаховича в феврале-марте отступил через Псков в Лугу и всю весну 1918 г. находился в этом городе, на самом деле в начале марта 1918 г. Балахович с отрядом под натиском немцев с боями отступил через перешеек Чудского и Псковского озёр в деревню Самолва¹⁸. Весеннее время балаховцы провели в районе между Гдовом и базой Чудской флотилии Раскопель, охраняя демаркационную линию. К сожалению, до сих пор нет чёткого ответа на вопрос, когда именно произошла передислокация Балаховича в Лугу.

⁹ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 31. Л. 78.

¹⁰ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 33. Л. 124.

¹¹ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 33. Л. 60.

¹² ЦГА СПб. Ф. 5444 (Лужский уездный военный комиссариат). Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.

¹³ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 418. Л. 38.

¹⁴ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 418. Л. 46.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 5444. Оп. 1. Д. 1. Л. 15. О дальнейшей судьбе полка им. Володарского см.: Ярослав Тинченко. Гусарские части Красной Армии // Старый Цейхгауз. 2011. №4. С. 84–85.

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2407 (воспоминания Н. О. Смирнова). Л. 3.

¹⁷ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 434. Л. 267.

¹⁸ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13 («Отряд Балаховича»). Л. 2 и об.; *Фабрициус и Травинский*. Две измены // Гражданская война. 1918–1921. В трех томах. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928. С. 249–250.

И. Л. Сондак в своих воспоминаниях утверждал, что его первая встреча с Балаховичем в Луге произошла в конце апреля, но тогда Балахович оказался там временно, в связи с реквизицией у крестьян уезда кавалерийских лошадей¹⁹.

Есть мнение, что Балахович «со своим кадром переехал в Лугу» в мае²⁰. Заманчиво было бы предположить, что эта передислокация была связана с попыткой восстания 21 мая, и отряд как раз и представлял собой те самые «войска», которые были «затребованы» чрезвычайным революционным штабом. Однако известно, что 23 мая военный совет Лужского дивизионного района поручил начальнику войск пограничной завесы в Торошино через начальника Чудской флотилии выяснить, «где <в> данное время расположен, формируется и <каковы> характер службы отряда Балаховича и его состав»²¹. Из этого следует, что в это время отряд продолжал находиться в районе базы Раскопель, и находившийся в Луге штаб дивизионного района не имел о нём никаких достоверных сведений.

Более того, когда в конце мая началось формирование Гатчинской (впоследствии 3-й Петроградской) дивизии, отряд имени Пунина, как и все отряды, находившиеся в районе Гдова, должен был войти в состав формируемого там её 6-го полка в качестве команды конных разведчиков²². Достоверные сведения о пребывании Балаховича в Луге относятся к 18 июня 1918 г., причём основные силы его отряда находились в Стругах Белых, а часть их продолжала нести службу на демаркационной линии²³.

Во-вторых, не в пользу тождества балаховцев с красноармейцами, разогнавшими бунтовавших лужан, служат многочисленные свидетельства в пользу того, что как сам Балахович, так и его отряд в 1918 г. носили форму, напоминавшую казачью. И. Л. Сондак вспоминал, что Балахович «был одет в казацкую бекешу с шашкой и кинжалом, ножни <так!> которых были украшены серебряной отделкой», и подчёркивал, что «он имел импозантный вид солидного казацкого офицера»²⁴. Согласно воспоминаниям находившегося в то время в Луге следователя Г. И. Гроссена, писавшего под псевдонимом

Нео-Сильвестр, кавалеристы Балаховича обращали на себя внимание «опрятной формой и казачьими шапками с жёлтым верхом»²⁵. Чекист А. М. Ковет, не усмотревший казачьей специфики в облике Балаховича, тем не менее, описывал его одежду в том же духе: «Носил он круглую белую барашковую шапку с красным дном и офицерскую тяжёлую суконную накидку без рукавов, вроде бурки»²⁶.

Это же характерно для облика Балаховича в 1919 г., когда он находился уже в рядах Северо-Западной армии. Об этом свидетельствуют как фотографии псковского периода (рис. 1, 2), так и, например, воспоминания М. С. Маргулиеса, которому запомнились «казацкого покроя военный сюртук» и «жёлтые генеральские лампасы»²⁷. Видевший осенью 1920 г. Балаховича в Белоруссии В. В. Савинков (брат знаменитого террориста) так описывал его внешность: «На нём была несколько странная форма — тёмно-синие брюки с жёлтыми кавалерийскими (уланскими) лампасами, синий же френч с жёлтыми петлицами, несколько орденов, старинная же сабля с серебряным эфесом и украшенными серебром ножнами»²⁸.

С. Н. Балахович постоянно стремился подчеркнуть особый характер своей части, как названием (Особый конный дивизион, Особый кавалерийский полк, Особая дивизия), так и внешним видом. В Красной армии его люди отличались от красноармейцев более высоким уровнем дисциплины, в Северо-Западной армии и у поляков, наоборот, подчёркивали свой партизанский характер. Униформа, напоминающая казачью, необычный жёлтый приборный цвет, впоследствии — символика с использованием адамовой головы были отличительными признаками балаховцев, в какой бы армии они ни служили.

Начало этому было положено, возможно, ещё во время пребывания в Причудье. Один из петроградских красногвардейцев вспоминал, что среди войск, находившихся в районе Гдова весной 1918 г., были «какие-то донские казаки»²⁹. Единственный кавалерийский отряд, находившийся там в это время — отряд имени Пунина. Не исключено, что элементы казачьей униформы, использовавшиеся Балаховичем,

¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1456 (воспоминания И. Л. Сондака). Л. 63.

²⁰ *Фабрициус и Травинский*. Указ. соч. С. 251.

²¹ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 4. Л. 31.

²² РГВА. Ф. 1171 (6-я стрелковая дивизия). Оп. 1. Д. 200. Л. 15 и об.

²³ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 29. Л. 59.

²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1456 (воспоминания И. Л. Сондака). Л. 63.

²⁵ *Г. Нео-Сильвестр*. Батько Булак-Балахович (Рассказ судебного следователя) // Возрождение (Париж). 1951. Тетрадь 16. С. 117.

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2302 (воспоминания А. М. Ковета). Л. 4.

²⁷ *М. С. Маргулиес*. Год интервенции. Книга вторая (апрель — сентябрь 1919 г.). Берлин, 1923. С. 229.

²⁸ ГАРФ. Ф. 5901 (В. В. Савинков). Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1365 (воспоминания А. Ф. Соловьёва). Л. 14.

заставили неопытного красногвардейца принять его партизан за донцов. Но, возможно, идея использовать казачью униформу для выделения своего отряда возникла под влиянием кавалерии Псковской дивизии, принявшей на рубеже апреля и мая 1918 г. гусарский облик.

Список литературы

- Маргулис, М. С.* Год интервенции. Книга вторая (апрель — сентябрь 1919 г.). Берлин: Издательство З. И. Гржебина, 1923. 326 с.
- Нео-Сильвестр, Г.* Батько Булак-Балахович (Рассказ судебного следователя) // Возрождение (Париж). 1951. Тетрадь 16. С. 117–128.
- Фабрициус и Травинский.* Две измены // Гражданская война. 1918–1921. В трех томах. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928. С. 246–255.
- Тинченко, Я.* Гусарские части Красной Армии // Старый Цейхгауз. 2011. №4. С. 84–85.
- Хрисанфов, В. И.* Лужский край в 1917–1920 годы. Кн. 1: 1917–18 гг. Луга: Издательство Голубева, 2013. 195 с.

References

- Fabritsius i Travinskij, *Dve izmeny [Two Betrayals]*, in: Grazhdanskaja vojna [Civil War], 1918–1921, in three volumes, vol. 1, Battle life of the Red Army, Moscow 1928, p. 246–255.
- Khrisanfov, V. I. *Luzhskij kraj v 1917–1920 gody [Region of Luga in 1917–1920]*, Book 1: 1917–18, Luga 2013.
- Margulies M. S., *God interventsii [A Year of Intervention]*, Book 2 (April — September 1919), Berlin 1923.
- Neo-Sil'vestr G., *Bat'ko Bulak-Balakhovich (Rasskaz sudebnogo sledovatelja) [Father Bulak-Balakhovich (A Tale of a Forensic Investigator)]*, in: *Vozrozhdenije [Renaissance]*, 1951, #16, p. 117–128.
- Tinchenko Y, *Gusarskije chasti Krasnoj Armii [Hussar Regiments of the Red Army]*, in: *Staryj Tseihgauz [The Old Armoury]*, 2011, #4, p. 84–85.

УДК 94 (47) 083

ББК 63.3 (2) 52

А. С. Кручинин

«ПАРАДНО-ДОМАШНЯЯ» ФОРМА «МОСКОВСКОЙ ГВАРДИИ» (ИЗ УНИФОРМОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СУМСКИХ ГУСАР)

«Моя домашняя одежда, нечто вроде пижамы», — говорил в известном фильме капитан Жеглов о своей милицейской форме, которую ему как оперативнику «никогда надевать не приходилось». Военные Российской империи, напротив, фактически не знали другой одежды, кроме форменной, и лишь в заграничных поездках были обязаны сменить ее на штатское платье («воспрещается военнотружущим, уволенным в отпуск или командированным за границу, носить там форменную одежду, за исключением тех случаев, когда они находятся в официальном положении, как то: при представлении высшим лицам, в случае приглашения на смотры и ученья войск и т. п.»¹), при этом попросту... не умея его носить: «Для русского военного, — вспоминал бывший генерал-генштабист А. А. Игнатъев, — главным затруднением при отъезде за границу являлось переодевание в штатскую одежду и особенно завязывание галстука. <...> Никогда не забуду, как, приехав в Вену, я истратил пять часов на надевание впервые фрака, измучился, вспотел, порвал несколько белых галстуков и все же опоздал в театр»². Разумеется, домашний досуг русский офицер мог проводить хоть в халате и феске (карикатурно-лубочный облик «помещика»), однако разнообразие светских и представительских обязанностей, казалось бы, неумолимо требовало и такого же разнообразия в видах военного костюма.

На деле же оказывалось, что различные виды формы (парадная, обыкновенная, служебная, повседневная; для строя и вне строя; зим-

¹ Правила ношения форм одежды офицерами всех родов оружия и гражданскими чинами Военного ведомства: издание неофициальное / Сост. В. К. Шенк. [СПб.], [1910]. С. 109.

² *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1955. С. 366.

няя и летняя) могли далеко не исчерпывать всех случаев и ситуаций, с которыми встречался офицер. Жаловался на это, к примеру, в своем «опыте исследования традиций Сумского гусарского полка», написанном уже в эмиграции, один из коренных сумцов — полковник Н. А. Никольский (рис. 1).

Как и другим полкам, бывшим до эпохи императора Александра III гусарскими, конец 1907 г. принес 3-му драгунскому Сумскому полку радостную весть о «возвращении гусарства» с изменением нумерации (на 1-й гусарский) и переменной формы обмундирования вновь на гусарский образец (высочайший приказ и приказ Военному ведомству от 6 декабря). Однако армейские гусары, в отличие от гвардейцев (лейб-гусар его величества и гродненцев), оказались при возвращении традиционной формы лишены не только ментиков (кроме Павлоградского полка), которые с тех пор стали их заветнейшей мечтой, но и вицмундиров, роль которых, в дополнение к общепринятому долману, в гвардии играла зимняя или летняя «венгерка» (существовали также «вице-чакчиры»)³. Между тем именно для сумцов наличие такого «вице-долмана» казалось особенно желательным: стоявший с 1876 г. в Первопрестольной столице полк числил себя «московскою гвардией», и светская жизнь офицеров заставляла их жалеть об отсутствии предметов обмундирования, соответствовавших «промежуточному» варианту военной формы вне службы.

Полковник Никольский писал о «несправедливости, проявленной по отношению к армейским гусарам вообще и к сумским в частности»: «Неполучение чего-то, соответствующего виц-мундиру, иногда ставило в неловкое положение, и если в провинции этот вопрос ощущался менее остро, то у нас ввиду особых условий стоянки он был чрезвычайно существенен, так как кителем <походным мундиром защитного цвета. — А. К.> или, как у нас называли, “кофтой” далеко не всегда можно было ограничиться даже у себя дома»⁴.

Возможно, «несправедливость» обижала; вероятно, она в каком-то смысле стесняла и, безусловно, она... будила творческую мысль. Определенная степень произвола в области формотворчества, конечно, существовала всегда, и веяниям моды военный костюм был подвержен не в меньшей степени, чем любой другой. Но жесткие рам-

³ См.: Правила ношения... С. 58–59 (таблица № 20); 74–75 (таблица № 28).

⁴ Никольский Н. А. Кто мы? Опыт исследования традиций Сумского гусарского полка. (Неопубликованная рукопись хранится в Доме Русского Зарубежья им. А. Солженицына: Архив-музей. Ф. 107; архивный фонд в стадии обработки). Л. 21 об. — 22.

ки армейской жизни все же ограничивали этот произвол и эти веяния вариациями фасона или размеров тех или иных предметов обмундирования или способом их ношения, причем многие традиции усваивались буквально с младых ногтей. Так, «кадетским шиком» считалось ношение «особенно короткой гимнастерки»⁵, — и в будущем этим отличались и офицеры, не обучавшиеся в кадетских корпусах: скажем, в облике штабс-капитана Я. А. Слащова, впоследствии знаменитого белого военачальника Слащова-Крымского, его младшему однополчанину в 1915 г. запомнилась, в частности, «гимнастерка, сбившаяся вверх, и из-под слабо затянутого пояса торчат в стороны ее короткие полы»⁶.

Генерал П. Н. Краснов в эмиграции рассказывал о своем бывшем подчиненном, в годы Гражданской войны стяжавшем известность не только боевыми отличиями, но и униформологическим творчеством, — Б. В. Анненкове: «Вдруг явится он в строй <1-го Сибирского казачьего полка, которым Краснов командовал в 1910–1913 гг. — А. К.> в фуражке с тульей чуть не в четверть аршина, в каком-то диком подобии фуражки. Он не обижался, когда я делал ему замечание, и покорно уничтожал фуражку»⁷.

Еще один эпизод, связанный с форменною офицерской фуражкой, запечатлел в беллетризованных мемуарах служивший на Волыни офицер-артиллерист: «В один из годов, предшествовавших войне 1914 года, вошли в моду фуражки с очень острыми краями на тулье. Евреи-шапочники города старались подладиться под вкусы офицеров и изобретали самые разнообразные варианты, но тот образец, который изобрел <поручик> Величко, превосходил самую пылкую фантазию: Величко объяснил нам, что инструкция, данная им шапочнику, была такова: “Края фуражки должны быть такими острыми, чтобы ими можно было бы резать сыр!”» (разумеется, «чудовищная фуражка» вызвала «совершенную ярость» командира дивизиона и подверглась немедленному запрету под угрозой гауптвахты)⁸.

Случалось нечто подобное и среди сумцов, и полковник Никольский вспоминал, «какую неприятность имел поручик Хольд за слишком

⁵ Игнатъев А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 47.

⁶ Ушаков В. В. Штабс-капитан — генерал-лейтенант Слащов // Финляндец. № 9. Париж, 1929. С. 12.

⁷ Краснов П. Н. На рубеже Китая. Париж: Главное правление Зарубежного союза русских военных инвалидов. 1939. С. 99.

⁸ Волошин П. Ф. Пушкарки: Повесть. Ч. 2 // Военная быль: издание Обще-кадетского объединения. № 111. Париж, 1971. С. 19.

высокий воротник (впоследствии офиц<ер> Ген<ерального> Шт<аба>) и пор<учик> Поляков (переведен из л<ейб>-гв<ардии> Ул<анского> ее в<еличества> п<олка>) за слишком длинную юбку доломана): «Оба принуждены были переделать и привести в надлежащий вид»⁹ (показательны комментарии автора, как бы слегка отделяющего провинившихся от общего офицерского состава полка, осуждавшего такое «писарство»: один переведенный, другой ушел в академию).

Впрочем, во всех приведенных случаях речь идет скорее об индивидуальном «творчестве» (даже если оно и соответствовало «общей» моде), иногда просто с оттенком озорства; в Сумском же полку пошли и дальше, видоизменив офицерский мундир «казенного образца» и изобретя новый тип форменной одежды для особых случаев (остается только гадать, не бытовало ли чего-либо подобного в других полках).

Никольский, сам выпущенный в Сумской полк в 1907 г., — а значит, «возвращение гусарства» и последний «гусарский» период полковой жизни проходили у него на глазах, — отмечал, что вследствие «необходимости иметь какой-то костюм пониже доломана и повыше кителя-кофты» возникло «единственное исключение» из общего правила строгого соблюдения формы: «Ношение у себя дома доломана нараспашку (с обрезанным внутренним бортом) и <с> закрытой жилеткой и галстуком на крахмальном воротничке», «при длинных шоссерах»¹⁰.

К сожалению, описание оказалось все же недостаточно подробным в деталях, а его автор — художник-любитель (и даже автор эскиза полкового нагрудного знака, высочайше утвержденного в 1908 г.), оставивший ряд рисунков, на которых запечатлены различные формы обмундирования родного полка, — описанный выше костюм не считал нужным зарисовывать (или же этот рисунок до нас не дошел). Очевидно лишь, что ношение «модифицированного» доломана нараспашку естественно исключало гусарский кушак; можно также предположить, что просто обрезав «внутренний борт» у «стандартного» доломана, который должен был в нормальном положении застегиваться наглухо, получали бы одежду довольно неудобную и некрасивую (со слишком «длинными» бортами), и офицер, желавший выглядеть элегантно, казался бы, должен был построить себе отдельный доломан, приспособленный именно для ношения нараспашку (при этом можно задать также вопрос, не укорачивались ли и рукава так, чтобы были видны крахмальные манже-

ты, раз уж воротничок под галстуком выставлялся напоказ; по крайней мере, на рисунке Никольского, изображающем офицера во «внеслужебной» форме, манжеты и запонки хорошо видны). Элегантность же костюма диктовалась весьма специальными условиями его ношения «у себя дома», для которых презренная «кофта» считалась неподходящей: это «форма одежды» хозяина, принимающего гостей, в случаях довольно «парадных», но не официальных (срв. *рис. 2*).

Поскольку речь идет именно о форменном доломане как основе «домашнего», нет оснований допускать, что с него удалялись наплечные шнуры, заменявшие на этом виде мундира погоны. В этом случае до 1912 г. шнуры должны были заканчиваться не петлей, а узлом «плетенкой» с накладным вензелем (серебряным при золотом приборе) шефа полка — короля датского Фредерика VIII (F VIII R), снятым после его кончины. Ордена полагались лишь при парадной и обыкновенной формах обмундирования, практики замены их орденскими ленточками в России тогда еще не существовало, но можно предположить ношение на левой стороне груди полкового знака (серебряный оксидированный двуглавый орел в стиле XVII в. — без регалий, с опущенными крыльями, под тремя «древними царскими» коронами, — на золотом «ополченском» кресте с вензелями императора Николая II и царя Алексея Михайловича и юбилейными датами «1651», «1901» на лучах креста), поскольку знак оставался принадлежностью формы и «вне строя», и «вне службы», в том числе у гвардейских гусар на их венгерках-«вицмундирах»¹¹.

Еще одной деталью доломана, не оговоренной Никольским для «домашнего» варианта, но описанной им как «самочинная» принадлежность формы вне строя, мог быть небольшой потайной («скрытый») карман, замаскированный вторым сверху рядом нагрудных «шнуров» или «филиграна» (двойных шнуров, которые у сумцов с 1879 г. были «гвардейского образца» — гусарский аналог георгиевских петлиц): в кармане носили часы, цепочка которых выпускалась наружу и висела немного ниже шнура, свободным же концом прикреплялась ко второму костыльку (пуговице продолговатой формы) или к его петле¹² (на рисунках Никольского показано ношение часов и на правой, и на левой стороне груди; *рис. 3*).

⁹ Никольский Н. А. Указ. соч. Л. 21 и об.

¹⁰ Там же. Л. 21 об., 22.

¹¹ Правила ношения... С. 58–59, 74–75.

¹² Никольский Н. А. Указ. соч. Л. 21 об.

Наконец, следует упомянуть и о цвете доломана, который вообще вызывал у офицеров нарекания. «Голубой цвет не практичный, — вспоминали они через много лет в полковой истории. — Доломан, провисевший лето в шкафу в чехле из плотной материи, выцветал и принимал грязный, сероватый оттенок. <...> Интендантство, где служили люди практические, выдавало для гусарских доломанов сукно синее — более прочное. На темном фоне гусарских доломанов 4–5 офицеров в голубых доломанах были резкими некрасивыми пятнами» (попытка завести в 1908 г. офицерские доломаны под цвет солдатских оказалась недолговечной — «доломан остался голубой»; *рис. 4*)¹³. Однако для домашней обстановки такой цвет, при золотых шнурах и отделке карманов, пол, воротника и рукавов, мог, напротив, выглядеть весьма эффектно (на старых черно-белых фотографиях голубые офицерские доломаны кажутся почти белыми, настолько светлыми они были — см. *рис. 5*, — хотя Никольский на акварелях, изображающих офицеров-сумцов, использует и более насыщенный, почти васильковый цвет).

Остается лишь строить предположения о фасоне и цвете жилета, который мог, например, быть белым (описывал же генерал Краснов гвардейского казачьего офицера «в расстегнутом казачьем чекмене, из-под которого был виден белый пикейный жилет»¹⁴), и галстука — был ли он «бабочкой», скажем, флотского образца или представлял собою просто ленту плотной материи (носившийся при некоторых вариантах армейской формы галстук — это «отрезок сукна или шелка темно-зеленого цвета»¹⁵), охватывающую стоячий воротничок (при стоячем воротнике доломана отложной воротничок рубахи был, разумеется, решительно невозможен, и даже отогнутые углы воротничка кажутся нам некрасивыми и маловероятными).

«Длинные шоссеры» (или шассеры), о которых пишет Никольский, — это, по официальному наименованию, «рейтузы длинные серо-синие», допускаявшиеся в повседневной форме гусарского обмундирования вне службы как в летнее, так и в зимнее время (у сумцов — с алою выпушкой); на акварели Никольского цвет таких рейтуз, пожалуй, ближе к серому, чем к насыщенному серо-синему (темно-синему), хорошо известному цвету походных шаровар. Длинные рейтузы носились поверх укороченных сапог, закрывая их «спереди

до подъема, а сзади до каблука», «с подмочками (штрипками) из черной кожи», проходившими под подошвой перед каблуком¹⁶.

Разумеется, для приема гостей шпоры отнюдь не требовались, но отказаться в мало-мальски парадной обстановке от шпор не мог бы, конечно, ни один уважающий себя гусар, — при коротких же сапогах полагались прибивные шпоры, прикреплявшиеся «произвольно» к каблукам «посредством острого шпиля, запускаемого в каблук, и 2-х винтов на концах дужки»; в домашней обстановке, как представляется, речь должна идти о бальных шпорах без репейка («зубчатого колеса»), «с коротким шпилем и круглою, шарообразною головкою на конце»¹⁷. Не было необходимости и в головном уборе, но если хозяин дома считал бы его желательным, к примеру, при встрече гостей на крыльце или проходах, — он надел бы полковую фуражку (тулья цвета доломана, околыш алый, три желтых выпушки — по окружности тульи, вверху и внизу околыша), а не парадную гусарскую шапку с алым шлыком, вне службы не носившуюся (*ил. б*).

Наш гипотетический гусарский офицер, желая как можно более парадно выглядеть перед гостями, вряд ли пренебрег бы и еще одною чертой своего внешнего облика — не то чтобы традиционной, однако бытовавшей в полку, — о которой писал Никольский: «Было принято и ношение драгоценностей в виде колец и браслетов (последние в виде цепей наподобие мундштучных <часть «мундштучного удила» — «цепка», проходившая «в выемке подбородка» лошади. — *А. К.*> или наподобие подков <не вполне ясное место — возможно, миниатюрные подковы включались в звенья цепочки, носимой на запястье? — *А. К.*>, иногда с бриллиантами)», а в 6-м эскадроне Сумского полка традиционно носили и серьгу в одном ухе¹⁸. Заметим, что в некоторых частях Российской императорской армии, в том числе кавалерийских полках, существовали особые полковые кольца или перстни, иногда довольно сложного рисунка (скажем, в 18-м гусарском Нежинском — на формирование которого, к слову, был в 1895 г. выделен эскадрон сумцов, — «стальное кольцо на золотой подкладке с гербом города Нежина», которое присуждалось с разбором офицерам, прослужившим в полку три года, причем тому, кому в праве ношения было отказано как знак своего рода недоверия со-

¹³ Сумские гусары, 1651–1951 / [Под ред. Г. А. Шведа]. Буэнос-Айрес, 1954. С. 95.

¹⁴ Краснов П. Н. От двуглавого орла к красному знамени, 1894–1921: Роман в 4 т. 2-е изд. Т. 1. Берлин: [типография И. Визике], 1922. С. 38.

¹⁵ См. Правила ношения... С. 19.

¹⁶ Там же. С. 75, 164.

¹⁷ Там же. С. 165.

¹⁸ Никольский Н. А. Указ. соч. Л. 6, 21 об.

служивцев, следовало перевестись из полка в другую часть¹⁹⁾, однако упоминаний о полковом кольце у сумских гусар нам не встречалось, и вернее всего его и не существовало.

Вообще с «кажется», «вероятно», «по-видимому» и прочим нам приходилось здесь сталкиваться слишком часто из-за лаконичности полковника Никольского, который не оговаривает даже, когда именно в предвоенное семилетие (1908–1914) возникла мода на этот специфический «парадно-домашний» костюм, как быстро он прижился, да и насколько всеобщим было его распространение среди офицеров-сумцов. К тому же, горячий патриот родного полка, Никольский был и не менее пылким романтиком, что порой побуждало его к заявлениям, отличавшимся по меньшей мере излишней категоричностью. Например, он неоднократно и совершенно безапелляционно утверждал, будто за отличия в кампанию 1914 г. Сумской полк был представлен к награждению (или даже награжден) алым ментиком, и рисовал сумского гусара уже в форме с ментиком, заодно добавляя также ташку и вальтрап с вензелями императора Николая II, хотя то и другое в снаряжение и «конский убор» полка заведомо не входили (рис. 7); показательно, что версия о ментике — напомним, заветной мечте большинства армейских гусарских полков! — не только не имеет документального подтверждения, но, похоже, не вызвала доверия и у его же собственных однополчан, которые в начале 1950-х гг. при составлении полковой истории не вписали столь лестную награду в общий перечень отличий, включавший наряду со штандартами, георгиевскими трубами и прочим даже «назначение полка как наиболее отличившегося на торжества в Москву» или «икону-складень — благословение Государыни Императрицы Александры Феодоровны»²⁰⁾.

Тем не менее, рассказ Никольского о «домашнем» костюме офицеров «московской гвардии» представляется чрезвычайно ценным как единственное в своем роде свидетельство о характерной примете того времени, когда семьей русского офицера был его полк, а одеждой едва ли не на все случаи жизни — полковой мундир.

Использованная литература

- Волошин, Павел Федорович. Пушкари: Повесть // Военная быль. № 111. Париж, 1971. С. 17–22.
- Игнатъев, Алексей Алексеевич. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1955. 592 с.
- Краснов, Петр Николаевич. На рубеже Китая. Париж, 1939. 126 с.
- Краснов, Петр Николаевич. От двуглавого орла к красному знамени, 1894–1921. 2-е изд. Т. 1. Берлин, 1922. 460 с.
- Подушкин, Константин Николаевич. 18-й гусарский Нежинский полк // Военная Быль. № 86. 1967. С. 26–29.
- Правила ношения форм одежды офицерами всех родов оружия и гражданскими чинами Военного ведомства: издание неофициальное. [СПб.], [1910]. X+218+14+5 с.
- Сумские гусары, 1651–1951. Буэнос-Айрес, 1954. 324 с.
- Ушаков, Владимир Владимирович. Штабс-капитан — генерал-лейтенант Слещов // Финляндец. № 9. Париж, 1929. С. 12–16.

References

- Ignat'ev, Alexey Alexeevich, *Pyat' desyat let v stroyu [50 Years in the Ranks]*, vol. 1, Moscow 1955.
- Krasnov, Pyotr Nikolaevich, *Na rubezhe Kitaya [At the Chinese Border]*, Paris 1939.
- Krasnov, Pyotr Nikolayevich, *Ot Dvuglavogo Orla k Krasnomu Znameni [From the Double-headed Eagle to the Red Banner]*, 1894–1921, 2nd ed., vol. 1, Berlin 1922.
- Podushkin, Konstantin Nikolaevich, *18 gusarsky Nezhinsky Polk [18th hussars of Nezhin]*, in: *Voennaya Byl'*, 1967, 86, 26–29.
- Pravila nosheniya form odezhdy Ofitserami vseh rodov oruzhiya i Grazhdanskimi chinami Voennogo Vedomstva: Izdanie neofitsial'noe [Regulations for Wearing Uniforms for Officers of all kinds of Arms and Civil Officers in the Military Service]*, [St. Petersburg], [1910].
- Sumskie gusary, 1651–1951 [Hussars of Sumy, 1651–1951]*, Buenos Aires, 1954.
- Ushakov, Vladimir Vladimirovich, *Shtabs-Kapitan — General-Leytenant Slaschov [Lieutenant Captain, later General Lieutenant Slaschov]*, in: *Finlandets [Finlandsky Infantryman]*, 1929, 9, Paris, 12–16.
- Voloshin, Pavel Fedorovich, *Pushkari: Povest' [Artillery men: A Tale]*, in: *Voennaya Byl' [Military Past]*, Paris, 1971, 111, 17–22.

¹⁹⁾ Подушкин К. Н. 18-й гусарский Нежинский полк // Военная быль. № 86. 1967. С. 28.

²⁰⁾ Никольский Н. А. Указ. соч. Л. 56 об.; срв. Сумские гусары... С. 50–51.

Е. В. Яковкин

УНИФОРМА РУССКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В КИТАЕ (1923–1947 ГГ.)

После окончания гражданской войны на Востоке России значительная часть бывших чинов белых армий покинула родину и оказалась в Китае. Часть эмигрантов, не найдя себя в гражданской жизни, пошла служить в различные военные и военизированные формирования в Китае. Не вдаваясь в идеологические и моральные аспекты службы русских эмигрантов, рассмотрим униформу и знаки различия, которые носили русские эмигранты в иностранных формированиях: русская группа войск маршала Чжан Цзунчана, Шанхайский русский полк, отряд «Асано», Русские воинские отряды Маньчжоу-диго. Отметим также униформу полиции Маньчжоу-диго, где также служило значительное число русских эмигрантов.

Первым местом службы русских эмигрантов стали воинские части армий враждующих китайских генералов. В это время в Китае шла гражданская война, и её участники нуждались в военных специалистах и обученных воинах. Первая русская воинская часть была создана в армии маршала Чжан Цзолия. Первый русский воинский отряд в китайской армии был создан еще в 1923 г. генералом М. М. Плешковым. Он просуществовал недолго, около месяца. Несмотря на эту неудачную первую попытку, маршал Чжан Цзолинь очень нуждался в специалистах, и в 1924 г. была создана русская группа войск. Первоначально ею командовал полковник В. А. Чехов, затем генерал-майор К. П. Нечаев. Русская группа войск активно действовала на протяжении 1924–1928 гг.¹ Всего ряды китайской армии прошли более 4600 русских эмигрантов.

Русские чины носили китайскую форму и состояли в китайских чинах и званиях. Китайская униформа, несмотря на общие стандарты,

¹ Окороков А. В. Русские добровольцы. М., 2004. С. 178–188.

отличалась разнообразием по своему покрою. В армиях Чжан Цзолия носили униформу образца 1912 г. с незначительными изменениями. Униформа была темно-зеленого цвета и состояла из фуражки с пятиконечной звездой, разделенной на пять цветов (желто-черно-бело-сине-красная), и кителя с пятью латунными пуговицами. Звания обозначались на контрпогонах, род войск — на V-образных петлицах цветом: пехота — красный, кавалерия — желтый, артиллерия — голубой, военная полиция — розовый, инженеры и саперы — белый, транспорт — черный. Кроме того, поставлялись штаны и ботинки с обмотками. Патронташ использовался как русского, так и китайского образца² (рис. 1, 2, 3).

В 1928 г. в русских частях были введены повязка и нагрудный знак армии Чжан Цзунчана. Знак представлял собой квадрат, который был разделен черным Андреевским крестом на четыре треугольника синего, красного, белого и желтого цветов с китайскими иероглифами³.

Русские чины в китайской инструкторской школе носили униформу из некачественной ткани, которая подбивалась ватой. Обувью служили китайские парусиновые туфли, младшие офицеры носили ботинки и сапоги. В зимнее время были шубы на козьем меху и рукавицы. Головным убором служила фуражка с пятицветной звездой⁴.

Лучшего качества была униформа в Шаньдунском офицерском инструкторском отряде: мундир серого цвета с гладкими медными пуговицами, на плечах — красные контрпогоны с золотыми галунами, на воротнике — петлицы с двумя красными продольными просветами, знак военно-учебных заведений. Фельдфебель носил обер-офицерский погон без звезд, серебряный с просветом. Парадная форма: гимнастерка цвета хаки, брюки и сапоги. Зимой носили шинели. Головным убором служила фуражка «капп» (особый вид китайской фуражки с высоким околышем) с красными кантами и пятицветной звездой (желто-черно-бело-сине-красная). Носился кожаный ремень, а также русского образца подсумки и патронташ. В походах юнкера надевали ранец⁵.

² Jowett P. Chinese Civil War. 1911–1949. Oxford, 2005. P. 13, 15, 27.

³ Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 167.

⁴ Зубец В. А. На службе в Китайской армии // Русская Атлантида (Челябинск). 2009. № 33. С. 29.

⁵ Уваров Б. Шаньдунский офицерский инструкторский отряд (1925–1928 гг.) // Белая эмиграция в Китае и Монголии. М., 2005. С. 143–144.

Кроме китайских армий русских служили и в британских вооруженных частях в составе Шанхайского волонтерского корпуса (ШВК). В 1927 году в Шанхае была создан русский отряд в составе ШВК⁶. Основу отряда составили чины Дальневосточной группы генерала Ф. Л. Глебова. 19 октября 1928 г. в составе ШВК была создана русская волонтерская рота, которая вскоре переросла в полк. Uniformой ШВК было обмундирование по образцу британской армии темно-зеленого цвета. В 1938 г. была выдана униформа британской армии, а также патронташ, фляга, чехол — «фрага» для носки штыка и ранец⁷. На погонах русские чины первоначально носили букву «V» (Volunteers) и снизу шифровку «SVK» (Shanghai Volunteers Corps)⁸, в 1938 г. шифровка изменилась на R. R. S. V. C. (Russian Regiment of Shanghai Volunteers Corps). Головным убором служила фуражка с кокардой в виде восьмилучевой звезды с надписью «SVK». Кроме того, использовалась каска британского образца (рис. 4, 5, 6).

В годы Второй мировой войны функции отряда изменились, изменилась и униформа. В 1941 г. Шанхайский русский полк был переименован в Русский вспомогательный отряд Шанхайской муниципальной полиции. Отряд получил новое полицейское обмундирование голубого цвета с серебряной надписью на погонах «P. V. O. III. M. P.». Командир полка получил форму старшего помощника начальника полиции, капитаны — форму помощников начальника полиции, лейтенанты — суперинтендантов полиции. Кокардой служила большая восьмилучевая звезда с надписью «SHANGAI MUNICIPAL POLICE», в центре — герб сэтльмента⁹.

В годы японской оккупации отряд продолжал выполнять свои обязанности. Была введена специальная повязка на рукав, которая давала право двигаться по городу во время авианалетов. После окончания Второй мировой войны, когда Шанхай перешел в руки гоминдановских властей, русский отряд не был распущен. Его чинам была выдана униформа китайской полиции, соответствующие отличительные знаки и круглая кокарда в виде белого солнца на синем фоне¹⁰. С такой униформой отряд просуществовал вплоть до его расформирования в 1947 г.

⁶ Огороков А. В. Указ. соч. С. 167–168.

⁷ Красноусов Е. Шанхайский русский полк // Белая эмиграция в Китае и Монголии. М., 2005. С. 276, 278.

⁸ Там же. С. 193.

⁹ Там же. С. 319–321.

¹⁰ Там же. С. 364.

Обратимся к истории униформы русских военных, пошедших на службу в армию и полицию Маньчжоу-диго. В 1938 г. руководством Квантунской армии было создано диверсионно-разведывательное подразделение из русских эмигрантов в составе армии Маньчжоу-диго, получившее название отряд «Асано». В качестве униформы стала использоваться обычная униформа армии Маньчжоу-диго. Офицеры отряда носили в качестве головного убора фуражку с кокардой в виде звезды, разделенной на пять цветов (желто-черно-бело-сине-красный — национальные цвета Маньчжоу-диго), кроме того, им полагалось полевое кепи с матерчатой звездой. Зимой использовалась уставная меховая шапка с кокардой. Использовался мундир маньчжурского образца, созданный по образу японской униформы тип 90 — жесткий стоячий воротник, замененный затем на отложной, пять латунных пуговиц, два нагрудных и боковых прорезных кармана, брюки, черные офицерские кожаные сапоги¹¹. В первоначальный период на воротнике размещались цветные петлицы. Отличительной чертой отряда было отсутствие петлиц на воротнике. Для унтер-офицерского и рядового состава отпускалась упрощенная униформа из кепи, мундира и брюк с обмотками, ботинки с крагами (с 1939 г.). В качестве знаков отличия употреблялись контрпогоны¹² (рис. 7, 8, 9, 10).

Эта же униформа была у созданных взамен отряда «Асано» в 1944 г. Русских воинских отрядов армии Маньчжоу-диго. Летнее обмундирование было из легкого хлопчатобумажного материала: китель с контрпогонами, брюки, сапоги. Зимняя униформа состояла из шерстяных носков, нижнего белья, суконного кителя и штанов, шинели, а также меховой шапки (кепи). Кокардой также служила пятиконечная звезда. Чины и звания обозначались на контрпогонах (рис. 11)¹³. Исключением был Пешковский отряд, который носил кокарды Русской императорской армии и широкие русские погоны¹⁴ (рис. 12).

Вооружены были бойцы отряда «Асано», а затем и бойцы Русских воинских отрядов японскими кавалерийскими саблями, которые часто принимали за японские мечи — катаны (рис. 13). Японскими мечами были вооружены только японские военнослужащие этих отрядов. Кро-

¹¹ Джоуэтт Ф. Японская армия. 1931–1942. М., 2003. С. 28–29.

¹² Jowett P. Chinese Civil War Armies 1911–1949. Oxford, 1997. P. 35–36.

¹³ Винокуров В. Кавалерийский отряд Асано // Русская Атлантида (Челябинск). 2008. № 29. С. 41.

¹⁴ Перминов В. В. Пешковский отряд: создание и гибель // Русская Атлантида (Челябинск). 2008. № 29. С. 16–23.

ме холодного оружия офицеры имели пистолеты «Намбу» тип 14. Рядовые имели винтовки системы «Арисака», а также чешские винтовки vz.24. Кроме того, у Хайларского отряда был специальный нагрудный отличительный знак в виде русского ополченного креста. Эта униформа просуществовала вплоть до развала отрядов в августе 1945 г.

Значительно отличалась от униформы армейских подразделений форменная одежда русских служащих полиции Маньчжоу-диго. Вскоре после оккупации Маньчжурии и создания Маньчжоу-Го японскими властями из русских эмигрантов стали формироваться русские охранные отряды. В 1934 г. согласно «Закону об организации государства» было создано управление полиции, куда и вошли русские отряды, преобразованные русские полицейские формирования горно-лесной полиции Маньчжоу-диго¹⁵. Эти полицейские отряды должны были бороться с преступностью (прежде всего с хунхузами в различных населенных пунктах Маньчжоу-диго.

В русских отрядах использовалась униформа, идентичная полиции Маньчжоу-диго (рис. 14, 15). Чины полиции носили продольные погоны со стилизованными металлически цветами (пять лепестков) и просветами (рис. 16). Головным убором для офицеров служила фуражка с большой кокардой в виде щита желтого цвета, в центре которого находилась четырехлучевая звезда (красно-черно-бело-синяя) в обрамлении листьев (рис. 17). Также на фуражке размещались продольные полосы в соответствии со званием¹⁶.

Для нижних и унтер-офицерских чинов использовалась кепи с такой же металлической кокардой, китель серо-синего цвета с пятью пуговицами, двумя верхними накладными карманами и двумя нижними прорезными карманами. Личным оружием служили револьверы, пистолеты типа «Намбу», винтовки у рядовых. Офицеры имели полицейскую саблю маньчжурского образца. Кроме того, в военно-полицейском училище в Ханьдаохэцзы использовалась униформа юнкеров Российской империи с соответствующими погонами и русской кокардой. Данный вид униформы просуществовал вплоть до 1945 г.

¹⁵ Кейдун И. Б., Елисеева Я. А. Общая характеристика системы высших органов Маньчжоу-Го // Вестник Амурского государственного университета. 2010. Вып. 48. С. 32.

¹⁶ Скворцов С. Моя новая жизнь. Харбин, 1943. С. 16.

Список литературы

- Балмасов, Сергей Станиславович. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 559 с.
- Винокуров, Виктор. Кавалерийский отряд Асано // Русская Атлантида (Челябинск). 2008. №29. 88 с.
- Джозуэтт, Филипп. Японская армия. 1931–1942. М.: Издательство АСТ, Издательство Астрель, 2003. 63 с.
- Зубец, Владимир Александрович. На службе в китайской армии // Русская Атлантида (Челябинск). 2009, №33.
- Кейдун И. Б., Елисеева Я. А. Общая характеристика системы высших органов Маньчжоу-Го // Вестник Амурского государственного университета. 2010. Вып. 2010. Вып.48.
- Красноусов, Евгений Михайлович. Шанхайский русский полк // Белая эмиграция в Китае и Монголии. М.: Центрполиграф, 2005.
- Окорок, Александр Васильевич. Русские добровольцы. М.: Авуар консалтинг, 2004. 400 с
- Перминов, Вадим Васильевич. Пешковский отряд: создание и гибель // Русская Атлантида (Челябинск). 2008. №29.
- Скворцов, Семён. Моя новая жизнь. Харбин, 1943.
- Уваров, Борис Григорьевич. Шаньдунский офицерский инструкторский отряд (1925–1928 гг.) // Белая эмиграция в Китае и Монголии. М.: Центрполиграф, 2005.
- Jowett, Philip. Chinese Civil War. 1911–1949. Oxford: Osprey, 2005. 51 p.

References

- Balmasov, S. S., *Beloemigranty na voyennoy sluzhbe v Kitaye [White Emigrants in the Service to China]*, Moscow 2007.
- Dzhouett, Filip, *Yaponskaya armiya [Japanese Army], 1931–1942*, Moscow 2003.
- Jowett, Philip, *Chinese Civil War. 1911–1949*, Oxford 2005.
- Keydun I. B., Yeliseyeva Y. A., *Obshchaya kharakteristika sistemy vysshikh organov Man'chzhou-Go [General Description of system of Supreme Authorities of Manchukuo]*, in: Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Amur State University], 2010, #48.
- Krasnousov, Y. M., *Shankhayskiy russkiy polk [Shanghai Russian Regiment]*, in: Belaya emigratsiya v Kitaye i Mongolii [White Emigration in China and Mongolia], Moscow 2005.
- Okorokov, A. V., *Russkiye dobrovol'tsy [Russian Volunteers]*, Moscow 2004.
- Perminov, V. V., *Peshkovskiy otryad: sozdaniye i gibel' [Peshkov's Detachment: from Creation till Destruction]*, in: Russkaya Atlantida (Chelyabinsk) Russkaya Atlantida (Chelyabinsk) [Russian Atlantis], 2008, #29.
- Skvortsov, S., *Moya novaya zhizn' [My New Life]*, Kharbin 1943.
- Uvarov, B. G., *Shan'dunskiy ofiterskiy instruktorskiy otryad (1925–1928 gg.) [Shandong Officers' Instructor Detachment]*, in: Belaya emigratsiya v Kitaye i Mongolii [White Emigration in China and Mongolia], Moscow 2005.
- Vinokurov, V., *Kavaleriyskiy otryad Asano [Cavalry Detachment of Asano]*, in: Russkaya Atlantida (Chelyabinsk) [Russian Atlantis], 2008, #29.
- Zubets, V. A. *Na sluzhbe v Kitayskoy armii [Serving in the Chinese Army]* in: Russkaya Atlantida (Chelyabinsk) [Russian Atlantis], 2008.

В. М. Кривчиков

К ВОПРОСУ О ВЕЩЕВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В 1920-е гг. проблемы неполного обеспечения обмундированием красноармейцев, его низкое качество, некондиционность остро стояли перед обозно-вещевой службой Белорусского военного округа. В отличие от обмундирования начальствующего состава, в обеспечении красноармейцев существовало много проблем. Оно осуществлялось по остаточному принципу, многие образцы были непродуманы и неудобны. Яркий пример тому — зимний и летний головные уборы, так называемая «будёновка». Официальное наименование данного головного убора по приказу № 116 от 16 января 1919 г. — зимний шлем. В обиходе же его стали называть «богатырка», «фрунзёвка», «будёновка». Последнее название навсегда осталось в истории униформы. Первыми новый головной убор надели красноармейцы Иваново-Вознесенска, где в конце 1918 г. был объявлен набор в отряд М. В. Фрунзе. Затем он распространился во всех родах войск Красной армии, и лишь 5 июля 1940 г. был заменен шапкой, однако продолжал использоваться до 1942 г.

Следует отметить, что и зимний шлем, и его летний аналог почти сразу вызвали многочисленные нарекания военнослужащих. Особенно много нареканий вызвал летний шлем образца 1922 г. Курсанты и красноармейцы, уходившие в отпуск в неформенных головных уборах и уличённые в этом, чистосердечно заявляли, что в летнем шлеме им «идти стыдно»¹.

В июле — сентябре 1925 г. в частях Западного военного округа работала Политинспекция ОГПУ во главе с ее начальником Кондратьевым. В подготовленном им докладе в ЦК КП (б) Беларуси

¹ Печейкин, А. В. Гимнастерка // Военно-исторический журнал. 2010. № 11. С. 2–7.

9 ноября 1925 г. было отмечено, что во всех частях округа красноармейцами высказывалось недовольство выдачей им суконного обмундирования, что свидетельствовало о его низком качестве и непрактичности².

В конце 1925 г. из-за несвоевременного прибытия обмундирования призывники округа не были переодеты в военную форму одежды в течение одного месяца. Кроме того, шинели и ботинки в ряде случаев не соответствовали росту новобранцев и размерам ног. Например, в частях 5-го корпуса шинели были на 35% малы, а ботинки на 40% велики, в частях 33-й дивизии шинели были на 34% малы, а ботинки на 45% велики. Аналогичные явления имели место и в других частях. Как частный момент, можно отметить нецелесообразность отпуска лётному составу ботинок американского фасона, подбитых железом, ибо от ударов по цементу выбивались искры, что не исключало возможность возникновения пожара в складах и ангарах. Шинели, полученные по плану 1924/1925 г. и находившиеся на старослужащих красноармейцах и младшем командном составе, вследствие некондиционности материала срока носки (два года) не выдерживали и, как следствие, приходили в ветхость³.

29 января 1926 г. Комитет содействия Красной армии по Западному военному округу в протоколе заседания № 3 отметил: «Считать ненормальным неполное обеспечение соответствующим обмундированием войск Западного военного округа, расположенных на границе СССР». Комитет ходатайствовал поднять перед РВС СССР вопрос об обеспечении войск округа достаточным обмундированием, в частности, о замене «маломерок» более кондиционной обувью⁴.

Кроме недостатка обмундирования, не хватало вещевого имущества, в частности, палаточного фонда. Необеспеченность лагерными палатками существенно влияла на ход боевой подготовки: из-за их отсутствия в 1926 г. часть войск не была выведена в лагерь⁵.

² НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2513 (докладные, протоколы, постановления и письма партийных, советских и воинских организаций по вопросам оборонной и мобилизационной работы). Л. 91.

³ Там же. Л. 130–134.

⁴ Там же. Л. 128–129.

⁵ Там же. Л. 174.

Таким образом, в 1920-е гг. в войсках, дислоцировавшихся на территории Беларуси, ощущались серьезные проблемы в обеспечении вещевым обмундированием. Причинами этого можно считать перебои с поставками обмундирования, их некондиционность, иногда неудобство и непродуманность.

Список литературы

Печейкин, А. В. Гимнастерка // Военно-исторический журнал. 2010. №11. С. 2–7.

Reference

Pecheykin A. V., *Gimnastyorka*, in: *Voenno-istoricheskij Zhurnal* [Military Historical Journal], 2010, #11, p. 2–7.

УДК 94 (480)
ББК 63.3 (4Фин)

А. Э. Семёнов

ФИНСКИЕ ЛОТТЫ И ИХ УНИФОРМА

Организация «Лотта Свьярд» была создана 19 ноября 1918 г. в Рийхимяки. 23 января 1919 г. отделение «Лотты Свьярд» № 1 было создано в Хельсинки. Это было шведскоговорящее отделение, и его устав послужил моделью для других отделений, основанных в других частях страны. Командующий шюцкора подполковник Дидрик фон Эссен 29 августа 1919 г. издал приказ о том, что отделения «Лотты Свьярд» должны создаваться совместно с отделениями шюцкора, что и было выполнено в 1919–1920 гг.

В приказе о создании организации были сформулированы основные задачи организации, которые впоследствии были несколько расширены: «Основная миссия Лотта Свьярд — поддерживать и укреплять идеологию шюцкора и помогать ему в защите веры и отечества». Лотта Свьярд выполняет это посредством:

1. Поддержки и пропаганды идеологии и целей шюцкора.
2. Помощи в осуществлении медицинских задач шюцкора.
3. Помощи в снабжении провиантом шюцкора.
4. Помощи в сборе средств шюцкора.
5. Работы в отделениях и штабах шюцкора¹.

К концу 1919 в Финляндии уже было более чем 200 независимых, более или менее организованных отделений «Лотты Свьярд». Однако без общего руководства и единого устава было трудно организовать взаимодействие отделов, что вызывало неразбериху. Как следствие, в мае 1920 г. была создана национальная организация «Лотта Свьярд». На учредительном собрании был представлен и одобрен единый устав организации. Устав был разработан комитетом под руководством Хелми Арнеберг-Пентти и также одобрен командующим шюцкора фон Эссеном. 20 января 1921 г. председателем организации назначена Грета

¹ *Koskimies Airi, Koskimies Rafael. Suomen lotta — katsaus Lottajärjestön toimintaan.* Helsinki, 1964. S. 104.

Крон. Первыми действительными членами Центрального совета организации стали Дагмар фон Эссен, Рут Серлациус, Майя Алберг, Суома Хьяльстрем, Сири Бякстрем и Лола Васстрем. Кандидатами в члены совета были Грета Сильвениус и Карин Герлиц. Госпожа Крон, однако, была освобождена от выполнения обязанностей фон Эссенем очень быстро, очевидно, из-за того, что она принимала слишком много решений самостоятельно. 10 октября 1921 г. новый командующий шюцкора Лавури Малмберг назначил Хелми Арнеберг-Пентти новым председателем «Лотты», однако в 1922 г. она ушла в отставку и была заменена Дагмар фон Эссен. Ее в 1924 г. заменила на посту Тюне Седерстрем, которая занимала эту должность до 1929 г., когда командующий Малмберг назначил главой организации преподавателя спортивной школы из Соргавалы Фанни Луукконен, которая возглавляла организацию до ее конца.

Все решения организации утверждались протоколами ежемесячных (Kkpöytäkirja Lotta Svärd — järjestön Keskusjohtokunnan kuukausikokouksen pöytäkirja) и ежегодных (V Pöytäkirja — Lotta Svärd — järjestön Keskusjohtokunnan vuosikokouksen pöytäkirja) заседаний Центрального совета.

В 1941 г. название организации претерпело небольшое изменение — предыдущее Lotta Svärd Yhdistys («Объединение Лотты Свядр») было заменено на Lotta-Svärd г. у. (зарегистрированное объединение «Лотта-Свядр»). В это же время был принят обновленный устав организации, соответствовавший текущей обстановке. Организация была строго разделена на отделы, в которых новые лотты были распределены согласно их навыкам и образованию. Это гарантировало эффективный способ работы организации как в мирное время, так и во время войны. В начале у отделов было много разнообразных названий, но, в конечном счёте, их назвали медицинским, снабжения и обеспечения. Поскольку с ростом организации возникали новые задачи, в ситуации начавшейся войны деление на отделы и их задачи были изменены, чтобы лучше соответствовать их целям.

С момента своего создания организация не имела единой формы, и каждый округ разрабатывал и носил свою.

Хлопчатобумажное платье в сине-белую клетку было популярно в провинции Южной Похьянмаа — оно носилось с кружевным воротником. В Рийхимяки дополнением к платью были белый чепец и фартук. Платье было красивым, но непрактичным². Причиной по-

² Koskimies Airi & Rafael. Op. cit. S. 97.

пулярности такой расцветки платьев, вероятно, было большое количество такой ткани³. В Каухайоки использовали белую блузку и черную юбку, в Урьяла — традиционные кофту, юбку и белую блузку⁴. Некоторые отделения носили на лацкане брошь с изображением Лотты Свядр кисти Альберта Эдельфельта⁵.

В 1921 г. на заседании Центрального совета было принято решение о введении в организации единой формы одежды (протокол от 21.02.1921 г.). За основу была взята форма шюцкора (рис 1а). Форма состояла из кителя, юбки, блузки и фартука, а также кепки и рюкзака. Несмотря на это, местные отделения продолжали носить, наряду с установленной формой, и свою. Лоттам было рекомендовано носить эту форму, но только лотты действия обязаны носить ее постоянно⁶.

В 1922 г. в форме произошли незначительные изменения, но в связи с тем, что форма была тяжелой, неудобной, особенно летом и в помещениях, сшитой из толстого сукна, на ежегодном заседании Центрального совета, проходившем 11–12 марта 1922 г. в Хельсинки, было принято решение о внесении изменений. Принятая единая форма и порядок ее ношения просуществовала до роспуска организации в 1944 г. Полностью переход на ношение единой формы произошел лишь в 1925 г.

Перейдем к рассмотрению элементов формы одежды. Шерстяной китель цвета фельдграу был похож, как уже говорилось выше, на китель охранного корпуса (шюцкора). Он должен был иметь баску длиной 45 см от талии, с прямым рукавом, состоящим из двух частей. Ширина пояса 12 см. Полость нагрудных карманов располагалась под внешней тканью и подкладкой, отверстие в карманы закрывалось клапаном со скошенным острым краем и застегивалось на пуговицу. Нижние карманы были такие же, как и верхние. От клапанов нагрудного кармана до подола шли две вставки шириной 5 см. Они располагались спереди и сзади. Благодаря им варьировался размер кителя. Спереди на пуговицу пристегивался ремень шириной 5 см, сделанный из той же ткани, что и китель. Также было разрешено использовать кожаный ремень⁷.

Манжет шириной 12 см пришивался на левом рукаве. Края воротника, борт, клапаны карманов и манжеты были прострочены. В 1922 г. у кителя были убраны вставки. Появились накладные нижние карма-

³ Lukkarinen Vilho. Suomen lotat, Lotta Svärd-järjestön historia. Helsinki, 1981. S. 52.

⁴ Koskimies Airi & Rafael. Op. cit. S. 97.

⁵ Lukkarinen Vilho. Op. cit. S. 52.

⁶ Kkpöytäkirja 09.27.1924.

⁷ Kk pöytäkirja 25.4.1925.

ны размером 18 на 16 см. До 13 см увеличена ширина воротника. Стали использоваться пуговицы с изображением льва⁸.

Юбка имела свободный длинный подол 25 см от земли. Она могла быть двух- или четырехполосной и имела накладные карманы, как на кителе, со вставкой шириной 4 см⁹. Окружность подола была не менее 2,5 м. Юбка застегивалась на талии на одну пуговицу.

Блузка шилась из светло-серой хлопчатобумажной ткани, с кокеткой спереди и сзади и застегивалась на пуговицы. Рукава были длинные из цельного полотна. Манжеты шириной 10 см с двумя пуговицами. На манжете имелась специальная петля, к которой по необходимости пристегивался подвернутый рукав. Ниже кокетки располагались карманы с клапанами, как и на кителе. Воротник с заостренным краем. Летом блузка носилась без кителя. В торжественных случаях прикреплялся белый воротник и манжеты. До 1922 г. была возможность использовать блузки других неярких цветов. Медицинскими лотгами и лотгами обеспечения использовался белый хлопковый фартук (рис. 3а).

Фартук застегивался назад. Вырез горловины без воротника, от которого отходила кокетка. В области кокетки ткань плиссированная. Сверху в области нижнего края кокетки находился маленький накладной карман, который застегивался на пуговицу.

С формой носилась кепка с кокардой округа, впоследствии общевойсковой. Летняя кепка шилась из водонепроницаемой ткани, зимний головной убор — из белой овчины или каракуля.

Также серые или, в торжественных случаях, белые перчатки. Сапоги, пьексы или кожаные ботинки с шерстяными рейтузами или носками.

Все свое имущество лотты переносили в рюкзаке, на внешней стороне которого крепилась бирка с именем владельца, его адресом, личным номером и названием местного отделения (рис. 6б).

В рюкзаке вещи раскладывались в 5 мешочков: в 1-й — смена белья, два полотенца, три носовых платка, теплое нижнее белье, белый воротник и манжеты, два серых передника, платок, три белых передника, спортивные брюки и свитер; во 2-й — платье лотты и две косынки; в 3-й — запасная пара обуви, принадлежности для ухода за обувью и две пары теплых носков; в 4-й — умывальные принадлежности; в 5-й — грязная одежда.

⁸ Sehtyksiä pukumalleihin 1922.

⁹ Sehtyksiä pukumalleihin 1922.

В два наружных кармана клался сухой паек (печенье, чай, сахар, соль, несколько банок консервов, иногда шоколад), нож, вилка, ложка, кружка. При наличии котелка он крепился сверху на рюкзак.

Для тяжелых работ (приготовление пищи, уборки) использовался серый фартук (рис. 3б). Он был сделан широким, чтобы защитить одежду от грязи. При раздаче пищи в прифронтной полосе белый фартук заменялся на серый. Рукава шились из цельного куска с манжетами, которые застегивались на две пуговицы. Воротник обметан с пришитой изнутри тесьмой. Носился с ремнем из такой же ткани, застегнутым на одну пуговицу.

В 1928 г. были приняты усовершенствования в пошиве формы. Вместо шинелей стали производить плащи.

Как уже упоминалось, в марте 1922 г. появилось платье лотты. Оно шилось из серой тонкой шерстяной или хлопчатобумажной ткани со свободным белым хлопковым воротником и манжетами (рис. 2а и 5б). Платье не могло быть короче, чем 25 см от земли; этот пункт был изменен во время войны (30 см от земли). После утверждения модели ее пошивом занимались профессиональные швеи, закончившие училище. Платье шилось четырех стандартных размеров (табл. 1).

Мерки	Размер			
	I	II	III	IV
Длина спинки	37	38	39	42
Ширина спинки (пол.)	17	17,5	18,5	19
Длина сбоку	20	19	19	21
Длина спереди	36	38	39	42
Окружность шеи	36	37	38	38
Окружность груди	96	102	108	116
Окружность талии	74	84	92	94
Окружность бедер	102	108	120	120
Средняя высота кокетки				
спереди	11	12	12	12,5
сзади	14	14,5	15	16

Табл. 1. Размеры лекал платья Лотты (в см)

С 1934 г. стали продаваться выкройки платья по цене 6 марок за одну. Пошив одного готового платья был рассчитан на 7 часов. До 1925 г. ношение платья необязательно. Потом требования были ужесточены, и платье должны были носить все, согласно инструкции. Форма носилась на всех мероприятиях организации. Единая форма

развела социальные барьеры. Допускалось ношение гражданской одежды при наличии длинного рукава и повязки организации.

Обувь должна быть простой с низким каблуком темного цвета (ботинки, сапоги). Белые туфли и шелковые чулки не допускались. Чулки черного или серого цвета, шерстяные носки.

С платьем могла носиться кофта или вязаный свитер, модель которого не была определена¹⁰. Платье можно было использовать как свадебное, если лотта долгое время состояла в организации¹¹.

Медицинские лотты и лотты обеспечения использовали во время работы белый фартук, косынку, белый воротник и белые манжеты.

В военное время в правила ношения формы внесли некоторые послабления. Во время теплой погоды, работы в прачечных и пекарнях лоттам разрешили расстегивать две верхние пуговицы их платьев и закатывать рукава.

Платье шилось с кокеткой спереди и сзади, её длина была от 11 до 12,5 см спереди и от 14 до 16 см сзади в зависимости от размера. Стык полочки и кокетки плиссированные. Длина стежка 4–5 мм. Карманы с клапанами. Верхние карманы наружные прямоугольной формы размером 11 на 10 см, карман имеет вставку шириной 2,5 см. Клапан имел треугольную форму с закругленными углами и острым кончиком, ширина клапана 5 см и 3 см по бокам. Клапан вшивался в шов полочки и кокетки и закрывался на пуговицу.

На планке располагалось 5 пуговиц. Ширина планки 5 см, первая пуговица располагалась на 2–4 см ниже горловины. Разомкнутая манжета шириной 8 см с двумя пуговицами по внешнему краю. В месте стыка рукава и манжеты ткань собрана в две складки, расстояние между которыми 2,5 см. Воротник-стойка высотой 5 см из цельного куска ткани. Он застегивался на брошь «Игла лотты».

К платью прилагались белые накладные батистовый воротник и манжеты, которые пристегивались (булавками или на 4 пуговицах) или пришивались поверх в торжественных случаях. Они были на 2 см короче и на 1 см уже основных. Центральным управлением также изготавливались готовые воротники и манжеты ценой 10 марок за штуку¹².

¹⁰ Lotta Svärd -lehden numerossa 19/1936 julkaistiin.

¹¹ Kk pöytäkirja 1.3.1943.

¹² Kiertokirje piireille 25.10.1925, n:o 13.

Ремешок шириной 5 см на платье застегивался спереди на две пуговицы. Кожаный ремень при ношении платья лотты использовался в особых случаях например, при носке рюкзака.

Юбка была сшита из трех частей. Карманы такие же, как и верхние, только больше (20 на 17 см), размещались на расстоянии 12–15 см от пояса. Клапан имел треугольную форму с закругленными углами и острым кончиком, ширина клапана 7 см и 4 см по бокам. Юбка и блузка сшиты вместе и имеют плиссировку.

Однако и это платье не обошлось без изъянов. Это был слишком высокий и узкий воротник.

На левом рукаве выше локтя носилась повязка организации. На кармане слева носили знаки курсов и спортивные значки.

Парадное платье изготавливалось из серой шерсти, с белым воротником и манжетами. Одевалось с черными чулками и туфлями. Носилось с белой повязкой и белыми перчатками. Одевалось в торжественных случаях (рис. 4). При наличии одевались награды. Оно не сильно отличалось от повседневного, за исключением внутренних карманов.

Белый фартук и белая косынка использовались в медицинских учреждениях и для чистых видов работ. Передник фартука 135–145 см в ширину, длина лямок 75–85 см, шился из хлопковых тканей. Длина фартука на 5 см короче длины платья или юбки. Размеры фартука вычислялись по формуле: размер лямок от середины лопатки до талии плюс 5–6 см. Размер передника длина от талии до пола минус 1/3 этого расстояния.

Фартук двухсторонний, на нем располагалось два кармана с лицевой и изнаночной стороны справа. Передник состоял из трех частей. Лямки застегивались крест на крест и пристегивались к поясу пуговицами. Сам фартук застегивался сзади на две пуговицы (рис. 3а).

В конце войны из-за нехватки ткани было предложено изготавливать фартуки из нетканых материалов. Эти прямоугольные фартуки заправлялись за пояс платья, а верхняя часть пристегивалась на пуговицы.

Косынки носились для защиты от волос, они были размером 90 на 90 см и изготавливались из хлопка. После складывания на получившийся треугольник пришивалась тесьма шириной 0,5 см; на нее наносились инициалы хозяйки. Косынки также могли делаться из бумаги. Фартук и косынка носились с белым воротником и манжетами. Хозяйственный фартук и косынка отличался от медицинского размерами и цветом¹³.

¹³ Kk pöytäkirja 06.07.1938.

Кроме хозяйственного фартука использовалось и хозяйственное платье. В него были одеты работавшие в кафе, столовых, киосках (рис. 3в). Оно шилось в двух размерах и напоминало повседневное платье лотт. Отличалось воротником и способом пошива.

Фартук (халат) для грязных работ, таких, как приготовление пищи и уборка, должен был быть достаточно большим, чтобы его можно было надевать поверх одежды. Шился из серой хлопчатобумажной ткани. Предусматривалось два варианта: с передним и задним способом застегивания. Застегивался на пуговицы. Расстояние между пуговицами 5 см. Количество пуговиц зависело от длины фартука¹⁴. Он шился трех размеров и был на 5 см длиннее платья.

Фартук имел нижние карманы, которые были такого же размера, как и у платья лотт.

Рукава имели регулируемую манжету шириной 5–7 см и длиной 18 см с острым краем и застегивались на две пуговицы.

Горловина круглая, без воротника.

Пояс шириной 5 см так же, как и манжета, имел две пуговицы 12 см друг от друга и 1 см от края. Край острый, как и у манжеты.

Косынка была 70–72 см по короткой стороне, 100–104 см по длинной и обшита белой тесьмой 0,5 по короткой стороне и 1 см по длинной.

Во время войны в прифронтовой полосе чаще использовались такие фартуки, чтобы не дать противнику обнаружить позиции с воздуха. К концу войны запретили использовать белые ткани вообще.

Лабораторный халат был альтернативой халата для грязных работ. Изготавливался в двух размерах. Имел два продольных шва на груди на расстоянии 8 см и длиной 13 см. Пояс начинался от швов. Нагрудных карманов не было, нижние как на платье.

Зимой лотты носили шинель из сукна (рис. 2б), летом полагалось пальто. На зиму выдавалась шапка из белой овчины. Шинели были введены в 1925 г. Они пошивались из толстого шерстяного сукна. Были двубортными. Сзади имели шлицу и хлястик на двух пуговицах. Шинель была оборудована тремя карманами: одним внутренним и двумя нижними с клапанами, застегивающимися на пуговицы. В правом кармане должен был лежать носовой платок, блокнот, ручка, перочинный нож, перчатки или варежки. В левом — швейный набор, спички, бинт. В нагрудном кармане — повязка, две булавки для её крепления и удостоверение члена организации. Рукав — реглан. Манжет длиной

¹⁴ Kk pöytäkirja 06.07.1938.

18 см. Длина воротника — 14 см. Для холодной зимы пристегивался накладной воротник из овчины. Шинель имела замшевую подкладку.

Как уже говорилось выше, в 1928 г. ношение шинели отменили¹⁵. Однако так как в пальто зимой было холодно, в 1935 г. ношение шинели возобновилось. С шинелью носились серые перчатки. Она должна была быть всегда застегнута. Запрещалось ношение зонтов и дамских сумочек.

Пальто было принято центральным советом в 1929 г.¹⁶ Оно шилось из серой шерстяной водонепроницаемой ткани и использовалось для всесезонной носки. После возобновления ношения шинелей носилось параллельно с ней (рис. 5а).

На одно пальто уходило около 4 м ткани, которую изготавливали по заказу Центрального совета. Имело воротник 12 см. Как и у шинели, было три кармана. При носке использовался пояс или кожаный ремень. Как и при носке шинели, пальто носилось с форменной кепкой; серыми, коричневыми, а в торжественных случаях белыми перчатками. Оно имело рукав реглан с застегивающимся ремешком. На левом рукаве носилась повязка организации.

Изначально лотты носили летнюю шляпу с лентой округа вокруг тульи. В 1925 г. для ношения была утверждена кепка из серой шерсти¹⁷. Кепка овальной формы с откидными клапанами, соединенными спереди двумя пуговицами. Ширина козырька в центре 5 см. Изначально на ней носилась кокарда округа, затем — общевоинская. В 1926 г. правила ношения формы были смягчены, и стало возможным носить кепку при гражданском платье¹⁸. Козырек при носке должен располагаться на уровне бровей. Кокарда посередине. В 1932 г. был введен темно-синий комбинезон для лотт — воздушных наблюдателей, а затем серо-зелёный — для лотт-ветеринаров. Окончательный вид он приобрел после заседания Центрального совета 20.06.1936 г.¹⁹ (рис. 6а)

Изготавливался трех размеров. Имел откладной воротник. Застегивался на груди на молнию длиной 25 см, имел два нагрудных кармана 10 на 11 см с вставкой посередине 2,5 см, клапан с закругленными углами и заостренным кончиком, посередине застегивающимся на пуговицу. Рукава — реглан. Манжет застегивной, шириной 4 см, с двумя пуговицами. Брюки застегиваются на молнию и три пуговицы с левой стороны.

¹⁵ V. Pöytäkirja 1928.

¹⁶ Kk pöytäkirja 11.1.1929.

¹⁷ Kk pöytäkirja 25.4.1925.

¹⁸ Kk pöytäkirja 13.1.1926.

¹⁹ V. pöytäkirja 1932.

Карманы на брюках размером 17 на 20 см. Клапана наискось. Пояс шириной 4–5 см пришит сзади и спереди внахлест и имеет две пуговицы.

Брючины снизу заужены при помощи выточек. Спортивная одежда, например, лыжный костюм, не была столь строгой, и часто, носились штаны вместо юбки. Однако и он был утвержден на годовом собрании 1929 г.²⁰ Изготавливался из серой шерсти из расчета 6 м на костюм. Куртка удлиненная ниже бедра. Карманы были идентичны платью. Спереди два ряда пуговиц.

Для маскировки зимой использовался маскхалат. Он должен был быть достаточно просторен, чтобы вместить и рюкзак. Использовалась любая белая ткань, даже белые халаты медиков. Штатный халат имел шнурок в 8 см выше линии шеи, чтобы затянуть капюшон и резинку 1,5 см на манжете.

Гимнастический костюм был утвержден финской федерацией гимнастики и представлен на гимнастическом фестивале 1934 г.²¹ Модель была одинаковой для взрослых и детей. Он состоял из комбидреса и короткой юбки на 10 см выше колен. Комбидресс застегивался на левом плече на три пуговицы. Была возможность носить костюм со спортивными трусами, затягивающимися на резинку (рис. 16).

Как написано в протоколе, «эта модель эстетически безупречна. Без лишней наготы и не нарушает чувств серьезной женщины». Костюм предусматривал ношение юбки или спортивных трусов. На груди размещалась эмблема организации размером 8x8 см без текста. Сначала костюм носился с серыми чулками, на ногах — черные спортивные тапочки.

При вступлении в организацию на складе своего района (округа) лотте выдавались платье, шинель, шерстяная кофта, рюкзак, лыжные ботинки и нижнее белье. Все дополнительные и запасные элементы формы (второй комплект нижнего белья, носки, кофта, лыжный костюм) она приобретала за свой счет. В некоторых районах (местных отделениях) оказывалась помощь в их приобретении²². Действующая лотта отвечала за сохранность формы, была обязана содержать ее в порядке и чинить, так как форма приобреталась за счет государства. В случае утери — восстановить утерянное²³.

²⁰ Kk pöytäkirja 11.1.1929.

²¹ Kk pöytäkirja 18.02.1934.

²² Lukkarinen Vilho. Op. cit. S. 216.

²³ Pirhonen, Pentti. Suojeluskunnat ja Lotta Svärd. Hämeenlinna, 1988. S. 159.

Ответственной за хранение формы местных отделений назначалась руководитель отделения либо старшая отдела обеспечения. В её задачи входил контроль за движением имущества, возврата в надлежащем состоянии, ремонт, стирка и глажка²⁴, закупка нового имущества, утилизация старого (по необходимости) и пошив формы для маленьких лотт²⁵. Выкройки можно было приобрести в Центральном исполнительном совете организации по цене 3 финские марки за брошюру из 9 рисунков. Там же можно было приобрести и ткани²⁶.

За время Советско-финляндской (Зимней) войны почти вся форма лотт пришла в негодность. Поэтому между войнами отделы обеспечения проделали большую работу по ремонту и восстановлению одежды. Нехватка формы также объяснялась увеличением числа членов организации в конце 1930-х годов. К осени 1940 г. отсутствие материала привело к нормированию выдачи формы.

В начале войны в 1941 г. формы было так мало, что ей были обеспечены даже не все лотты, служившие на переднем крае²⁷. Для решения этой проблемы министерство обороны Финляндии выделило 20 миллионов финских марок. Сумма рассчитывалась из расчета 2000 марок за комплект, что позволяло обеспечить формой 10 000 лотт²⁸. Однако из-за отсутствия ткани были изготовлены только кепки.

В 1942 г. изготовили 6500 комплектов формы, однако и этого было мало. На годовом собрании принято решение, чтобы лотты, выполнявшие работы в тылу, передали свою форму фронтным лоттам за плату или бесплатно. Передавшие форму могли выполнять обязанности в обычной одежде с ношением броши лотты²⁹. Весной 1942 г. платье стали шить из льна, который предназначался в качестве ветоши для обслуживания техники. Этот опыт признали удачным. Организации было пожертвовано также некоторое количество различных видов тканей. Из них изготовили 10 000 шинелей и 25 000 платяев для полевых лотт.

²⁴ Koulutusohjelmistoa I 1943 S. 26

²⁵ Lukkarinen Vilho. Op. cit. S. 92.

²⁶ Kiertokirje päreille 1.7.1926, n:o 7.

²⁷ Lukkarinen Vilho. Op. cit. S. 183.

²⁸ Ibid.

²⁹ V.pöytäkirja 1942.

Война затягивалась, и обеспечивать формой становилось всё сложнее. В октябре 1942 г. министерство обороны выделило на эти цели 8 млн марок. На заседании Центрального совета в конце 1943 г. было принято вынужденное решение сократить расходы на закупку формы до 7 млн марок³⁰.

Из-за недостатка формы уделялось особое внимание уходу за ней. Центральным советом была выпущена инструкция по уходу за формой и ее ремонтом. Форма, пришедшая в негодность, использовалась для ремонта годной. Инструкция рекомендовала способы ремонта для разных элементов одежды и разных видов ткани. Например, из отслуживших свое носков изготавливали перчатки, шарфы и т. д. Особое место уделялось уходу за обувью. Обращалось также внимание на клеймение формы. Бирки должны были быть несмываемы, хорошо читаемы, пришиты ко всем видам обмундирования. Определенных размеров и форм они не имели³¹.

На воротнике платья носился значок (брошь) «Лотта Свьярд», разработанная Эриком Васстрёмом. Значок обычно отливался из серебра, но более поздние версии — только посеребрены. На левой руке — нашивка из ткани и лента указывали отдел, к которому принадлежала лотта. В праздники на левой руке также носилась повязка, показывающая район. Кепка лотты той же модели, что и кепка шюцкора и делалась из идентичной с платьем ткани. Кокарда на кепке соответствовала цветам района шюцкора, к которому принадлежала лотта, но позже носилась сине-белая армейская кокарда. Также на левом нагрудном кармане носились и другие значки. Это были звездочки курсов, знаки, полученные за выслугу 10 или 20 лет, и различные спортивные значки. В специальных случаях разрешалось ношение наград и медалей. Медицинским лоттам после окончания курсов медицинских сестер позволялось носить значок медсестры и значки члена общества «Красный крест».

Лоттам запрещалось пользоваться косметикой, волосы должны были быть убраны под кепку. Ношение украшений было также запрещено, исключение составляли обручальное кольцо и часы.

Организация «Лотта Свьярд» долгое время не имела собственных наград. На совете организации было высказано мнение, что члены организации выполняют свои обязанности добровольно, ради идеи

служения Отечеству, поэтому награды им не нужны. Отличившиеся члены награждались крестом за заслуги корпуса охраны (шюцкора) в серебре в период с 1922 по 1941 г., также они получали за свои заслуги и другие официальные награды.

Крест и медаль за заслуги «Лотта Свьярд» были учреждены 29 июля 1941 г. Крестом за заслуги награждались высокопоставленные руководители «Лотты» национального уровня (членам Центрального совета, главы округов и т. д.), всего около 400 награжденных. Медалью за заслуги награждались главы районов, всего около 2600 награжденных.

Решением Госсовета 23 ноября 1944 г. по приказу находившейся в стране Контрольной комиссии союзнических государств во главе с СССР «Лотта Свьярд» была упразднена. В момент упразднения в организации насчитывалось свыше 230 тысяч человек. Прекратив свое существование, организация передала свои основные функции фонду «Лотта Свьярд». Главный штаб фонда находится в поместье Сюверанта в Туусуле. В 1994 г. в 50-ю годовщину существования фонда было построено новое здание. В 1996 г. там начал работать музей организации «Лотта Свьярд». Также работают музей организации в Лаппенранте, зал посвященный организации, функционирует в музее Иматры.

После 1991 г. в Финляндии произошел всплеск интереса к истории женского ополчения. Хотя оно так и не было официально восстановлено, тем не менее, в Суоми ныне действуют развивающие преемственность женского патриотизма организации. Так, в 1997 г. группа финских организаций, вовлеченных в национальную оборону и работу по безопасности, учредили новую организацию — «Женскую ассоциацию готовности к чрезвычайным ситуациям», объединившую ряд женских организаций, действовавших ранее в Финляндии. В различных музеях организованы экспозиции по истории этого движения.

При содействии фонда «Лотта Свьярд» были сняты фильмы «Rintama lotta» («Фронтальная лотта», 1956 г.) и «Lupaus» («Клятва», 2005 г.), ряд телевизионных сериалов и документальных фильмов. В настоящее время фонд «Лотта Свьярд» организует различные выставки об истории организации, такие, как «Frauen und Vaterland» («Женщины и Отечество»), проходившую в Гамбурге, «Сестры в Заливе», проходившую в Эстонии, помогает ветеранам войны, пенсионерам и малоимущим.

³⁰ Lukkarinen Vilho. Op. cit. S. 216.

³¹ Koulutusohjelmistoa I 1943. S. 22.

Список литературы

- Koskimies Airi, Koskimies Rafael. Suomen lotta — katsaus Lottajärjestön toimintaan.* Helsinki: Weilin & Göös, 1964. 365 s.
- Lotta-Svärd 1939–1940 — Kuvia ja kuvauksia Suomen sodasta.* Helsinki: Suomen Kirja, 1941. 266 s.
- Lukkarinen Vilho. Suomen lotat, Lotta Svärd-järjestön historia.* Helsinki: WSOY, 1981. 317 s.
- Pirhonen, Pentti. Suojeluskunnat ja Lotta Svärd.* Hämeenlinna, 1988. S. 159.

References

- Koskimies Airi, Koskimies Rafael, *Suomen lotta — katsaus Lottajärjestön toimintaan*, Helsinki: Weilin & Göös 1964.
- Lotta-Svärd 1939–1940 — Kuvia ja kuvauksia Suomen sodasta*, Helsinki: Suomen Kirja 1941.
- Lukkarinen Vilho, *Suomen lotat, Lotta Svärd-järjestön historia*, Helsinki: WSOY 1981.
- Pirhonen Pentti, *Suojeluskunnat ja Lotta Svärd*, Hämeenlinna: Karisto 1988.

АННОТАЦИИ

Д. Ю. Алексеев

Кто подавил Лужское восстание 21 мая 1918 г.?

Штрихи к униформе Особого отряда С. Н. Балаховича

21 мая 1918 г. в Луге была совершена неудачная попытка поднять антисоветское восстание. Она была пресечена некоей красноармейской частью в гусарской форме. По сведениям одного источника, этой частью мог быть отряд Балаховича. В статье рассматривается возможность этого. Автор приходит к выводу, что отряд Балаховича в это время находился не в Луге, а в районе Гдова. Форма отряда Балаховича в это время напоминала казачью и не могла быть названа гусарской. Наиболее вероятно, что разгон восставших осуществил эскадрон кавалерийского полка Псковской дивизии.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Балахович, восстание, Луга, униформа, гусары.

А. В. Аранович, В. А. Безродин

Обмундировальные мастерские в России в начале XX в.

Статья посвящена работе Интендантского управления по вещевому снабжению войск. В XIX в. для удовлетворения нужд войск привлекался труд нижних чинов, частично элементы мундирного обеспечения изготавливались силами самих воинских частей. Ближе к концу XIX в. система вещевого довольствия централизуется и унифицируется. Эти меры позволили во время I Мировой войны снабдить войска униформой и снаряжением.

Ключевые слова: обмундирование, снаряжение, мастерская, ткань, интендантство.

В. А. Горончаровский

Экипировка и вооружение участников гладиаторских боев на Боспоре

Фрески пантикапейского склепа 1841 г. (третья четверть I в. н. э.) — единственный памятник искусства античного Боспора, демонстрирующий сцены гладиаторских боев. Судя по последовательности изображенных

сюжетов, представление, как и в Риме, начиналось с травли животных конными и пешими венаторами («охотниками»). Очевидно, это зрелище пользовалось наибольшей популярностью у жителей столицы Боспорского царства, где не было местной гладиаторской школы. В ходе второй части игр происходили схватки грегариев — необученных гладиаторов из приговоренных к смерти преступников и военнопленных. С этим связано минимальное количество защитного вооружения, в состав которого в ряде случаев включали каркасные конические шлемы местных типов. Финалом могли служить поединки конных воинов с копьем или луком, нанятых за деньги. В целом, практика организации в Пантикапее гладиаторских игр не получила широкого распространения и постепенно исчезает с начала II в. н.э.

Ключевые слова: Боспорское царство, подкурганый склеп 1841 г., гладиаторские бои, экипировка и вооружение гладиаторов.

Тадеуш Грабарчик

Шлемы наемников в польском войске второй половине XV в.

В Архиве древних актов в Варшаве хранятся реестры наемников, принятых на службу королями Польши во второй половине XV в. Это ценный источник сведений о вооружении того времени. На основе содержащейся там информации об экипировке 1505 всадников и 2800 пехотинцев можно сделать вывод, что самым популярным элементом защитного вооружения были шлемы. Они были у всех конных тяжеловооруженных копейщиков, но неизвестно, какие типы шлемов находились на вооружении наемников. Легковооруженные солдаты (*semihastarii* или *gladiatores*) чаще всего использовали салады (75% всадников), менее популярными были капалины — 15%. В документах встречается также термин *galea* — 5%, который часто использовался как довольно расплывчатое обозначение шлема. Кроме того, в одном из реестров 1498 г. зафиксированы шлемы, называвшиеся *rekilhube*, которые можно идентифицировать с остроконечными саладами или капалинами. Только один раз упомянута пшилбица. Такие шлемы использовали 5% всадников. В пехоте также преобладали салады (80%), капалины — 16%, галеа — 4%. Среди всадников, зарегистрированных в списках 1471 г., 44% не имели шлемов. В последующие годы ситуация улучшилась и без шлемов оказались только 15% конных воинов, тогда как в пехоте шлемы имели менее 10% солдат.

Ключевые слова: Польское королевство, шлемы, наемники, вооружение, XV век.

С. В. Ефимов

Доспехи немецких мастеров XVI в. в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Статья посвящена истории европейского доспеха эпохи позднего Ренессанса. На основе доспехов XVI в. из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) рассматриваются особенности их производства в землях Священной Римской империи германской нации. Впервые в отечественной историографии приведены подробные биографические сведения о знаменитых немецких оружейниках — династии Кольманов (Хельмшмидтов), Антоне Пеффенгаузере, Валентине Зибенбюргере и Кунце Лохнере, выполнявших заказы, прежде всего, венценосных особ — императоров Карла V и Максимилиана II, испанского короля Филиппа II, польских королей Сигизмунда I Старого и Стефана Батория, бранденбургских курфюрстов Иоахима I Нестора и Иоахима II Гектора, саксонского курфюрста Кристиана I, саксен-готского герцога Иоганна-Фридриха II и др.). Особое внимание уделено взаимоотношениям мастеров с заказчиками, городскими цехами и магистратами. Приведены характерные особенности маркировки и клеймения доспехов, даны описания клейм мастеров с учетом их символики. Особое внимание уделено стоимости доспехов различных типов в соотношении с обычным защитным вооружением. Впервые приведены подробные описания доспехов и сведения об их поступлении в музей. В статье также дается обзор доспехов, изготовленных вышеуказанными мастерами и хранящимися в крупнейших оружейных собраниях мира.

Ключевые слова: защитное вооружение, доспехи, немецкие мастера XVI в., Хельмшмидты, Антон Пеффенгаузер, Валентин Зибенбюргер, Кунц Лохнер, оружейное собрание Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Т. Н. Ильина

Полковые знаки — принадлежность военной формы одежды

Статья посвящена нагрудным знакам русской армии, истории формирования законодательной базы их создания и правил ношения, отношению военных чинов к полковым знакам. Рассмотрено появление нагрудных знаков в качестве юбилейных и переход к нагрудным знакам как принадлежности формы одежды. Уникальная коллекция проектных рисунков нагрудного знака лейб-гвардии Московского полка дает пример работы офицеров над созданием полкового знака.

Ключевые слова: Русская армия, полковой знак, форма одежды, лейб-гвардии Московский полк

Д. А. Клочков

Зимние головные уборы Российской императорской армии в Первую мировую войну. 1914–1917 гг.

Данная статья рассказывает о видах зимних головных уборов, которые использовались в различных частях и подразделениях Российской императорской армии накануне Первой мировой войны. В статью также включена информация об их модификациях, изменениях и новых образцах, принятых в течение войны. Приведены данные не только об официальных, но и о многочисленных неуставных головных уборах, которые применялись различными формированиями. Многие иллюстрации публикуются впервые.

Ключевые слова: зимние головные уборы, Российская императорская армия, Первая мировая война, обмундирование, папаха, ушанка.

В. М. Кривчиков

К вопросу о вещевом обеспечении красноармейцев в середине 1920-х годов на территории Беларуси

В статье показаны проблемы вещевого обеспечения красноармейцев воинских частей и соединений, дислоцировавшихся на территории Беларуси в начале 1920-х годов. Рассмотрены вопросы перебоев с поставками обмундирования, их некондиционность.

Ключевые слова: вещевое обеспечение, обмундирование, Красная Армия.

А. С. Кручинин

«Парадно-домашняя» форма «московской гвардии» (из униформологической истории сумских гусар)

В статье делается попытка на основе разрозненных упоминаний в неопубликованной рукописи офицера-эмигранта Н. А. Никольского реконструировать внешний вид офицера 1-го гусарского Сумского полка (в период 1908–1914 гг.) в специфической роли хозяина дома, принимающего гостей в парадной, но не официальной обстановке. Сумской полк, дислоцированный в Москве в 1876–1914 гг., претендовал на статус «московской гвардии», что и вызывало повышенные требования его офицеров к своему внешнему виду даже вне службы.

Ключевые слова: 1-й гусарский Сумской полк, Москва, Н. А. Никольский, униформология, история повседневности.

Д. А. Лобанов

Мундиры горнозаводских войск в царствование Александра I

Горнозаводские роты и штатные команды являлись основной военной и полицейской силой, обеспечивающей порядок и общественное спокойствие, а также пожарную безопасность на горных заводах Урала. В 1804 г. правительство Российской империи провело крупномасштабную реформу горного ведомства. Реформе подверглись и горнозаводские войска, сменилась их организация, снаряжение и обмундирование.

Ключевые слова: горнозаводские войска, реформы, униформа.

А. В. Лысёв

Эволюция военной формы в японскую кампанию: в чём воевали русский матрос и солдат под Порт-Артуром в 1904 г.

Русско-японская война оказала существенное влияние на эволюцию военной формы. Особенно ярко эту эволюцию можно проследить на примере боёв под Порт-Артуром в 1904 г. Эволюция униформы была связана не только с удобством нерегламентированных видов одежды, но и с частичным уничтожением огнём противника накопленных перед войной уставных запасов. За время боёв в крепости все виды одежды личного состава гарнизона и эскадры смешались. Солдаты и матросы носили уставную форму, форму, заведенную местным командованием, наконец, просто гражданскую одежду. Повсеместно наблюдался общий процесс отхода от единообразной формы в осаждённом Порт-Артуре. Объяснение этому следует искать в недостаточном вещевом снабжении, в местных условиях боевых действий и их характере, а также в длительной изоляции крепости, препятствовавшей пополнению вещевых запасов.

Ключевые слова: Порт-Артур, Русско-японская война, быт, эскадра, гарнизон, униформа.

Б. В. Мегорский

Вооружение и снаряжение русской пехоты в 1704 г.

О реконструкции комплекса по документальным источникам

Статья посвящена определению комплекса вооружения и снаряжения русской пехоты в кампанию 1704 г. — одну из ключевых в ранний период Великой Северной войны 1700–1721 гг. В условиях объективного отсутствия источников о снабжении полков в выбранный период реконструкция проведена на основании анализа документов о потерях полкового имущества и их восполнении. Предложен подход к интерпретации данных об утраченном имуще-

стве. В результате исследования собраны данные о вооружении 25 пехотных полков, выявлена тенденция перехода от раннего комплекса фузея — багинет к комплексу фузея — штык — шпага с доминированием последнего в 1704 г. Уточнены сведения о бытовании пик в русской пехоте до 1707 г.

Ключевые слова: Великая Северная война, русская армия, стрелковое оружие, холодное оружие, древковое оружие, пехота, потери.

А. А. Михайлов

Мундир воспитанников военно-учебных заведений России в XIX — начале XX вв.: униформа и средство воспитания

В статье рассмотрена история униформы воспитанников военно-учебных заведений в XIX — начале XX в., проанализированы изменения в обмундировании и факторы, их определившие. Особое внимание уделено роли обмундирования в воспитательной системе военно-учебных заведений, формированию у юношей черт личности и идеалов, необходимых, по мнению военного руководства того времени, офицерам.

Ключевые слова: военно-учебные заведения Российской империи, кадетские корпуса, военная униформа, подготовка офицеров, военное воспитание, традиции русской армии

К. Б. Назаренко

Костюм офицеров морского ведомства России 30-х — начала 40-х гг. XVIII в.

Русский морской офицерский форменный костюм первой половины XVIII в. изучен крайне слабо. Проведенный автором статьи анализ опубликованных и неопубликованных письменных и изобразительных источников позволил реконструировать в главных чертах форму русских морских офицеров образца 1735 г., а также выяснить причины отказа от введения формы для них в 1732 г. Основными знаками различия в форме образца 1735 г. стали галуны разной ширины, нашиваемые на кафтан и камзол, что позволило различать основные категории флотских офицеров — капитанов, лейтенантов, мичманов, мастеров и шкиперов офицерского ранга. Форма образца 1735 г. оценивалась современниками как роскошная, она служила в качестве парадной, тогда как о повседневном облике офицеров сведений не сохранилось. Немногочисленные портреты того времени позволяют также судить об облике адмиралов русского флота, форма для которых была введена позднее. В любом случае можно утверждать, что в России впервые в мире была введена форма для флотских офицеров.

Ключевые слова: офицерский костюм, военно-морской флот, Россия.

А. Г. Панкратов

Шлем в отечественном комплексе вооружения XIV — начала XV в.

Защитное вооружение Древней Руси XIV — начала XV в. — интереснейшая часть материальной культуры средних веков, занимающая промежуточное положение между «курганными» образцами домонгольской Руси X–XIII вв. и известными оружейными собраниями позднего средневековья. Боевые наголовья являются главенствующей составляющей комплекса вооружения древнерусского воина, демонстрирующей с помощью конструктивных особенностей аспекты военного дела, в том числе характеризуя экономический и производственный уровень древнерусских княжеств.

Однако с позиций изменения конструкций эта часть материальной культуры изучена слабо. Технологические аспекты прорабатывались в немногочисленных работах середины прошлого века, а в настоящее время развиваются в многочисленных публикациях, посвященных, в основном, восточноевропейским кочевникам. Вместе с тем, анализируя образцы боевых наголовий XIV — начала XV вв., нельзя не заметить мощного технического фундамента, заложенного в конструктивных решениях образцов этой переходной эпохи, позволяющего понять какого значительного уровня достигло военное дело Древней Руси. Немаловажную роль для дальнейшего полноценного научного общения является каталогизация, паспортизация и разработка схем указанного периода, в том числе образцов, находящихся в настоящее время в зарубежных частных коллекциях. На основании конструктивных особенностей можно выявить прогресс этой боевой принадлежности в рамках устоявшейся традиции использования боевых наголовий, по большей части восточного вида.

Ключевые слова: шлем XIV–XV вв., Древняя Русь, способы изготовления, типологическая схема.

Н. А. Плавинский

Древнерусский комплекс вооружения

в свете иконографических источников:

к оценке степени информативности различных категорий иконографических памятников

Статья посвящена рассмотрению различных категорий иконографических источников в исследованиях по истории древнерусского оружия. На основании анализа основных категорий иконографических памятников определяется степень их информативности для изучения истории оружия древнерусского времени. Очевидно, что иконографические источники представляют значительную ценность для исследований по истории древнерусского оружия, однако их использование требует максимальной осторожности и строгого источниковедческого анализа каждого конкретного памятника. Наиболее перспективными

для использования в исследованиях по истории древнерусского оружия являются те иконографические памятники, которые испытывали минимальное влияние канонов византийского искусства. К их числу относятся такие категории источников, как памятники прикладного искусства и граффити.

Ключевые слова: иконографические источники, вооружение, Древняя Русь.

А. А. Селин, В. Д. Герасимов, К. Д. Красилицыков

Пограничные ситуации: возможные источники для изучения истории костюма конца XVI — начала XVII вв.

Массовым источником для изучения истории костюма, в частности — его цветности являются списки краденого, опального и изменничьего имущества, сохранившиеся в актовом материале конца XVI — начала XVII вв. Немаловажными источниками служат перечни краденого имущества, полезные еще и тем, что в них приводятся цены украденных вещей. Кроме описей краденого, выморочного и опального имущества существовали описи поличного, арестованного судом. Все эти источники существенно обогащают наши знания о костюме конца XVI—XVII вв. по сравнению с той, что была описана в классическом справочнике А. Висковатова.

Ключевые слова: краденое имущество, опальное имущество, изменничье имущество.

А. Э. Семёнов

Финские лотты и их униформа

В материале рассматривается малоизученный в России вопрос формы одежды женской добровольной организации Финляндии «Лотта Свьярд». Представлены описания, технические характеристики и сферы использования всех образцов одежды, носимой членами организации, а также документация, регламентирующая порядок ее ношения.

Ключевые слова: «Лотта Свьярд», униформа, Финляндия, женские добровольные организации

В. Ю. Соболев

Наборные пояса в Новгородской земле XI—XII вв.

В статье рассматриваются два типа мужских наборных поясов, найденных в погребальных комплексах XI—XII вв. Формирование поясных наборов первого типа связывается с территорией Новгородской земли. На основании распространения известных находок аналогичных поясов выдвинуто предположение

о социальном статусе и общественных функциях погребенных. Пояса второго типа — предмет торговли, производившиеся на о. Готланд и широко представленные не только в Балтийском регионе, но и далеко за его пределами.

Ключевые слова: Новгородская земля, погребальные памятники, наборные пояса, бляшки, накладки.

Г. Н. Соколов

К истории шанцевого инструмента: малая пехотная лопата

В статье освещена история малой саперной лопаты, классифицированы ее основные типы и рассмотрено их устройство.

Ключевые слова: саперная лопатка, шанцевый инструмент, военное снаряжение, Русская армия, Красная армия.

О. А. Хорошилова

Морская женская команда (1917 г.)

Статья посвящена интереснейшему феномену Первой мировой войны — первому в истории российских вооруженных сил женскому военно-морскому формированию, Морской женской команде. Сформированная в июле 1917 г. сразу после формирования и первого парада женского батальона смерти Марии Бочкарёвой, эта команда должна была принять участие в Великой войне после кратковременной подготовки на базе. В течение нескольких месяцев шло формирование, комплектация и обучение команды. Однако в августе стало ясно, что отнюдь не все женщины готовы были служить в военно-морском флоте. Из 35 зачисленных только 6 женщин были направлены к месту службы — на Мурман. Несмотря на то, что опыт Морской женской команды нельзя считать успешным, он был очень важен для будущего.

Ключевые слова: Первая мировая война, 1917 год, женские военные формирования, военно-морской флот, морская команда.

К. В. Шмелев

Изделия из кольчужного полотна

в средневековом «гражданском» костюме.

К вопросу о находке из Борницкого могильника

Данная статья поднимает проблему находок отдельных колец и фрагментов изделий из кольчужного полотна в средневековых женских погребениях. Часть исследователей, анализировавших материалы раннесредневековых могильников (VI—XI вв.), приходит к выводу о существовании некоего «посмерт-

ного дара» в виде частей доспехов. Автор этой работы, рассматривая известные ему находки периода развитого средневековья (XII–XIV вв.), приходит к выводу о появлении в это время более утилитарной функции кольчужных колец в женских погребениях — в виде элементов костюма.

Ключевые слова: кольчужное полотно, древнерусский костюм.

Е. И. Юркевич

Обмундирование русской армии в царствование императора Павла I (1796–1801 гг.): анализ и оценки

Статья посвящена обмундированию русской армии в царствование императора Павла I (1796–1801 гг.). В статье рассматриваются вопросы влияния на форму этого периода прусских образцов, различия мундиров по родам войск, вопросы удобства этой формы.

Ключевые слова: Русская императорская армия, Павел I, военная форма, мундир.

Е. В. Яковкин

Униформа русских эмигрантских формирований в Китае (1923–1947 гг.)

В Китае периода 1920–1940-х гг. жило значительное число русских эмигрантов. Часть из них служила в различных военных и военизированных отрядах — от полиции до армии. Основное внимание в статье уделено униформе и знакам различия, которые носили русские эмигранты в иностранных военных и военизированных формированиях (русская группа войск маршала Чжан Цзунчана, Шанхайский русский полк, отряд «Асано», Русские воинские отряды Маньчжоу-диго, полиция Маньчжоу-диго).

Ключевые слова: Китай, Маньчжоу-диго, отряд «Асано», Шанхайский русский полк, Гражданская война в Китае, русская эмиграция, Белое Движение, вооруженные силы, полиция.

ABSTRACTS

D. Y. Alekseyev

Who suppressed the Rebellion in Luga 1918, May 21?
Notes to the reconstruction of the uniform of the Special Force of Stanislav Balakhovich

1918, May 21 in Luga there was an abortive attempt to uprising against the Bolshevik rule. A certain Red Army unit dressed in hussar uniform dispersed the mob. There is an evidence that Special Force of Balakhovich might be this unit. The article deals with that opportunity. The author concludes that Special Force of Balakhovich at that time was not in Luga but in the vicinity of Gdov. The uniform of Special Force of Balakhovich was different from that of the hussars' and was much like of the cossacks'. It is the most probable that a squadron of the Cavalry Regiment of the Pskov Division suppressed the rebellion.

Key words: Civil War in Russia, Red Army, Stanislav Balakhovich, uprising, Luga, uniform, hussars.

A. V. Aranovich, V. A. Bezrodin

The workshops for sewing uniforms in Russia in the early 20th century

The article is devoted to the work of the Quartermaster's Department for clothing to supply the troops. In the 19th century to meet the needs of troops labour of soldiers was used. Fully uniformed elements of the security were made by the regiments. Towards the end of the 19th century the clothing allowances system is centralized and unified. These measures enabled supplement of troops with uniforms and equipment during the First World war.

Key words: uniform, equipment, workshop, fabric, Quartermaster's Department.

S. V. Efimov

Armor of German Masters from the 16th century in the collection of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps

The article deals with history of European armors in the epoch of the late Renaissance. On the basis of the armors from the 16th century kept in the collection of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps (St. Petersburg) the author examines specific features of their production on the

territories of the Holy Roman Empire. Detail biography information is provided for the first time in Russian historiography about famous German armorers, to include Colman (Helmschmidt) dynasty, Anton Peffenhauser, Valentin Siebenburger and Kunz Lochner, who primarily executed orders from crowned heads, such as Emperors Charles V and Maximilian II; King of Spain Philip II; Polish kings Sigismund I the Old and Stephen Báthory; Joachim I Nestor and Joachim II Hector, Electors of Brandenburg; Christian I, Elector of Saxony; Johann Friedrich II, Duke of Saxony, and others. A special attention is paid to relations of masters with their customers, city corporations and magistrates. The author follows particularities of armor marking, gives description of masters' marks taking into account their symbols. The emphasis is put on the costs of different armors in comparison with usual defensive armaments. The article also contains detail descriptions of armors and information about their arrival to the museum. In addition there is a survey of armors made by aforementioned masters kept in significant armories of the world.

Key words: defensive armament, armors, German masters in the 16th century, the Helmschmidts, Anton Peffenhauser, Valentin Siebenburger and Kunz Lochner, armory in the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps.

V. A. Goroncharovskiy

Equipment and Weaponry of participants of Gladiatorial combats on the Bosphorus

The paintings of the Panticapaeum tomb discovered in 1841 (3rd quarter of the 1st century AD.) is the only monument of Bosporan art showing gladiatorial games. Judging by a sequence of their topics, the performance began there, like in Rome, with an animal persecution by pedestrian and mounted *venatores*. Obviously, this show enjoyed the greatest popularity among inhabitants of the capital of the Bosporan Kingdom, where there was no local Gladiatorial school. In the course of a second part of the gladiatorial games there were combats of *gregarii* — gladiators recruited from criminals condemned to death and war prisoners as well. Certainly the minimum amount of protective arms relates with this circumstance. The finale of the games could include some combats between equestrian warriors with spear or bow, which hired for money. As a whole, in the Bosporan kingdom the practice of organization of gladiatorial games was not widespread and was temporarily disappeared since the early 2nd century AD.

Key words: Bosporan kingdom, under barrow tomb of 1841, Gladiatorial combats, equipment and weapons of gladiators.

Tadeusz Grabarczyk

Helmets of Mercenaries in Polish Kingdom in the second half of the 15th century

In the Archives of Historical Records in Warsaw registers of mercenaries who served in Polish Kingdom in the years 1471–1500 are stored. Those sources contain information about armour of 1505 horsemen and 2800 infantrymen. The most common element of their protective armour were helmets. The records do not inform what types of helmets were used by heavy armored mounted spearmen. Although, types of helmets used by lightly armed horsemen are known. The most common types of helmets in cavalry were sallets, used by 75% of riders, then kettle hats — 15%. A term *galea* also occurs in the records — 5%, which was used mostly as a vague definition of the helmet. Moreover, in one of the registers from 1498 helmets called *pekilhube* were recorded — probably pointed sallets or kettle hats. This type of helmets were used by the 5% of riders. It is worth noting that up to 44% of the riders recorded in year 1471 had no helmets. In the following years there was an improvement. Soldiers without helmets were 15% of a whole number of riders. In the infantry 10% of soldiers had helmets. Between foot mercenaries sallets were also dominating (80%), then kettle hats — 16% and *galea* — 4%.

Key words: Kingdom of Poland, mercenaries, armour, helmets, XV century, equipment and weapons.

T. N. Ilyina

Regimental badges as part of military uniform

The article deals with study of regimental badges of the Russian army, the history of the legislative base of their establishment and wearing rules. The article shows how officers and privates appreciated regimental badges that had been appeared as anniversary badges and then became an official part of military uniform. The unique collection of Moskovski Guard regiment badges designs shows the example how a regimental badge had been made.

Key words: Russian army, regimental badge, military uniform, Moskovski Guards regiment.

O. A. Khoroshilova

The Russian Naval Women's Detachment, 1917

The article is dedicated to the interesting phenomenon of the World War I — the Russian Naval women's detachment, the first ever all-female naval unit in Russian history. It was formed in July 1917 just after the organization and first parade of Maria Botchkareva's Women's Battalion of Death. This unit was to take part in the World War I after a short term preparation and education. During several months the unit was

formed, equipped and the women learned the basics of military service. But in August it became clear that not all the women were ready to serve in the Russian Navy. There were just 6 out of 35 who expressed such a wish and were taken to Murman, the naval station. Although the first Russian Naval all-female detachment had a short history and was mainly a failure, this experiment should be considered important for the future military history of Russia and participation of women both in wars and military service.

Key words: World War I, 1917, female combat units, Russian Navy, Naval detachment.

D. A. Klochkov

Winter hats of the Russian Imperial army in the World War I. 1914–1917

This article deals with different types of winter hats used in different units and detachments of the Russian Imperial army on the eve of the World War I. The article also includes information about their modifications, changes and the new samples taken during the war. The data not only on formal, but also about the numerous non-official hats, which were applied in various units, are used. Many illustrations are published for the first time.

Key words: Winter hats, Russian Imperial army, World War I, uniforms, hat, papakha, ushanka.

V. M. Krivchikov

On the question of the ware maintenance of the Red Army in the mid 1920s on the territory of Belarus

The article shows the problems of providing clothing Red Army military units and formations deployed on the territory of Belarus in the early 1920s. The problems of supply disruptions uniforms, their sub-standard are mentioned.

Key words: ware maintenance, uniforms, Red Army.

A. S. Kruchinin

Parade and Household Uniform of the ‘Moscow Guards’
(from the History of Uniforms of the Hussars of Sumy)

The article reconstructs the appearance of an officer of the 1st Hussars of Sumy in 1908–1914 while hosting not-official guests. It is based on a non-published manuscript of Nikolsky, an officer of the Regiment who had later emigrated. 1st Hussars of Sumy were in 1876–1914 deployed in Moscow. Unofficial status of the ‘Moscow Guards’ required much more from the Regiment’s officers even when they were out of service.

Key words: 1st Hussars of Sumy, Moscow, N. A. Nikolsky, military uniforms, history of everyday life.

D. A. Lobanov

Uniforms of iron works troops during the reign of Alexander I

Iron works companies and detachments were the main military and police force to maintain order and public peace, as well as fire safety in the iron works of the Urals. In 1804, the Government of the Russian Empire began a large-scale reform of the Mining department. Iron works troops were reformed, as well as their organization, equipment and uniforms.

Key words: iron works troops, reforms, uniforms.

A. V. Lysev

The evolution of military uniforms during the Japanese campaign: in what Russian sailor and soldier fought under Port Arthur in 1904

The Russo-Japanese war affected hard military uniforms. Their evolution can be seen during the fighting at Port Arthur in 1904. The evolution of uniforms has been associated not only with the convenience of types of clothing, but also with the partial destruction of the statutory reserves accumulated before the war by the Japanese shells. During the fighting all kinds of clothing of personnel of the garrison and squadron were mixed in the fortress. Soldiers and sailors wore statutory uniforms as well as uniforms created by the local commands and even civil clothes. Everywhere in the besieged Port Arthur importance of the uniform tended to reduce. The explanation may be found in insufficient clothing supply, local conditions of combat actions and their character, as well as in long-term isolation of the fortress which prevented the replenishment of merchandise inventories.

Key words: Port Arthur, Russo-Japanese war, everyday life, Naval squadron, garrison, uniforms.

B. V. Megorsky

Weapons and Munitions of Russian Infantry in 1704. On Reconstruction of the Complex by documental sources

The article deals with complex of weapons and equipment of the Russian infantry during campaign of 1704, the crucial year in the early period of the Great Northern war. While sources on regimental supplies in 1704 are lacking, author analyzed documents dealing with losses of regimental weapons and their reimbursement. The author proposes an approach to interpret data on those losses. In the course of research data on weapons in 26 foot regiments were collected; the tendency of transition from an older complex ‘fusil and bayonet’ towards a new complex ‘fusil and socket bayonet and sword’ was revealed with the latter complex being predominant in 1704. Some new details on the use of pikes in the Russian infantry prior to 1707 are published.

Key words: Great Northern war, Russian army, small arms, cold steel, pole arms, infantry, losses.

A. A. Mikhailov

The student's uniform in the Russian military schools of the 19th till the early 20th centuries: a uniform and means of education

The article deals with the history of the student's uniforms in the Russian military schools of the 19th — early 20th century. Changes of uniform and their principles are considered. Special attention is paid to the role of uniforms in the educational system of the military schools, in the formation of the student's personality and the ideals essential for officers (in the opinion of military administration) as well.

Key words: military schools, Russian Empire, cadet corps, military uniform, officer training, military education, traditions of the Russian army.

K. B. Nazarenko

Uniform of the officers of Russian Navy Ministry in 1730s — early 1740s

Russian Navy officer uniform of the first half of the XVIII century is studied very poorly. The author's analysis of published and unpublished written materials and pictorial sources helps to reconstruct the main features in the uniform of Russian naval officers of the sample in 1735, as well as to find out the reasons for refusal of the administration uniforms for them in 1732. The main differences in the uniform of signs of the sample in 1735 were gallons of different width, sewn on his coat and waistcoat, which made it possible to distinguish the main categories of naval officers — captains, lieutenants, midshipmen officers, masters and commissioned skippers. The shape of the sample in 1735 was estimated by contemporaries as a luxury, it served as the dress uniform, but no information about daily uniform of the officers survived. A few portraits of that time also enable to judge the appearance of the Russian Navy admirals, the uniform for whom was introduced later. In any case, we can say that in Russia for the first time in the world a uniform of naval officers was introduced.

Key words: officer costume, navy, Russia.

A. G. Pankratov

Helmet in Russian Armour of XIV — early XV centuries

Russian armour of XIV — early XV centuries is the most interesting part of medieval material culture, which is interposition between artifacts from Russian burial mounds of X–XIII centuries, i.e. before Mongol invasion and artefacts from armour collections, representing Late Middle Ages. Helmet is the main component of armour of the warrior from ancient Russia; construction features of the same demonstrates particularities of war, also construction allows to determine manufacturing level of Principalities of ancient Russia. However this part of material culture is very poorly known from the terms of construction change. Technological aspects

were covered in several works from middle of 20th century, and nowadays the same is developed in numerous publications, which are mostly about Eastern European nomads. Alongside with that, by analyzing helmets of XIV — early XV centuries it is recognized that the technological basis of structural solutions of samples from this transient ages is highly skilled, and the same allows to recognize the significant level of war in ancient Russia. Very significant role in further full scientific study is catalogization, certification and development of diagrams for above mentioned ages, this also includes studying of samples from foreign collections. Basing on construction features one can determine progress of this armour component with taking into account tradition of use of helmets of mostly Eastern origin.

Key words: Helmet of XIV–XV Centuries, Ancient Russia, way of manufacturing, type diagram.

M. A. Plavinski

Old Russian Complex of Weapons in the Light of Iconographic Sources: to Assessing of Different Categories of Iconographic Monuments Information Content

The article considers various categories of iconographic sources in research on the history of Old Russian weapons. Based on the analysis of the main categories of iconographic monuments is determined the degree of their use for the study of the history of weapons of Old Russian time. Obviously, the iconographic sources are of considerable value for research on the history of Old Russian weapons. However, their use requires extreme caution and strict source analysis of each particular monument. The most promising for use in research on the history of Old Russian weapons are those iconographic monuments that have experienced minimal impact of Byzantine art canons. They include such categories of sources as monuments of applied art and graffiti.

Key words: iconographic sources, weapons, Old Rus'.

A. A. Selin, V. D. Gerasimov, K. D. Krasilschikov

Border Cases: possible sources for studying history of costume, late 16 and early 17th centuries

Lists of stolen, traitors' and punished properties of 16–17th cc. are important source for studying costume of the epoch. The stolen property lists are especially of great interest while studying the prices of the things stolen. There were also lists of property arrested by courts and preserved in court offices. All these data significantly add information to the classical picture of pre-Petrine costume drawn in late 19th century by Viskovatov.

Key words: stolen property, traitors' property, punished property.

A. E. Semenov

Finnish Lottas and their uniforms

The article deals with the uniforms of *Lotta Svärd*, women's voluntary organization of interbellum Finland, which is insufficiently studied in Russia. Descriptions, specifications and scope of use of all the samples of clothing worn by members of the organization are presented, as well as documents regulating procedure of wear.

Key words: *Lotta Svärd*, uniforms, Finland, women's voluntary organizations.

K. V. Shmelev

Details of a medieval chain-mail fabric 'civil' suit

This article raises the issue of the individual findings of rings and fragments of coat of mail in medieval chain-mail fabric female burials. Some researchers analyzing the material of early medieval burials (VI–XI centuries) came to the conclusion about the existence of "burial donative" in the form of pieces of armor. The author of this work, considering his findings known period of the Middle Ages (XII–XIV centuries), comes to the conclusion about the appearance at this time of utilitarian function of chain rings in female burials as costume elements.

Key words: medieval civil suit, chain-mail fabric.

V. Y. Sobolev

Belt sets with bronze fittings of the XI–XII centuries in Novorod Land

The paper deals with two types of male belts decorated by metal plates, which were found in burials of the XI–XIIth centuries. The origin of the first type traditionally was associated with the territory of Novgorod land. The author suggests that this type of belts reflected a certain social status and functions of the buried men. Belts of the second type were the subjects of trade, made in Gotland's workshops and widely presented not only in the Baltic region, but also far beyond.

Key words: Novgorod Land, belt fittings, burial customs, belt sets.

G. N. Sokolov

To the History of Entrenching Tools: small infantry spade

The article deals with the history of an entrenching tool (small infantry spade), which its major types classified and its structure analyzed.

Key words: Russian Army, Entrenching Tools, Small Infantry Spade.

E. Yakovkin

Uniform of Russian emigrant troops in China: 1923–1947

In China of 1920–1940s there lived a significant number of Russian emigrants. Part of them served in different military and paramilitary troops — from police to army. The main attention in the article is paid to the uniform and badges of rank which were worn by Russian emigrants in foreign and paramilitary troops (Russian group of troops of marshal Zhang Zongchang, Shanghai Russian Regiment, Detachment Asano, Russian military regiments, Police of Manchutikuo).

Key words: China, Manchutikuo, «Asano» regiment, Russian regiment in Shanghai, Civil war in China, Russian emigration, the White movement, armed forces, police.

E. I. Yurkevich

Uniforms in the Russian Army during the Reign of Emperor Paul I (1796–1801): Analysis and Evaluation

The article deals with the uniforms of the Russian army during the reign of Emperor Paul I (1796–1801). The author elucidates influence of Prussian patterns on the uniforms of this period, differences in coats depending on combat arms, convenience of this uniform.

Key words: Russian Army, Paul I, uniform, full-dress uniform, coat, King's coat.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВ Денис Юрьевич —

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, филологии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

АРАНОВИЧ Алексей Владимирович —

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории искусств Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, главный научный сотрудник Государственного музея городской скульптуры, президент Санкт-Петербургского военно-исторического общества (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: aaranovitch@yandex.ru

БЕЗРОДИН Владимир Александрович —

старший научный сотрудник Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: bezrodin@mail.ru

ГЕРАСИМОВ Всеволод Дмитриевич —

стажер Центра исторических исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: ss-seva@mail.ru

ГОРОНЧАРОВСКИЙ Владимир Анатольевич —

доктор исторических наук, заведующий отделом истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: goronvladimir@yandex.ru

ГРАБАРЧИК Тадеуш —

доктор наук, экстраординарный профессор кафедры истории Польши, Институт истории, Лодзинский университет (Лодзь, Польша)

E-mail: tadeuszgrabarczyk@gmail.com

ЕФИМОВ Сергей Владимирович —

кандидат исторических наук, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе

(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sv-efimov@yandex.ru

ИЛЬИНА Татьяна Николаевна —

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (хранитель фонда) Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: tat.i54@yandex.ru

КЛОЧКОВ Дмитрий Алексеевич —

генеральный директор ООО «КМК» (магазин «Военный коллекционер»), аспирант Санкт-Петербургского Государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: spbooihpp@peterlink.ru

КРАСИЛЬЩИКОВ Кирилл Дмитриевич —

стажер Центра исторических исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: kirill.kaer@yandex.ru

КРИВЧИКОВ Владислав Михайлович —

кандидат исторических наук, профессор, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

E-mail: k.vlad68@mail.ru

КРУЧИНИН Андрей Сергеевич —

заведующий отделом военно-исторического наследия Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва, Россия)

E-mail: krim1920@yandex.ru

ЛОБАНОВ Дмитрий Алексеевич —

главный научный сотрудник, отдел истории, ГКБУК «Пермский краеведческий музей» (Пермь, Россия)

E-mail: dm_loban@mail.ru

ЛЫСЁВ Александр Владимирович —

кандидат исторических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: lysevalex@mail.ru

МЕГОРСКИЙ Борис Вадимович —

кандидат политических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

Email: bmegorsky@gmail.com

МИХАЙЛОВ Андрей Александрович —

доктор исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого.

E-mail: dragun66@mail.ru

НАЗАРЕНКО Кирилл Борисович —

доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: kirbornaz@yandex.ru

ПАНКРАТОВ Александр Германович —

аспирант кафедры истории и теории искусств Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: pankrat_1410@mail.ru

ПЛАВИНСКИЙ Николай Александрович —

кандидат исторических наук, доцент, Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

E-mail: plavinsky_arc@mail.ru

СЕЛИН Адриан Александрович —

доктор исторических наук, директор Центра исторических исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: aselin@hse.ru

СЕМЁНОВ Андрей Эдуардович —

независимый исследователь (Москва, Россия)

E-mail: unsam@rambler.ru

СОБОЛЕВ Владислав Юрьевич —

старший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

СОКОЛОВ Георгий Николаевич —

ведущий инженер Федерального государственного бюджетного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт геологии и минеральных ресурсов Мирового океана имени академика И. С. Грамберга» (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sgn53@bk.ru

ХОРОШИЛОВА Ольга Андреевна —

кандидат искусствоведения, доцент Санкт-Петербургского Государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: farseto@gmail.com

ШМЕЛЕВ Кирилл Владимирович —

научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: bamblebeec@mail.ru

ЮРКЕВИЧ Евгений Иванович —

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: jurkevich@bk.ru

ЯКОВКИН Евгений Васильевич —

преподаватель ГБПОУ «Колледж олимпийского резерва Пермского края» (Пермь, Россия)

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

CONTACTS OF AUTHORS

ALEKSEYEV Denis Yuryevich —

Ph. D. In History (kandidat istoricheskikh nauk), Associate Professor (docent), Department of History, Philosophy and Culturology, Higher School of Technology and Energetics, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design (St. Petersburg, Russia)

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

ARANOVICH Aleksei Vladimirovich —

Doctor of History, Professor, Department of History and Theory of Art, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, Senior Research Fellow of State Museum of City Sculpture, President of St. Petersburg Society of Military History (St. Petersburg, Russia)

E-mail: aaranovitch@yandex.ru

BEZRODIN Vladimir Aleksandrovich —

Senior Researcher, State Museum of history of religion (St. Petersburg, Russia)

E-mail: bezrodin@mail.ru

EFIMOV Sergei Vladimirovich —

Doctor of History, Deputy Director for Scholar, Educational and Exhibition Work, Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: sv-efimov@yandex.ru

GORONCHAROVSKIY Vladimir Anatolievich —

Doctor of History, Chief of the Department of the History of Classical Culture, Institute for the History of Material Culture (St. Petersburg, Russia)

E-mail: goronvladimir@yandex.ru

GRABARCZYK Tadeusz —

Doctor of History, Lecturer in the Department of the Medieval History, Institute for the History, University of Łódź, (Łódź, Poland)

E-mail: tadeuszgrabarczyk@gmail.com

GERASIMOV Vsevolod Dmitrievich —

Interne, Center for Historical Research, Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia)

E-mail: ss-seva@mail.ru

ILYINA Tatiana Nikolaievna —

Ph. D. In History (kandidat istoricheskikh nauk), Senior Research Fellow (fund curator), Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: tat.i54@yandex.ru

KHOROSHILOVA Olga —

Ph. D. In History of Art (kandidat iskusstvovedeniya), Associate Professor (docent), St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russia)

E-mail: farseto@gmail.com

KLOCHKOV Dmitrii Alekseevich —

General Director of KMK Ltd. (Military collectors' shop), post-graduate student, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russia)

E-mail: spbooihpp@peterlink.ru

KRASILSCHIKOV Kirill Dmitrievich —

Interne, Center for Historical Research, Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia)

E-mail: kirill.kaer@yandex.ru

KRIVCHIKOV Vladislav Mikhailovich —

Ph. D. In History (kandidat istoricheskikh nauk), professor, Grodna Yanka Kupala State University (Grodna, Belarus)

E-mail: k.vlad68@mail.ru

KRUCHININ Andrei Sergeievich —

Head of the Department of Military Heritage, Solzhenitsyn House for the Russian Diaspora (Moscow, Russia)

E-mail: krim1920@yandex.ru

LOBANOV Dmitri —

Chief Scientific Officer, Department of History, Perm Museum of Local History (Perm, Russia)

E-mail: dm_loban@mail.ru

LYSEV Alexander Vladimirovich —

Ph. D. In History (kandidat istoricheskikh nauk), independent researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: lysevalex@mail.ru

MEGORSKY Boris Vadimovich —

Ph. D. in Political Science (kandidat politicheskikh nauk), independent researcher (St. Petersburg, Russia)

Email: bmegorsky@gmail.com

MIKHAILOV Andrey Aleksandrovich —

Doctor of History, Researcher of the Scientific-research Department (military history of the North-Western region of Russia) of Research Institute of Military Academy of the General staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Professor of the Humanitarian Institute of St. Petersburg State Polytechnic University of Peter the Great (St. Petersburg, Russia)

E-mail: dragun66@mail.ru

NAZARENKO Kirill Borisovich —

Doctor of History, Professor, Department of source study on history of Russia, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: k.nazarenko@spbu.ru

PANKRATOV Aleksandr Germanovich —

Postgraduate, Chair of History and Theory of Arts, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: pankrat_1410@mail.ru

PLAVINSKI Mikalai —

Ph. D. in History (kandidat istoricheskikh nauk), Associate Professor (dotsent) of International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University (Minsk, Belarus)

E-mail: plavinsky_arc@mail.ru

SELIN Adrian Aleksandrovich —

Doctor of History, Director, Center for Historical Research, Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia)

E-mail: aselin@hse.ru

SEMENOV Andrey Eduardovich —

Independent Researcher (Moscow, Russia)

E-mail: unsam@rambler.ru

SHMELEV Kirill V. —

Research Fellow, G. S. Lebedev Laboratory of Archaeology, Historical Sociology and Cultural Heritage, St. Peterburg State University (St. Peterburg, Russia)

E-mail: bamblebeec@mail.ru

SOBOLEV Vladislav Yurievich —

Senior Research Fellow, G. S. Lebedev Laboratory of Archaeology, Historical Sociology and Cultural Heritage, St. Peterburg State University (St. Peterburg, Russia)

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

SOKOLOV Georgiy Nikolaevich —

Leading Engineer, Federal State Budget Enterprise 'All-Russian Research Institute of Geology and Mineral Resources of the World Ocean named after academician Igor Gramberg' (St. Petersburg, Russia)

E-mail: sgn53@bk.ru

YAKOVKIN Evgeniy Vasilievich —

Teacher, College of the Olympic Reserve of Perm region (Perm, Russia)

E-mail: yakovkin.evgenij@yandex.ru

YURKEVICH Evgenii Ivanovich —

Ph. D. In History (kandidat istoricheskikh nauk), Senior Research Fellow, Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: jurkevich@bk.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

ГААОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области

ГАК — Государственная Адмиралтейств-коллегия

ГАПК — Государственный архив Пермского края

ГАПО — Государственный архив Псковской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАСО — Государственный архив Свердловской области

ГАХК — Государственный архив Хабаровского края

ГИМ — Государственный исторический музей

ГИУ — Главное инженерное управление

ГМЗ — государственный музей-заповедник

ДРЗ — Дом Русского Зарубежья

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МИРФ — Материалы по истории русского флота

НАРБ — Национальный архив Республики Беларусь

ПВВ — приказ по Военному ведомству

РА — Российская археология

РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов

РГВА — Российский государственный военный архив

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РНБ — Российская национальная библиотека

СА — Советская археология

ТИЭ — Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ЦВММ — Центральный военно-морской музей

ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
МНИ—Meddelanden fran Historiska Institutionen i Göteborg (Сообщения
Института истории, Гётеборг)

RA, NOA — Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod
(документы Новгородского оккупационного архива в Государствен-
ном архиве Стокгольма)

SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (Журнал
Финского общества древних памятников)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иллюстрации к статье В. А. Горончаровского «Экипировка и вооружение участников гладиаторских боев на Боспоре»

Цветные реконструкции (рис. 6, 10 и 13) выполнены Виктором Борисовичем Мартировым (martirov@mail.ru), доцентом Петербургского университета путей сообщения (Санкт-Петербург, Россия), на основании рисунков В. В. Голубева в книге: *Носов К. С. Гладиаторы*. СПб., 2005.

Рис. 1. Конные «охотники» в росписи правой стены первой камеры склепа 1841 г.

Рис. 2. Конный венатор, поражающий копьём лань (реконструкция)

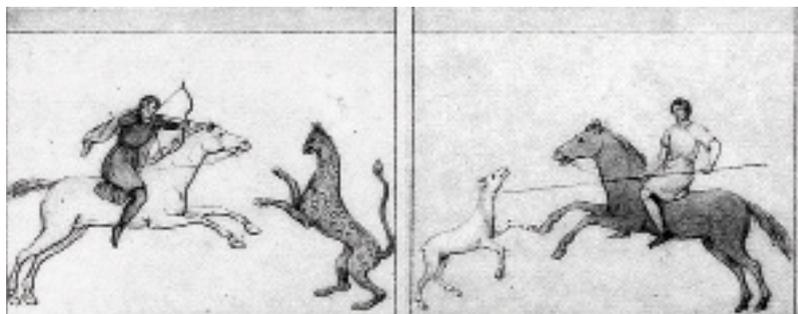

Рис. 3. Изображения всадников на задней стене первой камеры склепа

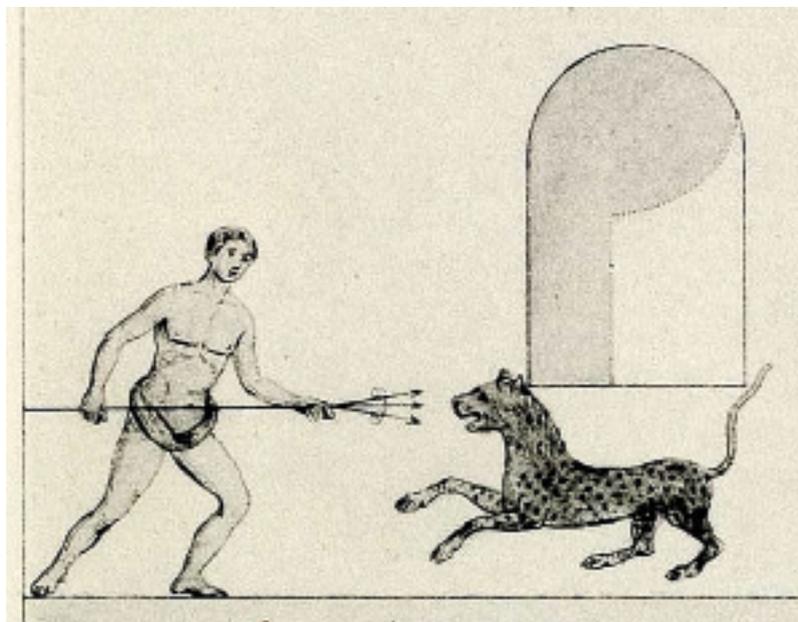

Рис. 4. Пеший венатор с трезубцем в росписи второй камеры склепа

Рис. 5. Изображения венаторов на боспорских деревянных саркофагах: 1 — из гробницы 1900 г. в усадьбе Фельдштейна, 2 — из гробницы 1883 г. в саду Золотарева

Рис. 6. Венатор с трезубцем. Реконструкция В. Б. Мартирова

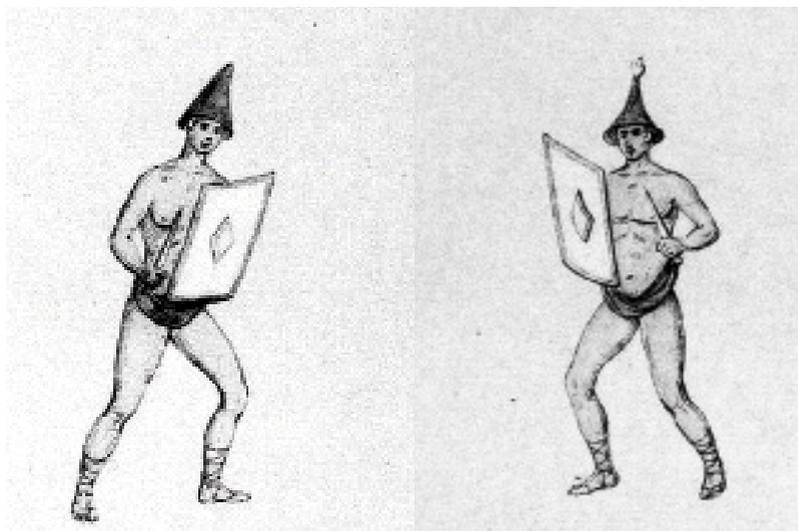

Рис. 7. Гладиаторы в конических шлемах, изображенные по обе стороны от входного проема во второй камере склепа

Рис. 8. Всадники с каркасными шлемами в сцене конного боя из склепа 1841 г.

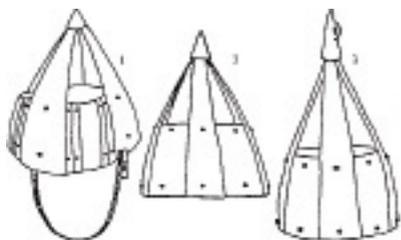

Рис. 9. Конические каркасные шлемы из погребений у хутора Городского в Прикубанье

Рис. 10. Финал поединка гладиаторов в конических каркасных шлемах. Реконструкция В. Б. Мартирова

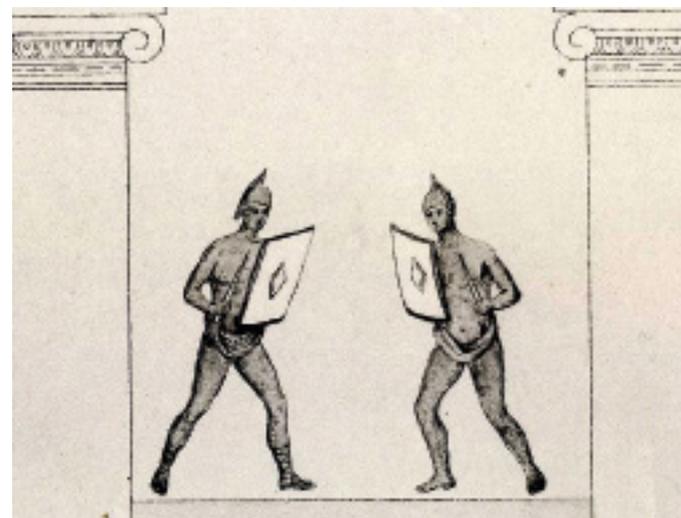

Рис. 11. Поединок «фракийцев» в росписи правой боковой стены второй камеры склепа 1841 г.

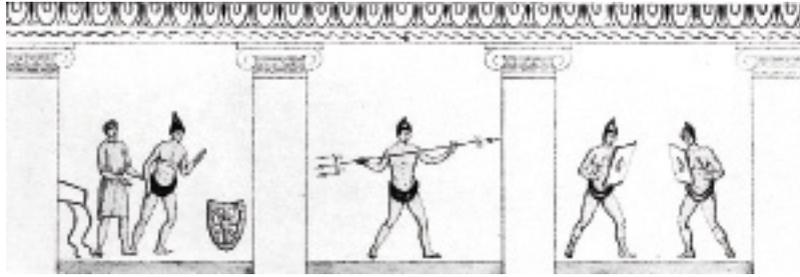

Рис. 12. Гладиаторы в росписи левой боковой стены второй камеры склепа 1841 г.

Рис. 13. Боспорский гладиатор-«фракиец». Реконструкция В. Б. Мартирова

Рис. 14. Поединок всадников в росписи задней стены второй камеры склепа 1841 г.

Иллюстрации к статье В. Ю. Соболева «Наборные пояса в Новгородской земле XI–XII вв.»

Рис. 1. Наборный пояс XI – начала XII вв. Схема.

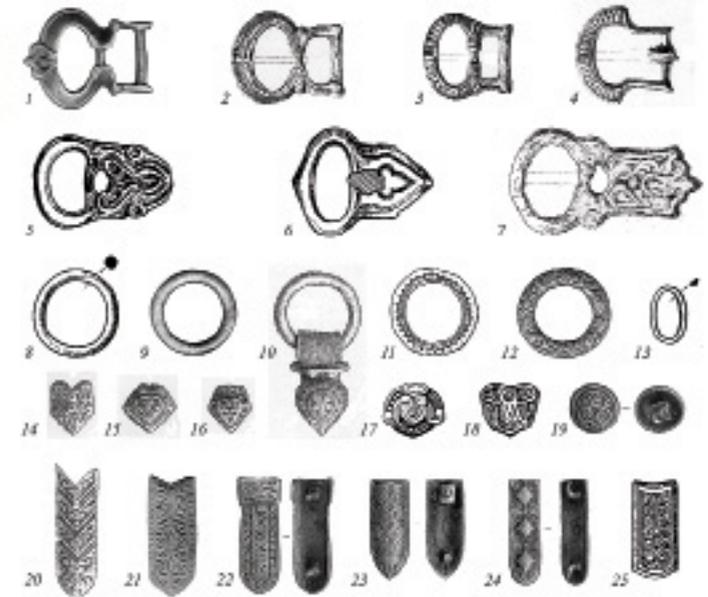

Рис. 2. Детали поясной гарнитуры: 1–7 – пряжки (1–4 – лировидные, 5–7 – щитковые); 8–12 – поясные кольца; 13 – кольцо-скобка; 14–19 – бляшки-накладки; 20–25 – ременные наконечники. 1–9, 11–25 – бронза, 10 – бронза, кожа. Источники: 1. Соболев, Торопов 2010. Рис. 1, 1; 2. Спицын 1896. Табл. VII, 5; 3. Спицын 1896. Табл. VII, 7; 4. Спицын 1896. Табл. XV, 5; 5. Михайлов, Соболев 2000. Рис. 2, 1; 6. Фоянков 1986; 7. Спицын 1896. Табл. VII, 2; 8. Михайлов, Соболев 2000. Рис. 2, 9; 9. Соболев, Торопов 2010. Рис. 1, 19; 10. Спицын 1896. Табл. XVI, 19; 11. Курганная группа Березицы III, курган 2 погр. 2; 12. Соболев, Торопов 2010. Рис. 1, 17; 13. Михайлов, Соболев 2000. Рис. 2, 8; 14. Спицын 1896. Табл. XVI, 2; 15. Спицын 1896. Табл. XVI, 4; 16. Спицын 1896. Табл. XVI, 1; 17. Михайлов, Соболев 2000. Рис. 2, 6; 18. Михайлов, Соболев 2000. Рис. 2, 5; 19. Соболев, Торопов 2010. Рис. 1, 2; 20. Спицын 1896. Табл. XVI, 5; 21. Бранденбург 1895. Табл. VI, 12; 22. Соболев, Торопов 2010. Рис. 1, 13; 23. Соболев, Торопов 2010. Рис. 1, 14; 24. Соболев, Торопов 2010. Рис. 1, 15; 25. Михайлов, Соболев 2000. Рис. 2, 10.

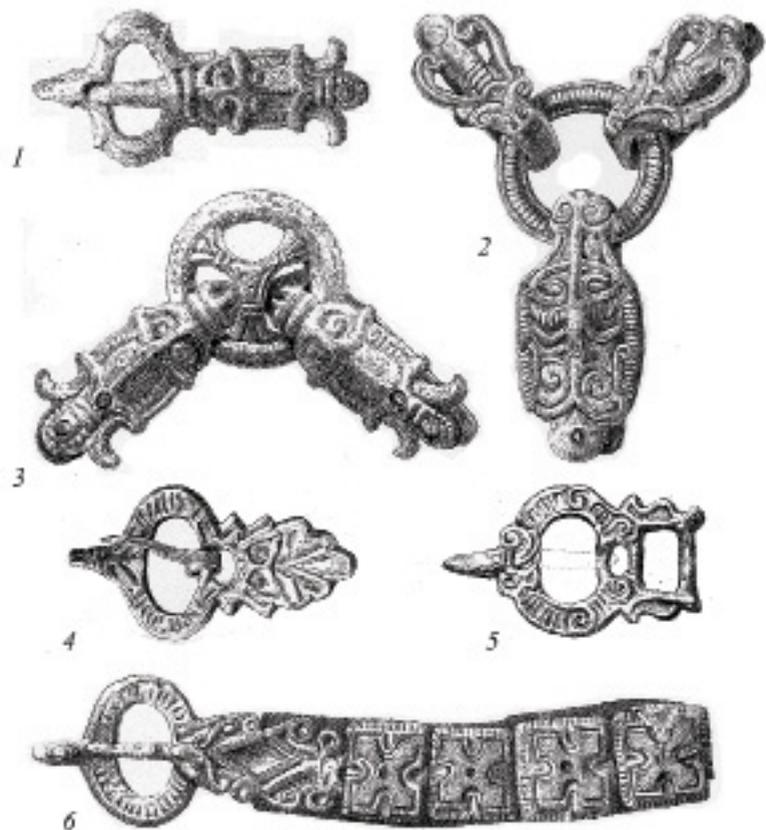

Рис. 3. Детали готландской поясной гарнитуры: 1, 4, 5 – пряжки; 2, 3 – ременные разделители; 6 – фрагмент пояса. 1–5 – бронза; 6 – бронза, кожа. Источники: 1. Спицын 1896. Табл. XIV, 23; 2. Спицын 1896. Табл. X, 3; 3. Спицын 1896. Табл. XIV, 28; 4. Спицын 1896. Табл. VII, 1; 5. Спицын 1896. Табл. VII, 9; 6. Спицын 1896. Табл. XVI, 24.

Иллюстрации к статье Н. А. Плавинского «Древнерусский комплекс вооружения в свете иконографических источников: к оценке степени информативности различных категорий иконографических памятников»

1

2

3

Рис. 1. Книжная миниатюра и каменные рельефы с изображениями святых воинов: 1 – Федор Стратилат на фронтосписе Федоровского Евангелия первой трети XIV в., 2–3 – рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, 1234 г. (1 – по: Сарабьянов, Смирнова, 2007, рис. 257; 2–3 – по: Арциховский, 1948, рис. 262–263)

Рис. 2. Изображения воинов на иконах и иконках: 1 — клейма житийной иконы «Чудо Георгия о змие», первая половина XIV в., 2 — иконка с изображением святого Дмитрия, Волковыск, XII в., 3 — иконка с изображением святого Георгия, XIII в., 4 — иконка с изображением архангела Михаила, XII в. (1 — по: Кирпичников, 1971, табл. VI; 2 — по: Высоцкая, 1984, фота 10; 3–4 — по: Николаева, 1984, табл. 16:2, 4)

Рис. 3. Воинские сцены на памятниках прикладного искусства: 1 — костяная пластина футляра или кошелька, Псков, XII в., 2 — фрагмент деревянной резной чаши, Чернигов, XII — первая половина XIII в., 3 — фрагменты деревянной резной чаши, Новгород, Троицкий раскоп, первая половина XIII в., 4 — Новгород, Неревский раскоп, первая половина XIII в., 5 — Рославль, первая половина XIII в. (1 — по: Лабутина, Кондратьева, 1975, рис. 2: а; 2 — по: Моця, Казаков, 2011, с. 149; 3–4 — по: Сорокин, Тянина, 2006, рис. 1, 3; 5 — по: Алексеев, 1980, рис. 28:1)

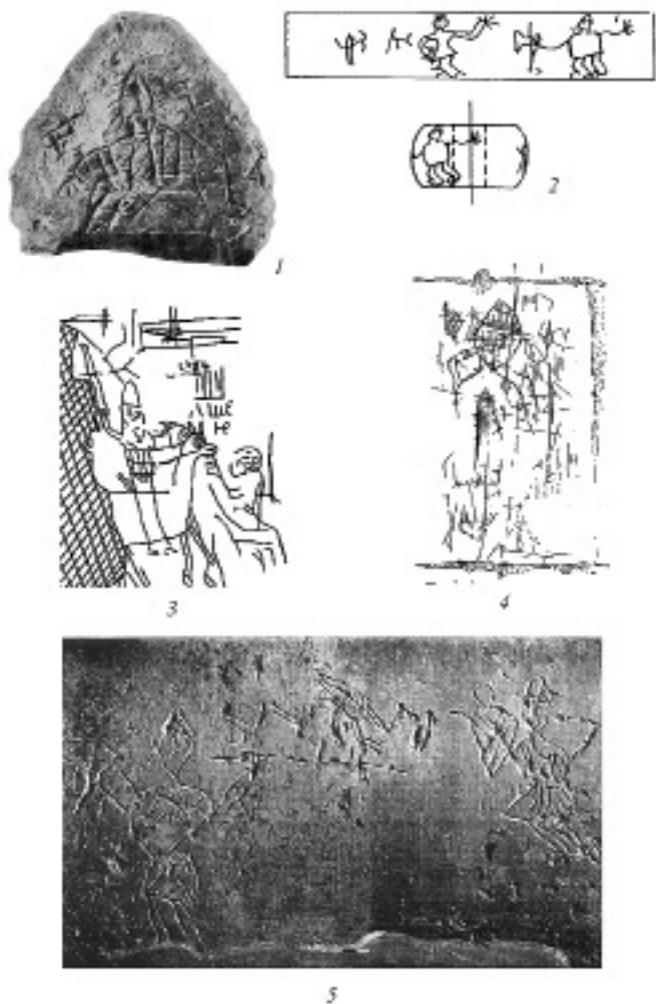

Рис. 4. Воинские граффити: 1 — Брест, XI в., 2 — Псков, XI — XII вв., 3 — Полоцк, Спасо-Преображенская церковь, после 60-х гг. XII в., 4 — Владимир-на-Клязьме, Золотые ворота, последние десятилетия XII — XIII вв., 5 — Киев, Софийский собор, XI — XIV стст. (1–2, 5 — по: Плавинский, 2013, рис. 3:1, 5; 5:1; 3 — по: Калечыц, 2013, рыс. 18; 4 — по: Вахтанов, 2011, рис. 4)

Иллюстрации к статье К. В. Шмелева «Изделия из кольчужного полотна в средневековом «гражданском» костюме. К вопросу о находке из Борницкого могильника»

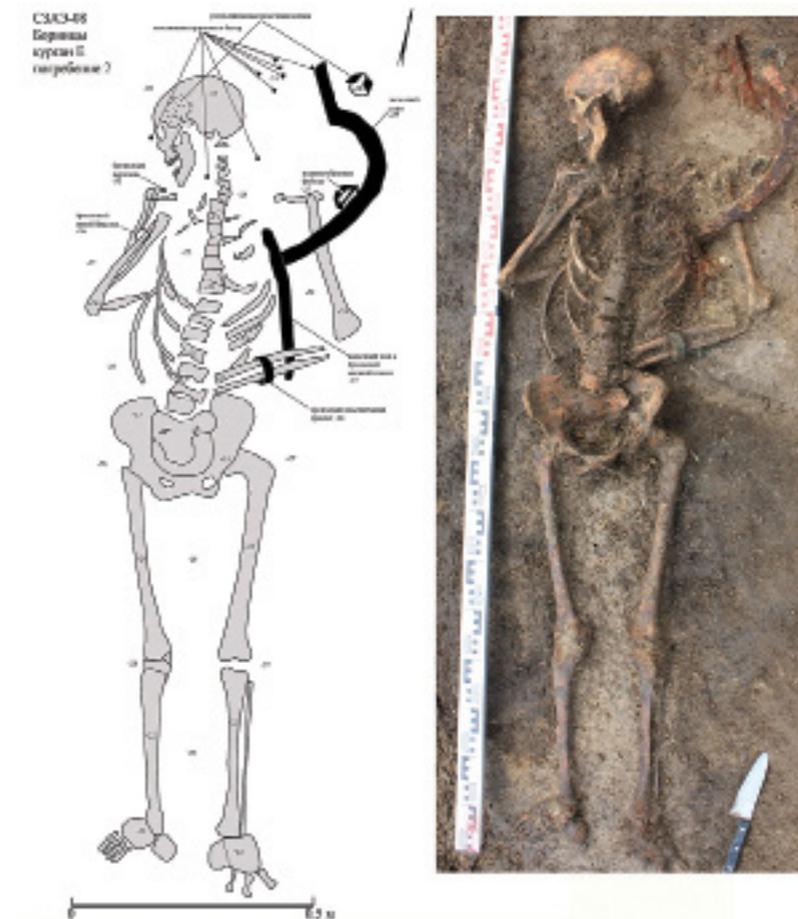

Рис. 1. Курганный могильник Борницы. Погребение 2 в кургане Е в процессе работ

Рис. 2. Нож из погребения 2 кургана Е.

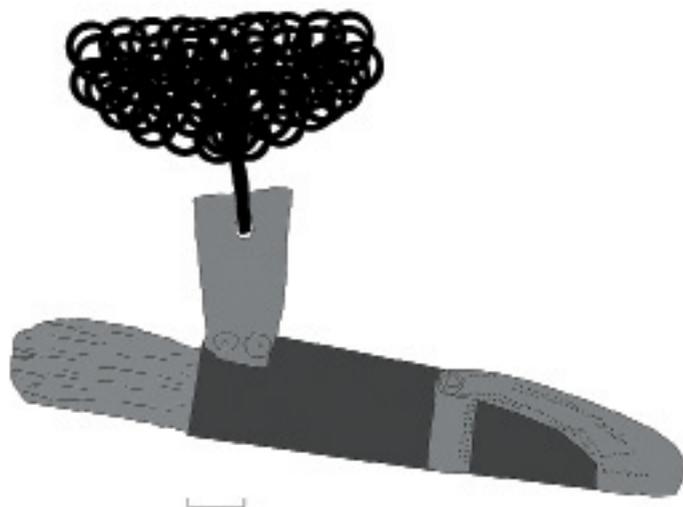

Рис. 3. Нож из погребения 2 кургана Е. Реконструкция внешнего вида. Рисунок автора

Иллюстрации к статье А. Г. Панкратова «Шлем в отечественном комплексе вооружения XIV — начала XV в.»

Приводится по Б.Р. Прайсу

Приводится по Б.А. Колчину

Рис. 1.1. Молотки из оружейных мастерских Гринвича. Brian R. Prise. *Techniques Of Medieval Armour Reproduction: The 14th Century*. London, 2008. P. 77. Ил. 6.10.

Рис. 1.2. Русские молотки. Колчин Б. А. *Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период)*. М., 1953. С. 60. Рис. 18.

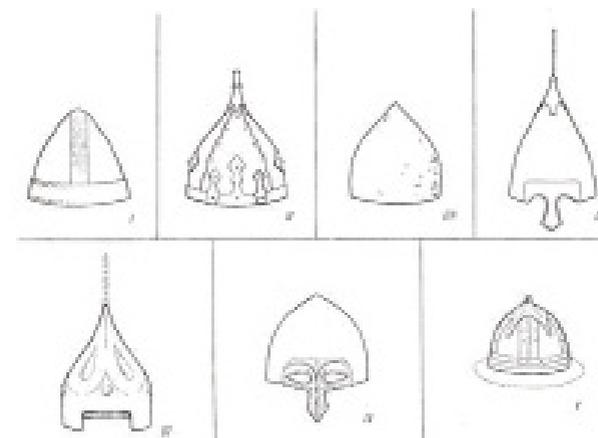

Рис. 2. Шлемы X–XIII вв. Типологическая схема А. Н. Киртичникова. Киртичников А. Н. *Археология СССР // Свод археол. источников в 3-х т. Вып. 3. Е1–36. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв.* Л., 1971. С. 24. Рис. 8.

Рисунок 3.1. Низкий четырехчастный «сфероконический» шлем из Убинского могильника. Схатум Р. Б. Шлемы из Убинского могильника // *Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005. С. 342. Рис. 2.*

Рисунок 3.2. Низкий трехчастный «сфероконический» шлем из половецкого захоронения возле с. Таборовка. Горелик М. В., Дорофеев В. В. Погребение золотоордынского времени у села Таборовка // *Проблемы военной истории народов Востока. Вып. 2. М., 1990. С. 130. Рис. 2.*

Рисунок 3.3. Двухчастный, склепанный по горизонтали шлем. Случайная находка в Краснодарском крае. Барышев А. В., Коровкин Д. С. Эволюция шлемов с подглазными выкружками на территории восточно-европейских степей в XIII — начале XV вв.». Из иллюстраций, предоставленных автором. Рис. 3.4. (Фото А. В. Барышева).

Рисунок 3.4. Одношовный, низкий «сфероконический» шлем из экспозиции ВИМАИВиВС. Панкратов А. Г. Шлем из коллекции военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи: к вопросу о конструктивных особенностях и технологии изготовления // *Дизайн. Материалы. Технология. 2014. №2. С. 13. Рис. 5.*

Рисунок 3.5. «Сфероконический» четырехчастный шлем из коллекции ГИМ, найденный возле с. Пролетарское. Реконструкция автора статьи. Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // *Воин. 2009. №18. С. 25. Рис. 13.*

Рисунок 3.6. Высокий трехчастный шлем с гранями и ключевидным наносьем из остатков древнерусского жилища на территории древнерусского г. Дорогобуж. К. А. Жуков. Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв., Тула, 2005. С. 216–235. Рис. 2.

Рисунок 3.7. Двухчастный высокий «сфероконический» шлем из курганного захоронения возле местечка Таганча с ключевидным наносником. Государственный археологический музей Варшавы. Фотография автора.

Рисунок 3.8. Двухчастный высокий «сфероконический» шлем с вырезом для лица из кочевнического захоронения возле с. Куйбышево. Кравченко Э. Е. Погребение знатного воина на реке Калке // *Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. С. 126. Рис. 2.2.*

Рисунок 3.9. Высокий «сфероконический» шлем XIV — XV вв., найденный в Луцке с сильно выкованной лобной частью, прямым венцом и гранями. Бохан Ю. Н. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Минск, 2008. С. 56. Рис. 3.

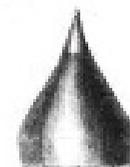

Рисунок 3.10. Высокий «сфероконический» шлем с проработанной тульей с сильно выкованной лобной частью и горизонтальной гранью, использовавшийся на Руси в позднем средневековье. Из утраченного собрания оружия Кирилло-Белозерского монастыря. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVII веках // *Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 77. С.150. Рис. 8. Наверху слева.*

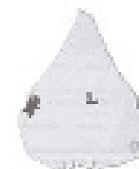

Рисунок 3.11. Высокий «сфероконический» шлем с сильно выкованной лобной частью без горизонтального ребра из запасников ГИМ. Жуков Клим Александрович. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. // *Воин. 2009. №18. С. 25. Рис. 15.*

Рисунок 4.1. «Цилиндроконический» шлем с гранями и каплевидными «ложками» из захоронения кочевника возле с. Ковали. Кирпичников А. Н. Археология СССР // *Свод археол. источников в 3-х т. Вып. 3. Е1–36. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. Л., 1971. Табл. XIV. Рис. 1.*

Рисунок 4.2. Цилиндроконический шлем с гранями и каплевидными «ложками» из захоронения кочевника возле с. Липовец. Кирпичников А. Н. Археология СССР // *Свод археол. источников в 3-х т. Вып. 3. Е1–36. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств 10–13 вв. Л., 1971. Табл. XIV. Рис. 2.*

Рисунок 4.3. «Цилиндроконический» шлем с гранями и умбоновидными выступами, найденный в Прикубанье. Находится в частной коллекции в г. Оффенбах. Фото с аукциона «Герман Хисторика» за 2006 г. Опубликовано: Горелик М. В. *Степи Европы в эпоху средневековья* // Собр. соч. в 15-ти т. Донецк, 2010. Т. 8. Золотоордынское время. Сб. научных работ./ Шлемы Золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. С. 263. Рис. 5.4

Рисунок 4.4. Высокий «цилиндроконический» шлем с гранями, найденный рядом с р. Прегола. Жуков К. А. *Русские сфероконические шлемы развитого средневековья* // Воин. 2009. № 18. С. 25. Рис. 16.

Рисунок 4.5. «Цилиндроконический» шлем с 10 гранями, найденный на дне реки около г. Мстиславль. Бохан Ю. Н. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // *Военная археология: сборник материалов семинара при ГИМ. Вып. 1. М., 2008. С. 129. Рис. 1 № 2.*

Рисунок 4.6. «Цилиндроконический» шлем с 12-ю вертикальными гранями, найденный на дне реки около г. Мстиславль. Бохан Ю. Н. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // *Военная археология: сборник материалов семинара при ГИМ. Вып. 1. М., 2008. С. 130. Рис. 3.*

Рисунок 4.7. «Цилиндроконический» шлем из местечка Мельно с выраженной горизонтальной гранью. Marian Glosek, Andrzej Nowakowski. *Arms and armour in the medieval teutonic order's state in Prussia*. S. 129. Fig. 6.

Рисунок 4.8. Ярко выраженное «цилиндроконическое» боевое наголовье с ребрами на куполе, склепанное из двух частей по горизонтали, найденное в Ростовской обл. Жуков К. А. *К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 230. Рис. 3.1.*

Рисунок 4.9. «Цилиндроконический» позолоченный шлем с вырезом для лица, случайно найденный под г. Торжок. Жуков К. А. *К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 230. Рис. 3–3.*

Рисунок 4.10. «Цилиндроконический» шлем с обратным изгибом подвершия и вырезом для лица. г. Городец-на-Волге. Фото предоставлено Д. С. Коровкиным.

Рисунок 4.11. «Цилиндроконический» шлем с обратным изгибом подвершия и вырезом для лица, выставившийся на аукционе «Hermann Historica». Wojciech Wasiaak, Katarzyna Badowska, Piotr Łuczak. *Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia helmu typu pekilhube z kościoła w Strzelnikach koło Brzegu* // *Broń i wojna w dziejach człowieka. Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2009. S. 128. Ris. 7.*

Рисунок 4.12. «Цилиндроконический» шлем с горизонтальной гранью и вырезом для лица, хранящийся в музее г. Торунь. Andrzej Nadolski. *Grunwald 1410. Historyczne bitwy. Warszawa, 1999. S. 67. Рисунок внизу.*

Рисунок 5.1. «Сфероконические» шлемы на воинах с древнерусской миниатюры Сильвестровского списка «Сказания о святых Борисе и Глебе», конец XIV в. [Электронный ресурс] // Режим доступна: <http://photo.qip.ru/users/anton-brand/541768/10974853/> (дата обращения: 10.2.2016 г.).

Рисунок 5.2. Сфероконические шлемы на воинах с древнерусской миниатюры Сильвестровского списка «Сказания о святых Борисе и Глебе» конец XIV в. [Электронный ресурс] // Режим доступна: <http://tsar.cerkov.ru/zhivoj-kalendar/boris-i-gleb/> (дата обращения: 10.2.2016 г.).

Рисунок 5.3. Боевые наголовья с обратным изгибом подвешия на миниатюрах Лицевого свода 16 века. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.findphotos.ru/photo/265507> (дата обращения: 10.2.2016 г.).

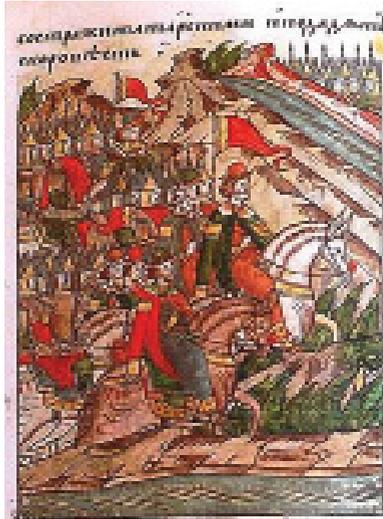

Рисунок 5.4. Боевые наголовья с обратным изгибом подвешия на миниатюрах Лицевого свода 16 века. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://photoshare.ru/photo7030872.html> (дата обращения: 10.2.2016 г.).

Рисунок 6.1. Восстановленный реставратором О. В. Степановым куполовидный трехчастный шлем с полумаской, найденный в Городце-на-Волге. Негин А. Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород, 2013. С. 21. Рис. 12.

Рисунок 6.2. Куполовидный трехчастный шлем с полумаской. Случайная находка возле с. Никольское. Государственный Эрмитаж. Фотография К. А. Жукова.

Рисунок 6.3. Четырехчастный куполовидный шлем с вырезами для глаз. Фотография с выставки «Сокровища Кубани», 2003 г. Публикация: Нарожный Е. И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология: сборник материалов семинара при ГИМ. Вып. 1. М., 2008. С. 53. Рис. 3.

Рисунок 6.4. Четырехчастный куполовидный шлем, предположительно без защиты лица. Находка в Прикубанье. Опубликован: Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья // Собр. соч. в 15-ти т. Донецк, 2010. Т. 8. Золотоордынское время. Сб. научных работ / Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. С. 265. Рис. 7.1. Фотография Hermann Historica, аукцион 49, 19. Октябрь 2005 г.

Рисунок 6.5. Куполовидный шлем с наносником, найденный в захоронении половецкого хана (кон. XIII — нач. XIV в.). Жуков К. А. Размышления о истории куполовидных шлемов с полумасками на Руси. Часть 2. Рис. 2–6. Шлем из Чингульского кургана. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://mreen.org/OZRclub/razmyshleniya-o-istorii-kupolovidnyh-shlemov-s-polumaskami-na-rusi-chast-2.html>. (дата обращения: 10.2.2016 г.).

Рисунок 6.6. Куполовидный шлем, выполненный из одной части металла. XIV в. Горелик М. В. Степи Европы в эпоху средневековья // Собр. соч. в 15-ти т. Донецк, 2010. Т. 8. Золотоордынское время. Сб. научных работ / Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. С. 265. Рис. 7. 2

Рисунок 6.7. Куполовидный шлем, выполненный из одной части металла. XIV в. Горелик, Михаил Владимирович. Степи Европы в эпоху средневековья // Собр. соч. в 15-ти т. Донецк, 2010. Т. 8. Золотоордынское время. Сб. научных работ / Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. С. 265. Рис. 7. 3.

Рисунок 6.8. Куполовидный шлем, выполненный из одной части металла изготовленный на Руси в позднем средневековье. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVII веках // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 77. С. 150. Рис. 9. Внизу слева.

Рисунок 7. Высокохудожественный образец древнерусского цилиндрикоконического шлема с полями (XIV в.). Комаров И. А. Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания российских императоров СПб., 2002. С. 41.

Иллюстрации к статье Т. Грабарчика «Шлемы наемников в польском войске второй половине XV в.»

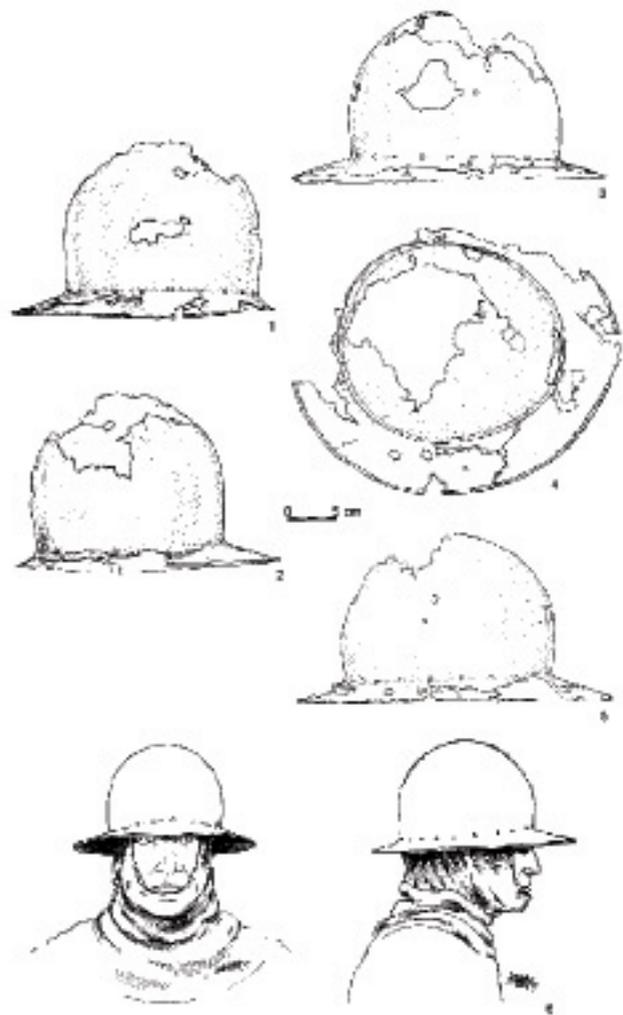

Рис. 1. Капалин. Вторая половина XV в. (Влоцлавек, воеводство Куявско-Поморское). Рисунок В. Васяка

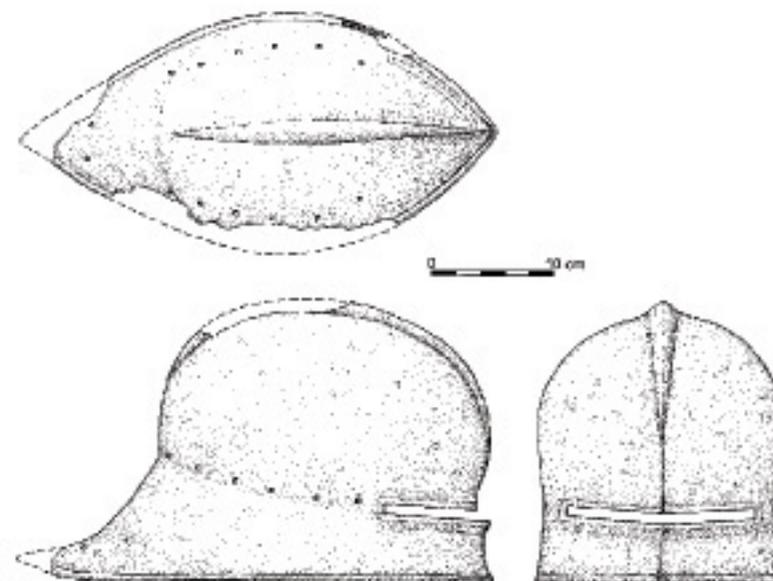

Рис. 2. Салад. Последняя четверть XV в. (Джонов, воеводство Любуицкое)

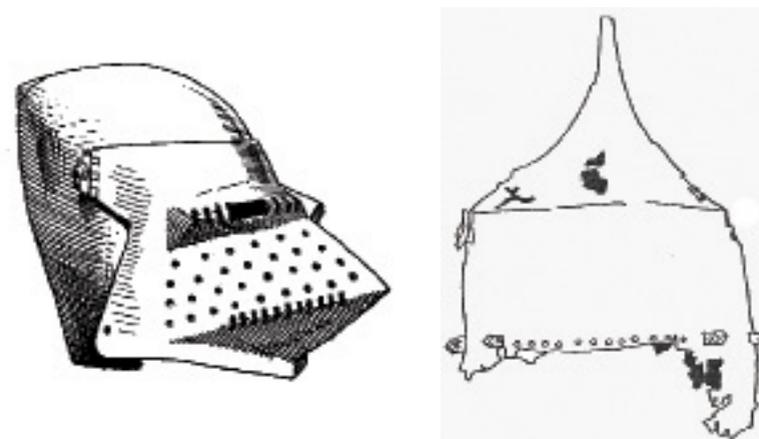

Рис. 3. Пишлбиза. XV в. (Германия)

Рис. 4. Пекильхубе. Вторая половина XIV в. (Торунь, воеводство Куявско-Поморское). Рисунок В. Васяка

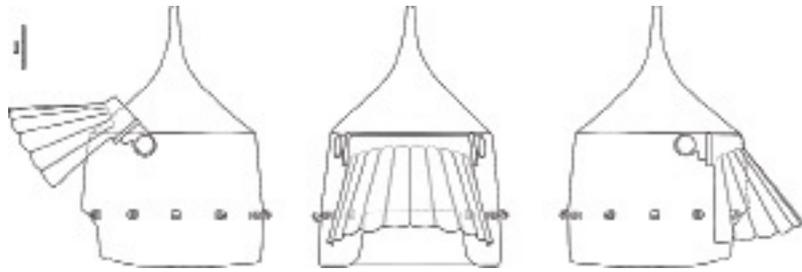

Рис. 5. Пекильхубе. Реконструкция В. Васяка

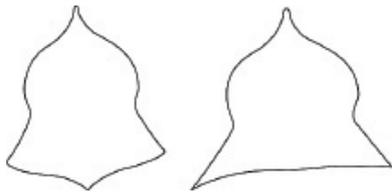

Рис. 6. Капалин. XIV–XV вв. (Ольштынек, воеводство Варминьско-Мазурское).
Рисунок В. Васяка

Рис. 7. Салад. Ок. 1470 г. (Франция, из собрания Художественно-исторического музея в Вене). Рисунок В. Васяка

Иллюстрации к статье С. В. Ефимова
«Доспехи немецких мастеров XVI века
в собрании Военно-исторического музея артиллерии,
инженерных войск и войск связи»

Рис. 1. Изготовление доспехов. Рисунок 1425–1436 гг. из «Книги ремесел»
г. Нюрнберга

Рис. 2. Мастер Коломан Хельмимидт с супругой Агнессой Брей. 1500–1505 гг.

Рис. 3. Медаль с изображением Де-зидериуса Хельмимидта и его герба. 1555 г. (avers)

Рис. 4. Медаль с изображением Де-зидериуса Хельмимидта и его герба. 1555 г. (реверс)

Рис. 5. Бургиньот телохранителей императора Карла V. Аугсбург. Около 1530 г. ВИМАИВиВС. Инв. №0137/274

Рис. 6. Клеймо мастера Хельмимидта (турнирный шлем со звездой) на козырьке шлема. Рядом клеймо города Аугсбурга

Рис. 7. Изображение Антона Пеффенгаузера и его детей на эпитафии из фамильного погребения в Аугсбурге. Фрагмент. Начало XVII в.

Рис. 8. Шлем турнирный. Германия. Аугсбург. 1590 г. Мастер Антон Пеффенгаузер. ВИМАИВиВС. Инв. № 0137/2

Рис. 9. Клеймо г. Аугсбурга на шлеме

Рис. 10. Нагрудная часть кирасы. Германия. Аугсбург. 1590 г. Мастер Антон Пейффенгаузер. ВИМАИВиВС. Инв. № 0137/93

Рис. 11. Один из двенадцати полудоспехов, изготовленных в подарок саксонскому курфюрсту Кристиану I. 1590 г. Государственный Эрмитаж

Рис. 12. Доспехи бранденбургского курфюрста Иоахима I Нестора или Иоахима II Гектора. Германия. Нюрнберг. 1525–1564 гг. Инв. № 0137/75

Рис. 13. Изображение подвигов Самсона на нагрудной части кирасы

Рис. 14. Клеймо мастера Валентина Зибенбюргера и клеймо города Нюрнберга на кирасе

Рис. 15. Пейтраль конского доспеха с изображением Адама и Евы

Рис. 17. Клеймо мастера Кунца Лохнера

Рис. 16. Клеймо мастера Кунца Лохнера (слева) и клеймо г. Нюрнберга

Рис. 18. Тяжелые конские доспехи, изготовленные в 1552 г. мастером Кунцем Лохнером для саксен-готского герцога Иоганна-Фридриха II и его брата саксен-веймарского герцога Иоганна-Вильгельма. Сборная композиция. ВИМАИВиВС. Инв. № 0137/278

Иллюстрации к статье Б. В. Мегорского «Вооружение и снаряжение русской пехоты в 1704 г. О реконструкции комплекса по документальным источникам»

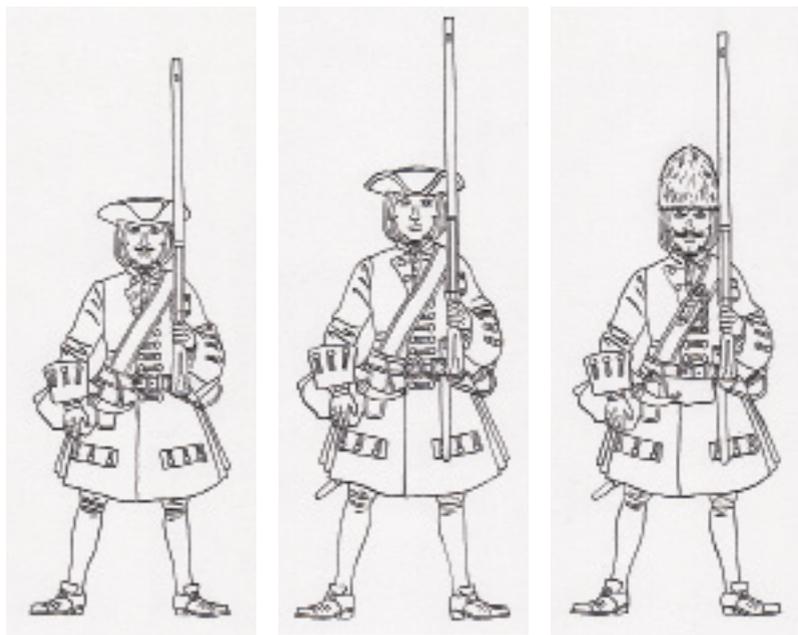

Рис. 1. Комплекс обмундирования, вооружения и снаряжения фузелера солдатского полка, 1704 г. Вариант 1. Фузеля, багинет, патронная сума с перевязью, багинетный пояс. Рисунок М. Борисова по реконструкции автора

Рис. 2. Комплекс обмундирования, вооружения и снаряжения фузелера солдатского полка, 1704 г. Вариант 2. Фузеля, шпага, штык, патронная сума с перевязью, португя. Рисунок М. Борисова по реконструкции автора

Рис. 3. Комплекс обмундирования, вооружения и снаряжения гренadera солдатского полка, 1704 г. Фузеля, шпага, штык, гранатная сума с перевязью и фитильной трубкой, лядунка, португя. Рисунок М. Борисова по реконструкции автора

Иллюстрации к статье Т. Н. Ильиной «Полковые знаки — принадлежность военной формы одежды»

Проектные рисунки полкового знака лейб-гвардии Московского полка, 1909–1910 гг.

Проектные рисунки полкового знака — участники первого тура конкурса

Рис. 1. Проект «№ 234–69». Автор поручик Зборамирский

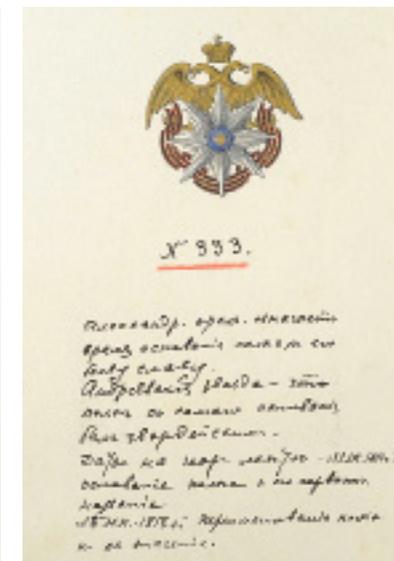

Рис. 2. Проект «333». Автор поручик Зборамирский

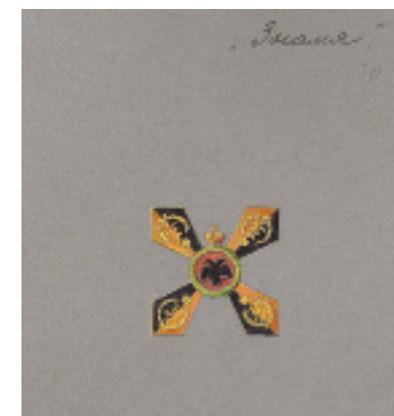

Рис. 3. Проект «Знамя». Тщательно прорисован для участия в пятом туре конкурса

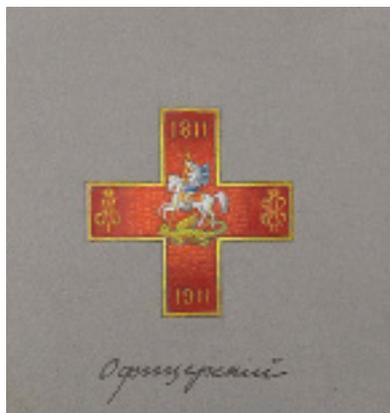
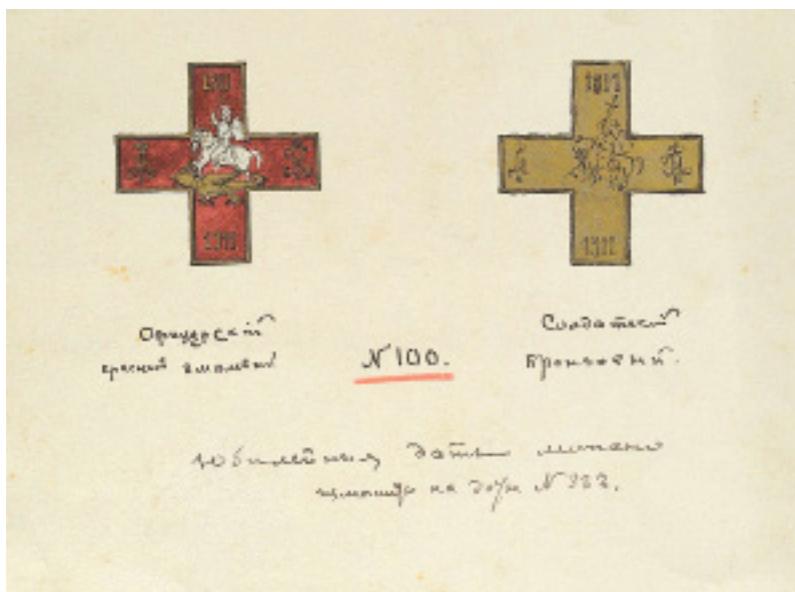

Рис. 4а и 4б. Проект «№ 100». Знаки офицерский и солдатский. Рисунки выполнены для участия в пятом туре конкурса

Второй и третий туры конкурса

Рис. 5. Проект «Комбинация» — победитель второго тура конкурса

Рис. 6. Проект «Слава, № 2» — победитель третьего тура конкурса

Рис. 7. Проект «Родной» — победитель третьего тура конкурса

Проекты знака — победители четвертого тура конкурса

Рис. 8. Проект «Удача»

Рис. 9. Проект «Кстати»

Рис. 10. Проект «Лучшее — враг хорошего» — абсолютный победитель четвертого этапа конкурса

Рисунки полкового знака — участники пятого тура конкурса

Рис. 11. Проект «Идейный. Вариант 1»

Рис. 13. Проект «Exelsior»

Рис. 12. Проект «Идейный. Вариант 2»

Рис. 14. Проект «Semper»

Рис. 15. Проект «Святой Егорий»

Победитель пятого тура и всего конкурса

Рис. 16. Проект «Лучшее — враг хорошего. Вариант №2»

Рис. 17. Улучшенный вариант рисунка-победителя конкурса

Рис. 18. Проект полкового знака лейб-гвардии Московского полка. Рисунок выполнен профессором живописи Н. С. Саломкишем. Тушь, картон. 34x27 см

Рис. 19. Знак нагрудный лейб-гвардии Московского полка. Офицерский. Фабрика «Эдуард»

**Иллюстрации к статье Е. И. Юркевича
«Обмундирование русской армии в царствование
императора Павла I (1796–1801 гг.): анализ и оценки»**

Рис. 1. Прусские гренадеры (1745 г.). Richard Knötel. Uniformkunde: Lose Blätter zur Entwicklung der militärischen Tracht. Rathenow, 1890

Рис. 2. Чины прусского пехотного полка фон Шверина (1757 г.). Richard Knötel. Uniformkunde: Lose Blätter zur Entwicklung der militärischen Tracht. Rathenow, 1890

Рис. 3. Генерал и гренадер Павловского гренадерского полка (1797–1801 гг.). Историческое описание одежды и вооружения Российских войск

Рис. 4. Рядовой и офицер Владимирского драгунского полка (1797–1801 гг.). Историческое описание одежды и вооружения Российских войск

Рис. 5. Бомбардир и фейерверкер пешей артиллерии (1796–1801 гг.). Историческое описание одежды и вооружения Российских войск

Рис. 6. Генерал-адъютант и флигель-адъютант по инфантерии (1796–1801 гг.). Историческое описание одежды и вооружения Российских войск

Рис. 7. Штаб-офицеры полков лейб-гвардии Измайловского, Семеновского (1800–1801 гг.) и Преображенского (1800 г.). Историческое описание одежды и вооружения Российских войск

Иллюстрации к статье Г. Н. Соколова «К истории шанцевого инструмента: малая пехотная лопата»

Рис. 1. Малая пехотная лопата, состоявшая на вооружении Российской армии к началу I Мировой войны. Из коллекции автора

Рис. 2. Малая пехотная лопата, поступившая на вооружении Российской армии во время I Мировой войны. Из коллекции автора

Рис. 3. Малая пехотная лопата упрощенного типа, состоявшая на вооружении Советской армии. Из коллекции автора

Рис. 4. Малая пехотная лопата, изготовленная на заводе «Шодуар» (г. Екатеринбург) в 1915 г. Из коллекции автора

Рис. 5. Складная пехотная лопата, состоявшая на вооружении германской армии к началу II Мировой войны. Из коллекции автора

Рис. 6. Малая пехотная лопата японской императорской армии. Из коллекции автора

Рис. 7. Складная пехотная лопата, используемая армиями государств НАТО. Из коллекции автора

**Иллюстрации к статье Д. А. Клочкова
«Зимние головные уборы Российской императорской армии
в Первую мировую войну. 1914–1917 гг.»**

Рис. 1. Папаха обр. 1910 года, модификация военного времени. Вид спереди.

Рис. 2. Папаха обр. 1910 года, модификация военного времени. Вид спереди в растянутом состоянии. ГМЗ «Царское Село»

Рис. 3. Папаха обр. 1910 года, модификация военного времени. Вид спереди в растянутом состоянии. ГМЗ «Царское Село»

Рис. 4. Папаха обр. 1910 года, модификация военного времени. Вид сбоку. ГМЗ «Царское Село»

Рис. 5. Папаха обр. 1910 года, модификация военного времени. Вид сверху. ГМЗ «Царское Село»

Рис. 6. Папаха обр. 1910 года, модификация военного времени. Вид снизу. ГМЗ «Царское Село»

Рис. 7. Николай II награждает нижних чинов конных полков кавказских казацких войск георгиевскими крестами. Ставка в Могилеве. Январь — февраль 1916 г. Справа — строй награждаемых казаков в папахх мирного времени из черного меха и с галунами по верху, черкески как мирного, так и военного времени. Слева от императора — командир Собственного его императорского величества конвоя генерал-майор Свиты его императорского величества граф А. Н. Граббе с офицером. Они продолжают носить черкески синего цвета, полагавшиеся для «обыкновенной» формы и папахи образца 1898 г. РГАКФД (г. Красногорск)

Рис. 8. Знаменная рота лейб-гвардии Литовского полка. Высочайший смотр в Волочиске. 20.12.1915 г. Все нижние чины носят папахи образца 1910 г. Со знаменем полка — подпрапорщик в должности фельдфебеля, шевроны за сверхсрочную службу во избежание демаскировки не нашиты. У всех чинов — шинели образца 1912 г. с цветными погонами и клапанами на воротнике. РГАКФД (г. Красногорск)

Рис. 9. Смотр маршевых рот запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка перед отправкой на фронт. Петроград. 23.09.1916 г. Запасники экипированы походным снаряжением. Строй обходит командующий войска гвардии великий князь Павел Александрович (крайний справа в группе офицеров), 2-й справа — князь В. П. Палей, крайний слева — командир батальона. Данное фото послужило образцом для известной картины Петрова-Водкина. Фотограф В. Булла. РГАКФД (г. Красногорск)

Рис. 10. Георгиевские кавалеры Западного фронта: 1. Генерал Литвинов; 2. Генерал Байов. Черный Остров. 28.11.1915. Фото хорошо иллюстрирует различия в крое и манере ношения папах у высших чинов. РГАКФД (г. Красногорск)

Рис. 11. Бомбомет, ящик с бомбами, цилиндр с шашками дымовой завесы полковника Санникова. Полковник носит папаху мирного времени, на которой хорошо заметны отличительные галуны. Около 1916 г.

Рис. 12. Николай II делает смотр казачьей части. 1916 г. Судя по всему, казаки относятся к войску, расположенному в азиатской части России. Хорошо заметны различия в цвете меха — от белого до практически черного. РГАКФД (г. Красногорск)

Рис. 13. Представление императору Николаю II знамени бельгийского броневластного отряда (?). Бельгийцы носят папахи из произвольного меха, шинели без погон (их не было в бельгийской армии), вооружены русскими кинжалами-бебутами, обуты в валенки, обшитые кожей. Царское Село. 1916 г. РГАКФД (г. Красногорск)

Рис. 14. Полковник Г. С. Габаев, командир 1 батальона лейб-гвардии Саперного полка и корпусной инженер 1-го гвардейского корпуса. Цифрами на фотографии с авторской подписью обозначены: 1. Почетный знак [Императорского русского] воен [но] -историч [еского] общ [ества], 1913. 2. [Орден Св.] Влад [имира] IV ст. за бои под Люблином в авг. 1914. 3. [Орден Св.] Вл [адимира] III ст. за бои у Райместа 15–17.07.1916. 4. Герб киверный надет на папaxe к смотру 13.12.1915, когда [л.-гв.] Саперн [ый батальон] развернут в полк. 5. В полковники произведен 6.12.1916. Не ранее 23 ноября 1916 г. Отдел рукописей РНБ

Рис. 15. Николай II делает смотр чинам пулеметно-автомобильной части. Все чины, включая офицеров, носят ушанки, обшитые мехом. Видно, что офицеры вооружены кортиками, а нижние чины — бедурами, так как в тесном пространстве внутри броневедомобиля более длинное оружие было очень неудобным. Слева от императора — группа офицеров и генералов в папaxах мирного времени, на верху которых различимы галуны. Царское Село. 1916 г. РГАКФД (г. Красногорск)

Рис. 16. Шапка-ушанка автомобильных частей. 1916. Вид спереди. Из частной коллекции

Рис. 17. Шапка-ушанка автомобильных частей. 1916. Вид сбоку. Из частной коллекции

Рис. 18. Шапка-ушанка автомобильных частей. 1916. В разложенном состоянии. Из частной коллекции

Рис. 19. Прапорщик лейб-гвардии 4-го Стрелкового императорской фамилии полка барон Р. Сталь фон Гольштейн. 1916. Шапка, в отличие от установленного образца, обшита бобровым мехом и могла носиться как в тылу, так и на фронте, судя по фотографиям. Из семейного архива барона Томаса Сталь фон Гольштейн

Рис. 20. Николай II вручает награды чинам гвардейского полка. 17.12.1914 г. Новоминск. По-видимому, перед нами Л.-гв. 4-й Стрелковый Императорской Фамилии полк, судя по темно-зеленым клпанам шинели и неуставным меховым шапкам с четырехугольным верхом, в которые одеты офицеры и некоторые нижние чины. Шапки у офицеров сделаны с вырезами, позволявшими открывать заднюю часть тульи, закрывая уши, мех — произвольного цвета. У нижних чинов кокарды на черном барашковом околыше шапок, ружейные ремни — гвардейские, довоенного типа, из красной юфти. РГАКФД (Красногорск)

Рис. 21. Николай II вручает награды гвардейской (?) пехотной части. Новоминск. 17.12.1914. В начальный период войны снабжение зимними головными уборами еще не было должным образом налажено, в связи с чем могли носиться как фуражки с башлыками, так и шапки-ушанки, обшитые произвольным мехом. РГАКФД (Красногорск)

Рис. 22. Шапка разведчика, проект. 1913. Проект проходил войсковые испытания в различных подразделениях, мог применяться в период Первой мировой войны. ВИМАИВиВС

Рис. 23. Шапка разведчика, проект. 1913. Вид сбоку. ВИМАИВиВС

Рис. 24. Шапка разведчика, проект. 1913. Вид в раскрытом состоянии. ВИМАИВиВС

**Иллюстрации к статье Д. Ю. Алексева
«Кто подавил Лужское восстание 21 мая 1918 г?
Штрихи к униформе Особого отряда С. Н. Балаховича»**

Рис. 1. Высшие офицеры Отдельного корпуса Северной армии в апреле 1919 г. в Нарве. Второй слева — ротмистр Ю. Н. Булак-Балахович, второй справа — подполковник С. Н. Булак-Балахович.

Рис. 2. Генерал-майор С. Н. Булак-Балахович. Осень 1919 г. Источник: Reigo Rosenthal. Looeartmee [Северо-Западная Армия]. Tallinn: Argo, 2006.

Иллюстрации к статье А. С. Кручинина «Парадно-домашняя» форма «московской гвардии» (из униформологической истории сумских гусар)»

Все рисунки публикуются впервые

Рис. 1. Полковник Н. А. Никольский в эмиграции, 1920–1930-е гг.

Рис. 2. Офицеры 1-го гусарского Сумского полка в домашней обстановке. «Подарок Сумским Гусарам от однобригадника, 1 Донс [кого] полка есаула Белоусова», 1950. Автор рисунка или что-то слышал про «домашний» вариант сумского доломана, или просто не очень вникал в покрой этого предмета обмундирования, поскольку у офицера, стоящего анфас, доломан как раз «с обрезанным внутренним бортом», но надетый чуть ли не на нижнюю рубашку.

Рис. 3. Поручик Сумского полка в зимней форме вне службы, 1912–1914 гг. Рисунок Н. А. Никольского, сделанный в эмиграции. Следует отметить цепочку от часов, выпущенную на левой стороне груди по второму шнуру, и крахмальные манжеты с запонками, которые при «строевом» доломане не были бы видны.

Рис. 4. Офицерская гусарская шапка и доломан (с полковым знаком и ленточками орденов Святого Владимира, Святой Анны и Святого Станислава) ротмистра 1-го гусарского Сумского полка, переданные в 1969 г. на вечное хранение в Королевский военный музей в Лондоне офицерами полка В. С. Литтауэром и К. В. Соколовым. Качество цветопередачи на старой фотографии оставляет желать лучшего, но можно предположить, что шлык на шапке (далеко не алый) и цвет доломана (скорее серо-голубой) носят следы выцветания, на которое жаловались в своих воспоминаниях офицеры-сумцы.

Рис. 5. Корнет (впоследствии полковник) К. В. Соколов (Соколов 2-й) на коне Тумаке. Москва, 1913. Светло-голубой доломан, в котором офицер взял приз на скачках Общества любителей верховой езды, выглядит на старой фотографии практически белым.

Рис. 6. Реконструкция внешнего вида офицера Сумского полка в «домашней» форме. Рисунок А. А. Петрова, 2016.

Рис. 7. Сумской гусар в ментике, якобы пожалованном полку за отличия в кампанию 1914 г. Рисунок Н. А. Никольского, середина 1920-х гг.

**Иллюстрации к статье Е. В. Яковкина
«Униформа русских эмигрантских формирований
в Китае (1923–1947 гг.)»**

Рис. 1. Группа русских офицеров армии Чжан Цзучана. В первом ряду в центре — генерал К. П. Нечаев. Заметны характерные контрпогоны и цветные петлицы. Из коллекции М. Блинова

Рис. 2. Генерал-майор Г. К. Сидамонидзе. Четко видны контрпогоны генерал-майора китайской армии. На кителе со стоячим воротником присутствуют как русские, так и китайские награды. Из коллекции М. Блинова

Рис. 3. Построение русских чинов китайской армии. Фото 1924–1928 гг. Из частной коллекции

Рис. 4. Шанхайский русский полк. Фото 1930-х гг. Офицеры и солдаты носят британскую униформу. У части офицеров — награды Русской императорской армии. Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско

Рис. 5. Полковник Г. Г. Тиме. Одет в форму Шанхайского русского полка. Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско

Рис. 6. Полковник С. Д. Иванов. Одет в форму Шанхайского русского полка. Из частной коллекции

Рис. 7. Подполковник Н. Б. Коссов в мундире Маньчжоу-дого. Фото 1930-х гг. ГАХК

Рис. 8. Полковник Н. Б. Коссов в мундире Маньчжоу-дого с характерными фуражкой и погонами. Фото 1930-х гг. Из коллекции автора

Рис. 9. Подполковник Г. Наголян (Асерьянц) в мундире Маньчжоу-дого. Видны цветные петлицы на стоячем воротнике. Фото 1930-х гг. ГАХК

Рис. 10. Военнослужащие отряда «Асано». Все чины в меховых шапках, у некоторых кокарды армии Маньчжоу-дого. Фото конца 1930-х — начала 1940-х гг. ГАХК

Рис. 11. Чины Сунгарийского РВО. Все чины имеют особый знак отличия в виде ополченческого креста в белом круге, носимого на левой стороне груди. Четко видны контрпогоны. В императорской армии Японии контрпогоны к этому времени были отменены. Маньчжоу-дого. Фото 1944 г. ГААОСО

Рис. 12. Вахмистр Э. П. Берзин. Хайларский РВО. На кепи русская кокарда, на плечах — погоны русского образца. Остальное соответствует обычной униформе армии Маньчжоу-дого. Фото 1944 г. ГАХК

Рис. 13. Военнослужащий отряда «Асано» в типичной униформе армии Маньчжоу-дого. Обратите внимание на отложной воротник и кавалерийскую саблю. Фото 1943 г. ГААОСО

Рис. 14. Русские офицеры полиции Маньчжоу-дого. Особенностью формы полиции были продольные погоны и звёзды в виде стилизованных цветков орхидеи (императорского герба) на воротниках. Фотография второй половины 1930-х гг. ГААОСО

Рис. 15. Русские офицеры полиции Маньчжоу-диго. Здесь хорошо видны фуражки с большой кокардой полиции Маньчжоу-диго. Фото 1943 г. Из коллекции автора

Рис. 17. Погоны полиции Маньчжоу-диго. Из коллекции автора

Рис. 16. Фуражка полицейского Маньчжоу-диго. Из коллекции автора

Иллюстрации к статье А. Э. Семёнова «Финские лотты и их униформа»

Рис. 1а. Лотта в форме образца 1921 г. За основу была взята форма шюцкора. Реконструкция Ольги Шаповал

Рис. 1б. Лотта в гимнастическом костюме образца 1934 г. Реконструкция Ольги Шаповал

а)

Рис. 2а. Лотта в повседневном платье образца 1922 г. На левом кармане значок курсов. На воротнике брошь лотты. Реконструкция Ольги Шаповал

б)

Рис. 2б. Лотта в шинели образца 1925 г. На голове одета кепка. На ногах шерстяные носки и ботинки. На левом рукаве виден шеврон округа. Реконструкция Ольги Шаповал

а)

Рис. 3а. Лотта в повседневном платье с пристегнутыми белыми накладными батистовыми воротником и манжетами. Поверх одет белый фартук. На левом рукаве медицинская повязка. Реконструкция Ольги Шаповал

б)

Рис. 3б. Лотта в повседневном платье. Поверх одет серый фартук. На левом рукаве лента и эмблема отдела обеспечения. На голове серая косынка. Реконструкция Ольги Шаповал

в)

Рис. 3в. Лотта в рабочем фартуке (халате) для тяжелых работ. На голове серая косынка. (реконструкция с фотографии). Реконструкция Ольги Шаповал

Рис. 4. Лотта в парадном платье. Изготавливалось из серой шерсти, с белым воротником и манжетами. Надевалось с черными чулками и туфлями. Носилось с белой повязкой и белыми перчатками. Надевалось в торжественных случаях. На воротнике брошь лотты. На кепке общевоинская кокарда. Реконструкция Алексея Гусева

Рис. 5а. Лотта-наблюдатель в пальто образца 1929 г. Оно шилось из серой шерстяной водонепроницаемой ткани и использовалось для всепогодной носки. После возобновления ношения шинелей носилось параллельно с ней. Реконструкция Алексея Гусева

Рис. 5б. Лотта-наблюдатель в повседневном платье. Реконструкция Алексея Гусева

Рис. 6а. Лотта-ветеринар в комбинезоне образца 1932 г. и в серой косынке. Реконструкция Алексея Гусева

Рис. 6б. Рюкзак лотты, на внешней стороне которого крепилась бирка с именем владельца, его адресом, личным номером и названием местного отделения. Реконструкция Алексея Гусева

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Горнчаровский

Экипировка и вооружение участников
гладиаторских боев на Боспоре3

В. Ю. Соболев

Наборные пояса в Новгородской земле XI–XII вв.12

Н. А. Плавинский

Древнерусский комплекс вооружения в свете иконографических
источников: к оценке степени информативности
различных категорий иконографических памятников25

К. В. Шмелев

Изделия из кольчужного полотна
в средневековом «гражданском костюме».
К вопросу о находке из Борницкого могильника38

А. Г. Панкратов

Шлем в отечественном комплексе вооружения
XIV — начала XV в.45

Тадеуш Грабарчик

Шлемы наемников в польском войске второй половине XV в.82

С. В. Ефимов

Доспехи немецких мастеров XVI в.
в собрании Военно-исторического музея артиллерии,
инженерных войск и войск связи101

А. А. Селин, В. Д. Герасимов, К. Д. Красильщиков

Пограничные ситуации: возможные источники
для изучения истории костюма конца XVI — начала XVII вв.121

Б. В. Мегорский

Вооружение и снаряжение русской пехоты в 1704 г.
О реконструкции комплекса по документальным источникам129

К. Б. Назаренко

Костюм офицеров морского ведомства
России 30-х — начала 40-х гг. XVIII в.147

Т. Н. Ильина

Полковые знаки — принадлежность военной формы одежды.....165

Е. И. Юркевич

Обмундирование русской армии
в царствование императора Павла I
(1796–1801 гг.): анализ и оценки179

Д. А. Лобанов

Мундиры горнозаводских войск в царствование Александра I190

Г. Н. Соколов

К истории шанцевого инструмента: малая пехотная лопата194

А. А. Михайлов

Мундир воспитанников
военно-учебных заведений России
в XIX — начале XX вв.:
униформа и средство воспитания.....199

А. В. Аранович, В. А. Безродин

Обмундировальные мастерские
в России в начале XX в.225

А. В. Лысёв

Эволюция военной формы
в японскую кампанию:
в чём воевали русский матрос
и солдат под Порт-Артуром в 1904 г.234

Д. А. Клочков

Зимние головные уборы
Российской императорской армии
в Первую мировую войну. 1914–1917 гг.240

О. А. Хорошилова	
Морская женская команда (1917 г.)	250
Д. Ю. Алексеев	
Кто подавил Лужское восстание	
21 мая 1918 г.? Штрихи к униформе Особого отряда	
С. Н. Балаховича	261
А. С. Кручинин	
«Парадно-домашняя» форма «московской гвардии»	
(из униформологической истории сумских гусар)	269
Е. В. Яковкин	
Униформа русских	
эмигрантских формирований	
в Китае (1923–1947 гг.)	278
В. М. Кривчиков	
К вопросу о вещевом	
обеспечении красноармейцев в середине 1920-х годов	
на территории Беларуси	284
А. Э. Семёнов	
Финские лотты и их униформа	287
Аннотации	301
Abstracts	311
Сведения об авторах	320
Contacts of authors	325
Список сокращений	329
Иллюстрации	331

Под редакцией А. В. Арановича, Д. Ю. Алексева

Материалы
Международной военно-исторической конференции
«История военного костюма: от древнего мира до наших дней»

Подписано в печать 10.02.2016. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 25,875. Тираж 500 экз.

Изготовлено в ИПЦ СПбГУТД, СПб, ул. Моховая, 26